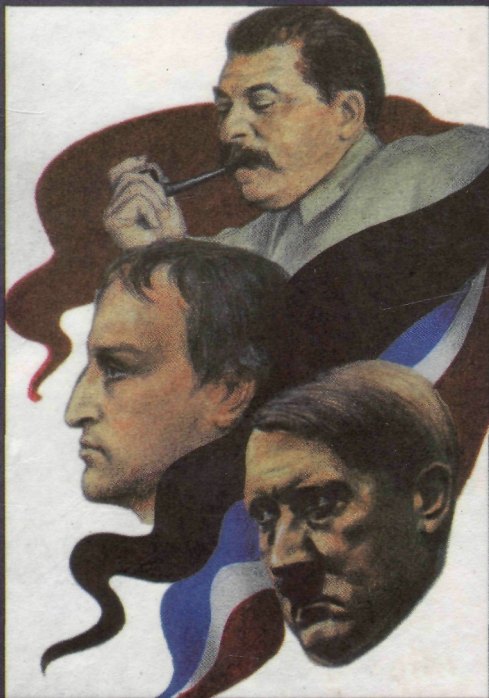

СЛЕД В **И**СТОРИИ

ДИКТАТОРЫ В ЗЕРКАЛЕ МЕДИЦИНЫ

АНТОН НОЙМАЙР

Злые демоны новой и новейшей истории: Наполеон, Гитлер, Сталин... Одно лишь упоминание этих имен вызывало и поныне вызывает боль в сердцах миллионов людей, их жизненный путь отмечен разрушением и смертью, по их приказам совершены чудовищные преступления. Почему эти люди смогли совершить взлет на невиданные высоты? Почему их правление было отмечено столь циничным насилием и неразборчивостью в средствах? Эти вопросы, триумф и падение этих людей, по-прежнему остаются в центре жарких дискуссий и по-прежнему картину истинных событий искажают и затуманивают попытки их политизированной и идеологизированной интерпретации. Поэтому до сих пор нет ответа на вопросы: кем были эти "исторические вожди" на самом деле? как сформировались их уникальные личности? что подвигло их на столь жестокие и беспощадные злодеяния? чем объясняется притягательность этих людей для масс?

Автор, профессор медицины Антон Ноймайр с глубоким знанием предмета строит убедительные психогаммы исторических личностей, исследует их в психиатрическом, историко-психиатрическом и судебно-психиатрическом аспекте и, не оглядываясь на полюбившиеся многим исторические легенды, пишет объективные и беспощадные истории болезни трех демагогов, руки которых, в буквальном смысле слова, по локти обгажены кровью невинных жертв. На основе тщательного изучения многочисленных источников автор не только сумел покончить с рядом заблуждений медицинского характера, но и убедительно показал связь между физическим и духовным состоянием своих персонажей и их политической карьерой.

Вот почему эта книга рассчитана не только на тех читателей, которые интересуются медициной и историей, но и на любого человека, не разучившегося мыслить политически и не растерявшего гражданскую совесть.

АНТОН НОЙМАЙР

**ДИКТАТОРЫ
В ЗЕРКАЛЕ МЕДИЦИНЫ**

НАПОЛЕОН
ГИТЛЕР
СТАЛИН

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1997

Об авторе

Надворный советник, университетский профессор медицины Антон Ноймайр известен во всем мире как врач-терапевт. Будучи также выпускником «Моцарт-ума» (Зальцбургской консерватории), он приобрел известность как пианист, чему способствуют его регулярные концертные выступления в Венском филармоническом обществе. Профессор Ноймайр — неутомимый лектор, докладчик и популяризатор, постоянно выступающий с докладами на собраниях различных научно-медицинских обществ и с лекциями об интерпретации историй болезни выдающихся исторических личностей.

Профессор Ноймайр известен широкой публике как автор трехтомного труда «Музыка и медицина», вышедшего в 1987—1991 гг. в издательстве Jugend & Volk и уже переизданного на английском и японском языках, а также как ведущий телепередачи «Диагноз».

Антон Ноймайр

Н52 Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон. Гитлер. Сталин. — Ростов н/Д. Изд. во «Феникс», 1997. — 480 с.

Наполеон, Гитлер, Сталин — эти люди, как никто другой сумели вписаться в ход истории нашей планеты, и даже их смерть не ослабила страстей, бушевавших вокруг их имен и интереса к ним, как к личностям. Сумев мобилизовать миллионные массы людей на достижение собственных честолюбивых целей, они напролом шли к осуществлению своих бредовых идей, не стесняясь себя в выборе средств и не гнушаясь никакими насилиями.

Увлечательные, выписанные в деталях медицинские портреты, созданные пером профессора Антона Ноймайра, вновь заставляют ожить персонажей этой книги во всех оттенках их гениальности и чудовищной извращенности, дают нам возможность на этих примерах понять взаимосвязь между физическим и душевным состоянием личности и принимаемыми ею политическими решениями.

Захватывающая, потрясающая книга, заставляющая заново пережить историю.

Н 4700000000 без объявл.
4МО(03) 97

ISBN 5-85880-443-8

ББК 63.3

- © Оформление, изд. во «Феникс», 1997
- © Художник С. Царёв, 1997
- © Pichler Verlag GmbH, Vienna
- © Anton Neumayr Diktatoren im Spiegel der Medizin

Предисловие

Данная книга представляет собой попытку проанализировать с медицинской точки зрения блестящий взлет и жалкий закат трех политических деятелей, оказавших поистине невероятное влияние на ход европейской истории двух прошедших столетий. Следы, оставленные ими в истории, видны и по сей день.

Всемирная история знает немало личностей, подобно кометам появившихся на ее небосклоне, энергия которых была подобна стихийному бедствию, а сила убеждения позволяла поставить огромные массы людей на службу собственным эгоистическим интересам. Однако именно с личностью Наполеона в историю вошел тип одержимости властью, который не имел себе равных в прошлом по степени презрения к людям в действиях и их мотивациях. Выбранные мною исторические личности были готовы без малейших колебаний принести гекатомбы человеческих жизней на алтарь своего властолюбия, жажды славы, садистской жажды мести и бредовых идей. бесстыдно прикрываясь при этом высокими национальными и идеологическими мотивами.

Страшные события, потрясавшие Европу на полях сражений на рубеже XVIII—XIX веков, в советском ГУЛАГе и в немецких концлагерях, немислимые нарушения прав человека вплоть до геноцида включительно более или менее подробно описаны в многочисленных и широко доступных биографических изданиях и исторических трудах, где они прокомментированы с позиций, представляемых авторами этих произведений. Однако лишь немногие авторы до настоящего времени задавались вопросом о том, какие

факторы способствовали развитию столь кошмарных исторических личностей, какие психологические признаки должны были превалировать, для того чтобы личность оказалась вообще способной к столь брутальному и беспощадному поведению и к тому же оказалась способной захватить власть над миллионами людей. Сегодня совершенно невозможно понять, особенно молодым людям, каким образом можно настолько попасть под власть нереальных и просто бредовых идей какого-либо индивидуума, причем настолько, чтобы, поддавшись массовой истерии, стать готовым с радостью отдать собственную жизнь за осуществление идей своего идола.

Предлагаемый вниманию читателя медицинский анализ должен поэтому содержать не только и не столько распознавание соматических заболеваний, ставшее с большой определенностью возможным на основе биографического анамнеза с учетом современных медицинских знаний, хотя в случае Наполеона такой анализ уже сделал необходимым исправление ряда медицинских ошибок. Куда более интересным представляется построение психограмм и психиатрические, историко-психиатрические и, что важнее всего, судебно-психиатрические исследования, позволяющие прежде всего в случае Гитлера и Сталина сделать их поступки и преступления доступнее для нашего понимания. Любое медицинское исследование требует беспощадной правдивости и объективности, и не исключено, что какой-нибудь шовинистически настроенный или излишне заидеологизированный читатель лишится части своих иллюзий. С другой стороны, будет совсем не плохо, если знание истинного характера идола, возведенного путем целенаправленной пропаганды на героический пьедестал, будет способствовать тому, что хотя бы некоторые навязанные и бездумно принятые представления будут добровольно

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

выброшены за борт. И, наконец, но не в последнюю очередь, хотя бы некоторым станет ясно, сколь безответственно мы поступаем, давая опутать себя искусству демагогического убалтывания, поставленному на службу бредовым идеям народных трибунов, одержимых манией власти. Для того, чтобы эта опасность наконец-таки была осознана, необходимо окончательно и бесповоротно похоронить многие существующие легенды и позволить наконец проявиться истинной реалистической картине трех героев новой и новейшей истории Европы. И здесь помощь медицины трудно переоценить.

Вот почему эта книга рассчитана не только на тех читателей, которые интересуются медициной и историей, но и на любого человека, не разучившегося мыслить политически и не растерявшего гражданскую совесть.

*Вена, январь 1995 г.
Антон Ноймайр*

Наполеон сделал в действительности только то, и время сохранит только то, что он сделал, не погрешив против справедливости, и это подтвердит природа своими законами.

Сохранится то и только то, что было в нем от действительности.

Все прочее есть дым и прах.

*Томас Карлейль.
О героях, почитании героев
и героическом в истории, 1841 г.*

Легенду о том что целью Наполеона была свобода народов и лишь враги — во главе с Великобританией — помешали ему осуществить эту цель, создал он сам уже в годы ссылки на острове Св Елены. Позднее эту легенду подхватил, развил и окрасил в романтические тона Наполеон III. Поэтому она жива и по сей день в определенных кругах и литературных произведениях. Лишь в последние десятилетия в основном во Франции начал создаваться более реалистичный и дифференцированный образ Наполеона, в котором находит свое отражение и разрушительное, и созидательное начало в его деятельности, а его роль как соавтора современной европейской истории начинает проявляться в истинном свете. Гениальным образом объединив в себе как идеи Просвещения и Великой французской революции, так и волю к абсолютной власти, он во многом предопределил дух и ход XIX столетия. Безграничная жажда власти Наполеона разрушила «старый режим» далеко за пределами королевства Людовика XIV и привела в движение могучие политические и экономические силы. И по сей день во французском праве и во многих областях французской системы управления чувствуется организующая сила его прогрессивного духа. В Италии и Германии благодаря ему возродилась национальная идея и начался прорыв от феодальной раздробленности и привилегий знати к национальным правовым государствам.

HALLOWEEN BOHANNAN

Поэтому не удивительно, что в девятнадцатом и отчасти даже в двадцатом веке поэтический образ Наполеона имеет как бы два лица в зависимости от того, кто является создателем образа. Одно лицо — это лицо грубого тирана, властолюбца и шарлатана, пораженного манией величия. Второе лицо принадлежит славному продолжателю дела Революции, покорителю народов и сверхчеловеку. Его искусством великого полководца восхищались все: солдаты его обожествляли, а враги пытались ему подражать. Достойные легенды восхождение от корсиканского мятежника до императора французов и покорителя европейского континента сделало его в глазах мира уникальной всемирно-исторической личностью, которая в принципе исключает саму возможность рационального познания и которой вне всяких сомнений подходит определение «Великий». Как точно подметил однажды Якоб Буркхардт, «история любит в определенные моменты как бы концентрироваться в одном человеке, и этому человеку покоряется мир. Великие индивидуумы представляют собой совпадение всеобщего и особенного, неподвижности и движения в единой личности. Они обобщают в себе государства, религии, культуры и кризисы».

Наполеону не было дано увлекать за собой массы политической риторикой или мощью своего голоса завоевывать сторонников для себя или, что то же самое, для своих умопомрачительных идей. Тем не менее он в полной мере отдавал себе отчет в том, какое значение имеет целенаправленное влияние на массы, и инстинктивно чувствовал, как завоевать их поддержку и воодушевление для своих невиданных планов. Обращаясь ретроспективно к другим историческим личностям, он пришел к такому выводу:

«Люди, которым удалось изменить мир, никогда не могли бы сделать это, убеждая вождей, но всегда лишь возбуждая массы. Первое средство принадлежит миру

интриги и способно принести лишь второразрядные результаты. Второе средство — путь гения, и оно меняет лицо мира».

Характер Наполеона, в котором демонические страсти выступали в паре с холодным, расчетливым и острым умом, его жгучее честолюбие, его безграничная вера в себя, его фантастически верный инстинкт, его неограничаемая воля и практически не знавшая границ работоспособность настолько же наглядно выведены в его наиболее фундаментальных биографиях, как и тот исторический фон, на котором разыгрывались события его восхождения, подобного полету кометы, и его низвержения. До сегодняшнего дня едва ли не все историки, предпринимавшие попытки описать характер Наполеона, сходясь во мнении о ярко выраженной поляризации проявлений его характера, тем не менее практически не пытались серьезно осмыслить причины этого явления. Поэтому для лучшего понимания характера Наполеона следовало бы подвергнуть объективному медицинскому исследованию его юношеский анамнез. Подробный биографический анамнез также позволит нам, используя детали и факты медицинского характера, которые до настоящего времени либо вообще не удостоивались внимания, либо это внимание было недостаточным, объяснить различные кризисы его военной карьеры и личной жизни, перед которыми у историков опускаются руки. Ибо: «При Ватерлоо Наполеона победил не Веллингтон!»

Медицинская биография Наполеона — полководца, государственного деятеля и императора французов — способна удивить исследователя некоторыми весьма неожиданными деталями, не говоря уже о трагической картине на острове Св. Елены, где он, будучи узником, был обречен на медленную мучительную агонию. Унижения, перенесенные им на этом уединенном скалистом островке, вероятно, в немалой степени способствовали развитию болезни, которая в конечном

итоге привела его к мучительной смерти. Однако даже в новейших медицинских публикациях это заболевание интерпретируется неверно. Обобщенное описание жизни и смерти Наполеона с точки зрения врача должно довершить портрет этой исторически столь значительной личности и сделать его по-человечески более понятным.

Биографический анамнез Детские и юношеские годы

Наполеон появился на свет на острове Корсика, и поэтому общепринято называть его корсиканцем. Несмотря на то, что его предки жили на острове не одно столетие и все это время ощущали себя истинными корсиканскими патриотами, генеалогические исследования совершенно неопровержимо доказывают, что основоположники семьи Бонапарт (первоначально Буонапарте) имели германское происхождение. Не вполне ясно, к какому германскому племени они принадлежали — франков или лангобардов, но тот факт, что предки Бонапарта носили германские имена, доказан документально. Первый из них, принявший фамилию Буонапарте, граф Вильгельм, принадлежал к роду Кадолингов, расселившихся от Ломбардии до Тосканы, участвовавших в нескольких крестовых походах и в XIII веке ставших гибеллинами и принявших сторону германского императора. До 1529 года они обитали в области Генуя и лишь затем переселились на Корсику, где в самом скором времени стали одной из самых уважаемых и зажиточных семей города Аяччо.

27 марта 1746 года здесь родился Карло Мария Буонапарте, который на тридцать восьмом году жизни обесмертил себя, став отцом Наполеона, и навсегда возложил на себя ответственность за то, что его семейство вошло во всемирную историю подобно стихийному бедствию. Он был всесторонне одаренным, темпераментным

и прекраснодушным человеком, но в то же время страдал от неумеренного честолюбия. Постоянная жажда богатства, почестей и славы не давала ему покоя в течение всей его жизни. Тысячи смелых и фантастических планов и идей проносились через мозг этого «графа Буонапарте» — так охотно называл он себя, гордясь древностью своего рода.

Мария Летиция Рамолино, мать Наполеона, родилась 4 августа 1750 года в семье итальянского происхождения, которая по положению и древности рода вполне могла потягаться с Буонапарте. Жизнь молодых супругов с первого дня проходила под знаком борьбы за освобождение Корсики от почти двухвекового генуэзского владычества, которую возглавлял Паскуале Паоли. Уже к 1764 году корсиканцам удалось очистить почти всю территорию острова от генуэзцев. Генуэзской республике наконец надоело сражаться с упрямыми горцами и она за соответствующее денежное вознаграждение отдала остров французам.

Настала очередь Людовика XV попробовать сделать из корсиканцев покорных подданных. Паоли, однако, не смирился с поражением и начал партизанскую войну против вторгшихся на остров французов. Эта борьба не оставила в стороне и Карло. Но ни отчаянное сопротивление Паоли, ни энтузиазм Буонапарте уже не могли спасти независимость корсиканцев, ибо малочисленная корсиканская милиция не могла долго противостоять численно превосходящим ее французам. После разгромного поражения Паоли вынужден был покинуть остров.

Во время партизанской войны Летиция повсюду сопровождала Карло, ухаживала за ранеными и подносила боеприпасы бойцам на передовую. В это самое время она носила под сердцем своего уже второго ребенка. Этот ребенок был зачат под грохот пушек в самом прямом смысле слова и появился на свет после поражения героического сопротивления корсиканцев 15 августа 1769 года в Аяччо. При крещении он получил имя Наполеоне Буонапарте. Колокол, известивший о его рождении, дрожал от раздававшихся поблизости боевых сигналов, а сам новорожденный

вдыхал тяжелый воздух взаимной ненависти между корсиканцами и французами. Сам Наполеон позднее описывал обстоятельства своего рождения так:

«Вокруг моей колыбели раздавались крики умирающих, стон угнетенных, слезы отчаяния. Мое рождение было совершенно неожиданным и внезапным... Моей матери, находившейся на сноях, довелось разделить все тяготы и лишения войны за свободу. Это произошло как раз в праздник Вознесения Богородицы. Матушка чувствовала себя еще достаточно хорошо и отправилась к мессе, однако переоценила свои силы. Не успела она дойти до церкви, как начались схватки. Она быстро повернула назад и едва успела добежать до гостиной, где и родила меня на диване, на старом одеяле. Я получил имя Наполеон, которое в нашей семье было принято давать второму сыну».

В биографиях, в том числе и в самых современных, живописуется рождение Наполеона в передней дома на ковре с орнаментом, изображающим подвиги героев «Илиады». Однако, согласно заявлению Наполеона, сделанному им на острове Св. Елены, это не более чем красивая легенда. Юность его также окружена целым роем подобных легенд, согласно которым он уже мальчишкой отличался необычным нравом. Однако из собственных признаний Наполеона и из воспоминаний друга семьи Буонапарте, герцогини Абрантес, мы узнаем, что в характере маленького Наполеона присутствовали лишь слабые наметки на те качества, по которым можно было бы предположить, что станет он человеком выдающимся. Тем не менее в его мемуарах мы находим некоторые замечания, позволяющие сделать определенные выводы:

«Я был своенравным ребенком. Ничто не приводило меня в восторг, ничто не выводило из себя. Я был забиякой и драчуном, не боялся никого. Одного я ударил, другого исцарапал, и меня все боялись... Но хотя я рос диким и необузданным, авторитет матери я все же признавал. Всем своим счастьем и всем тем хорошим, что я совершил, я обязан матери и ее безупречным принципам. Да, у меня

нет никаких сомнений в том, что будущее ребенка зависит от матери... С малолетства я любил военные игры, и когда я видел солдат, марширующих по улице, бежал следом. Склонность к точным наукам проявилась у меня очень рано, и матушка часто рассказывала мне, как я рисовал на стене математические фигуры, в то время как мои братья и сестры предавались детским играм».

От няни Наполеона Саверии герцогиня Абрантес узнала о многих событиях из детских и юношеских лет будущего императора. Так, она рассказывала, что «Наполеон почти никогда не плакал, когда его наказывали. Если ему приходилось сносить удары, то от боли у него порой выступали слезы, но ненадолго, и если он не был виноват, никакими силами нельзя было заставить его просить прощения». Воспитателем был не столько отец, который так гордился сыном, что готов был все ему спустить с рук, сколько мать, умевшая держать в узде своего неистового и упрямого отпрыска, по мере необходимости прибегая к тумакам. Чувство уважения к ней, к той, которую позднее называли «императрицей-матерью», он сохранил в течение всей своей жизни. По его мнению, она носила голову мужа на теле слабой женщины, которая позднее смогла вынести все потери и лишения с достойным восхищением величием.

Няня Саверия так рассказывала о внешности Наполеона: «Наполеон не был таким красивым ребенком, как, скажем, его брат Жозеф; голова его была слишком велика по сравнению с телом — этот недостаток внешности вообще был нередок в семье Буонапарте. Что было приятно в юном Наполеоне — выражение глаз и мягкость, проявлявшаяся в минуты доброжелательного настроения... Из всех детей мадам Летиции (в живых осталось еще четыре брата и три сестры. — Прим. автора) именно у будущего императора менее всего можно было заподозрить черты, указывающие на грядущее величие».

И тем не менее, уже в этом непоседливом мальчишке проявлялась своеобразная и самостоятельная натура, несомненно выделявшая его из среды товарищей по детским

играм. Наряду с воспоминаниями матери об этом свидетельствуют менее известные записки его дяди Микеле Дураццо, который, в частности, писал:

«У нас не было детей, и я принимал близко к сердцу детей родственников. В особенности это относилось к маленькому Набулио. В нем всегда была какая-то таинственность и, в то же время, могла проявиться жажда приключений, порывистость и крайняя вспыльчивость. Порой он становился ужасно агрессивным, грубым и жестоким. Несмотря на всю строгость отца ему всегда удавалось добиться своего, из-за чего он прослыл невоспитанным мальчиком и неисправимым хулиганом... Маленький Набулио был необычайно гордым человеком и никогда этого не скрывал, гордость выражала сущность его личности... Его первый учитель, достойный аббат, немало натерпелся от его необузданного нрава. Во время занятий его мысли то и дело куда-то уходили, он становился то невнимательным, то восторженным, то страстным, то равнодушным. Он оскорблял религиозные чувства учителя, не обращая внимания на его упреки... Однажды, когда его решили выпороть, он оказал отчаянное сопротивление и укусил аббата за руку... В детстве с ним случались припадки гнева, иногда столь сильные, что он становился в буквальном смысле слова больным и орал вне себя от ярости. Из элементарного духа противоречия он отказывался спокойно стоять в углу, трясся как в лихорадке и отказывался принимать пищу... Однажды ночью меня разбудили крики — в предгорьях бушевал пожар, пылали заросли маки, а Набулио не было дома! Меня передернуло от мысли, что наш сорвиголова поджег заросли и теперь сам может погибнуть в пламени пожара. Но тут раздался крик пастуха: «Эй, там кто-то стоит на башне!». «Это наш мальчик», — сказал я, и это действительно оказался Набулио. Он просто хотел насладиться величественным зрелищем и для этого поджег пустошь, а сам взобрался на башню».

Уже в раннем возрасте проявился пристрастие Наполеона ко всему военному. Поэтому отец определил для

него карьеру офицера и в возрасте девяти лет отправил его вместе со старшим братом Жозефом в коллеж, находившийся в городе Отене на севере Франции. Мальчик должен был прежде всего как можно скорее овладеть французским языком — до сих пор он говорил только на диалекте своего родного острова.

Через несколько месяцев Карло Буонапарте смог добиться перевода сына в королевскую военную школу в Бриенне. Это учебное заведение предназначалось исключительно для детей дворянства и было призвано обучить их военному ремеслу. В списке воспитанников бриеннской школы мы находим следующую запись: «Сегодня, 23 апреля 1779 года, в Королевскую военную школу в Бриенн-ле-Шато вступил Наполеон Буонапарте девяти лет, восьми месяцев и пяти дней от роду».

Было ясно, что нищий сын корсиканца, принадлежавшего к сомнительному дворянству, в подобном учебном заведении обречен ощущать себя неполноценным, и высокомерие школьных товарищей оказалось весьма болезненным для его гордости. Он писал домой, что ему «надоело быть мишенью для аристократических улюлюканий, гордых теми удовольствиями, которые они могут себе позволить, поносящих и осмеивающих меня за то, что я вынужден быть во многом отказывать». Но он не мог бросить военную школу и поэтому уже в юном возрасте попытался создать дистанцию и выстроить барьер между собой и своими товарищами. Этот барьер впоследствии так никогда и не исчез. Луи Бурьен, позднее секретарь и государственный советник Наполеона, в своих мемуарах так рассказывает о своем бывшем однокашнике: «Впечатления о несчастях Корсики и собственной семьи с раннего детства так глубоко запечатлелись в его сознании, что одиночество стало его потребностью... В его словах всегда была какая-то горечь. В нем не было ничего нежного. Причинами этого, по всей видимости, были несчастные обстоятельства, постигшие семью ко времени его рождения, и, во многом, память о порабощении родины, которое ему довелось пережить в

детстве». Действительно, ему, единственному корсиканцу в бриеннской военной школе, единственному побежденному среди победителей, ненавистна была сама мысль о покорении Корсики Францией. Чувство уязвленной национальной гордости завело его столь далеко, что он осмелился даже высказать недовольство собственным отцом за то, что он позволил себе якшаться с французами. Однажды во время совместного обеда с преподавателями последние позволили себе не вполне почитительно отозваться о Паоли. В ответ Наполеон взорвался: «Паоли был великим человеком! Я никогда не прощу моему отцу, который был его адъютантом, того, что он помог присоединить Корсику к Франции. Он обязан был верить в счастливую звезду своего генерала и пасть вместе с ним».

Будучи вынужденным к сдержанности и замкнутости, он уходил в мир героев Плутарха. Часто можно было видеть, как он читает или задумался о чем-то в том уголке сада, который был предоставлен его попечению, чем он, кстати, занимался с большой охотой. Так прошли пять лет бриеннского кадетства. В эти годы он вынужден был безропотно принимать любые несправедливости и унижения, но с каждым перенесенным унижением в нем рос жаждавший мятежный дух, чувство презрения к людям и сознание собственной ценности. Чем больше отторгали его от себя школьные товарищи, тем сильнее было его желание отплатить им за это в будущем и отомстить Франции за все унижения. Но прежде всего его переполняло смутное желание освободить родной остров от французского ига.

От такой военной школы трудно было ожидать основательного общего образования. Из выпускного аттестата явствует, что он «отличался талантом и усердием в математике, успехи в изящных искусствах и латыни не вполне удовлетворительны... Достоин быть принятым в Парижское военное училище». В Париже, в октябре 1784 года, отчужденность и враждебность окружающего мира проявились еще более явно. В этом училище он через год худо-бедно сдал экзамен на офицерский чин и получил

назначение на должность подпоручика артиллерийского полка «Ля Фер», расквартированного в Валансе. Из выпускной характеристики: «Выдержан и усерден. Учебные занятия любого рода предпочитает развлечениям, с удовольствием читает произведения хороших авторов... Молчалив, склонен к уединению, своенравен, высокомерен и эгоистичен. В ответах на вопросы немногословен и решителен, в споре находчив, хорошо аргументирует доводы. Самолюбив, честолюбив беспредельно».

В скучном гарнизонном городе Валансе он мог бы впасть в отчаяние, если бы не возможность погрузиться в мир литературы. Позднее он напишет: «Когда мне была оказана честь служить простым лейтенантом артиллерии, я провел три года в гарнизоне Валанса. Я не был склонен проводить время в обществе и жил крайне уединенно. Зато волею счастливого случая поселился неподалеку от образованного и весьма лобезного книготорговца. В течение этих трех гарнизонных лет я читал и вновь перечитывал его библиотеку и не позабыл того, что не имело прямого отношения к моей службе. Кроме того, природа наградила меня хорошей памятью на цифры».

О том, насколько серьезно стремился он к совершенствованию своего общего образования, усердно используя путь самостоятельных занятий, свидетельствуют написанные неразборчивым почерком отрывки из множества тетрадей, которые в печатном виде занимают 400 страниц! В это же время Наполеон и сам взялся за перо. Он сделал наброски новелл и приступил к роману, действие которого разворачивается на Корсике — произведения, проникнутые ненавистью к Франции, но так и не завершённые.

В то время как безысходное положение Корсики все больше и больше занимало его мысли, он ясно ощущал противоречия в реальном мире, с которым ему приходилось сталкиваться. Это вылилось в комплекс таких проявлений, как усталость от жизни, мировая скорбь и симптомы депрессии. В 16 лет он написал: «Что я иду в этом мире? Ведь если мне все равно суждено умереть, то почему

бы не покончить с жизнью уже сейчас?» Если даже предположить, что у него не было серьезных суицидальных намерений, подобные настроения у совсем еще зеленого юнца не могут не настораживать.

С подобными настроениями в 1786 году он прибывает на родину в свой первый отпуск и сразу оказывается втянутым в борьбу на два фронта. Для друзей-французов он был слишком корсиканцем, а патристически настроенные корсиканцы видели в нем прислужника французского короля во вражеском мундире. Из дневника Наполеона: «Всегда одинокий, даже когда окружен людьми, возвращаюсь домой, чтобы предаться своим одиноким мечтам и волнам отчаяния. Куда оно ведет меня сейчас? Навстречу смерти. Но все же я стою на пороге жизни и смею надеяться, что мне еще будет дано долго дышать... Мне все время не везет и ничто не приносит радости, зачем же дольше терпеть жизнь, в которой ничего не удастся!... Какой спектакль дома!... Что происходит с моей родиной, а я совершенно бессилен что-либо изменить. Вполне достаточно причин бежать в тот мир, где придется славить тех, кого ненавижу... Жизнь стала мне в тягость, ничто меня радует, все доставляет боль».

После тяжелого года, в течение которого он должен был разрываться, пытаясь разрешить денежные и семейные заботы, Наполеон, по-прежнему в состоянии безадежности и депрессии возвращается во Францию, в свой гарнизон, который теперь, весной 1788 года находился в Озонне. Здесь, однако, растущая благосклонность генерала сумела быстро изменить его настроение к лучшему. Он пишет дяде о том, что высший начальник поручил ему «построить на стрельбище различные сооружения, требующие сложных расчетов» и о том, что он получил для досконального изучения труды о ведении современной войны и тактических операций, которые послужили основой для развития впоследствии его общепризнанного стратегического таланта. В это же время он проходит начальный курс политических знаний. Особое впечатление

произвели на него Вольтер и Руссо. Весьма характерно присутствие в его дневнике «Меморандума о королевской власти», в котором он попытался изобразить узурпацию королевской власти в двенадцати монархиях тогдашней Европы и пришел к заключению о том, что «лишь немногие из них заслуживают того, чтобы не быть свергнутыми». Из его «Писем о Корсике» можно заключить, что Людовик XVI дважды достоин лишиться своего трона: во-первых, как абсолютный монарх Франции и, во-вторых, как узурпатор и колониальный властитель Корсики.

Корсиканская авантюра

Мать Наполеона, посетившая его, по ее же собственным словам, в 1782 году в бриеннской военной школе, вспоминала, что вид сына привел ее в отчаяние — он выглядел настолько плохо, что порой его трудно было узнать. В Озонне его общездоровье еще более ухудшилось. Нищенское жалование молодого артиллерийского поручика вынуждало вести крайне скромный образ жизни, ограничивая свои потребности «по принципу травоядности» (выражение Наполеона), сводившемуся к хлебно-молочной диете, в которую изредка вводилась кукуруза. Он с гордостью сообщал матери о том, что научился ограничивать себя одним-единственным приемом пищи в течение дня. Если учесть то обстоятельство, что он весьма ревностно относился к своим служебным обязанностям, то едва ли кого-либо удивит, что в результате такого образа жизни он чрезвычайно исхудал.

В довершение всех бед летом 1788 года он заболел лихорадкой, жертвой которой стали также многие его товарищи по гарнизону. По всей видимости, болезнь долго не отпускала. Из письма дяде, кардиналу Жозефу Фешу: «Мне немного нездоровится. Причиной этому скорее всего являются трудные обязанности, которые мне пришлось выполнять в последнее время... Больше всего меня беспокоит здоровье. Мне кажется, что оно как-то

пошатнулось». Характерно для его безмерного честолюбия: несмотря на слабую конституцию, истощение и ухудшающееся общефизическое состояние, он и не думает как-то уклониться от невзгод суровой гарнизонной службы.

Вскоре отзвук революционных событий в Париже, прежде всего взятия Бастилии, считавшейся бастионом абсолютизма (14 июля 1789 года), докатился и до Озонна. После провозглашения Декларации прав человека и гражданина 27 августа 1789 года и лозунгов «Свобода, равенство и братство» молодой подпоручик с воодушевлением ожидал провозглашения независимости Корсики и надеялся, что это произойдет в самое ближайшее время. В сентябре того же года он спешно испросил отпуск, надеясь воспользоваться благоприятным моментом в интересах Корсики. В это же самое время созданное в Аяччо собрание корсиканских представителей избрало его старшего брата Жозефа председателем Совета области. И Паскуале Паоли также вернулся на родину из своей английской ссылки. Наполеон надеялся, что независимость Корсики будет достигнута силами Национальной гвардии под руководством Паоли. Отсутствие единства и постоянные распри между общественно-политическими группами не позволили, однако, достичь этой цели. Разочарованный Наполеон вынужден в феврале 1791 года вернуться в свою чужбину, где он, правда, весьма скоро был произведен в поручики.

Существует документ того времени, дающий представление о тогдашнем образе мыслей Наполеона и о его последующих делах, а именно сочинение, поданное на конкурс Лионской академии, победителя которого ждала крупная награда. Вопрос конкурса был сформулирован так: «Какие истины и какие чувства необходимо внушить людям для их счастья?» В этом сочинении в первый раз явно проявились обе души, сосуществовавшие в нем: холодный, расчетливый разум с одной стороны и необузданные, страстные эмоции с другой. Это потом не раз проявилось в его подвигах и злодеяниях. Отдавая дань идеям, господствовавшим в то время, он ратовал в своем

сочинении за взвешенное сочетание чувства и разума и предостерегал от соединения «чувства с безудержным воображением», ибо иное неизбежно повлечет за собой беду. Поэтому люди с неудержимой фантазией «не должны быть допущены к деятельности, направленной на сохранение существующего порядка, так как они нарушают его высшие законы». Правильность подобного требования он доказывает на исторических примерах: «Честолюбие — это неотступное желание удовлетворить высокомерие или неумеренность. Страсть, которая вообще не может быть удовлетворена, привела Александра от Фив в Персию, от Граника через Иссы в Арбеллу и далее в Индию. Честолюбие заставило его покорить и опустошить мир, но так и не принесло ему удовлетворения».

Что ни говори, мысль действительно благоразумная, которая весьма бы ему пригодилась в более поздние моменты жизни, но именно благоразумия не хватало ему уже в то время, когда писались эти строки. Он снова испросил отпуск, снова явился на Корсику и попытался взять свою судьбу в собственные руки. Движимый неудержимым честолюбием и снедаемый жаждой чести и славы, он начал делать именно то, от чего сам столь страстно предостерегал других в своем сочинении. Используя маккиавеллевские методы, прибегнув к подтасовкам результатов выборов, взяткам, клевете и даже угрозе насилия против избирательного комиссара, он попытался добиться должности командира корсиканской милиции и выборной должности Действия столь порочным образом, 1 апреля 1792 года он был избран заместителем командира одного из добровольческих батальонов, а затем, не гнушась ничем, попытался с помощью радикалов захватить военную и политическую власть в Аяччо. При этом он не остановился даже перед тем, чтобы оклеветать своего недавнего идола, главнокомандующего корсиканской Национальной гвардией Паскуале Паоли, в результате чего настроил против себя почти всех корсиканцев и вскоре вынужден был спешно бежать с Корсики. В конце мая 1792 года он вновь в

Париже с прошением о восстановлении в армии. Теперь во Франции он бывший поручик и почти дезертир, на Корсике — бывший подполковник, преследуемый законом, без средств и обреченный на голодное существование. У Наполеона оставалась последняя надежда — радикалы. Он присоединяется к Робеспьеру, поскольку связывает свой успех только с падением династии.

8 июля 1792 года он вновь зачислен в армию, еще через два дня произведен в капитаны. Но не вызывающая симпатии практика революционных масс и якобинцев, которые «ведут себя как помешанные, без тени присутствия здравого человеческого рассудка», как он писал брату Жозефу, мало способствовала тому, чтобы у него могло возникнуть внутреннее желание пойти на войну, объявленную Францией своему заклятому врагу — Австрийской империи — в апреле 1792 года. Куда заманчивее показалось ему снова встать на борьбу за корсиканское дело. Поэтому в сентябре он покинул Париж, где вскоре Комитет общественного спасения полностью взял на себя заботу об «общественном благе», а Революционный трибунал стал отправлять всех осужденных в качестве классовых врагов граждан, включая самого короля, на гильотину. Наполеон надеялся, что на Корсике военный успех, наконец, приведет его к личной славе и политической власти. Однако не вполне честное поведение по отношению к начальнику, которому он непосредственно подчинялся как командир батальона, вскоре привело к тому, что Наполеон утратил благосклонность Паоли, а когда его брат и соратник Люсьен донес на народного героя и патриота Паоли как на сепаратиста и контрреволюционера, все было кончено — дан сигнал к началу охоты на всю семью Буонапарте. Их дом разрушили, и мать вместе с детьми вынуждена была бежать. 11 июня 1793 года Наполеон покинул остров вместе с семьей.

Трижды он пытался завоевать его как освободитель. И вот он изгнан с родины как француз. Теперь только сотрудничество с якобинцами еще оставляет ему шанс утолить жажду власти. За время, проведенное на Корсике, он

успел многократно нарушить и предать те принципы, которые он изложил в сочинении для Лионской академии. И никакие моральные барьеры не препятствовали ему теперь публично назвать себя в политическом сочинении якобинцем. В этой агитке он не только продемонстрировал незаурядное умение мгновенно приспосабливаться к реальности, если это сулило выгоду, но также впервые явил миру свои способности в области пропаганды и управления массами. Вскоре после обращения в якобинскую веру он приобрел репутацию «Робеспьера в седле». Свое равнодушие к принципам он, естественно, не афишировал, но в действительности якобинцы интересовали его только как ступенька на пути к богатству, власти и славе.

От бригадного генерала до первого консула

Вскоре после поступления на службу Конвенту Наполеону представилась возможность доказать верность якобинскому делу, используя свои военные знания. Это случилось во время восстания граждан Тулона. Когда командующий артиллерией выбыл из строя по ранению, осада города была поручена молодому капитану. Предложенный им план операции был одобрен командующим генералом Дюгомье, и 17 декабря 1793 более чем через три месяца беспощадного обстрела «созревший» город был взят штурмом. «Революционный» пыл и военные заслуги Наполеона были по достоинству оценены комиссарами Конвента и вознаграждены производством в бригадные генералы. В Париже больше всех хлопотал о нем Отюстен Робеспьер, младший брат вождя якобинского террора. Это обстоятельство могло обойтись Наполеону очень дорого после того, как Робеспьер-старший сам завершил свой земной путь на эшафоте 28 июля 1794 года. Как «человек брата Робеспьера» Наполеон был заключен в крепость, но через короткое время благополучно вышел на свободу.

Наполеон писал, что он протестовал против расстрела 100 человек после взятия Тулона и личным заступничеством

смог спасти нескольких из этих несчастных. Сам он в это время страдал от кожного заболевания, по всей видимости чесотки, которую подцепил во время осады. Что же касается штыкового ранения в бедро, то оно его, судя по всему, не очень беспокоило.

Сначала он безуспешно пытался найти себе применение в качестве бригадного генерала и в мае 1795 года всерьез обдумывал перспективу службы в Турции в качестве военного советника. С приходом к власти Директории открылись новые возможности для его военной карьеры — он получил доступ в комиссию по управлению армией и составлению оперативных планов на случай войны. Тем более удивительным стало для него известие о том, что по ряду причин политического и личного характера он исключен из списка французских генералов. Это случилось 15 сентября 1795 года. Продолжением своей военной карьеры Наполеон обязан тому, что в это время в Париже сформировалось оппозиционное движение монархистов и либералов, которые с помощью буржуазной Национальной гвардии предприняли попытку свергнуть новую власть. Поль Баррас, не слишком компетентный в военных делах командующий Внутренней армией, оказавшись перед лицом действительной опасности, был вынужден призвать на помощь свежееволенного бригадного генерала Наполеона Бонапарта, который сразу же предложил весьма эффективное стратегическое решение для подавления восстания.

Когда 5 октября 1795 года роялистские повстанцы атаковали Дворец правительства в Тюильри, он нанес им сокрушительное поражение, самым жестоким образом расстреляв повстанцев картечью из оптимально расставленных пушек. Это принесло ему кличку «Картечник». Позже он явно стыдился этого преступления против соотечественников, почему и клялся в том, что это «преступление против французского народа» лежит на совести противников, а не его собственной. На самом же деле Бонапарт первым отдал приказ стрелять, потому что незадолго до этой бойни он заявил Баррасу, самому могущественному из пяти

директоров: «Назначьте меня, тогда я буду отвечать за все, но мои руки должны быть развязаны. Или вы ожидаете, что народ даст нам разрешение стрелять в народ?» Уже в ночь после блестящей победы на парижском поле брани он напишет брату: «Наконец все позади... Мы выстроили наши войска, враг атаковал нас у Тюильри, мы убивали их толпами, наши потери — 30 убитых и 60 раненых... Все спокойно. У меня, как всегда, ни царапины... Счастье сопутствует мне».

В награду молодой бригадный генерал был произведен в дивизионные, а после отставки Барраса даже был назначен главнокомандующим Внутренней армией. Конвент встретил его бурной овацией, но народ Парижа, напротив, должен был его возненавидеть, ибо сотни безоружных граждан, зевая и жеманясь, были убиты в тот вечер. Но он и не стремился быть любимым. Как и положено революционно-му авантюристу, волею мгновения выброшенному на самый верх, он предался радостям и удовольствиям своего нового класса. А так как у него вдруг откуда ни возьмись появились деньги, он, подобно многим прожженным политикам до и после, начал проталкивать своих родственников и ближайших друзей на влиятельные посты. Парижанам он казался дремучим провинциалом: с грубыми манерами, неопрятной внешностью, темными жирными волосами, спадающими на плечи, он безусловно не производил впечатления одухотворенной личности, но, тем не менее, многие, в том числе и дамы, единодушно считали, что в лице генерала Бонапарта они имеют дело с выдающимся человеком. И это несмотря на то, что рост его был мал, голова слишком велика, руки и ноги слишком коротки для его туловища, несмотря на общую болезненную худобу и желтоватый цвет лица; добавим еще, что это лицо нередко подергивалось от нервного тика.

Подобно всем мюжизинам, принадлежащим к новому правящему классу, Наполеон вскоре был принят в салонах тех прекрасных дам, которых в народе в шутку прозвали «до-стоянием государства». К этому кругу принадлежала и

Жозефина, вдова маркиза Богарне. Она была одной из любимых метресс всевильного Барраса, которую он теперь предназначил для своего нового фаворита Бонапарта. Под влиянием слишком долго сдерживаемого необузданного корсиканского темперамента Наполеон тут же вспыхнул ярким пламенем и настолько безнадежно оказался во власти кокетливой креолки с Антильского острова Мартиники, которая к тому же была старше его на шесть лет, что 9 марта 1796 года, уже через пару месяцев после первого знакомства, состоялось гражданское бракосочетание. Чтобы в какой-то степени скрыть разницу в возрасте, аристократка и корсиканский выскочка договорились представить фальшивые свидетельства о крещении, датированные четырьмя годами позже и соответственно полутора годами раньше. Спустя два дня после свадьбы Наполеон покинул Париж — тем временем его назначили главнокомандующим Итальянской армией — с тем, чтобы спешно присоединиться к своим войскам. В то время как любовь и влечение к ней росли в нем день ото дня, образ его уже в день отъезда поблек в ее сердце.

Для французских революционеров Италия была желанной целью, поскольку там они рассчитывали поразить самое сердце консервативной реакции — габсбургскую монархию, и тем самым надеялись прийти на помощь прогрессивно мыслящей части населения Италии в деле экспроприации духовенства и правящей знати. Вначале на Бонапарта смотрели искоса как на назначенного по протекции, но он быстро сумел внушить уважение к себе и офицерскому, и рядовому составу. Пропагандистские листовки, распространенные по его приказу среди солдат, создали образ гениального полководца, и вскоре все они были готовы пойти за него в огонь, поджельстваемые лозунгами типа «Он летает, как молния и бьет, как гром. Он везде и все видит!»

Успех должен был списать все. Применив новую тактику и более совершенную стратегию, он в стиле современного блицкрига разбил устаревшие австрийские армии. Как он позже сам признавался, после победы при Лодви

10 мая 1796 года он пришел к убеждению, что избран судьбой для небывалых свершений. Осознавая безграничность своих возможностей и сил, он впервые открылся своему другу Мармону: «У меня такое чувство, что меня ожидают свершения, о которых человечество не имеет понятия». А когда он написал в Париж: «Я оставил в силе ваш мирный договор с Сардинией. Армия его одобряет», то тут уже и директорам стало не до шуток от страха. Когда и где какой-то генерал отважился разговаривать со своим правительством в подобном тоне!

Однако устрашающее впечатление он произвел не только в Париже на директоров, но и на граждан города Милана, в который он вошел на манер римского триумфатора. Он никого не привел в восторг, скорее вызвал всеобщее удивление — в этом победителе не было высокомерия, зато был избыток решимости и железной нестигаемой воли, которой можно было безоговорочно подчиняться. Полководец расположился для отдыха во дворце архиепископа и принял ванну — единственный отдых для нервов и единственная роскошь, от которой он не мог отказаться никогда. Чем дальше, тем продолжительнее и горячее становились его ванны.

С падением крепости Мантуа Австрия утратила господство в Италии. Образовав «Цизальпинскую республику» со столицей в Милане и «Лигурийскую республику» со столицей в Генуе, отныне два вассальных государства Франции, Бонапарт совершил акт творения, который он будет повторять во все больших масштабах, приближаясь к своей цели — объединенной Европе. Он, естественно, провозгласил дотол «утраченным» прогрессивные достижения французской революции, направленные единственно на благо народа, но это не помешало ему снабжать страдающую от небывалого безденежья Францию деньгами и продовольствием, а Лувр таким количеством произведений искусства, которое не снилось ни одному королю в период наивысшего блеска. Его двор в замке Монтебелло близ Милана ни в чем не уступал двору любого монарха старого режима.

При этом он лично заботился о том, чтобы все его если и не уважали, то хотя бы боялись. Поведение выскочки и все более высокомерные манеры явно свидетельствовали о скрытой неуверенности. Современник, живший в Риме, писал: «Вы не можете представить, с какой спесью и высокомерием он меня принимал. Он поклялся жизнью и смертью, что взойдет на Капитолий. При этом он в гневе зубами разорвал документ, который держал в руке». Было это действительным проявлением буйного темперамента, или он специально решил произвести впечатление на собеседника и нагнать на него страху, остается неясным. Столь же высокомерную и бурную манеру вести себя он проявил и по отношению к французским дипломатам, когда воскликнул примерно следующее: «То, что я сделал до сих пор, ничего не значит. Моя карьера только начинается».

И действительно, он на собственный страх и риск двинулся на Вену, дошел до Земмеринга, после чего 18 апреля 1797 года заключил Леобенское перемирие, а затем 17 октября 1797 года заключил мирный договор в Кампо-формио — опять же самоуправно и вопреки намерениям Директории. Этим он дал понять «адвокатам, сидящим в Директории», что не намерен далее следовать их указаниям: «Я почувствовал вкус к власти и уже не могу от нее отказаться». Жажда славы и власти — одна из главных сил, двигавших Бонапартом в его грядущих свершениях, раз и навсегда пробудилась к жизни. Пусть даже достигнутое еще далеко его не удовлетворяло, но, покидая Италию, он в разговоре с Бурьеном все же высказал определенную удовлетворенность: «Еще пара таких походов, и скромное местечко в памяти потомков нам обеспечено».

Известная и довольно умная мадам де Сталь оказалась дальновиднее многих мужчин в современной ей Франции и лучше других разглядела сущность Бонапарта, с триумфом встреченного Парижем. Вот что она написала после личной встречи с ним: «Я видела многих незаурядных людей, в том числе и необузданные натуры, но тот ужас, который исходит на меня от этого человека, есть нечто

особенное. Он не красив и не уродлив, не мягок и не жесток... Он и больше, и в то же время меньше, чем человек... Его существо, дух, язык отмечены печатью чего-то чужеродного, и если речь идет о том, чтобы завоевать симпатии французов, то это скорее преимущество... Он ненавидит не более, чем любит, для него существует только он сам, все прочие — не более чем номера. Великий шахматист, для которого человечество — противник, которому нужно объявить шах и мат... Он презирает ту нацию, восхищения которой добивается. В его потребности ввергнуть человечество в изумление отсутствует искра воодушевления... В его присутствии я ни разу не смогла свободно вздохнуть».

Многие современники считали, что узкогрудый, с впалыми щеками и совершенно истощенного вида человек обязан заболеть чахоткой, и во время итальянской кампании не один французский эмигрант поднимал тост за вероятный и скорый конец Наполеона, что, однако, более соответствовало благим пожеланиям, нежели действительности. И впрямь во время всей итальянской кампании он страдал от неугасающего кашля и периодически повторяющихся лихорадочных состояний, о чем свидетельствуют его письма к жене. Более того, в 1797 году он даже обратился к парижской Директории с прошением об увольнении с военной службы по этой причине: «Я почти не в состоянии ездить верхом, я нуждаюсь в двух годах покоя». Так откровенно писал он Талейрану, хотя эти строки скорее можно отнести на счет геморроя, которым он страдал уже тогда, чем на счет общего ухудшения состояния здоровья.

В Париже он вел себя довольно скромно. Спустя несколько дней после возвращения из Италии бросилось в глаза то, что на торжественном приеме в Люксембургском дворце он появился в полевой форме — можно ли быть скромнее? — с серьезным, сдержанным выражением лица твердыми шагами подошел к эстраде, откуда и произнес свою речь. Тонкий расчет подсказал ему образ скорее гражданина, чем генерала, но вскоре ему стало ясно, что так его слава скоро поблекнет: «Париж ничего не держит в

памяти. Если я не буду действовать, я конченный человек». И вновь жгучее честолюбие требовало все новой и новой славы для знамен и влекло вперед. Победа над Англией, ибо кто победит Англию, станет неограниченным властелином Европы — эта идея лежит на поверхности и имеет все шансы найти благодатную почву и в Директории. Попытка вторжения на остров была бы безнадежной авантюрой, в подобное дело он себя втянуть не даст. В данный момент наиболее разумной представляется военная экспедиция в Египет, поскольку таким образом блокируется сухопутная коммуникация, связывающая Англию с ее богатейшей колонией — Индией. В то же время такая экспедиция позволит реализовать его юношескую мечту — подобно Александру Великому совершить поход в Индию. Директория согласилась с предложением Наполеона почти с облегчением, так как оно позволяло отправить эту небезопасную личность куда подальше и скорее всего на долгий срок, а в случае провала экспедиции — возможно и навсегда.

21 июня 1798 года французская армия одержала легкую победу в битве у пирамид над численно уступавшими ей мамелюками, хотя после трудного похода моральный дух войск снизился до крайнего предела. Тут же не замедлила явиться трагическая весть о том, что 1 августа 1798 года английская эскадра под командой Нельсона уничтожила французский флот в морском сражении при Абукире. Этим не только был прерван путь снабжения экспедиционной армии из Франции, но и отрезан путь к отступлению. Началось восстание населения Египта, которое получило действенную поддержку со стороны турецкой армии. В этой ситуации, обманутый в своих надеждах на триумфальное возвращение в Париж, Наполеон предпринял все возможное для того, чтобы завоевать дружбу местного населения. Тем не менее восстание началось, но Наполеон подавил его в зародыше, казнив зачинщиков. В феврале 1799 г. во время похода французской армии в Сирию в Газе произошло событие, очень живо напоминающее военные преступления XX века. Французы

устроили настоящую бойню на берегу моря. Несколько тысяч пленных турок были согнаны на песчаный пляж и убиты на месте или утоплены в море. Позднее Наполеон пытался оправдать это злодеяние тем, что не имел возможности ни охранять, ни прокормить этих людей. Такое оправдание звучит почти цинично, свидетельствует о хладнокровной неразборчивости в средствах, полном презрении к людям и заставляет снова вспомнить мадам де Сталь, писавшую, что для этого человека реально существует только он сам, все же остальные не более, чем номера, не имеющие никакой ценности. За несколько дней до судьбоносного дня Абукира он писал Жозефине: «Меня тошнит от человечества... Мои чувства разорваны в клочья... Мне остается только стать полным эгоистом».

Его видения еще живы и зовут вперед. Теперь вместо Индии он идет на Дамаск и Алеппо, его конечная цель — Константинополь: «Я сокрушу Турцию и создам новую великую империю. Это сохранит мое имя для потомков». Его мысли постоянно вертятся вокруг грядущей славы, за которую его солдатам приходится платить муками, страданиями и смертью и, более того, от солдат требуют, чтобы они испытывали от этого радость. Только после безуспешной осады Сен-Жан-д'Акра (Акко) наступило всеобщее отрезвление. Началось отступление на Каир — без дорог, без воды и с чумой в обозе. Больных и раненых бросали без долгих колебаний.

В Яффе Наполеон посетил чумной барак. Он намеревался выдать примерно тридцати больным чумой дозу опиума, для того чтобы облегчить их предсмертные страдания. Главный врач санитарного корпуса Никола Деженет отказался сделать это, сославшись на клятву Гиппократова. Позднее, оправдывая свой поступок, Наполеон написал: «В подобной ситуации я бы отравил собственного сына». Далее он пишет, что заболел чумой, сам бы потребовал оказать себе подобную предсмертную услугу. Спор с врачами продолжался и, в конце концов, стороны сошлись на лаудануме — блеутоляющем средстве,

которое якобы даже спасло некоторых заболевших солдат от смерти. Позднее Гро, придворный живописец Наполеона, по его заказу создал идеализированную картину посещения им чумного барака в Яффе. Это творение вполне соответствует рассказам самого Наполеона, который, возвратившись в Каир с пятью тысячами оставшихся в живых солдат, повествовал о пережитых событиях «подобно арабскому сказочнику».

Он вполне отдавал себе отчет в том, что реализовать задуманный план — победоносной операцией на Востоке создать базу для дальнейшего возвышения в Париже — уже не удастся. По его словам, «карьеря французской Восточной армии была закончена», начинать с этой армией осуществление его далеко идущих планов было бессмысленно, он не располагал даже достаточным количеством кораблей, для того чтобы увести жалкие остатки этой армии домой. Он быстро и без колебаний перевернул решение этих неблагоприятных задач генералу Клеберу, сам же сел на корабль и отправился во Францию. К этому моменту Директория с трудом выбралась из очередного внутриполитического кризиса и вела войну против Второй коалиции, в которую входили Англия, Австрия и Россия. Эти события вынудили директоров изменить мнение о Бонапарте, и они уже с нетерпением ожидали его возвращения. Даже враждебная пресса высказывалась так: «Его египетский поход не удался, ну и что же? . Тем не менее, его смелые начинания, кажется, способны вернуть нам мужество».

Возвращаясь домой, Наполеон не особенно задумывался о судьбе Франции, которую вражеская коалиция поставила в весьма затруднительное положение. Ибо именно в этом состоял его шанс вернуться не в образе битого генерала, а вестника надежды отечества. Еще только отправляясь в египетскую экспедицию, он лелеял надежду на крупный конфликт между Францией и европейскими державами — если этот конфликт разгорится во время его отсутствия, то он сможет вернуться как спаситель Республики и тем самым занять то положение, к которому считал

себя предназначенным. Эта мысль четко просматривается в письме брату, написанном перед отплытием в Египет: «Если разразится война и ход ее будет неудачным, то здесь снова появлюсь я, и общественное мнение будет ко мне более благосклонным». Солдаты же, которых их обожаемый генерал бросил на произвол судьбы, выйдя 23 августа 1799 года в море аки тать в ночи, придерживались скорее всего иной точки зрения, но это записано совсем в другой графе бухгалтерской книги его честолюбивых планов. Свои планы он претворял в жизнь весьма умно и осмотрительно. Он принимал у себя и якобинских вождей, и агентов Бурбонов, каждый получал от него те советы, которые должен был получить, лишь о своих истинных замыслах он не рассказывал никому. В целом он вел себя как благородный господин, возвратившийся из дальних странствий и с наигранной отстраненностью внимающий рассказам собеседников о местных расприх и склоках. «Никогда в своей жизни, — вспоминал он, — я не действовал столь ловко. Я посетил аббата Сийеса (нового и очень влиятельного члена Директории. — Прим. автора) и пообещал провести принятие замечательного проекта его конституции; я принимал вождей якобинцев и агентов Бурбонов, я никому не отказывал в совете, но эти советы должны были служить исполнению моих собственных планов. И все они оказались в моей сети».

Заговор Наполеона и аббата Сийеса вылился в переворот 18 брюмера (9 ноября) 1799 года, в результате которого пять правивших до этого директоров были заменены двумя или тремя консулами, которые должны были занимать свои должности в течение 10 лет. При этом в Совете пятисот Наполеон потерял весьма ощутимую неудачу — там его не только обругали, но и в прямом смысле слова вытолкали за дверь. Генерал, непривычный к такого рода парламентским манерам, даже упал в обморок. Он был унижен и поклялся «прикрыть эту парламентскую говорильню». Только вмешательство гренадеров, вступивших в зал заседаний, заставило Совет старейшин утвердить временное правительство в составе трех консулов. Наполеон

снова воспользовался тем действием, которое оказывает на народные массы целенаправленная управляемая пропаганда: «Сотня убийц готова наброситься на меня и делится в мое сердце... Защитника закона встречают криками «Вне закона!»... Французы, я не сомневаюсь, что в том, что я делаю, вы не усмотрите ничего, кроме рвения верного солдата свободы и гражданина, преданного делу Республики». Тем не менее, уже в это время он обдумывал мысль о захвате власти во Франции с помощью армии.

Однако сейчас первоочередной задачей он считал разработку конституции, причем именно такой, которая бы способствовала осуществлению его честолюбивых планов. Ловко и терпеливо ведя переговоры, он добивался создания документа, который был бы «формально демократической конституционной бумагой для нужд цезаристской конституционной реальности». Уже 24 декабря 1799 года консульская конституция стала законом. В ней он сам возложил на себя титул Первого консула. По рецепту, хорошо зарекомендовавшему себя в новейшей истории, он прикрыл свое провозглашение фактически самодержавным властителем демократической видимостью, раз и навсегда закрепив возвышение своей власти над парламентом введением института референдума. Из-за неправильного подсчета голосов, а также из-за большого количества воздержавшихся лишь менее трети имеющих право голоса проголосовали «за». Но первому консулу хватило и этого для того, чтобы ввести Конституцию в действие.

Одна из важнейших задач новоизбранного Первого консула состояла в том, чтобы закончить войну со Второй коалицией. Сначала он попытался решить эту задачу дипломатическим путем — не столько из личных убеждений, сколько отдавая себе отчет в том, насколько его народ истосковался по миру. Но случилось то, чего следовало ожидать: и Англия, и Австрия отвергли его мирные предложения. Теперь он мог предстать перед французами в образе сторонника мира, оскорбленного в лучших чувствах, обратиться к солдатам с призывом выступить против

враждебных государств и при поддержке общественного мнения силой оружия выгнать врага заключить мир.

Итак, весной 1800 года армия преодолела перевал Большой Сен-Бернар для того, чтобы разгромить в Северной Италии захваченных врасплох австрийцев в стиле Ганнибала, который подобным же образом перешел через Альпы в 218 году до н.э. Победа Наполеона при Маренго 14 июня 1800 года была, однако, вовсе не столь блестящей и безупречной, как он в дальнейшем пытался ее представить. Не придя ему вовремя на помощь генерал Луи Шарль Дезэ, Наполеон вне всякого сомнения проиграл бы это сражение. Однако признать этот факт было для самонадеянного и постоянно жаждущего славы полководца делом невыносимым. И здесь сама судьба помогла ему представить эту явно сомнительную победу в выгодном для него свете. Случилось так, что во время этой спасательной операции сам генерал Дезэ был смертельно ранен. Наполеон смог присвоить всю славу и целиком и полностью использовать ее в своих целях. После подписания мирных договоров в Люневиле (1801/02 год) и позднее в Амьене он мог предстать перед своим народом во вполне реалистичном образе миротворца, и даже в Европе поверили, что со столь миролюбивым Наполеоном можно попытаться жить дружно. Одна из его прокламаций того времени приводит на память слова, которые вполне могли бы прозвучать уже в XX веке в Третьем Рейхе: «Французы! Вот он, наконец, полный и окончательный мир. Вы заслужили этот мир долгой и героической борьбой. Верное вашим пожеланиям и своим обещаниям, правительство не позволило увлечь себя смелыми планами и предприятиями. Оно видит свой долг в том, чтобы вернуть человечеству покой и прочными узами связать между собой народы великой европейской семьи, определяющей судьбы мира».

Такими или подобными словами Наполеону удалось произвести впечатление и на европейских партнеров, в частности, на нового британского премьер-министра Фокса, который после посещения Парижа в самых восторженных

выражениях восхвалял некогда несправимого англофоба.

После успешного заключения мирных договоров Наполеону пришлось вплотную заняться внутриполитическими проблемами. Прежде всего, после десятилетнего периода иконоборчества, он попытался примирить свое государство с церковью. Не потому, конечно, что он сам был верующим человеком, а лишь исходя из соображения о том, что строить отношения со старшей из всех существующих властей следует на разумной основе и по мере возможности использовать эти отношения в собственных целях. «Католицизм сохранил для меня папу, и мое влияние и сила в Италии позволяют мне надеяться, что рано или поздно он станет послушным моей воле. Вот это будет влияние, вот это будет настоящий козырь против Европы!» Однако он также ввел новый школьный закон, единый для всей страны, и увеличил численность служб безопасности, чем усилил внутреннюю безопасность. От попыток сближения со стороны Бурбонов он уходил с придворной увертливостью, что же касается роялистов Вандей, то он относился к ним скорее благожелательно. Но основные надежды он возлагал на союз с широким демократическим центром, поскольку эти слои при его правлении чувствовали себя более уверенно, а он, как истинный отец нации, делал со своей стороны все для смягчения социальных тягот. Заговоры против Первого консула Бонапарта исходили от якобинцев, которые 10 октября 1800 года предприняли попытку заколоть его кинжалом в ложе Парижской Оперы. Но и роялисты не оставляли мысли о тираноубийстве, каковое они и попытались осуществить при помощи адской машины, брошенной в его карету, направлявшуюся на оперу, 24 декабря того же года. Жизнь Наполеона спасло рвение кучера, который гнал лошадей, боясь опоздать, в то время как девять случайных прохожих погибли. К началу представления Наполеон с выражением олимпийского спокойствия появился в своей ложе — в Париже шла премьера «Сотворения мира» Гайдна. Однако на следующий день он приказал без суда и следствия депортировать 130 якобинцев на Сейшельские

острова и не отменил своего решения даже тогда, когда выяснилось, что истинными исполнителями этого террористического акта были роялисты. Двух схваченных террористов он отправил на гильотину в красных рубашках отпеубий, ибо, как он сказал, они пытались убить «отца нации». В отношении литераторов, казавшихся ему опасными, он также не останавливался перед резкими мерами. Так, в 1802 году он выслал из Парижа мадам де Сталь за острые слова, направленные против его просвещенного абсолютизма. Позднее, находясь за рубежом, она много сделала для организации сопротивления его режиму.

Подобно многим диктаторам после него, он считал себя представителем народа и, при необходимости, исполнителем воли народа, наделенным правом совершать насилие. Применявшиеся для этого методы во многом были подобны тем, что применялись диктаторскими режимами XX столетия. Эти методы, наряду с ловким манипулированием общественным мнением посредством пропаганды предполагали создание государственной полиции, которая должна была держать граждан государства под возможно более плотным наблюдением. Наиболее подходящим кандидатом на пост министра полиции ему показался бывший якобинец, позднее ренегат Жозеф Фуше, который вошел в историю революции как организатор террора в Лионе. Сеть его агентуры была настолько плотной, что с ее помощью он мог держать под колпаком даже самого Первого консула. Что же касается пропаганды, столь важной для его державных планов, то здесь роль режиссера Наполеон принял на себя, ибо пропаганда должна была постоянно вбивать в сознание французов мысль об уникальности и величии его славных свершений и со страстным, окрашенным в национальные цвета пафосом убеждать граждан в том, что только он, Наполеон, обладает способностями, волей и острым, как бритва, разумом, делающими его личность способной успешно вершить судьбы Франции.

Он уже был убежден в том, что сможет построить «новую Францию, которая послужит моделью французской

Европы». Для того, чтобы достичь этой цели, требовалось, по его мнению, не только превосходство разума и воли, но и, прежде всего, неустанная и неиссякающая работоспособность. Действительно, он работал непрерывно, дома, в пути, на поле битвы, днем и ночью. Его сотрудники с трудом выдерживали такой режим труда без сна и отдыха. Подобный режим работы для него был возможен, поскольку он очень мало нуждался в сне и отходил ко сну, когда и где хотел.

Такой адский режим работы имел, однако, и отрицательные последствия, выразившиеся вначале в психосоматических недомоганиях. При этом наиболее уязвимым оказался его желудок. Уже во время учебы в бриеннской школе физические перегрузки или возбуждение неоднократно вызывали боли в желудке неопределенной природы. Но тогда они быстро проходили. Теперь же этот орган давал о себе знать приступами почти невыносимой боли. Его секретарь Бурьен сообщает, что в 1802 году в период интенсивной работы Наполеон вдруг простонал: «*Comme je souffre!*» («Как я страдаю!»). Прервав работу, он с силой облокотился на край письменного стола, рванул на себе жилет и прижал обе ладони к надчревной области.

Стабилизация национальной валюты, сбалансированный бюджет, успехи в экономической и социальной сфере повысили его престиж и доверие к нему народа. Он же прекрасно умел использовать человеческое тщеславие, умело подогревая его орденами и отличиями, для привлечения надежных работников в самых разнообразных областях: «Взрослые мужчины падали на детские игрушки». Особое значение имело для него введение гражданско-правового равенства, произошедшее 21 марта 1804 года с вступлением в силу Французского гражданского кодекса (*Code civil Français*, позднее более известен под названием *Code Napoléon*). Теперь он получил более надежную опору в лице буржуазии. Этот кодекс впоследствии оказал значительное влияние на гражданское законодательство многих стран.

Все дети получили право на наследство, всем родителям было вменено в обязанность заботиться о детях, евреи были уравнены в правах с прочими гражданами, для всех был введен гражданский брак с возможностью развода.

После таких благодеяний в народе самым естественным образом начали раздаваться голоса о том, что правление благодетеля следует сделать пожизненным.

Наполеон I, император французов

Обуреваемый величайшим нетерпением, Наполеон организовал очередной плебисцит. Вопрос, вынесенный на рассмотрение народа, звучал так: «Должен ли Наполеон Бонапарт стать пожизненным консулом?» 3600000 граждан, имевших право голоса, ответили «да» против всего лишь 8370 «нет». Теперь он, гордо выпятив грудь, мог наконец сказать: «С сегодняшнего дня я стал равным другим самодержцам». Но тут же последовала мысль сделать эту власть наследственной и тем самым закрепить ее на будущее за своими потомками или за своей семьей. Незаметными, но быстрыми шагами двигался он к трону, ибо, как заявил он в узком кругу, с помощью близких и преданных ему людей он мог получить все, что пожелает. Его плану благоприятствовала волна неомонархизма, все выше поднимающаяся во Франции. Это не могло пройти мимо Сената и даже Трибуната, в котором еще оставалась горстка якобинцев. Восстановление правления Бурбонов было для этого учреждения совершенно немыслимым, в связи с чем оно сочло лучшим выдвинуть идею монархии во главе с Бонапартом, в результате чего родилась следующая законодательная инициатива: «Провозгласить Первого консула Наполеона Бонапарта императором французов и закрепить право наследования императорского титула за его семьей».

Уже 18 мая 1804 года Сенат утвердил новую конституцию, в которой наряду с прочим было сказано следующее: «Управление Республикой возлагается на императора, который носит титул Императора французов». Вынесенная

на третий плебисцит, она 6 ноября 1806 года получила более трех с половиной миллионов голосов «за» и прошла, будучи поддержанной подавляющим большинством французских граждан. Это позволило Наполеону с нескрываемой гордостью сказать: «Ни один монарх не был посажен на трон более легитимным путем, чем Наполеон. Гуго Капет получил трон из рук нескольких епископов и кучки влиятельных людей страны. Наполеону императорский трон был вручен волей всех граждан».

Но в мыслях Наполеон пошел еще дальше. Ему хотелось предстать перед европейскими самодержцами и своими верующими гражданами монархом старого стиля, и он считал, что для этого его императорский титул должен быть утвержден папским помазанием. При этом он настоял на том, чтобы папа для этой цели прибыл к нему в Париж. Местом для проведения церемонии коронации был избран старинный собор Парижской Богоматери. Папа Пий VII был вынужден согласиться, выставив при этом условие, чтобы чисто гражданский брак между Бонапартом и Жозефиной был освящен церковным венчанием, и лишь получив известие о том, что этот ритуал свершился, святой отец удовлетворенно сказал: «Отныне мы не будем более противиться коронации благородного императора».

2 декабря 1804 года состоялся грандиозный спектакль. Примерно через час после прибытия папы в собор там появились император с императрицей, сопровождаемые громом орудейного салюта. Император не позволил папе прикоснуться к короне и сам воздвиг ее себе на голову. Затем император взял корону, предназначенную для императрицы, она преклонила колена, и он надел на нее корону. После этого он позволил Пию VII совершить помазание. Даже в этот торжественный час он сохранял спокойствие. По пути к праздничному столу он сказал Жозефине: «Слава богу, все это уже позади. По мне лучше провести день на поле битвы».

Несмотря на весь триумф этого дня, лицо Наполеона омрачала тень. Причина крылась опять же в ненасытной

жажде славы и власти, о чем свидетельствует отчасти скептическое, отчасти патетическое замечание, адресованное близкому другу Декре: «Я слишком поздно пришел в этот мир, в нем больше нет места для великих дел... Согласен, я сделал прекрасную карьеру, но если сравнить с античностью! Возьмем хотя бы Александра! Завоевав Азию, он объявил себя сыном Юпитера, и весь Восток ему поверил — кроме его собственной матери, Аристотеля и пары афинских педагогов. Ну а если я сегодня попробую объявить себя сыном вечного отца, стоит мне пойти в собор Парижской Богоматери, чтобы его поблагодарить за это, то любая рыба торговка посмеется надо мной. Нынче народы стали хитрыми, и ничего великого совершить невозможно».

Эти слова, сказанные через несколько часов после коронации, еще раз свидетельствовали о том, что его безудержное стремление иметь больше, чем есть сейчас, никогда и ничем не сможет насытиться. С тех пор как он понял, что, совершая неординарные поступки и владея искусством повелевать, не так уж сложно внушить людям повиновение и преданность, он понял, что для сильного, а значит и для него самого, принципы Просвещения необязательны. О, как радовался бы он народовластью — все слабости демократических инстинктов были ему точно известны! Выбиться вперед, повсюду прославить свое имя, вписать золотом страницы в книгу истории — вот единственная жизненная цель и награда, достойная его. В эти дни ему представили на утверждение эскиз императорской печати, на котором был изображен покоящийся лев. Наполеон тут же перечеркнул рисунок и собственноручно написал на нем: «Летящий орел».

Час коронации императора стал часом окончательного и бесповоротного конца республики, и борцы за свободу идей один за другим начали отрешиваться от своего идола. Не стал исключением и Людвиг ван Бетховен, который не замедлил отозвать посвящение «Героической симфонии» Бонапарту.

Но этой короны ему уже было мало. 17 марта 1805

года от Цизальпинской республики поступило предложение о присоединении Итальянского королевства к Французской империи. 26 мая в Миланском соборе, первый камень в фундамент которого заложил Галеас Висконти, он принял железную корону древних ломбардских королей, ту самую корону, которую некогда носил Карл Великий. Возложив на себя эту корону, он воскликнул: «Бог дал мне ее, и горе тому, кто к ней притронется!».

Император французов желал превратить Париж в центр Европы, следовательно, он должен сам перестроиться на монархический лад и соответствующим образом поставить свой двор. Как во времена Бурбонов, появилась масса придворных должностей, на обладателей которых были возложены самые разнообразные обязанности. В отношении государственных должностей также наметился переход к старорежимным обычаям. Старого поместного дворянства не стало, и он создает новое служилое народное дворянство, для чего в качестве первого шага был основан Почетный легион. Назначение семнадцати маршалов призвано было отметить тех генералов, чьи заслуги перед ним в предыдущих походах оказались наиболее весомыми. Вскоре он начал наделять членов своей семьи княжескими титулами и доходными должностями. Через пару лет вернутся и старые дворянские титулы вместе с их носителями. Эти люди понадобились при дворе для надзора и привития хороших манер, поскольку новое придворное общество состояло преимущественно из выскочек. Возврат титулов, однако, не сопровождался возвратом имений, налоговых привилегий и наследственных прав. Императрица Жозефина тратила на туалеты и украшения столько, сколько не снилось ее предшественницам-королевам, император же довольствовался скромным военным мундиром и лишь по самым торжественным поводам облачался в голубой фрак гвардейского гренадера. Однако он уделял большое внимание организации еженедельных воскресных церемоний, рассчитанных на то, чтобы порадовать воображение собственных подданных и иностранных

дипломатов. Воспоминания одного из маршалов дают основания утверждать, что эта цель была успешно достигнута: «Воскресенье, в Большой галерее все ожидают Его. Стоит раздаться возгласу «Император!» и мы бледнеем. Я знаю крепких парней, которые в эти моменты тряслись всем телом». Особенно поучительными «и для друзей, и для врагов» были Большие парады. Император принимал такой парад, сидя в седле. Войска проходили под грохот барабанов и звук фанфар, с развернутыми знаменами и штандартами, сверкая золотыми орлами и вызывая бурю воодушевления. Многие диктаторы уже нашего столетия хорошо понимали, как действуют такие шоу на массовое сознание, и прочно включали их в свой репертуар.

Подобно многим тиранам и диктаторам Наполеон любил порассуждать о своей персоне. Для него были характерны резкие переходы от ничем не омраченного веселья к грозному озлоблению. Он был просто не в состоянии скрывать свои мысли и настроения. Уже в юности его почерк нелегко было читать, прогрессирующая с годами близорукость делала его все более неразборчивым. Подобно Гитлеру, он обладал способностью мгновенно ухватывать суть проблемы и, к тому же, феноменальной памятью, которая никогда его не подводила. Распорядок его дня был всецело подчинен неустанной работе, которая порой оставляла ему лишь пару часов для сна. Обычно он вставал в 7 утра, быстро пробегал самые важные документы и отчеты, просматривал газеты, чтобы узнать, не позволил ли кто-нибудь себе отклониться от «линии», затем принимал ванну. Его камердинер Констан Верн вспоминал, что вода всегда казалась императору недостаточно горячей. Считалось, что Наполеон очень чувствителен к холоду. Мысль принять ванну могла посетить его в любой час дня и ночи, поэтому горячая вода день и ночь должна была быть наготове.

Во время купаний ему читали депеши и рассказывали различные истории и слухи. Порой купания продолжались час и дольше, и все это время слуга подливал в ванну горячую воду. Ванная комната всегда, даже летом, должна

была быть жарко натоплена, атмосфера в ней скорее напоминала парилку, и для того, чтобы ее проветрить, слуге приходилось настежь открывать все окна и двери. Известно также, что его голова особенно не переносила холода, и Констану приходилось набивать его шляпы ватой. После ванны он надевал утренний халат из белой фланели, снова надевал на голову ночной колпак и приступал к бритью и, наконец, выпивал одну-две чашки чая. После бритья он мыл руки миндальной пастой и мылом, ароматизированным розовой эссенцией, умывал лицо мягкой мочалкой, чистил зубы щеткой, посыпав ее мельчайшим коралловым порошком, и, наконец, полоскал рот разведенным коньяком. После этого Констан растирал его тело одеколоном. Ритуал утреннего туалета завершался табаком. Сразу же после этого он одевался и направлялся в рабочий кабинет, где его уже с пером в руке ожидал секретарь.

Завтрак ему подавали около 10 утра. Обедал он очень быстро — в редких случаях обед продолжался дольше 12 минут. Подобная торопливость в еде нередко плохо сказывалась на самочувствии императора. Констан вспоминает такой случай: «Однажды меня вызвали к императору — ему стало плохо сразу же после обеда. Он лежал на ковре, над ним склонилась императрица, голова его лежала у нее на коленях. Император стонал и ругался. Этот недуг, спасение от которого он мог найти, только улегшись на землю, он переносил тяжелее невзгод и опасностей любого похода... Выпив три чашки чая, Наполеон почувствовал облегчение. Императрица гладила его лоб и массировала в области желудка... Мне неоднократно пришлось быть свидетелем столь трогательных сцен».

Описание этой сцены и другие подобные свидетельства Констан дали повод итальянскому психиатру Чезаре Ломброзо поставить Наполеону диагноз «эпилепсия». Для такого предположения, однако, нет никаких оснований. Легенда о том, что Наполеон страдал эпилепсией, ведет свое происхождение от Талейрана, который в своих мемуарах писал, что во время посещения Страсбурга в сентябре

1805 года в его присутствии у императора случился эпилептический припадок, во время которого он свалился на пол и целых 15 минут бился в судорогах. Поскольку, однако, отсутствуют какие-либо упоминания о прикусывании языка, появлении пены на губах и даже о потере сознания, то следует полагать, что в данном случае речь идет скорее всего не об эпилептическом припадке. Люди, принадлежавшие к непосредственному окружению императора, однозначно утверждали, что Наполеон никогда не страдал эпилепсией. По-видимому, Талейран стал свидетелем внезапного и очень сильного приступа желудочной колики, сопровождаемого судорожными явлениями и подобного описанному Констаном. В таких случаях Наполеон мог также прибегать к театральным эффектам, что вполне соответствовало чрезвычайно напряженному состоянию его нервной системы. Это состояние во многих случаях проявляло себя сопутствующими мышечными реакциями, что не укрылось от глаз близкого окружения императора. Бывало, что после многочасовой работы у него начинало подергиваться плечо — своего рода нервный тик, свидетельствующий о нервном перенапряжении. Точно также от глаз приближенных не ушло подрагивание икроножной мышцы под чулком — безошибочный предвестник близкого эмоционального взрыва.

Обед состоял из супа, трех мясных блюд (его любимым блюдом было куриное фрикасе — *Poulet à la Marengo*), двух видов овощей, кофе и вина Шамбертен. С течением лет это меню все более упрощалось и сокращалось. Наполеон считал еду не более, чем «заправкой рабочей машины топливом» и часто вообще не замечал, что ему подают. Мысли его были далеко, продолжалась непрерывная работа. Патологическая самоотдача в работе была причиной того, что часто он питался нерегулярно, пищу для него порой приходилось разогревать, хотя он не обращал внимания на подобные мелочи. Манеры поведения за столом волновали его столь же мало, сколь и меню. Он с удовольствием заменял вилку пальцами, и следы насоро проглоченных

блюд оставались не только на скатерти, но и на его одежде.

Также как к еде, относился он и к сексуальным потребностям. По мнению одного историка, «женщина была для него не более, чем средством для отдыха от работы». Ухаживание за женщиной он считал разбазариванием времени и сразу переходил прямо к делу. Саму идею общественно-равноправия женщин он считал извращением: «Женщины — наша собственность... Мы владеем ими, подобно тому, как садовник владеет деревом, приносящим плод». Роль женщины он видел в том, чтобы быть высоко нравственной верной супругой и многодетной матерью. Если учесть, что он к тому же считал, что со времен падения старого режима моральные устои французского народа укрепились, «французы стали строже смотреть на эти дела и не простят государю открытых интрижек и любовниц», то станет понятно, почему при его дворе действовал строгий официальный запрет на амурные дела с любовницами.

Но и в остальном придворная жизнь была суха, ее подавляли непредсказуемые вспышки гнева главы дома. Франц Херре вспоминает: «Франция не знала более не приветливого и скучного двора». Наиболее желанными его собеседниками были придворные живописцы вроде Жака Луи Давида и Франсуа Жерара. Он не жалел времени на беседы с ними и указания о том, как лучше изображать свою персону и свои подвиги. И от своих архитекторов он требовал построек в стиле классицизма, долженствующих придать его империи античное величие. И хотя он потихоньку полнел, вскоре его начали сравнивать с известными античными образами, несмотря на то, что его телосложение имело мало общего с античной статуей. Несмотря на то, что Наполеон и как военный, и как политик был неудержимым фантазером, все же он не решался, подобно римскому императору, сооружать монументальные строения. Этим он явно отличается от болезненной строительной мегаломании Гитлера. Такого рода проекты он отвергал с резолюцией: «Избыточное честолюбие оставляет после себя недостроенные дворцы». Еще за год до его коронации

возобновилась война с Англией, скорее военное положение, чем настоящая кампания, которая продолжалась вплоть до окончательного поражения Наполеона. Подобно тому, как это было перед египетской авантюрой, он перебирал в Булони все возможные способы высадки, но чуждая ему морская стихия рождала у него соображения, простительные скорее любителю, чем специалисту. Во время этих приговлений случались трагические происшествия, весьма симптоматически пролившие трагический свет на его необузданную и тираническую сущность. Несмотря на надвигающийся шторм, он назначил парад флота, но адмирал отказался выполнить заданный маневр. Размахивая плетью, император прогнал адмирала с командного пункта и настоял на исполнении своего приказа. Двадцать кораблей перевернулись, двести матросов стали жертвой жестокой прихоти тирана, страдающего манией величия. На следующий день трупы прибило к берегам родины, как символ той цены, которую приходится платить за беспрекословное выполнение заносчивых и безответственных приказов.

В этой войне Англия нашла могучих союзников в лице Австрии и России и образовала с ними Третью коалицию. Казалось, что это — начало конца Наполеона. Однако одно завоевание следовало за другим. Новое военное искусство, которое, по словам маршала Фоша, определило направление развития на весь XIX и даже на XX век и «изменило суть и масштабы войны», позволило Наполеону гениально окружить всю австрийскую армию еще до того, как она вообще собралась вступить в бой. «Я достиг цели, австрийская армия уничтожена несколькими простыми маневрами. Теперь вперед на русских. Им конец!» Столь просто представлял он себе уничтожение русской военной мощи.

Но здесь, посреди стремительного наступления, его настигла достойная Иова весть о полном уничтожении его флота адмиралом Нельсоном при Трафальгаре: победа, которая стоила жизни победителю. Но он не дал обить себя с пути, продиктованного честолюбием и верой в свою политическую миссию — создание европейской империи,

а также стремлением Франции к расширению своего имперского влияния. Реализация оперативных планов требовала от него непрерывного, порою адского напряжения всех сил на пределе возможностей, о чем свидетельствует страсбургское происшествие, рассказанное Талейраном «Я сорвал с него галстук, так как боялся, что он задохнется. Его не вырвало, но он стонал, изо рта текла слюна».

Наконец, 2 декабря 1805 года, в знаменитой битве, в которой участвовали сразу три императора, ему удалось нанести поражение и австрийцам, и русским. Пустынные поля, на которых произошло это сражение, отныне на всегда войдут в историю как поля Аустерлица. В этот день он писал Жозефине «Я несколько утомлен, пришлось восемь суток провести под открытым небом, а ночи уже свежо. Сегодня я лежу на кровати в прекрасном замке князя Кауница и рассчитываю послать два три часа».

Эта победа положила конец существованию Священной римской империи германской нации, на развалинах которой Наполеон создал, выражаясь словами Франца Херре, «французскую крепость, фасад которой он выкрасил в германские цвета». Кодекс Наполеона создал в германских государственных образованиях основу для развития буржуазного общества: привилегии дворянства были упразднены, крестьяне освобождены от феодальных повинностей, евреи эмансипированы и обеспечена терпимость по отношению ко всем религиозным общинам. В духе просвещенного абсолютизма место Священной римской империи германской нации заняла Римская империя французской нации, в которой, естественно, был возможен только один монарх — Наполеон.

Дабы загладить все неясности, он в 1809 году мановением руки аннексировал папскую область, и папа Пий VII стал его пленником. «Теперь я — римский император», — заявил Наполеон после победы при Аустерлице и приступил к созданию современной империи по римскому образцу. Брата Жозефа он посадил на королевский престол в Неаполе. В это время он писал ему «Неаполитанское

королевство я хочу включить в мою семью, чтобы оно, подобно Италии, Швейцарии, Голландии и трем немецким королевствам — Баварии, Вюртембергу и Саксонии — вошло в число моих федеративных государств или, что ближе к истине, принадлежало к Французской империи». Эти мысли, которые он доверил брату, идеально вписывались в твердое задуманный им план создания «Европейской империи» с императором французам во главе. Теперь его беспокоило то обстоятельство, что брак с Жозефиной не мог принести ему наследника. Поэтому ему пришлось заняться поиском другой жены, которую он нашел в Марии Луизе, дочери австрийского императора Франца I. Многим старым боевым товарищам не нравился брачный союз со старой «почтенной» династией, но сам он считал его «большим успехом, который можно сравнить с Аустерлицем».

После того как Пруссия ультимативно потребовала от Франции вывести войска из южной Германии и предоставить там свободу действия прусскому королю Фридриху Вильгельму III, 14 октября 1806 года в битве при Иене и Ауэрштедте Наполеон нанес прусской армии столь сокрушительное поражение, что в его руки вместе с Южной Германией перешла Северная Германия и Силезия до самой Вислы. Теперь успех похоже, по настояющему ударил ему в голову. Отыгравший властью, он решил поставить на колени и Англию. В качестве инструмента он избрал так называемую континентальную блокаду (Берлинский декрет от 21 ноября 1806 года).

Единственным его противником оставалась Россия, у которой была большая армия, хорошо знакомая с местностью и климатическими условиями. Наполеон верил, что сможет быстро победить русских, но это оказалось ошибкой. Зима, мороз, снег, но прежде всего русская тактика выжженной земли привела к тому, что на сей раз наполеоновская стратегия грозила дать сбой, а решительное сражение при Эйлау 8 февраля 1807 года завершилось вничью, что нанесло в Париже существенный ущерб его репутации непобедимого полководца. Наполеон счел необходимым урегулировать

свои отношения с Россией, что и было закреплено франко-русским договором от 9 июля 1807 года. По Тильзитскому мирному договору из отторгнутых прусских территорий было создано герцогство Варшавское и королевство Вестфалия, которое он отдал своему брату Жерому.

Прусская графиня фон Фосс так описывала Наполеона: «Полный, невысокого роста и совсем никакой фигуры... В выражении его черт присутствует твердость; он выглядит как воплощение успеха», но его тело было не всегда таким железным, как он пытался это демонстрировать во время своих величественных выходов. Во время кампании против России с ним неоднократно случались желудочные колики, и это окончательно начало его беспокоить. «Я пишу в себе зародыш ранней смерти. Я умру от того же недуга, что и мой отец». Вот как обстояло дело с этим «мужем благородного замысла и спокойного величия», которого Гете воспринимал как великого устроителя Европы.

Представление Гете о Наполеоне как о «полубоге», который действует «в конечном счете как физическая сила, подобная воде или огню» вне всякой морали, во многом подобна первоначальной оценке Гитлера Томасом Манном и Мартином Хайдеггером. И Наполеон, преисполненный «благородных замыслов и спокойной величия», своим скромным зеленым мундиром гвардейского егеря умело создавал вокруг себя требуемое впечатление, подчеркивая таким самоуничтожением свою роль «укротителя масс и покорителя хаоса».

Наполеона все чаще мучают желудочные колики, усиливается нервная возбудимость, снять которую удастся только многочасовыми горячими ваннами. Отношения с окружающими становятся все более холодными, он запрещает заговаривать с собой даже собственным братьям. Иногда он встает посреди ночи и диктует до утра. Разум его затуманивают приступы меланхолии, как это с ним случалось в юные годы. Теперь, когда его мечта стала близка к осуществлению, достигнутое казалось ему недостаточным. После подписания Тильзитского мирного договора, когда один из

министров попытался его поздравить, он резко ответил: «Вы такой же, как толпа. Настоящим властелином я стану только тогда, когда подпишу Константинопольский мир». Перед его внутренним взором по-прежнему стояла мечта о покорении Азии и мировом господстве.

Намечается перелом

С этого момента начали постепенно обозначаться перемены в судьбе Наполеона. Континентальная блокада не смогла подорвать могущества Англии. Австрия снова готовилась к войне. Талейран, предчувствуя грядущее, ушел с поста министра иностранных дел, но во время съезда монархов в Эрфурте в октябре 1808 года он тайными интригами сумел внушить царю мысль о слепой страсти к завоеваниям, владеющей императором, и Александр I начал отдаляться от Наполеона. К этому прибавилось восстание испанцев против французов, в результате которого посаженный там королем Жозеф Бонапарт вместе с французской армией в июле 1808 года вынужден был покинуть свою столицу Мадрид и отступить за Эбро. Угнетенные нации клеймили французов как душителей испанского народа, и сами французы начали постепенно осознавать, что Наполеон был не вполне открытен, когда провозглашал благородный замысел принести народам свободу и отнятые у них права, и что движущей силой его имперских устремлений является скорее честолюбие и страсть к завоеваниям. Не имея ни малейшего представления о присущем испанцам страстном национализме, он попытался исправить положение с помощью отборных войск, командование которыми принял он сам. Испанцам нечего было противопоставить этой колоссальной мощи, и 4 декабря 1808 года они оставили свою столицу на милость императора. Но теперь разгорелась партизанская война, небывалая по своему ожесточению, которая привела наполеоновскую стратегию к провалу. «Война в Испании уничтожила мой престиж в Европе», — признался он позднее. Тот общезвестный факт, что он затеял эту войну только для

того, чтобы получить еще одну корону для своей династии и приумножить свою славу, стоил ему немалой доли престижа и во Франции. Но самое страшное состояло в том, что успешное сопротивление испанцев захватчикам прозвучало сигналом для других угнетенных народов. Прежде всего барон Штейн поверил в то, что вместе с генералами Гнейзенау и Шарнхорстом сможет по примеру испанцев изгнать Германию от ига угнетателя. И Австрия готовилась к пятой войне, снова вступив в союз с Англией и на сей раз еще и с Турцией. Однако, взяв на себя неблагоприятную роль агрессора, Австрия сделала большое одолжение Наполеону, позволив ему сыграть роль защитника Франции и тем самым восстановить свой подмоченный престиж на родине и боевой дух войск.

Уже 13 мая 1809 года французы во второй раз вступили в Вену, хотя австрийская армия еще не была разбита. И вот тут выяснилось, что стратегия избалованного победой Наполеона уже приблизилась к пределам своих возможностей, так как противники слишком многому научились у гениального полководца. Под Асперном Наполеон потерпел первое в своей жизни поражение. Одержав победу в битве под Ваграмом 6 июля 1809 года, а затем получив подкрепление из Италии, он сумел в какой-то степени смыть это пятно, но этим был обязан лишь тому обстоятельству, что эрцгерцог Карл не сумел воспользоваться плодами своей предыдущей победы.

После битвы под Асперном, когда возникла самая опасная и удручающая ситуация в жизни Наполеона, вновь проявилось его кожное заболевание. Врачи были настолько обеспокоены, что пригласили на консилиум доктора Иоганна Петера Франка, лейб-медика австрийского императорского дома и первого директора недавно открывшейся Венской общедоступной больницы. Консилиум пришел к выводу, что потертость кожи шеи воротом шинели привела к образованию фурункула и поскольку в настоящий момент существует опасность «заражения мозга», пациент нуждается в длительном лечении. Наполеон категорически

отказался от предложенного лечения и вызвал из Парижа своего лейб-медика профессора Жан-Никола Корвизара, которому действительно удалось быстро вылечить фурункул при помощи нарывного пластыря.

14 октября 1809 года во время парада победы по случаю подписания Шенбруннского мирного договора, навязанного Австрии Наполеоном, произошел досадный инцидент: Фридрих Штапс, сын протестантского пастора, попытался заколоть императора Наполеона кинжалом. После ареста Штапс заявил, что раньше был искренним почитателем императора, но захватническая политика, опирающаяся только на силу, открыла ему глаза на истинный характер Наполеона. Изменение взглядов этого юноши, крикнувшего перед казнью «Да здравствует свобода! Смерть тиранам!», должна была заставить Наполеона серьезно задуматься. Уже повсеместно появляются ростки духовного сопротивления, иногда эти всходы принимали форму листовок достаточно угрожающего характера. Когда издатель одного из таких антинаполеоновских памфлетов, Иоганн Филипп Пальм из немецкого города Браунау-на-Инне, попал в руки французских оккупационных властей, Наполеон решил устроить наглядный пример и для острастки других Пальм был казнен в Браунау-на-Инне 26 августа 1809 года.

Внутренним врагом совсем другого рода был для Наполеона барон Штейн, который в отчаянной борьбе пытался вынудить прусского короля Фридриха Вильгельма III провести реформы и наряду с этим надеялся поднять в Северной Германии народное восстание по примеру испанцев. Французы перехватили и переправили в Париж его письмо, в котором говорилось: «Пример Испании показывает, куда может завести хитрость и жажда власти, но, в то же самое время, этот пример показывает, на что способен народ, не утративший силы и мужества. Ожесточение в Германии растет с каждым днем, нам следует приблизить его и распространять его в народе». Император начал охоту на Штейна, тому пришлось бежать сначала в Австрию, потом в Россию. Штейн приобрел ореол мученика,

страдающего за народ, и в таком качестве он вместе с мадам де Сталь стал одним из виднейших организаторов народного и международного сопротивления против все более явно проявляющего себя империализма Наполеона.

И на родине росло недовольство наполеоновским режимом, который все более явно превращался в неприкрытую диктатуру. Постоянно росло количество ежегодных рекрутских наборов, не прекращалась война, которая велась не для защиты Франции, а единственно для укрепления власти и расширения сферы господства Наполеона, правившего на манер римских императоров. Потери убитыми, понесенные в этих войнах, давно уже перешагнули миллионный рубеж. Для взглядов Наполеона на роль молодежи в реализации его честолюбивых планов характерно сравнение Франции с «любвицей», которая «расплачивается удовольствием за счастье принадлежать мне». Ибо, как дословно он выразился, «если мне понадобится 500000 солдат, она мне их даст». Фуше, любимый, но незаменимый министр полиции, цитирует в своих мемуарах такие слова Наполеона: «Мне нужны 800000 солдат и они у меня есть. С ними я поволоку Европу за собой. Европа — просто старая баба, с моими 800000 солдат я буду делать с ней все, что захочу. Вы же сами говорили, что признаете гения гением только потому, что для него не существует невозможного.. Я еще не выполнил своего предназначения, мне предстоит завершить то, что я начал... Из всех народов я сделаю один народ». Итак, вновь видение Соединенных Штатов Европы.

Чем больше новых рекрутов требовали имперские планы Наполеона, тем больших усилий требовало поддержание внутреннего спокойствия, что неизбежно влекло за собой ужесточение диктатуры и озлобление граждан. Тысячи молодых людей пытались уклониться от рекрутских наборов и уходили в бег, их ловили специально созданные для этого «летучие колонны», угрозами расправы с семьями и общинами насильно заставляли идти на службу в армию. Сеть тайных агентов проникла в самые дальние

уголки страны, любой намек на критику безжалостно преследовался. Более трех тысяч «государственных преступников» были без суда «превентивно арестованы» (аналогичным образом поступали диктаторы и в нашем столетии) «за ненависть к императору» или «за враждебные правительству высказывания в частной переписке». Когда в одной из голландских газет было высказано мнение, что папа может отлучить короля от церкви, газету не только закрыли, но и арестовали автора. Если раньше Наполеон чутко прислушивался к общественному мнению, то теперь, обретя полную силу, он совершенно игнорировал тот моральный отклик, который вызывали его действия у французов: «Какое мне дело до того, что думают салонные слетники!»

Вне границ Франции недовольство политикой Наполеона постоянно росло. Если французским военным удавалось перехватить контрабандные товары, прошедшие через дырявый забор континентальной блокады, то они подлежали конфискации и сожжению. Это зрелище действовало на народы покоренных стран, как красная тряпка на быка, но всякая попытка сопротивления или бунта безжалостно подавлялась в зародыше.

Когда в 1812 году в Нормандии произошел голодный бунт, Наполеон направил туда войска, восемь человек были казнены, чтобы впредь было неповодно. С железной последовательностью французский народ был подчинен воле одного диктатора, «самодержца, апеллирующего к воле народа, но правящего по произволу, неведомому ни одному монарху божьей милостью. Вор, укравший для себя трон, основал династию и коллекционирует короны». Уже давно свобода и равенство втоптаны в грязь. Все его решения и указания служили исключительно его собственным интересам и приумножению его славы, такова была сила опьянения властью. Чем более усиливалось недовольство народа, тем более жестоким становились репрессии: все печатные произведения, которые могли бы умалять престиж императора, конфисковывались или правились цензорами, книги, написанные мадам де Сталь или, скажем,

Шатобрианом, автоматически попадали в список запрещенных. Как позднее Гитлер, Наполеон считал интеллектуалов идеологами, которые только путаются под ногами, мешая проводить нужную ему политику. Ему же лично они были глубоко противны. Уже в 1807 году он распустил Трибунал, последний орган в стране, напоминающий парламент, который он считал «говорящей и тусовкой оппозиционеров», одновременно низведя Государственный совет до органа, формально утверждающего его единоличные решения. «Я римский император. Я принадлежу к наилучшим из цезарей», — славил он себя самого. Теперь законы издавались только лично Наполеоном, который также принял на себя заботу об их неукоснительном исполнении. Он ввел испытательный срок для судей и тем самым создал идеальный инструмент для вмешательства в дела судебной власти и, естественно, сам стал высшей судебной инстанцией. Как и в Третьем рейхе, среди представителей французского духовенства нашлись такие, которые, несмотря на ликвидацию и аннексию папской области в 1809 году, считали, что по отношению к своему императору им надлежит проявлять «любовь, почтение, повиновение и верность», поскольку, по их мнению, Бог сделал его «государем, орудием своей власти, своим подобием на земле». Эту формулировку Наполеон сопроводил скромным самодовольным комментарием: «Примирить меня с Богом — это ваше дело».

Характерно, что в это же время, издав чрезвычайный закон от 1808 года, он попытался ущемить евреев, которые еще революцией были уравнины в правах, очевидно, надеясь этим завоевать народные симпатии и повысить свой упавший престиж. Напрасно, народные массы симпатизировали ему все меньше, а чванное высокомерие делало его почти смешным даже в тех кругах, которые были традиционно настроены в его пользу. Эгоизм и страсть к самовосхвалению лишили его всякой самокритичности, поскольку только этим можно объяснить

высказывания типа: «В моем мизинце больше знаний, чем в головах всех моих подданных».

Когда Мария-Луиза, восемнадцатилетняя дочь австрийского императора Франца I, после венчания в церкви 2 апреля 1810 года вступила на порог дворца Тюильри, Наполеон, конечно, не мог ожидать изъятия особой симпатии со стороны француззов, у которых Габсбурги в лице Марии-Антуанетты оставили о себе худшую память, чем даже Бурбоны. Было очевидно, что причиной этого брака были не политические соображения, а исключительно желание дать династии наследника мужского пола, поскольку его незаконный сын Александр, рожденный польской графиней Марией Валевской, не мог удовлетворять подобным требованиям. Уже 20 марта 1811 года, после тяжелых родов с применением щипцов на свет появился наследник престола, получивший титул «Римского короля».

Тем временем противоречия между интересами России и Франции обострились угрожающим образом. И хотя Наполеон еще 16 июня 1811 года в «Обращении к нации» давал успокоительные заверения в том, что мир на континенте не будет поставлен на карту, уже полным ходом шли приготовления к войне с Россией, в которую он вступил 24 июня 1812 года, через год после этого ложного заявления. Имея под ружьем 600000 солдат — самую большую армию в истории, будучи уверенный в верности и действенной поддержке государств-сателлитов, он рассчитывал, проведя победоносный blitzkrieg, за пару месяцев покончить с Россией и, завоевав Азию, стать властелином мира. Вопреки всем предостережениям о том, что французы обречены стать жертвами голода и холода на необозримых пространствах России, 24 июня 1812 года Наполеон отдал приказ перейти пограничную реку Неман. Он был уверен в победе и в воззвании к Великой армии было сказано: «Россия идет навстречу своей гибели. Да свершится ее судьба!».

Император искал сражения, царские полководцы от сражения уклонялись. Грандиозное наступление французской армии шло в пустоту в прямом смысле этого слова. Объявив

французскому узурпатору «священную войну», царь развег в своих войсках пламя патриотизма, выразившееся в тактике выжженной земли. Лошади вынуждены были есть солому с крыш и массы гибли, так что даже сам Наполеон был вынужден некоторые переходы совершать пешком. Впереди он видел только дым сожженных деревьев, позади его был смрад разлагающихся трупов. По пятам за армией шла дизентерия, только за первые четыре недели похода, ни разу не войдя в боевой контакт с врагом, он потерял более ста тысяч человек. Только 7 сентября 1812 года русская армия впервые приняла бой у селения Бородино. Французам хотя и удалось отбросить русские войска, но уничтожены они не были. Впервые за всю свою военную карьеру Наполеон не смог ни на мгновение покинуть поле сражения. Простуженный, с высокой температурой, затруненным дыханием, кашлем и отеками ногами он весь день просидел в седле и не решился дать своим войскам команду на преследование отступающего противника.

Все же Бородинское сражение открыло французам путь в Москву и 14 сентября они вступили в опустевший город. Мечта смертельно усталых солдат наконец-то выстаться на нормальных квартирах сбылась, но ненадолго, так как город уже пылал со всех концов. Считается, что это было сделано по приказу московского губернатора, но, скорее всего, мародерствующие французы также могут претендовать на соавторство. «Если бы не пожар Москвы, я смог бы занять зимние квартиры и явить миру редкостное зрелище армии, мирно зимующей посреди вражеской страны», — писал Наполеон, оглядываясь на события того времени.

Дело, однако, обстояло совсем по-иному, ибо его предприятие провалилось задолго до того, как Москва была объята пламенем. Из-за перенесенных тягот, недостатка сна, плохого питания его физические и душевные силы были уже совсем не те, которыми так восхищался Гете во времена Эрфурта. К этому следует добавить желудочные колики, боли при мочеиспускании, болезненные запоры, связанные с геморроем. Все эти обстоятельства мешали ему

остановиться на каком-то определенном решении: следовать ли своему первоначальному плану и, следуя по стопам Александра Великого, идти дальше в Индию, чтобы лишить Англию главной базы снабжения и добраться до неслыханных сокровищ, или все же начать отступление. Он все еще ждет ответа царя, которому 20 сентября направил письмо с предложением мира. Однако в глазах противников Наполеона русский император все более явно выдвигается на роль освободителя Европы. В первых рядах этих противников по-прежнему барон Штейн. Теперь он нашел убежище в России и заверяет европейские державы в том, что «все объединится, чтобы обрушиться на грязное животное, нарушающее покой Европы».

Тем временем надвигалась русская зима, хотя в этом году она была менее суровой и наступила позднее обычного. Однако затянувшиеся колебания Наполеона, отдавшего приказ отступать только 19 октября 1812 года, превратила отступление в беспорядочное бегство. Отягощенная большим количеством больных и раненых, «Великая армия» была вынуждена буквально ползти. Продвигаясь на восток, Наполеон страстно искал сражения. Теперь, уходя на запад, он больше всего на свете страшился встречи с врагом. Шла партизанская война, как в Испании, в спину его войскам постоянно гремели выстрелы из засад, их изматывали непрекращающиеся выпады русской армии. Однажды лишь благодаря присутствию духа император избежал пленения казачьим разведком. После этого происшествия он приказал врачу выдать себе яд, который он с тех пор всегда носил на шее в мешочке из черного шелка. Он ни за что не позволит царю Александру приковать себя к триумфальной колеснице!

Русские морозы, которых все так опасались, наступили во второй половине ноября и сразу же начали собирать обильную жатву смерти. Подойдя к Березине, саперы в лихорадочной спешке проложили по еще неустоявшемуся льду два понтонных моста. По этим мостам

попытались переправиться сразу все войска, и большая часть из них оказалась на дне реки.

После такой катастрофы «Великая армия» насчитывала не более 25 тысяч человек, и пережитый кошмар побудил Наполеона сделать следующий вывод в присущем ему лапидарном стиле: «При подобном положении вещей важно то, что я считаю необходимым для Франции, Империи и армии свое присутствие в Париже». Произнеся эти слова, он тайно, как некогда в Египте, в ночь с 5 на 6 декабря 1812 года покинул свои в беспорядке бегущие войска, командование которыми он передал генералу Мюрату.

После столь чудовищных потерь (кампания стоила почти 400000 жизней), прибыв в Варшаву, Наполеон повел себя как заправский авантюрист. Он велел полякам об армии, которая давно уже нашла свой ужасный конец, о сражениях, которых никогда не было, о том, что только русский мороз заставил его отступить, хотя мороз в довершение всему, доконал жалкие остатки разбитой армии. Рассчитывая, что поляки донесут его вести до Франции, он возглашал: «Армия великолепна! У меня еще осталось 120000 солдат! Я бил русских везде. Они не решились преградить мне путь. Мы станем на квартиры в Вильно. В Париже я соберу 300 тысяч солдат и через полгода вновь явлюсь на берега Немана!» Еще до прибытия в Париж до него дошла весть о неудавшейся попытке государственного переворота и для него не осталось секретом, сколь сильно пал его престиж, как полководца. Дома он, как и прежде, старался выглядеть непобедимым. Всю вину он списывал на безжалостную зиму и не гнушался ложью и клеветой в попытках восстановить подмоченную репутацию великого полководца. Так, например, он распустил слух, что его армия в России погибла уже после того, как командование принял генерал Мюрат! И снова с помощью клеветы и ложных фактов ему удалось так прополоскать мозги своих подданных, что они, несмотря на катастрофу в России и в который уже раз признали его своим господином и повелителем. Уже в апреле 1813 года, проведя массовый

рекрутский набор, охвативший также и самые молодые возрастные группы, он сумел собрать почти полумиллионную армию, подтвердив тем самым сказанное в беседе с прусским послом: «Французский народ пойдет за мной без всяких условий, если понадобится, я поставлю женщин под ружье» И немецкие князья послушно собирали деньги и солдат, «будучи счастливы, — по словам одного из вассалов, — послужить преумножению славы императора».

Вплоть до окончательного поражения

Тем временем, понимая, что дело идет к войне, противники тоже вооружались. Теперь практически все были против Наполеона: и правящие династии, неспособные простить ему проведения в жизнь многих идей революции, и народы, которым он принес эти идеи и которые теперь поднялись против проявившегося в нем реакционера. Наполеон осознавал, что перевес в силах на стороне вражеской коалиции и спасти его может только превосходство в военном искусстве. С лозунгом «Эту войну я веду как генерал Бонапарт!» он с такой мощью обрушился на врага в первой битве при Люцене, что уже 10 мая 1813 года вступил в Дрезден. Молниеносные операции Наполеона вынудили пруссаков и русских к отступлению. Но это был уже не тот «человек из гранита», по выражению Гете, который мог одерживать быстрые победы, заставляя работать все обстоятельства только на себя.

Главный полевой хирург Наполеона, барон Доминик Ларре, заметил это уже во время русской кампании. Этот замечательный врач прославился тем, что ввел в армии «летучие санитарные отряды», которые могли оказывать помощь раненым даже на передовой. Император не раз мог видеть своего главного хирурга за отплевыванием конечностей на поле сражения.

Ларре так описал изменения, произошедшие с императором: «Тот самый человек, который в страшную египетскую жару весело переносил долгие переходы по пустыне,

кто в Испании своей выносливостью восхитил даже самих испанцев, теперь жаловался на холод, старался не выходить из кареты, подолгу оставался раздетым в постели».

Усиливающийся контраст между некогда поджарым и невероятно энергичным генералом и располневшим, тяжелым на подъем императором замечали уже не только в его близком окружении. После Аустерлица ему стало ясно, что его силы имеют предел, и он подавленно заметил: «Нельзя воевать бесконечно. Меня хватит еще лет на шесть, потом пора с этим кончать». Во время русской кампании, на Бородинском поле, только отчаянное усилие воли позволило ему весь день усидеть в седле, несмотря на температуру, кашель и очень болезненную задержку мочеиспускания. Лейб-медик профессор Корвизар порекомендовал ему обратиться к московскому доктору Местивье. В беседе с московским врачом Наполеон был откровенен: «Я чувствую себя стариком, у меня отекают ноги, я с трудом могу помочиться. В этом виновата, конечно, сырость военного лагеря, ведь я живу только через кожу».

В близком окружении прежде всего заметили, как изменилось его отношение к сну и бодрствованию. В молодости он считал сон неизбежной потерей времени, для поддержания формы ему достаточно было подремать три-четыре часа в сутки. Теперь же на него внезапно нападала сонливость. Знаменательный эпизод, иллюстрирующий эту перемену, произошел в августе 1813 года в битве под Дрезденом, в которой Наполеон своей инертностью и нерешительностью сумел превратить наметившуюся победу в поражение. Силы его были на исходе, об этом свидетельствовали все чаще повторяющиеся колебания и нерешительность при отдавании приказов и распоряжений. Вероятно, именно это послужило одной из причин столь трагического исхода русской кампании. Во время бешеного преследования разбитого врага в битве под Дрезденом он внезапно остановился и после короткого колебания повернул назад. Впоследствии он объяснял этот случай так: «Я почувствовал столь сильную боль в желудке, что уже не мог двигаться дальше».

Это, конечно, не единственная причина его ошибочной стратегии, ибо известно, что в течение четырех недель, проведенных в Дрездене, он в основном спал и важнейшие донесения по нескольку дней лежали на его столе непрочитанными.

Не имея данных о том, сколь серьезные трудности испытывают армии противника, он 4 июня 1813 года пошел на подписание бессрочного перемирия, шаг, который сам впоследствии назвал самой большой глупостью своей жизни. Когда же он не согласился подписать мир на предложенных ему условиях, дело кончилось концентрическим наступлением противника под командованием начальника австрийского генерального штаба Радецкого и начальника прусского генерального штаба Гнейзенау, в котором они, создавая прообраз последующих знаменитых операций, пытались окружить и уничтожить армию Наполеона. Зажатый между четырьмя вражескими армиями, он вынужден был 16 октября 1813 года начать трехдневную «Битву народов» под Лейпцигом, поражение в которой имело для него самые тяжелые последствия. Ретроспективно он так комментировал эти события: «В саксонской кампании я ясно ощущал, что решающий час близится. Звезда померкла. Вожжи ускользали из моих рук».

Здесь, как и под Дрезденом, он заснул в своей палатке среди шума битвы. Разбудил его, по воспоминаниям очевидцев, только грохот очень сильного взрыва — какой-то офицер слишком рано отдал приказ взорвать мост через Эльбу, еще до того как часть французской армии успела переправиться на другой берег... Численно превосходящие союзники одержали победу, но Наполеон и 120-тысячная французская армия уничтожены не были. Опыленные успехом победители не организовали преследования, французская армия сумела перегруппироваться и, следуя быстрыми переходами, 2 ноября 1813 года в полном порядке достигла Рейна. Разразившаяся по пути эпидемия тифа существенно сократила численность армии Наполеона, и 10 ноября 1813 года он прибыл в Париж побежденным, имея под своим началом всего 90000 человек.

Пребывая в ослеплении, утратив последние остатки чувств реальности, он отклонил великодушное предложение мира со стороны союзников по коалиции, в которых ему гарантировалось «признание династии Бонапартов и естественных границ Франции». Несомненно, на такое решение Наполеона оказал влияние манифест союзников к французскому народу от 4 декабря 1813 года, оскорбительный для его чести и гордости. В манифесте было заявлено, что союзники ведут войну не против Франции, а против «господства, которое на беду Европы и Франции император Наполеон слишком долго осуществлял за пределами своей империи». Представителям французского народа он высокопарно заявил: «Я нужен Франции больше, чем Франция нужна мне». Он готов был выехать из своей страны последние соки, в беседе с князем Меттернихом он заявил, что такому солдату до мозга костей, как он, глубоко наплевать на лишний миллион людей.

Когда союзники окончательно убедились в непреклонности Наполеона и до них дошло известие о планах подготовки к новой войне, они уже в декабре 1813 года приняли решение склонить Францию к миру военной силой. Однако не так просто было победить Наполеона в его собственной стране. И австрийская армия под командованием князя Шварценберга, и войска прусского маршала Блюхера были порознь разбиты, вновь вспыхнула звезда славы непобедимого полководца. Вновь начались мирные переговоры, однако на сей раз были предложены такие требования, что, как позднее говорил Наполеон, «даже повторив их, я бы уже обесчестил себя». Война продолжалась, и уже 30 марта Париж был в руках союзников. Вновь образованный Сенат поручил формирование временного правительства Талейрану. Первый же акт Сената состоял в низложении императора французов, которое было объявлено 2 апреля 1814 года и благосклонно принято к сведению общественностью. Разве не он втоптал в грязь права народа и принес миллионы молодых жизней в жертву своим безумным планам и неумолимой жажде славы? Поначала Наполеон еще не хотел

сдаваться и обставил свое отречение несколькими условиями, которые, однако, не были приняты. Лишь 8 апреля он окончательно сдался и в состоянии глубокой депрессии принял, по всей видимости, попытку самоубийства, которую повторил через несколько дней. Однако некоторые наблюдатели не поверили в подлинность его суицидальных намерений и предположили, что он, скорее всего, перодизировал опиаты, которые принимал с целью облегчить сильные боли в брюшной области.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что, когда маршал Макдональд и русский граф Орлов 12 апреля 1814 года прибыли в Фонтенбло и представили Наполеону на ратификацию акт о его отречении от престола, император долго колебался, прежде чем поставить свою подпись под этим слишком уж унижительным для него документом и, похоже, впервые всерьез решил добровольно уйти из жизни. Искушение было велико и легкодоступно — еще в Испании, боясь попасть в плен к фанатичным и прослывшим жестокими испанцам, он попросил своего лейб-хирурга доктора Ивана снабдить его ядом, каковое поручение тот и выполнил с помощью придворного аптекаря Буайе. Наполеон постоянно носил яд с собой в мешочке, прикрепленном к подтяжке, а позднее в шкатулке, которая находилась в кармане его жилета. Скорее всего это была смесь из *Datura stramonium* (дурмана), красавки и опиума. В ночь с 12 на 13 апреля 1814 года камердинер Констан, дежуривший в передней, заметил, что император раскрыл шкатулку, высыпал ее содержимое в стакан, налил туда воды и выпил. Когда вскоре за этим послышался крик боли, Констан поспешил вызвать доктора Ивана и оберштадмейстера герцога Коленкура, с которым Наполеона связывали особо дружеские отношения. Наполеон сказал Коленкуру: «Будьте счастливы, скоро меня не будет среди живых», и попросил передать письмо императрице Марии-Луизе. Сначала казалось, что яд в полной мере окажет свое действие. Император все время стонал и вздыхал, члены его онемели, тело то и

дело выгibalось. Но внезапно у него началась рвота, что существенно ослабило действие яда, и император выжил. Доктор Иван распорядился доставить горячие напитки, и к утру следующего дня состояние Наполеона настолько улучшилось, что к 10 часам Макдональд получил подписанный им акт об отречении и вскоре мог доложить в Париже об успешном завершении возложенной на него миссии.

В обмен на безоговорочный отказ «от тронов Франции и Италии для себя и своих потомков» он получил во владение остров Эльба, за ним был сохранен титул императора и предложена государственная пенсия размером в два миллиона франков. 20 апреля он выступил с прощальным обращением к своей верной старой гвардии. Что же касается народа, то по пути во Фрежос, где его ждал английский трехмачтовый для доставки на Эльбу, в него бросали камни и провожали криками «Долой тирана!». Зрелище вздернутой на виселицу соломенной куклы, долженствовавшей изображать его персону, побудило императора из соображений безопасности прибегнуть к переодеванию, ибо иначе он не рассчитывал благополучно достичь спасительной гавани.

«Мое здоровье в превосходном состоянии», — сообщил он своей супруге Марии-Луизе, уже давно полностью списавшей его со счетов, в отличие от Марии Валевской, которая вместе с его незаконным сыном Александром посетила его на Эльбе. Пока Наполеон пытался превратить свою крошечную островную империю в маленькое образцовое государство, на Венском конгрессе делали все возможное для того, чтобы загнать революционные преобразования «человека столетия» (так Меттерних окрестил великого корсиканца) в рамки монархических представлений XVIII века.

Реставрированный король Людовик XVIII, «очень тучный и, так сказать, лишенный возможности пользоваться ногами», как было сказано в одной немецкой статье того времени, вскоре начал потихоньку, как бы с черного хода, возвращать старое неравенство и сословные привилегии, за которые его брат в конечном счете поплатился

головой. Недовольство французского народа росло с каждым днем, и уже начала формироваться оппозиция.

Все это слышал и читал некий человек на Эльбе, и это вселяло в него растущую надежду. В его мозгу уже формировался план тайной операции по возвращению во Францию. «Я рассчитываю на внезапность», — говорил он доверительно, — отчаянный поступок всегда повергает дух в большую растерянность. Я — причина несчастья Франции. Я должен искупить вину». Последним толчком к осуществлению его авантюрного плана, с помощью которого он не только хотел спасти французский народ, но и захватить трон после ожидаемого бегства трусливого Бурбона, послужило известие о том, что его хотят похитить и сослать на остров, затерянный далеко в океане.

Так, 26 февраля 1815 года, в сопровождении всего лишь тысячи человек, он покидает остров Эльба и берет курс на Францию, и уже 20 марта сторонники на плечах вносят его во дворец Тюильри, в спешке покинутый Людовиком XVIII. Однако бурное воодушевление, сопровождавшее его на пути в Париж, начало быстро гаснуть. Здесь не помог даже помпезный спектакль 1 июня, на котором он объявил о введении конституционной монархии. Его манифесту не поверили, и последующее заявление Наполеона показало, насколько правы были французские граждане в своем недоверии. Позже он честно признал, что после возвращения с Эльбы конституционная монархия была необходимой уступкой, но, убедившись в достаточной прочности своего трона, он тут же взял бы эту уступку назад. Народ почувствовал, что планы императора нацелены в конечном счете не на мир, а на войну.

Уже ближайшее будущее показало, насколько правильным было это предчувствие. Поскольку союзнические державы, заседавшие в Вене, ни в коей мере не намеревались вступать в переговоры с «узурпатором трона» и со всей решимостью выразили свою готовность покончить с Наполеоном военными средствами, последний в пожарном порядке объявил набор трехсот тысяч человек в армию. Эта

вынужденная мера, конечно же, не принесла ему дополнительных симпатий в народе, который уже не хотел идти ради него на жертвы. Относительно этих настроений у Наполеона не было никаких иллюзий. Один из его друзей писал: «Он выглядел озабоченным, в его речи не было ни веры в себя, ни авторитетного тона». Его секретарь барон Меневаль также сообщает: «Речь императора была исполнена тихой печали и звучала так подавленно, что я был глубоко потрясен. Я видел, что он уже не преисполнен уверенности в победе, что его покинула вера в успех, вдохновлявшая его на пути в Париж». Без сомнения, в этом сыграло свою роль и известие о том, что Мария-Луиза пренебрегла императором и вступила в любовную связь с графом Найшпергом.

В столь подавленном настроении, не получив весомой поддержки от французского народа, ему пришлось вступить в борьбу с превосходящими силами объединенной Европы. Позднее свои чувства в это время он описывал так: «Уверенность покинула меня. Поблекло ли чудо моей карьеры в моих собственных глазах и представлениях? Во всяком случае, у меня было такое чувство, что мне чего-то не хватает. Казалось, что от удачи, до сих пор всегда сопутствовавшей моим начинаниям и осыпавшей меня самыми дорогими дарами, уже ничего не осталось. Впереди была только неумолимая судьба, у которой любую награду я мог добыть только силой, и если это удавалось, то незамедлительно следовала мсть. Примечательно, что стоило мне добиться какого-то успеха, как тут же за этим следовала неудача».

Тем не менее сначала энергичным продвижением ему удалось разъединить вражеские армии. Однако после того, как 16 июня 1815 года он выдержал удар армии Блюхера и, несмотря на помощь, оказанную Блюхеру Гнейзенау, хотя и не одержал решительной победы, но все же принудил его к отступлению. Оказалось, что его прославленная способность принимать быстрые решения уже не столь безупречна. Вместо того, чтобы энергично преследовать Блюхера, он медлил, и в день, когда победа была уже наполовину одержана, остался стоять на месте, считая, что

завтра сможет так же победить англичан под командованием Веллингтона. Сообщают, что его мучили боли в брюшной области, но дававшие ему сосредоточиться, и, действительно, в столь взрывоопасной ситуации он погрузился в сон изнеможения. Даже 18 июня, в утро решающего сражения при Ватерлоо, он медлил с атакой на позиции Веллингтона до полудня и, потеряв эти полдня, в итоге потерял все. Прусская армия за это время успела перегруппироваться и прийти на помощь Веллингтону. Наполеон оказался между двумя фронтами и был головой разбит.

Только из воспоминаний камердинера Константа стали известны подробности, позволяющие понять обстоятельства, из-за которых Наполеон, вопреки прекрасно разработанному плану сражения, с опозданием дал сигнал к атаке и потерял шесть драгоценных часов, что позволило Веллингтону как раз вовремя получить столь необходимую помощь прусской армии маршала Блюхера. Судя по всему, в этот судьбоносный день Наполеон страдал от почти невыносимой боли, вызванной острым воспалением сильно пролабированных, то есть выступивших наружу, геморроидальных вен. Уже в предшествовавшие дни он не мог сидеть в седле, и даже сотрясения при езде в карете по неровной местности причиняли ему адскую боль. Даже пешком он мог ходить с огромным трудом и только широко расставляя ноги. Когда ближе к полудню 18 июня после отданного наконец приказа атаковать солдаты с криком «Vive l'Empereur!» маршировали мимо командного пункта Наполеона, сам он сидел верхом на стуле с широко расставленными ногами, уронив голову на руки, судорожно сцепленные вокруг спинки стула, нарушив свою привычку руководить сражением, сидя в седле.

Понятно, что о своем геморрое Наполеон говорил не особенно охотно, поскольку в те времена это заболевание часто становилось поводом для насмешек. Мы же, однако, знаем, что уже во время итальянской кампании он немало страдал от этого, и ему даже ставили пиявки — метод, который Наполеон позднее рекомендовал своему

брату Жерому, страдавшему от этого недуга, как и все остальные члены семьи Бонапарт.

В свой последний час полководца Наполеон был обречен увидеть свою армию бегущей и вынужден сам искать спасения в бегстве под защитой нескольких конных гренадеров. Несмотря на сильную боль в брюшной области, он вынужден был до пяти утра оставаться в седле, пока не удалось найти старую карету, в которой он смог обрести покой на несколько часов.

Уже 22 июня, на другой день после прибытия в Париж, парламент в ультимативной форме потребовал его отречения. Он надеялся, что ему удастся отречься в пользу сына, которому тогда исполнилось только четыре года: «Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции... Моя политическая жизнь окончена, и я провозглашаю своего сына, Наполеона II, императором французов». Однако союзники уже приняли решение посадить на французский трон в качестве короля Людовика XVIII Бурбона. После того, как Фуше объявил своему бывшему императору, что во Франции для него не найдется места ни в армии, ни в какой-либо иной области, он направился в Рошфор в надежде попасть в Америку и начать там новую жизнь. Однако выход из порта был блокирован британскими военными кораблями, а на суше он был объявлен союзниками почти что вне закона, поэтому видел теперь только один выход, а именно — просить убежища у британцев. На английском паруснике «Беллерофон» он отплыл в Англию, где в порту Торквей население в изумлении гладело на него, как на чудо света.

Однако пока он с некоторым удовлетворением наблюдал за проявлениями внимания, лившими его тщеславию, до него было доведено решение английского правительства, принятое по согласованию с союзниками: дабы гарантировать, что в будущем он более не сможет поставить под угрозу мир в Европе, сослать его на удаленный остров Св. Елены в Южной Атлантике пожизненно. Несмотря на все протесты, уже 7 августа 1815 года, через неделю после

оглашения приговора, он был доставлен на борт английского линейного корабля «Нортумберленд», который 15 октября высадил его на берег всего с двадцатью членами свиты в гавани Джеймстаун на острове Св. Елены.

Из подробной монографии «Наполеон на острове Святой Елены» доктора Поля Ганьера мы узнаем, что до отплытия Наполеона профессор Корвизар просил назначить врача для сопровождения императора. Выбор пал на доктора Пьера Менго, ученика Корвизара. Последний дал свое согласие, но лишь при том условии, что Наполеон отправится в изгнание в Америку, куда сам собирался эмигрировать вместе с семьей. Когда же он узнал о Св. Елене, то сразу же отозвал свое предложение.

В числе лиц, сопровождавших Наполеона, находился бывший судовой врач «Беллерофона» ирландец Барри О'Мара, а также несколько генералов, стремившихся установить нечто вроде придворного церемониала на месте поселения свергнутого императора. В качестве постоянного места жительства ему был назначен худо-бедно оборудованный бывший дом фермера с названием «Лонгвуд Хаус», в который он должен был вселиться 10 декабря 1815 года. Этот домик располагался на пустынном неприступном плоскогорье. Холодный ветер внезапно сменялся удушающей жарой, в течение всего года на плоскогорье опускались влажные туманы. Спальня представляла собой узкий темный чулан, где на обоях проступали большие пятна селитры, столовая едва освещалась через единственную застекленную дверь.

Однако тяжелее всего Наполеон воспринимал ограничение свободы передвижения и постоянный строгий надзор со стороны английского губернатора острова сэра Хадсона Лоу (1769—1844).

Для этого заштатного чиновника знаменитый пленник был генералом, а не императором Наполеоном, и надзор за ним стал делом его жизни. Создается впечатление, что он получал удовольствие, подвергая своего узника мелким унижениям. Совершенно неправильным представляется,

однако, мнение некоторых биографов, согласно которому англичане хотели подорвать здоровье Наполеона, поместив его во вредные климатические условия сурового плоскогорья в центре острова. Напротив, английское правительство было очень озабочено тем, чтобы на него не свалили вину за возможную преждевременную смерть узника. В этом же духе выдержан официальный доклад губернатора Лоу Министерству иностранных дел в Лондоне: «Я устрою так, чтобы он снова мог выезжать верхом, иначе он может умереть от удара, а это может поставить нас в неловкое положение. По моему мнению, было бы лучше, если бы он угас от продолжительной болезни, что дало бы нашим врачам возможность констатировать смерть от естественной причины».

Куда больше, чем климат острова, Наполеона раздражали многочисленные мелкие придирки со стороны губернатора, которые он воспринимал как унижительные и оскорбительные. Он был не в состоянии переносить оскорбления. Это принадлежало к числу его основных слабостей, что он признавал и сам: «Меня можно убить, но нельзя оскорблять». Вероятно, это гипертрофированное чувство чести существовало как фактор, уравновешивающий его глубоко аморальный образ мыслей и образ действий.

Чего никто не мог предположить в момент прибытия Наполеона на остров, так это того обстоятельства, что изгнанник вовсе не был тем пылущим здоровьем человеком, за которого себя столь охотно выдавал. Он всегда утверждал, что здоров, как бык, и похвалялся тем, что был таковым всю жизнь, но это служило единственно возмущению человека, убежденного в том, что всемирно-историческое величие уже обрело его на бессмертие.

В его словаре слово «невозможно» отсутствовало. Нестигаемая воля подняла его бытие на героический уровень, и он действительно верил в то, что его воля в состоянии победить смерть. Однажды, проезжая через Сен-Клу, он выпал из экипажа и упал на дорожный столбик, который, по его словам, почти продавил ему желудок.

Потом он об этом рассказывал так: «Я почувствовал, как жизнь покидает меня. У меня хватило времени только на то, чтобы сказать, что я не хочу умирать — и я ожил. Любой другой на моем месте умер бы». Эту историю он записал уже на острове Св. Елены, где, будучи приговоренным к медленному умиранию, пытался переиначе события своей жизни так, чтобы и его тело выглядело героически сильным, как и положено историческим личностям из Пантеона героев всемирной истории.

В правдивость этой истории поверил и Уильям Уорден, судовой врач «Нортумберленда», наблюдавший его во время морского перехода и впоследствии писавший: «У него были все основания гордиться своим здоровьем. Если учесть к тому же, в сколь разных климатических зонах он побывал и как ему пришлось работать последние 25 лет, то отличное состояние здоровья, бывшее и до сих пор остающееся его уделом, поистине удивляет. Он рассказал, что за всю свою жизнь лишь дважды был вынужден обратиться за советом к врачу. Первый раз ему было назначено слабительное, второй раз, по поводу воспаления легких, — нарывной пластырь.

Страдания на острове Св. Елены

Существуют подробные отчеты лечащих врачей о состоянии здоровья Наполеона во время пребывания его на острове Св. Елены, а также подробные описания некоторых сопровождавших его лиц, благодаря которым мы располагаем подробной картиной развернувшихся там процессов вплоть до его смерти. Конечно же, критическое исследование различных высказываний не может не привести к убеждению, что эти высказывания не всегда исторически достоверны или что они были откорректированы в более позднее время. Так, в частности, сообщения двух камердинеров императора, Луи Маршана и Луи-Этьена Сен-Дени, противоречат очень подробным мемуарам графа Шарля Тристана де Монтолона (1783—1853), который, однако,

написал их лишь много лет спустя. Наиболее объективными представляются записки бывшего гофмаршала Наполеона, генерала, графа Анри-Грательена Бертрана (1773—1844), которые были расшифрованы Флерико де Ланглем. Наиболее же содержательными оказались отчеты тогдашнего губернатора острова, сэра Хадсона Лоу, его комментарии, а также перехваченные губернатором личные письма самого пленника и его офицеров, хранящиеся в Британском музее. Эти оригинальные документы впервые были подвергнуты исчерпывающему анализу Октавом Обри и описаны им в монографии «Sainte Héleine», которая представляет собой наиболее тщательное историческое исследование физического и психического состояния Наполеона в период ссылки. С медицинской точки зрения столь же большое значение имеет исследование И. Груна «Последняя болезнь и причина смерти Наполеона», опубликованное несколько позже, хотя диагностические выводы автора не лишены некоторой предвзятости.

Ко времени прибытия на остров Наполеон, судя по всему, чувствовал себя неплохо, регулярно ездил верхом и начал писать мемуары. Единственное недомогание, заслуживающее упоминания, — частые бронхиты, по-видимому, вследствие влажного, туманного и ветреного климата при резких перепадах температур. 1 октября 1816 года он пожаловался на зубную боль. Две недели спустя доктор О'Мара констатировал отеки и бледный цвет десен, которые кровоточили при малейшем прикосновении. С учетом недостатка овощей и свежих фруктов была диагностирована цинга в легкой форме, то есть болезнь, связанная с недостатком витамина «С», однако отсутствие кожных кровотечений, принадлежащих к клинической картине цинги, а также дальнейшее течение заболевания свидетельствуют не в пользу этого диагноза. 23 октября дополнительно к этому появился отек левой щеки и многочисленные болезненные пузырьки на деснах и внутренней стороне щеки, что сопровождалось усиливающейся болезненностью при глотании. Описание

доктора О'Мара соответствует классической клинической картине Stomatitis aphthosa (афтозного стоматита), возникновение которого обусловлено наличием кариозных зубов, низким содержанием витаминов в пище и общим снижением сопротивляемости организма.

Куда больше забот доставило доктору О'Маре летом 1816 года лихорадочное состояние пациента, сопровождающееся коликами, поскольку в этом году на крошечном, размером всего 12 квадратных километров острове свирепствовала дизентерия, вызванная, по всей вероятности, амебами, которая поразила большую часть жителей острова, не исключая и членов свиты императора, один из которых даже умер. Не могло, естественно, не возникнуть предположения о том, что и сам император тоже заразился. Так это или не так, но начиная с этого времени жизненная сила Наполеона начала заметно убывать, он становится апатичным, его лицо приобретает усталое, почти сонное выражение, он заметно прибавляет в весе. 26 мая 1817 года на фоне очередного бронхиального катара, сопровождающегося высокой температурой, вновь появляется отек десен и щеки, на сей раз правой. Доктор О'Мара порекомендовал незамедлительно вывести пациента из летаргического состояния длительными прогулками на свежем воздухе и обогатить его питание витаминами. Однако это уже не могло приостановить ухудшения общего состояния. 26 сентября 1816 года Наполеон пожаловался на ощущение тяжести в явно отекавших ногах, причем надавливание пальцем выше щиколотки оставляло отчетливо видимую вмятину — этот симптом, правда, в менее выраженной форме, был отмечен уже в ноябре прошедшего года. Попытка связать отеки ног с постоянными горячими ваннами или с недостатком белка по типу голодных отеков, наблюдавшихся в лагерях военнопленных во время и после второй мировой войны, кажется сомнительной уже потому, что они отмечались его врачами еще в 1812 году во время русской кампании. Подобный отек ног, вне всякого сомнения, обусловлен статическими

причинами, то есть замедлением оттока венозной крови вследствие варикозного расширения вен и/или нарушения функции венозных клапанов. Такое случается, когда ноги в течение многих часов находятся в неудобном положении, что в наше время можно наблюдать при многочасовых авиаперелетах. Достоверно известно, что в это время Наполеон проводил большую часть дня в сидячем положении.

Важной вехой в анамнезе Наполеона является 1 октября 1817 года. Утром этого дня он пожаловался доктору О'Маре на тупую боль под правой реберной дугой, которая иррадиировала в направлении правого плеча и значительно усиливалась при кашле. Вскоре произошло повышение температуры, сопровождавшееся потерей аппетита. Чтобы облегчить боль, больной инстинктивно прижимал руку к реберной дуге. Уже спустя два дня доктор О'Мара мог констатировать явный отек под правой реберной дугой, болезненно реагирующий на давление, что дало основание диагностировать начальную стадию гепатита, то есть воспаления печени, возникновение которого он склонен был относить на счет амебной инфекции. Такого рода амебный гепатит, который и в наше время часто встречается на этом острове, не обязательно сопровождается дизентерией, что легко может привести к его нераспознаванию или неправильной диагностике. Доктор О'Мара знал, что губернатор Хадсон Лоу может вменить ему в вину любое заболевание узника, которое обусловлено географическими или узко конкретными условиями заключения, поэтому в официальном отчете он весьма осторожно написал лишь следующее: «Вследствие тучности большого мне не удалось установить, принадлежит ли данная опухоль к печени или находится над последней».

С этого дня ощущение тупого давления в правом эпигастрии постоянно нарастало. Ночью боли усиливались, но к утру слегка ослабевали. Назначенные растирания и морские ванны, равно как и прием столь любимого врачами того времени каломеля, содержащего ртуть, не приносили

облегчения. В своей записной книжке, не предназначенной для глаз губернатора, доктор О'Мара писал о периодах устойчивых запоров, сменяющихся поносом, при котором «выделялись большие количества слизистого стула, окрашенного желчью». 27 ноября 1817 года граф Монтолон записал в своем дневнике: «Кожа пациента бледна, белки глаз окрашены в желтоватый цвет. Император жалуется на сильное пучение живота. Он чувствует постоянное давление в области подложечной впадины и не может лежать на левом боку. Он ощущает жжение в правой верхней части живота. Он страдает от тошноты и позывов на рвоту, иногда его рвет слизью и горькой желчью». Наполеон ощущал нарастающую слабость, жаловался на головную боль и бессонницу, язык его был сильно обложен. Каждый вечер у него повышалась температура, что вызывало постоянную жажду. Кожа была сухая и горячая, частота пульса, которая раньше, как правило, не превышала 55 ударов в минуту, теперь возросла почти вдвое. На рассвете часто случалось обильное потоотделение, за которым следовала фаза покоя.

На основании картины, характеризующейся обильным ночным потоотделением, непрекращающимся жжением и тупой болью в правом эпигастрии, иррадиирующей в правое плечо и усиливающейся при кашле, пальпируемым и болезненным при давлении уплотнением в правом эпигастрии, пожелтением белков глаз, рвотой и поносом с выделением больших количеств слизистого окрашенного желчью стула, которая была бы совершенно однозначной для современного клинициста, доктор О'Мара поставил своему пациенту диагноз воспаления печени, спровоцированного перенесенной ранее кишечной инфекцией. Он имел в виду «тропический гепатит» (*Hepatitis tropica*), название, которым в современной медицине обозначают амебный гепатит. Употребляя это название, доктор О'Мара, конечно же, не мог вкладывать столь точный смысл, поскольку амeba была открыта патологом Лаблем пражским под микроскопом только в 1859 году. В те же времена под этим названием подразумевали целую группу инфекционных кишечных

заболеваний, сваливая все их и, в том числе, амебиаз, таким образом в одну кучу, хотя некоторые врачи, работавшие в колониях, уже тогда путем точных наблюдений сумели выделить характерные особенности отдельных острых кишечных заболеваний.

Болезнь Наполеона продолжалась два года, и все это время улучшения состояния перемежались фазами обострения типа описанной выше. В нормальной ситуации такого пациента следовало бы немедленно перевести в местность с более благоприятным климатом. Однако губернатор острова сэр Хадсон Лоу был убежден, что якобы тяжелая болезнь Наполеона является не более, чем предлогом для того, чтобы создать благоприятные условия для побега. А после того, как губернатор перехватил письмо доктора, адресованное его другу Филезону, в котором тот просил проинформировать лондонское Адмиралтейство не только об истинном состоянии здоровья узника, но и о странном поведении губернатора, дни доктора О'Мара на острове были сочтены. Вопреки запрету губернатора доктор пришел проститься со своим пациентом (который, кстати, оставил доктору крупную сумму в своем завещании) и 2 августа 1818 года покинул негостеприимный остров. Будучи сразу же по прибытии в Англию уволенным со службы за провинности, он решил принять на себя роль адвоката Наполеона. Он опубликовал ряд брошюр, в которых резко порицал Хадсона Лоу и указывал английскому правительству на серьезное состояние здоровья Наполеона. Однако все его усилия остались тщетными: в 1818 году конгресс союзных держав в Экс-ля-Шапель не принял во внимание эти сообщения и отказался даже на самую малость смягчить условия заключения.

Судьба Наполеона тем временем шла своим чередом. После перенесенного 6 января 1819 года обморока в ночь с 17 на 18 января внезапно возобновились боли в правом эпигастрии, по-прежнему иррадиирующие в правое плечо, которые на сей раз были столь интенсивными, что больной боялся вздохнуть. Примерно через час после начала приступа началось

сильное головокружение и в конце концов он потерял сознание. После отъезда доктора О'Мара больной был лишен медицинской помощи, и теперь встал вопрос о назначении нового врача. Выбор Хадсона Лоу пал на некоего доктора Верлинга, но пациент категорически не согласился с этой кандидатурой. Наконец, в ответ на резкую ноту генерала Бертрана к тяжелобольному был направлен состоявший на службе в британском военно-морском флоте доктор Джон Стокоу, кстати, друг доктора О'Мара.

Результаты обследования пациента, лишь позднее опубликованные Полем Фремо, подтвердили подозрения доктора О'Мара. По бледно-желтому цвету кожи, нездоровым и постаревшим чертам лица, чрезвычайной чувствительности правого эпигастрия доктор Стокоу диагностировал хроническое воспаление печени и ввиду угрожающего состояния пациента потребовал в своем официальном докладе разместить в Лонгвуде врача на постоянной основе, с тем, чтобы этот врач был доступен в любое время. В этом докладе доктор Стокоу констатировал не только наличие у больного высокой температуры и сильного ускорения пульса, но также наличие под правой реберной дугой опухоли, чрезвычайно болезненной при надавливании. На это указывает и Фремо в своем изложении беседы между Наполеоном и его врачом, в ходе которой они обсуждали возможное последующее течение заболевания и перспективы выздоровления. На вопрос больного о возможном исходе врач дал недвусмысленный ответ: «Если содержимое этой опухоли уйдет в кишечник, то наступит выздоровление. Если же гнойные массы попадут в брюшную полость, то летальный исход неминуем». Опасаясь, что сильные головные боли, от которых страдал Наполеон, могут быть признаком грозящего инсульта, доктор Стокоу пустил ему кровь, в результате чего температура упала и дыхание стало более ровным. Однако на головные боли эта мера никакого влияния не оказала.

Тем временем губернатор считал, что доктор Стокоу оказывает чересчур много внимания своему пациенту, и, стоило

доктору намекнуть на то, что он страдает от абсцесса, который вот-вот прорвется, что весьма нежелательно в столь неблагоприятном климате, как уже 19 января 1819 года он получил предписание губернатора покинуть остров. Вдобавок ко всему Хадсон Лоу позаботился о том, чтобы этот честный и верный своему долгу врач предстал перед военным судом. Ему было предъявлено не выдерживающее никакой критики обвинение в том, что он якобы обсуждал с Наполеоном не только медицинские вопросы, давал тенденциозные отчеты о состоянии его здоровья и, общаясь с ним, в нарушение инструкции употреблял обращение «пациент» вместо положенного «генерал Бонапарт». Результатом было то, что после 25-летней безупречной службы на флоте он был уволен в отставку с половинной пенсией всего в 100 фунтов в год.

Тем временем Наполеон все же смог без медицинской помощи преодолеть этот тяжелый кризис, который, однако, сказался на его моральном состоянии, выразившись в глубокой депрессии. Безвольный и апатичный, буквально закрывшись в своем доме в Лонгвуде, он проводил большую часть времени в постели, стал реже бриться, перестал заботиться о внешнем виде и никак не мог заставить себя вернуться к работе над мемуарами. Насколько бессердечным и, вполне можно сказать, садистским, было отношение губернатора острова к этой перемене, свидетельствует его ответ на настоятельную просьбу графа Бертрана обеспечить *Императора* медицинской помощью. В архиве Лоу (Low Papers) хранится саркастический ответ от 18 августа 1819 года: «На этом острове нет человека, носящего имя *Император*».

В Европе семья Бонапарт добились все же того, что на остров был направлен священник, врач и повар. Доктору Фуру де Борегару, уже лечившему Наполеона на острове Эльба, дядя бывшего императора, кардинал Феш предпочел доктора Франческо Антоммарки, руководствуясь его корсиканским происхождением, несмотря на то, что врачебный опыт Борегара был более весомым.

Доктор Антоммарки являлся прекрасным патологоанатомом и занимал должность старшего прозектора на медицинском факультете Пизанского университета, но клиническим опытом он практически не обладал. Имеются основания полагать, что его этика также оставляла желать лучшего. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что он предпочитал находиться в столице острова Джеймстауне и просто не мог быстро прибыть к больному в случае срочной необходимости. Стоит ли удивляться тому, что, по словам Бертрана, Наполеон был невысокого мнения об этом враче и не упомянул его в своем завещании.

23 сентября 1819 года, через 3 дня после прибытия на остров, состоялось первое обследование. Доктор Антоммарки отметил грустное, апатичное выражение лица, ольвившее тело с отечными ногами. От него, как и от его предшественника, не ускользнуло уплотнение в правом эпигастрии, болезненное при надавливании. В остальном же в первое время особой нужды в его медицинских талантах не возникало. Несмотря на непроходящую тупую боль в правом эпигастрии, психическое состояние Наполеона постепенно улучшилось настолько, что в первой половине 1820 года у него уже начинают проявляться разнообразные интересы. Особую радость ему доставляет работа в маленьком саду — в связи с этим принято говорить даже о «садовом периоде» в его жизни. Он закладывает клумбы, копает колодец, совершает прогулки пешком и в экипаже, а 4 октября 1820 года даже устраивает симпатичный пикник в тени большого дерева. Возникает надежда на полное и устойчивое выздоровление. Однако в нем происходят странные метаморфозы, бросающиеся в глаза окружающим. То вдруг он схватил ружье и стал палить без разбора во все движущиеся предметы — кур, кроликов, коз, коров. То вдруг предложил новоприбывшему офицеру охраны, желая, по всей видимости, поиздеваться, принять вместе с ним ванну. Ближайших друзей больше всего шокировали его подчеркнуто откровенные рассказы о самых интимных моментах, пережитых им с Жозефиной и Марией-Луизой.

Однако уже очень скоро возродившаяся было активность угасла. Прогулки становились все более редкими, выезды в экипаже прекратились, сад уже не доставлял ему радости. Второй период болезни Наполеона на острове Св. Елены клинически четко отделен от первого, приходящегося на время с октября 1817 года по ноябрь 1819 года. Второй период начинается в октябре 1820 года. В этом месяце возобновились сильные боли в эпигастрии, но на сей раз они однозначно локализовались в области желудка. У больного было ощущение, что его ударили в живот ножом. Он принимал только легкую горячую пищу. По словам камердинера, его пища состояла в основном из макаронных блюд, мясного студня, муссов, молока и хлеба. Теперь Наполеон по собственной инициативе принимал пищу мелкими порциями много раз в день, иногда и по ночам, потому что именно в это время боль в желудке мучила его сильнее всего. Прием пищи и горячие компрессы на живот приносили ему видимое облегчение.

По сообщению Монтолона, больной с течением времени приобретал ужасающую бледность, в особенности это касалось слизистых рта, губ и ногтей, которые почти совершенно утратили цвет. Руки и ноги его были холодны, причем последние до середины бедер утратили чувствительность. Все попытки согреть их путем укутывания в горячие полотенца оставались тщетными. Малейшее физическое напряжение тут же лишало его сил. 5 декабря 1820 года обеспокоенный Монтолон записывает: «Болезнь императора принимает дурной оборот. Он ослабел настолько, что даже отправление естественных потребностей совершенно лишает его сил». Даже один из английских офицеров охраны в отчете за 26 января 1821 года отмечал: «Лицо генерала Бонапарта бело, как лист бумаги. Он очень слаб, походка неуверенна, он сутулится, но все еще очень полон». Удовлетворительная упитанность Наполеона, на которую губернатор Хадсон Лоу указывал после того, как встретил его во время прогулки в экипаже, находилась в резком

противоречии с очень опасным общим состоянием здоровья пациента, сообщенным о котором и в последующие месяцы неизменно воспринимались с недоверием. Даже 6 марта 1821 года, всего за два месяца до смерти Наполеона, английский офицер характеризовал его как усталого, морально разбитого человека с бледными ввалившимися щеками и глубоко запавшими глазами. Однако и на сей раз отмечается полнота и большие размеры живота

Боли в эпигастрии носили периодический характер, причем продолжительность пауз между приступами сокращалась. Боли стали настолько интенсивными, что во время прогулок в экипаже лошади должны были идти медленным шагом, потому что состояние Наполеона делало толчки экипажа совершенно для него непереносимыми. Подобно своим предшественникам доктор Антоммарки считал причиной этого состояния хроническое воспаление печени и назначил банки на плечо, которые, однако, ставил столь неумело, что на коже больного оставались ожоги. Понятно, почему при этой процедуре Наполеон предпочитал пользоваться услугами своего камердинера, а не врача.

Смерть императора

В начале 1821 года граф Монтолон с удивлением обнаружил, что Наполеона начала подводить память и он порой сам себе противоречит. Это, по всей видимости, было следствием сильного малокровия и кислородного голодания мозга. Это скорее всего послужило причиной участвовавших обмороков. Обморок, случившийся с ним при попытке совершить небольшую прогулку 17 марта 1821 года, носил особенно драматический характер. Его быстро принесли в дом, где начался приступ боли в желудке, затем рвота массой, «напоминающей кофейную гущу», за которой последовали черные каловые массы. Врач, прибывший к покрытому холодным потом больному, констатировал вздутие и сильную напряженность живота. Начиная с этого дня больной с трудом переносил

даже жидкую пищу. Почти сразу же после приема пищи начиналась рвота окрашенными кровью массами.

Вечером 19 марта граф Монголон написал жене, что ему кажется, что император скоро умрет. Каждый вечер у больного повышалась температура, к утру сменявшаяся обильным потоотделением. Когда 17 марта произошел тяжелый сосудистый коллапс, доктора Антоммарки, как обычно, поблизости не оказалось, он прибыл из Джеймстауна только через несколько часов, после чего ему было строго запрещено отлучаться из Лонгвуда. После очередного сильного приступа рвоты 21 марта врач, исследовав рвотную массу, констатировал *febris gastrica remittens*, т.е. периодически повторяющуюся желудочную лихорадку — туманный и совершенно бессмысленный диагноз. И уж по совершенно непонятным соображениям он назначил императору *tartarus emeticus*, т.е. рвотное. Последствия были ужасны: всю ночь Наполеон корчился в постели от боли и только на следующий день постепенно наступило облегчение. Невыносимая жажда, сопровождающаяся мучительной икотой, приступы боли в желудке, высокая температура, сменяющаяся проливным потом, все более ослабляли его.

Опасаясь, что очевидная некомпетентность Антоммарки принесет в дальнейшем еще больший вред, Монголон обратился к губернатору с просьбой созвать консилиум, для участия в котором губернатор назначил полкового хирурга Арчибальда Арнотта. Во время своего первого визита 1 апреля 1821 года тот ограничился тем, что пощупал пульс и кожу больного.

После второго визита он доложил губернатору, что причиной слабости Наполеона является лихорадка. Опасаясь навлечь на себя немилость губернатора, доктор Арнотт старался представить состояние больного в возможно более безобидном свете. В действительности же он вполне отдавал себе отчет во всей серьезности положения, о чем свидетельствует следующая запись в его дневнике, датированная 2 апреля 1821 года:

«Он пожаловался на изматывающие боли, непрекращающуюся тошноту и рвоту. Очень редко ему удается опорожниться без применения клизмы. Мы предложили пациенту незамедлительно принять соответствующее лекарство. Далее мы назначили ему желе и прочую легкую пищу, которую его желудок мог лучше всего бы переносить. Вначале он категорически отказывался принимать любые лекарства, но затем нам удалось добиться твердого обещания принимать некоторые слабительные... Придя к нему вечером того же дня, мы обнаружили, что назначенные утром лекарства приняты им не были, и нам не удалось убедить его в необходимости их приема. Поскольку он не опорожнился в течение последних 24 часов, ему была назначена клизма».

Доклады доктора Арнотта губернатору далеко не во всем совпадают с теми утверждениями, которые он позднее, уже будучи знаком с результатами вскрытия и имея возможность исправить некоторые ранее допущенные ошибки, опубликовал в своей книге. Так, в этой книге он, в частности, пишет, что на основании тщательного обследования больного пришел к выводу об отсутствии каких-либо признаков воспаления желудка и какой-либо патологии привратника, и, самое главное, не нашел никаких болезненных проявлений со стороны печени. Болевые ощущения пациента, по мнению доктора Арнотта, были вызваны задержками стула и сильными вспучиваниями.

Доктору Антоммарки также постепенно становится ясно, что состояние его пациента серьезно и чревато угрозой для жизни, в связи с чем тон его докладов становится все более тревожным. Доктор Арнотт посещал больного по утрам, когда сильная боль в желудке, тошнота, рвота, температура и обильное потоотделение уже оставались позади. Поэтому сообщения коллеги казались ему излишне мрачными и тенденциозными. Трудно представить, но он дошел до того, что поставил генералу Бонапарту диагноз «ипохондрия», будучи, по-видимому, введен в заблуждение полнотой уже по сути умирающего императора. Об этом эпизоде, правда, в книге Арнотта не упомянуто ни единым

словом. Однако из докладов губернатору неопровержимо следует, что почтенный военный хирург совершенно не разобрался в болезни Наполеона. 23 апреля 1821 года он снова подтвердил свой вывод о том, что генерал Бонапарт страдает ипохондрией, поскольку никаких органических нарушений ему обнаружить не удалось.

Напрашивается вывод о том, что доктор Арнотт писал подобные доклады исключительно для того, чтобы угодить губернатору, поскольку они явно противоречат его дневниковым записям. В дневнике же, например, под датой 10 апреля 1821 года значится: «Желудок вернул назад все, что принял. Силы больного убывают чрезвычайно быстро... Если он не спит, то постоянно жалуется на ощущение удущья... Все тело холодное». Наконец, 27 апреля доктор Арнотт записал в дневнике: «Я еще некоторое время оставался у его постели. У него начался ужасный приступ удущья и рвоты». Далее доктор Арнотт открытым текстом добавляет: «То, что он изверг из себя, представляло собой очень темную жидкость, напоминавшую по виду кофейную гущу и имевшую отвратительный запах». Ввиду такой симптоматики, тем более записанной собственноручно черным по белому, доктор Арнотт, естественно, не мог всерьез считать, что его пациент страдает ипохондрией.

Рвота, начавшаяся 10 апреля, не прекратилась до самой его смерти. До пяти раз за ночь мучили его эти приступы, и дело дошло до того, что в ночь с 13 на 14 апреля по этой причине, а также из-за обильного потоотделения граф Монтолон и камердинер Маршан вынуждены были 7 раз сменить насквозь мокрое белье. После этой страшной ночи Наполеон вызвал Монтолона и, собрав последние силы, продиктовал свое завещание. После того, как граф прочитал ему свою записку, он рано утром 15 апреля собственноручно подписал документ. Составление текста, занимающего 20 страниц, продолжалось до трех часов дня с двумя перерывами, вызванными сильной рвотой. Во избежание возможных протестов и нападков он попытался сделать этот текст как можно более ясным. 17 апреля он продиктовал

еще одно завещание, адресованное его сыну, на случай, если тот когда-нибудь взойдет на французский трон. Последние дни своей жизни он вел себя с мужеством, достойным восхищения. Рассудок его был ясен, и он спокойно смотрел навстречу смерти. Любимой сестре Полине он послал бюллетень следующего содержания: «Император надеется, что ваше высочество доведет создавшееся положение до сведения влиятельных англичан. Он умирает, всеми покинутый, на этой кошмарной скале. Его агония ужасна». Не будучи в состоянии убедить доктора Арнотта в том, что поставленный им диагноз неправилен, он самым настойчивым образом просил его после смерти провести тщательное вскрытие для того, чтобы наконец выяснить природу недуга. С такой же просьбой он обратился и к Антоммарки и, зная, что этот врач получил образование в области патологической анатомии, просил уделить особое внимание состоянию желудка. В связи с этим 27 апреля он отдал доктору Антоммарки следующее распоряжение: «Я желаю, чтобы после моей смерти, которая уже, очевидно, недалеко, вы вскрыли мое тело. Кроме того, я желаю, нет, я требую от вас обещания, что ни один англичанин не прикаснется к моему телу. Если все же вам кто-то для этого понадобится, то я даю вам разрешение привлечь только доктора Арнотта. Мое желание состоит также в том, чтобы вы извлекли сердце, поместили его в спирт и доставили моей любимой Луизе в Парму. Передайте ей, что я нежно ее любил и никогда не переставал любить. Расскажите ей обо всем, что вы видели, все, что относится к моему положению и к моей смерти. Я особо рекомендую вам самым тщательным образом исследовать мой желудок, составить от этого доклад и передать его моему сыну. Расскажите ему, что он должен сделать для того, чтобы уберечь себя или, по крайней мере, защитить от страха, который охватил меня... Непрерывная рвота наводит меня на мысль о том, что самый большой мой орган — желудок, и я готов поверить, что это та самая болезнь, которая унесла в могилу моего отца; я имею в виду рак желудка». Наполеон не

мог знать, что его «любимой Луизе», ставшей тем временем герцогиней Пармской, было от всего сердца наплевать на его заспиртованное сердце, потому что она уже несколько лет жила с графом Найпергом, за которого вышла замуж после смерти императора.

Врачи продолжали проводить симптоматические мероприятия типа пилюль алоэ и сульфата магния против непроходимости кишечника, клизм и гвоздичной настойки против постоянной рвоты. Начиная с 27 апреля, когда у Наполеона была рвота густыми массами, напоминающими кофейную гущу, его состояние начало ухудшаться стремительно. Фазы просветления все чаще перемежались периодами помрачения сознания, во время которых казалось, что он не воспринимает окружающее, и лишь бормотал невнятные, бессмысленные слова. 30 апреля появился еще один симптом — устойчивая икота, которая доставляла ему бесконечные муки вплоть до самого смертного часа. Вечером этого дня у него появился лихорадочный озноб, при этом пульс почти не прощупывался, дыхание было угрожающе затруднено. Ночью, однако, казалось, что наступило легкое улучшение. Больной попросил подслащенной воды с вином, чтобы утолить пожиравшую его жажду.

Здесь произошло нечто, повлекшее за собой резкое ухудшение состояния. Ввиду напряженного и сильно вспученного состояния живота, а также устойчивого пареза кишечника доктор Арнотт назначил в качестве слабительного средства каломель — мера, с медицинской точки зрения непонятная и непростительная. Наполеон воспротивился этому и решительно отверг данное предложение, однако Арнотт, поддержанный двумя военными врачами, Шорттом и Митчеллом, дал указание камердинеру Маршану тайне от больного дать ему с подсахаренной водой 600 мг каломели, что является совершенно чудовищной дозой. Последствия этой безответственной меры были ужасны. Как сообщает Антоммарки, в течение той же ночи 8 раз имело место

отхождение стула густо-черного цвета, причем Наполеон уже не был в состоянии контролировать свои испражнения. Поначалу грязное белье еще меняли, но потом были вынуждены отказаться и от этого. Под влиянием поноса и непрекращающейся рвоты усилилась жажда, массивная потеря жидкости привела к нарушениям кровообращения. Обессиленный непрекращающейся икотой, ослабленный обильными ночными потоотделениями, все последующие дни он лежал в основном без сознания на белье, выпачканном рвотой и калом, окруженный страдающими ему приближенными.

После страшной последней ночи утром 5 мая он в бреду пробормотал последние слова: France — Tete d'artée. Бушевал дождь, и поднимались испарения. В эти последние часы Арнотт и Антоммарки предприняли мрачно выглядевшую попытку оттянуть смерть императора припарками и горчичными компрессами на подолы. Вскоре после пяти часов раздался вой юго-восточного пассата, который вырвал с корнем два дерева, собственноручно посаженных Наполеоном перед домом.

Он лежал на спине, с отвалившейся челюстью, открытые глаза были обращены в небо. Он был неподвижен, лишь очень неглубоко дышал, и казалось, что он погружен в свои мысли, когда в 5 часов 49 минут вечера смерть прервала его страдания. Если верить хронистам, в тот момент, когда перестало биться сердце императора француз, тропическое солнце начало погружаться в море.

За пару недель до этого он продиктовал графу Монтолону уведомление о собственной смерти, адресованное Хадсону Лоу. В этом служебном документе говорилось: «Господин губернатор! Император Наполеон скончался... вследствие продолжительной и тяжелой болезни. Честь имею довести это до вашего сведения. Прошу вас известить нас о том, какие распоряжения вашего правительства имеются относительно доставки тела в Европу, а также в отношении лиц, сопровождавших императора».

Вскрытие

При вскрытии трупа, состоявшемся 6 мая 1821 года в 2 часа дня в помещении размером 5 на 6 метров и слабо освещенном двумя боковыми окнами, присутствовало в общей сложности семнадцать человек. С английской стороны в качестве официального представителя губернатора присутствовал генерал сэр Томас Рид. Он, два сопровождавших его офицера штаба и семь британских врачей составляли английскую группу. С французской стороны присутствовали генералы Бертран и Монтолон, трое слуг: Маршан, Сен-Дени и Пьеррон. И, наконец, свидетелями мрачной сцены были два корсиканца: аббат Виньяли и главное действующее лицо — прозектор доктор Франческо Антоммарки. Собравшаяся вокруг биллиардного стола публика с нетерпением ждала, когда доктор Антоммарки приступит к вскрытию. Уже через несколько минут стало ясно, что диагностическое исследование заболевания, послужившего причиной смерти Наполеона, будет интерпретироваться столь разнородным составом присутствующих не столько на основе объективных медицинских фактов, сколько на основе медицинских построений, отвечающих политическим устремлениям сторон. Британцы были очень заинтересованы в том, чтобы смерть «генерала Бонапарта» не могла быть истолкована как следствие вредных условий заключения или неблагоприятного климата острова Св. Елены. Французы, напротив, стремились представить дело так, что причиной смерти является болезнь, приобретенная на острове Св. Елены и, следовательно, вина за преждевременную смерть их императора должна быть возложена на англичан. В результате уже во время вскрытия возникли ожесточенные перепалки, и в конце концов на свет явился медицинский анекдот в виде не менее чем пяти протоколов вскрытия.

Официальный британский отчет составлен ведущим военным врачом, доктором Томасом Шорттом, который привлек доктора Уолтера Генри к составлению точного протокола. Вторая британская версия основана на отчете доктора

Генри, написанном по требованию губернатора сэра Хадсона Лоу в 1823 году. Автор отчета опирался при этом на собственные записи 1821 года. Этот отчет доктор Генри подробно воспроизвел в своих книгах «Trifles from my portfolio» («Пустяки из моего портфеля»), Квебек, 1839 г., и «Ivents of a military life» («Случаи из военной жизни»), Лондон, 1843 г. Доктор Антоммарки, производивший вскрытие, также написал два отчета. Первый, более короткий, был составлен 8 мая и передан двум французским генералам из свиты Наполеона. Второй, значительно более подробный, вошел в его книгу «Les derniers moments de Napoleon» («Последние мгновения Наполеона»), которая была опубликована в 1825 году в Париже. Если присовокупить сюда копию официального отчета, в которой доктор Шортт кое-что изменил и из которой кое-что изъят по приказу губернатора, то мы получим пять протоколов вскрытия, которые, как естественно было бы предположить, несколько отличаются друг от друга. Наиболее точное описание внешнего вида трупа принадлежит доктору Генри. При этом его поразило необычайно умиротворенное выражение лица покойного. Этот факт произвел большое впечатление на всех врачей, присутствовавших при вскрытии, и даже тех, кто присутствовал при эксгумации в 1840 году. «Выражение лица было чрезвычайно спокойным, что находится в противоречии с беспокойной жизнью и характером покойного. Черты лица правильные, и их можно даже назвать красивыми. Череп не вскрывался. Череп крупный, и можно предположить, что в молодости он был несколько неправильной формы. Лоб высокий и широкий. На теле имелся толстый слой жира. В целом тело производило скорее женственное впечатление. Кожа была мягкой, почти женской, оволосение практически отсутствовало. Лобок напоминает женский, волосистой покров редкий, волосы тонкие и шелковистые... Пенис и яички невелики».

Описание состояния отдельных органов, составленное доктором Генри, в основном совпадает с текстом официального протокола вскрытия, подписанного 6 мая 1821 года британскими врачами Томасом Шорттом, Мэтью Ливингстоном,

доктором Арчибалдом Арноттом, доктором Чарльзом Митчеллом и доктором Фрэнсисом Бертоном.

В этом официальном отчете говорится: «При поверхностном осмотре тело выглядело весьма ожиревшим, что подтвердил первый разрез ниже средней линии, где слой жира над грудной имел толщину в один дюйм и полтора дюйма над брюшиной. При вскрытии грудной полости отмечены незначительные сращения левой доли печени и боковых частей плевры. В левой части грудной полости выявлено наличие примерно трех унций красноватой жидкости, в правой части — почти восьми унций этой жидкости. Сердечная сумка в норме и содержит примерно одну унцию жидкости. Сердце нормальной величины, но окружено толстым слоем жира... После вскрытия брюшной полости выявлено крайнее ожирение кишечника. После того, как был открыт доступ к желудку, в нем обнаружился далеко зашедший патологический процесс. По всей наружной поверхности желудка распространились спайки, наиболее развитые в области между наружным концом привратника и поверхностью левой доли печени. После их удаления на расстоянии одного дюйма от привратника обнаружена язва, пронизывавшая насквозь ткани желудка, столь больших размеров, что сквозь нее можно было просунуть мизинец. Почти вся внутренняя поверхность желудка представляла собой сплошную массу язв, которые уже развились в рак. Наиболее выраженный характер это имело в области привратника. Единственная здоровая часть находится на периферии входа в желудок, рядом с концом пищевода. Желудок был почти заполнен жидкостью, напоминавшей кофейную гущу. Выпуклая поверхность левой доли печени срослась с диафрагмой, однако, за исключением этого сращения, вызванной болезнью желудка, других патологий печени не обнаружено. Прочие органы брюшной полости здоровы. Отмечена незначительная особенность строения левой почки».

В упомянутом выше дополнительном отчете доктора Уолтера Генри от 1823 года добавлено следующее: «Всем присутствующим было известно о том, что покойный страдал

болезнью печени, и ожидалось, что вскрытие выявит патологические изменения в этом органе. Когда приступили к проверке этого утверждения, на всех лицах отразилось напряжение, смешанное со страхом. Антоммарки сделал надраз. Он ожидал потока гноя из предполагаемого абсцесса, однако не было обнаружено ни абсцесса, ни опухоли, ни даже воспаления. Печень имела нормальные размеры, и ее ткани были совершенно нормальными».

Последняя фраза соответствовала намерениям губернатора, но не соответствовала истине. Доктор Шортт, обладавший благодаря своему возрасту наибольшим авторитетом среди присутствовавших коллег, нашел печень однозначно увеличенной. Однако он должен был подчиниться генералу Риду, который потребовал сделать четкое различие между определениями «большая» и «слишком большая». В конце концов доктор Шортт откорректировал свою формулировку и продиктовал: «Печень, возможно, больше нормы».

Политическая подоплека обоих британских протоколов ясна как день: они были призваны недвусмысленно показать всему миру, что во время ссылки с Наполеоном хорошо обращались и он нормально питался. Поэтому было особенно важно указать на тот факт, что к моменту своей смерти он, несмотря на тяжелую болезнь, обладал приличным запасом жира. Далее, необходимо было энергично пресечь слухи о том, что во время ссылки на суровом тропическом острове Св. Елены Наполеон приобрел заболевание печени. Поэтому из протокола вскрытия должен ясно следовать вывод, что Наполеон умер естественной смертью, которая явилась следствием неизлечимого хронического недуга, не имеющего никакого, пусть даже косвенного, отношения к условиям его заключения. Казалось, что официальный отчет доктора Шортта от мая 1821 года, в котором к качеству причины смерти указана карцинома желудка, заболевание, нередкое в семье Бонапарт, блестяще решил эту задачу. Ведь из протокола вскрытия со всей очевидностью следовало, что естественное закрытие прободения желудка за счет образования спайки наружной

поверхности желудка с левой долей печени продлило жизнь больного, ибо в противном случае выход содержимого желудка в брюшную полость вызвал бы немедленную смерть при совершенно здоровой печени.

Для того, чтобы отвести всякие подозрения, губернатор потребовал от сговорчивого доктора Шортта на всякий случай вычеркнуть злополучную фразу «Печень, возможно, больше нормы» и заменить ее словами: «За исключением спаек, порожденных болезнью желудка, в печени не обнаружено патологических изменений». Доктор Шортт все же снабдил оригинальный отчет примечанием: «Вычеркнутые слова удалены по распоряжению сэра Хадсона Лоу», чем он надеялся реабилитировать себя перед потомками за навязанное ему изменение текста, противоречащее врачебной этике.

Понятно, почему в подобной обстановке Антоммарки отказался подписать официальный британский протокол. Позже Антоммарки объяснил свой поступок следующим исполненным страсти пассажем «Вдруг я увидел, что ко мне направляются доктор Шортт, Митчелл и Бертон, выпешшие из квартиры адъютанта. Я уже говорил, что эти господа присутствовали на вскрытии, но участия в нем не принимали. Теперь им вдруг пришло в голову, что они должны составить протокол. Более того, они его уже составили и принесли мне на подпись. Я не согласился. Какое мне, собственно, дело до английской бумажки? Я был врачом Наполеона, я производил вскрытие, я и должен составлять о нем отчет. Я ничего не собирался подтасовывать, мне нечего было скрывать, я предложил им экземпляр моего отчета, но они сделали вид, что его не существует». И он передал душеприказчикам Бертрану и Монтолону собственный краткий отчет, содержание которого в значительной степени совпадает с текстом английских врачей, но в котором однозначно сказано, что «печень отечна и размеры ее превышают норму».

Протокол вскрытия, составленный Антоммарки, обладавшим необходимыми профессиональными качествами, имеет, естественно, большую ценность, нежели документы,

Отец, Карло Мария Боунапарте, с сыном Наполеоном и женой Марией Летицией Рамолино (с гравюры современника)

Поручик артиллерии
Наполеон Бонапарт,
ок. 1790 года

Капитан
Наполеон Бонапарт,
перед производством
в бригадные генералы,
1793 год

Наполеон Бонапарт
после увольнения из
армии, 1795 год

Наполеон Бонапарт —
главнокомандующий
французскими войсками
в Италии, 1796 год

Наполеон Бонапарт в коронационном облачении
(с картины Франсуа Жирара)

Бегство Наполеона с поля боя в Ватерлоо
(картина Жюль-Энри Делакруа)

Жозефина Богарне
(1763—1814),
ее брак с Наполеоном
остался бездетным
(миниатюра Жана
Батиста Изабе)

Графиня Мария
Валевская (1789—1817),
самая верная
возлюбленная
Наполеона
(с картины Р. Лефевра)

Императрица
Мария-Луиза,
вторая супруга
Наполеона
(гравюра
современника)

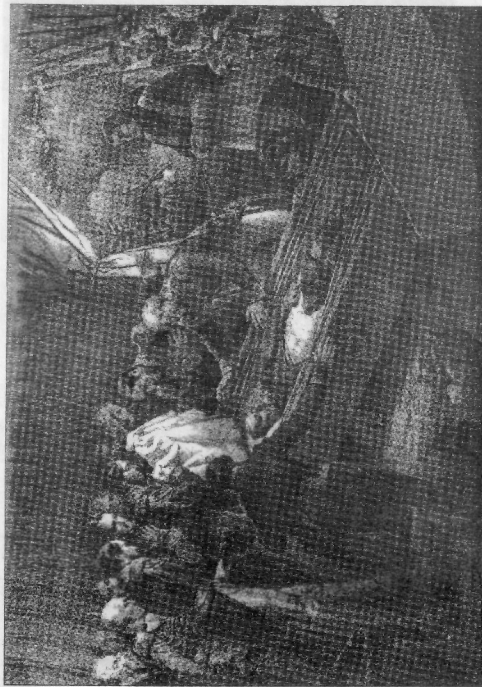

Отступление Наполеона из России
(акварель Иоганна Адама Кляйна)

Бегство Наполеона с поля битвы при Ватерлоо
(картина Гвидо Сигристе)

Вскрытие гроба после эгегумации Наполеона, Париж 1840 год
(Литография Н. Морена)

составленные его британскими коллегам, присутствовавшими при событии лишь в качестве зрителей. Но все же, к сожалению, и в этом отчете проявляются политические мотивы, выводы сформулированы не столь догматично, и в целом отчет также не дает желаемой ясности. Следует, однако, иметь в виду, что патологоанатомические описания того времени основывались исключительно на результатах визуального наблюдения, гистологические исследования не проводились, а детальное описание язвенной болезни желудка было опубликовано Жаном Крювеей лишь 10 лет спустя. В своем первоначальном коротком отчете Антоммарки поддержал официальную версию карциномы желудка, по всей видимости, лишь потому, что опасался мстительной реакции губернатора и слишком хорошо знал судьбу своих предшественников. Однако, возвратясь в Европу, он дал понять, что на диагнозе «рак желудка» настаивали именно британские врачи. В действительности же Наполеон умер не от этого фамильного недуга, а от *гастрогенатита* — ничего не говорящий термин, не позволяющий сделать никаких целенаправленных выводов. Неуверенность в своем мнении доказывает тот факт, что в подробном отчете о вскрытии, опубликованном в 1825 году, он вновь присоединился к общезвестному мнению о том, что причиной смерти Наполеона является карцинома желудка, хотя бросается в глаза, что его версия не столь убедительна и категорична, как британские протоколы.

Подробный отчет о результатах вскрытия, составленный Антоммарки, в несколько сокращенной форме звучит так: «Император заметно похудел с момента моего прибытия на остров Св. Елены. Вес его тела не составляет и четверти от того, который он некогда имел. Лицо и тело бледны, черты лица красивы, глаза закрыты, создается впечатление, что император не умер, а скорее погружен в глубокий сон. На губах подобие улыбки, лишь левая сторона слегка искажена сардонической гримасой. На левой руке имеется язва после фонтанеля (гнойная язва, вызванная ожогом при постановке банки. — Прим. автора), а также несколько шрамов (от боевых ран. — Прим. автора). Шея несколько ко-

ротковата, грудная клетка широкая, живот сильно выпячен и напряжен. Руки и ноги скорее несколько коротки, чем пропорциональны.

Я перешел к внутреннему исследованию, которое начал вскрытием грудной полости. При этом я обнаружил следующие заслуживающие упоминания факты. В плевральном пространстве содержится примерно стакан водянистой жидкости светло-желтого цвета. С этой стороны некоторая часть как плевры, так и межреберной мембраны покрыта тонким слоем свернувшейся лимфы (в соответствии с тогдашними представлениями считалось, что излияние из межреберной мембраны вызвано разрывом лимфатических сосудов — Прим. автора) Левое легкое несколько сдавлено изливающейся жидкостью и многочисленными спайками соединено с задней и боковыми частями грудной стенки и с сердечной сумкой. При мелких надрезах я обнаружил, что верхняя доля поражена туберкулами и множественными мелкими туберкулезными кавернами. В этой области легкое, а также поверхности плевры и легочной мембраны местами покрыты слоем свернувшейся лимфы. Правое плевральное пространство содержит примерно два стакана водянистой жидкости светло-желтого цвета. Правое легкое сдавлено изливающейся жидкостью, но состояние его тканей везде нормально. В обоих легких находится воздух, цвет естественный. Отмечается заметное покраснение слизистой дыхательных трубок и бронхов, а также содержание значительных количеств густой вязкой слизи. Некоторые бронхиальные и медиастинальные лимфатические железы увеличены до грани дегенерации и нагноены. Сердечная сумка нормального вида, содержит примерно одну унцию (что соответствует 30 г. — Прим. автора) светло-желтой водянистой жидкости. Сердце размером несколько превышает кулак покойного, в целом здоровое, но у основания и в складках — значительные отложения жира. Оба желудочка и соответствующие им ушки нормального вида, но имеют бледный цвет и полностью обескровлены.

При вскрытии живота мной наблюдалась следующая

картина. Брюшина напряжена вследствие большого скопления газов. Прилегающие друг к другу свободные поверхности брюшины на всем протяжении покрыты невязким, прозрачным и легко растекающимся экссудатом. Состояние толстого кишечника нормальное. Селезенка и печень тверже нормы, сильно увеличены и очень насыщены кровью. Ткани печени имеют красновато-коричневый цвет, структура без видимых изменений. Желчный пузырь заполнен загустевшей и рыхлой желчью и сильно напряжен. Печень, будучи поражена хроническим воспалением, в верхней своей части имеет внутреннее сращение с диафрагмой. Это сращение распространяется по всей поверхности, обладает большой прочностью, содержит большое количество тканей и имеет давнее происхождение. Нижняя часть левой доли непосредственно и прочно срослась с соответствующей частью желудка, в особенности по периферии малой кривизны желудка, а также с тонким кишечником. Во всех указанных точках соединения левая доля ощутимо уплотнена, отчетливо и твердо на ощупь. Желудок по первому впечатлению казался совершенно здоровым. Признаки воспаления отсутствуют. Состояние брюшинного покрова полностью соответствует норме. Однако при тщательном исследовании этого органа на его передней поверхности в области малой кривизны на расстоянии трех пальцев от привратника я обнаружил четко очерченное легкое уплотнение ткани небольшого размера. В центре этого уплотнения имеется сквозное прободение желудка. Отверстие было закрыто за счет сращения этой части желудка с левой долей печени. Объем желудка значительно меньше нормы. При вскрытии этого органа вдоль большой кривизны выявлено, что некоторая часть его объема заполнена значительным количеством массы невязкой консистенции, смешанной со значительным количеством вязкой слизи. По виду эта масса напоминает кофейную гущу и распространяет острый неприятный запах. После удаления указанной массы установлено, что на слизистой оболочке основания и *pars pylorica* (юкстапилорического отдела) вдоль большой

кривизны патологические изменения отсутствуют. Однако вся остальная внутренняя поверхность органа поражена язвой ракового типа, наибольшая интенсивность которой имеет место в верхней части вдоль малой кривизны. В то время как неправильные края указанной язвы, имеющие форму пальцев и языков, захватывают переднюю и заднюю поверхности желудка, начиная от входа и не доходя 1 дюйм (2,7 см. — Прим. автора) до привратника. Прободение имеет круглую форму и воронкообразно сужается в наружном направлении. Диаметр составляет 4-5 линий (8-10 мм. — Прим. автора) на внутренней поверхности и несколько более 2,5 линий на наружной поверхности желудка. Круговая кромка прободения имеет очень малую толщину, слегка зазубрена, черного цвета и образована только брюшинным покровом желудка. Поверхность стенок этого канала гладкая, изъязвленная, цвет ее близок к серому. Данный канал соединил бы внутреннее пространство желудка с брюшной полостью, если бы этому не воспрепятствовало сращение с печенью. Правая оконечность желудка на расстоянии 1 дюйма от привратника окружена отеком или, скорее, круглым затвердением, имеющим в ширину несколько линий. Отверстие привратника само по себе в полной норме. Края описанной выше язвы возвышаются в форме грибных шляпок, а ее твердое, грубое дно распространилось на глубину, соответствующую продолжительности этой тяжелой болезни.

Тонкий кишечник стянут, уплотнен, очень тверд на ощупь и дегенерирован. Лимфатические железы в данной области брюшинного покрова, а именно те из них, которые расположены вдоль большой и малой кривизны желудка, равно как и распространенные вблизи опор диафрагмы, частично увеличены, огрубевшие, а некоторые нагноены. Кишечник вздут большим количеством газов. На брюшинном покрове кишечного отдела и на брыжейке отмечаются немногочисленные мелкие бледно-красные пятна различной величины, отстоящие друг от друга на значительное расстояние. Состояние слизистой в норме. На поверхности толстого

кишечника обнаружена черная, исключительно вязкая масса. Правая почка соответствует норме, левая несколько длиннее и уже правой, в остальном не отличается от нормы. Мочевой пузырь пуст и стянут, содержит некоторое количество почечного песка. По слизистой оболочке рассеяны многочисленные красные пятна. В стенках этого органа имеются патологические изменения».

На этом заканчивается подробный отчет Антоммарки, который в наиболее существенных пунктах совпадает с британским протоколом вскрытия, но, тем не менее, содержит дополнительные детали, не упомянутые доктором Шорттом, которые, по мнению британской стороны, могли бы позволить сделать нежелательные для этой стороны выводы и по этой причине не нашли отражения в соответствующих документах. Так, в частности, в отчетах обоих британских врачей нет упоминания о туберкулезных кавернах и старых туберкулах в верхней доле левого легкого, которые были предъявлены присутствующим при вскрытии. Ведь подобный факт мог бы возбудить подозрение в том, что причиной смерти Наполеона вообще стал туберкулез легких, а это уже можно привести в прямую связь с неблагоприятными условиями жизни на суровом острове, затерянном в Южной Атлантике.

Следующий факт, описание которого в британском протоколе вскрытия не совпадает с описанием в документе, составленном корсиканским патологоанатомом, касается сращения печени с окружающими органами и тканями. Антоммарки однозначно отмечает протяженное внутреннее сращение печени с диафрагмой, которое несомненно существовало уже в течение длительного времени, а также независимое от него сращение нижней поверхности левой доли печени с той областью на малой кривизне желудка, в которой имела язва, вызвавшая прободение стенки желудка. Присутствовавший на вскрытии английский доктор Джордж Ратледж отрицает это, утверждая, что якобы не только сращение печени с диафрагмой, но и отмеченное доктором Шорттом сращение печени с желудком, за счет которого была закрыта

перфорация в стенке последнего, являются «не более, чем поверхностными данными, пополняющими и без того более чем достаточное число ошибок в книге Антоммарки». Тем самым Ратледж противоречит не только своему коллеге Шпорту, но и описанию, принадлежащему доктору Генри, который утверждал, что отделение спаек возможно было только с большим трудом, а именно, при помощи скальпеля. Однако доктор Генри, вынужденный следовать желанию Хадсона Лоу уйти от любых явлений и процессов в печени и свести все единственно к заболеванию желудка, предпочел воспользоваться подходящей, пусть даже медицински неграмотной формулировкой: «Небольшое сращение выпуклой поверхности печени с диафрагмой является, по всей видимости, продолжением и следствием граничащего с ней сращения печени с желудком».

Опытный патологоанатом Антоммарки не мог, однако, истолковать это прочное сращение между нижней поверхностью печени и той областью поверхности желудка вблизи привратника, где это сращение закрыло перфорацию его стенки, иначе, чем как последствие острого патологического процесса в желудке, а именно: прободения стенки желудка с последующим сращением ее наружной поверхности с близлежащей нижней поверхностью левой доли печени. Длинная, широкая и прочная спайка поверхности печени с диафрагмой не могла, по его мнению, иметь никакого отношения к этому процессу. Будучи последовательным, он мог связать это новообразование только с заболеванием печени, скорее всего, с перигепатитом — воспалением оболочек печени. Правда, вопрос о том, какое именно заболевание печени имело место, Антоммарки оставил открытым, употребив уже известный нам ничего не говорящий термин *Hepatitis tropica*. В сложившихся в тот момент условиях едва ли у кого-нибудь хватило смелости вслух или на бумаге вспомнить оценку и прогноз доктора Стокоу, имевшего за своими плечами, судя по всему, немалый опыт работы в тропиках, который считал, что у больного имеет место абсцесс печени амёбного

происхождения, и считал вероятным прорыв этого абсцесса и выход содержимого в брюшную полость.

К сожалению, Хадсон Лоу запретил консервировать тело Наполеона и приказал похоронить в той же могиле органы (сердце и желудок), которые Антоммарки по желанию покойного при вскрытии извлек из его тела и поместил в спирт. Этим он не только воспрепятствовал исполнению последней воли покойного передать его сердце супруге Марин-Луизе, но также не позволил получить более достоверную диагностическую картину путем дополнительного исследования желудка.

Как сообщает в своих мемуарах камердинер Маршан, на доктора Арнотта была возложена задача в ночь после вскрытия бдительно охранять тело покойного и предотвращать похищение чего-либо, и прежде всего двух серебряных сосудов с изъятими из тела органами. Тем не менее Антоммарки все же удалось обмануть бдительность стража и незаметно взять два образца тканей кишечника покойного. Эти образцы он доставил в Европу. Используя, по всей видимости, контакты доктора О'Мары, он передал их английскому хирургу сэру Эстли Куперу, который поместил их в музей основанного им Королевского хирургического колледжа Англии в Лондоне. Вплоть до начала второй мировой войны эти экспонаты были доступны для всеобщего обозрения, но после одной из немецких бомбежек они исчезли навсегда.

Проведя тщательное исследование образцов, сэр Артур Кейт, хранитель музея Королевского хирургического колледжа Англии, пришел к выводу, что это подлинны ткани тела Наполеона. В 1913 году, почти через сто лет после вскрытия, было проведено тщательное микроскопическое исследование образцов. Результаты этого исследования заставили совершенно по-новому взглянуть на строки, которые доктор Антоммарки когда-то написал в письме, адресованном шевалье Колонна: «Вам, всей семье Бонапарт, всему миру я заявляю, что причиной заболевания, которым страдал император, являются климатические

условия» Гистологическое исследование кусочка ткани показало наличие хронического воспалительного процесса. На основании этого, а также на основании подробного описания течения болезни Наполеона на острове Св. Елены сэр Артур Кейт пришел к выводу о том, что он «страдал от эндемической лихорадки с симптомами воспаления печени».

После вскрытия тело Наполеона обмыли одеколоном и покрыли шитой золотом шинелью, в которой он был на поле битвы при Маренго. Британское правительство не разрешило перевезти тело в Европу, и его предали земле в ущелье, в месте, где две ивы отбрасывают тень на журчащий родник. Единственная почесть, которую Англия оказала покойному, состояла в том, что у его могилы был поставлен часовый, который стоял там 19 лет, пока прах императора не был перевезен в Европу.

Когда известие о его смерти дошло до Парижа, Талейран отозвался о нем так: «Это уже не событие, а всего лишь новость». Талейран даже не подозревал, насколько глубоко он ошибся при оценке народных настроений. Казалось, что французы внезапно напрочь забыли все зло, нанесенное им по воле этого человека, и помнили теперь только о его добрых делах. К удивлению Талейрана, уже вскоре после этого начало формироваться оппозиционное движение под названием «бонапартизм», собравшее под свои знамена разочарованных и недовольных из самых различных политических лагерей.

Психограмма

Чтобы лучше понять характер Наполеона, необходимо вернуться к истокам впечатлений его юности, поскольку для выяснения отдельных противоречий и кажущихся неясностей следует подвергнуть медицинскому анализу все ступени развития, начиная с самого раннего детства. Такой подход позволит выявить некоторые фазы, оказавшие решающее влияние на его последующее развитие. Прежде всего, мы сталкиваемся с сильно выраженным материнским

комплексом, который явно проявляется не только в период детства и юности, но и в течение всей последующей жизни. Этот комплекс сыграл решающую роль в формировании у него образа идеальной женщины, он же и является причиной сдержанного или отталкивающего отношения к некоторым особам женского пола, которые не соответствовали этому идеалу, равно как и причиной некоторой робости по отношению к женскому полу вообще, которую он часто испытывал, уже будучи взрослым. Скорее всего, именно в материнском комплексе в конечном итоге следует искать корни его любви к Жозефине Богарне, которая была значительно старше его. Для его последующего развития большое значение может иметь то обстоятельство, что сильная любовь, которую он испытывал к матери, не находила того ответа. Его мать вместе с супругом принимала активное участие в освободительной борьбе корсиканцев и позднее за свое бесстрашие, мужество и негибаемый характер, проявившийся во время бурных событий французской революции и после них, получила прозвище «мадам мама». Она была прежде всего человеком твердого характера, и жаждавший любви мальчик никоим образом не мог получить от нее той нежности, на которую надеялся. Судя по всему, эта душевная драма приносила большие страдания маленькому Наполеону, и когда девяти лет от роду он был оторван от матери и помещен в закрытый интернат, где оказался лишенным всяческих остатков ласки и нежности, идеализация матери и связанные с ней фантазии об идеальном образе женщины достигли, скорее всего, высшей точки. Родившаяся в раннем детстве неутолимая потребность быть любимым и обласканным, пусть даже вытесненная в подсознательное, сохранилась до конца его жизни и была характерной для генерала, политика и императора. Хотя, став всем этим, он всегда требовал беспрекословного повиновения, одновременно хотел быть также любимым и почитаемым. Понятно, что в наиболее явной форме это нашло свое выражение в сентиментальной сфере его жизни, идет ли речь о любви к графине Валуевской или симпатии к

Мари-Луизе. Сильно выраженная потребность быть любимым проявлялась в том, что он был необычайно заботлив по отношению к слугам и к людям, принадлежащим к его ближайшему окружению.

Неудовлетворенную потребность в любви и нежности он уже в раннем возрасте пытался компенсировать заметными всем успехами, которых он надеялся достичь упорным трудом и тем самым заслужить признание окружающих. Уже в школе он хотел завоевать восхищение товарищей и учителей блестящими успехами. И поздней жизнь молодого человека была подчинена тому, чтобы интенсивным трудом завоевать признание ближних. Лишь военные и политические успехи смогли несколько приглушить его тоску по любви и восхищению.

Большое влияние на формирование его личности оказали годы, проведенные в военных школах Бриенна и Парижа. Он был корсиканцем, не мог скрыть своей бедности, не был дворянином, и школьные товарищи едва ли признавали его равным себе. К этому следует добавить, что, будучи слабого телосложения, он не мог состязаться с ними в физической силе. Его честолюбие должно было искать иных возможностей для того, чтобы взять реванш за пренебрежение. Все свое свободное время он стал посвящать интеллектуальным занятиям. Это позволило ему достичь своего рода ранней зрелости и превосходства, благодаря которому он смог превзойти товарищей и подчинить их себе. Позднее он рассказывал о своем пылающем честолюбии: «Мысль о том, что я не первый ученик в классе, была мне невыносима». Если и таким образом ему не удавалось добиться желаемых симпатий, то он добывал их силой. Так выраженные авторитарные наклонности его характера проявились уже в юности. Пренебрежение со стороны коллег дворянского происхождения вызывало у него, кроме того, своего рода комплекс неполноценности. От этого комплекса неполноценности перед блеском дворянства он так никогда полностью и не избавился. Чувство мести по отношению к высокомерным дворянским сынкам в бриеннской

военной школе было, по всей вероятности, одной из причин того, что во время Французской революции при переходе власти от жирондистов к якобинцам он присоединился к последним, предложив им свои услуги профессионального военного. Если в период отчужденности от школьных товарищей его ненависть была направлена против Франции, чему способствовал корсиканский патриотизм, то во время революции объектом этой ненависти уже была не Франция, а исключительно «старый режим». Еще ребенком ему не раз приходилось слышать рассказы о героической борьбе корсиканцев за свободу, которые очень рано заронили в его душу такие понятия, как патриотизм, чувство долга и верность, в качестве главных добродетелей мужчины, что в сочетании с прочитанными позднее сочинениями Жан-Жака Руссо почти идеально подготовило его к революции в духовном и эмоциональном отношении.

Наиболее выдающаяся черта характера Наполеона состояла в том, что проявление любого рода авторитета он воспринимал как вызов Корни и этого явления уходил в раннюю юность. Подобно почти всем мальчикам, для которых характерна особо сильная связь с матерью, у него тоже развилось своеобразное чувство ревности к отцу, которое сочеталось с желанием превзойти его. Его ревность была направлена даже против старшего брата Жозефа, что, по видимому, обсолютно, и является глубинной причиной своеобразного отношения к своей семье после смерти отца. Не старший брат, как это принято, стал «боссом семейного клана» — эту роль принял на себя Наполеон. Очень похожим было его отношение ко всем людям, которые в его глазах символизировали авторитет по отцовскому типу — Бурбонам, принцам крови и даже папе Пию VII. Каждый, кто, по его мнению, мог бы претендовать на положение, равное с ним в каком-либо аспекте, должен был быть безоговорочно загнан под его ярмо, будь это братья и сестры, генералы или правящие монархи. Теперь можно понять, почему ни один человек не мог стать истинным другом Наполеона. В Париже, по окончании революции, он получил

возможность путем непосредственных личных наблюдений убедиться в полной безразличности Директории, и пережить унижение, когда он без всяких оснований, одним росчерком пера был изгнан с военной службы (правда, лишь на очень короткое время, чему способствовало отчаянное положение, в которое угодила Директория), превратило недавнего идеалиста в холодного расчетливого реалиста и циничного человеконенавистника. Низкий порок фрустрации способствовал также и тому, что измену своей супруги Жозефины он воспринял почти как смертельное оскорбление. В результате столь идеалистическая поначалу установка сменилась своего рода цинизмом по отношению к женщинам, к которым он, начиная с этого момента, проявлял большое недоверие. Этот опыт способствовал усилению его, уже в то время опустимой, жажды власти и породил в нем непреклонное решение в будущем повелевать людьми. Желание к власти над людьми, от которых он в то же время хотел добиться любви и симпатии, происходило от неосознанного стремления компенсировать имевшую место в ранней юности изначальную фрустрацию. Подобная компенсация в полном объеме в принципе невозможна, и поэтому, несмотря на все замечательные успехи, Наполеону не суждено было до конца своих дней познать полное счастье и полностью снять с себя напряжение.

В начале его блестящей карьеры стремление к власти удерживалось в разумных пределах благодаря его выдающемуся интеллекту и безошибочному чувству реальности, выполнявшим роль тормозов для авторитарных устремлений. Но чем большей становилась его власть, чем больше он чувствовал себя властителем Европы, тем меньше оставалось у него того чувства, которое, по выражению пианистов, должно быть в кончиках пальцев. Если раньше он с уверенностью лунатика и дисциплинированным терпением мог спокойно выжидать момента, когда задуманное принесет наибольший успех, то теперь он поверил, что сама судьба покорна его воле. В соответствии с лозунгом «Власть преступна, абсолютная власть преступна абсолютно»,

Наполеон во все большей степени начал злоупотреблять властью. Наряду с этим проявились явный аморализм и необузданность и эгоцентричность в действиях. Избалованный быстрой карьерой, он постепенно утратил способность терпеть даже малейшее противоречие. От своего окружения он требовал слепого повиновения и безграничного обожания, и если кто-то отваживался воспротивиться, то это приводило к настоящим припадкам гнева. Время от времени он с садистским удовлетворением путем умышленных унижений убеждался в преданности и «любовой» привязанности самых верных своих соратников. При этом он был убежден в том, что ему, как ничем не ограниченному повелителю, дозволено все и своими подданными он может распоряжаться так, как ему заблагорассудится. Превзойти его в этом дано было лишь Сталину!

Постоянно усиливающееся чувство всемогущества преисполнило Наполеона уверенностью в том, что судьба предназначила его, подобно Александру Великому, Ганнибалу и Цезарю, к великим историческим свершениям и снабдила необходимыми для этого способностями и талантами. Почти патологическая мания величия привела к тому, что в его честолюбивых планах судьбы личностей уже не играли никакой роли. Сотни тысяч сыновей Франции на полях Европы он принес в жертву этой цели, но не во имя славы и величия Франции, а лишь для утоления собственной жажды еще большей власти. Считая это законным, он был убежден в том, что моральные границы, существующие для простых смертных, установлены не для него. Его одержимость властью принимала все более психопатические черты и побуждала его в конечном итоге к переоценке своих возможностей и утопическим предприятиям. Испанская авантюра и прежде всего русская кампания с ее трагическими последствиями были отчаянным вызовом судьбе. Падение яркой кометы стало неизбежным, и когда она, наконец, упала, то не только многочисленные враги, но и многие из его многолетних приверженцев и почитателей испытали чувство облегчения. В своем исследовании болезни,

ставшей причиной смерти Наполеона, касаясь его желудочно-го заболевания, Грун исследовал некоторые особенности характера императора, которые могут быть отнесены к числу факторов предрасположенности и встречаются у многих людей, страдающих язвенной болезнью желудка. Среди таких особенностей характера наиболее важное место занимает выдающийся интеллект и способность к необычайно быстрому восприятию — речь идет о так называемых «интеллектуальных спринтерах». Такие люди выделяются усердием и честолюбием, имеют большой организаторский талант и, обладая многосторонними способностями, с энтузиазмом набрасываются на работу в любой сфере деятельности. Требование строгого выполнения долга и осознания ответственности они предъявляют не только к другим, но и к самим себе. При достижении их честолюбивых целей в расчет принимаются только личные достижения. С ранней юности они стремятся к независимости, почему и стремятся в большинстве случаев к руководящим постам, на которых они могли бы отдавать распоряжения или приказы. В их желании получить признание и возможность повелевать другими интриги и протекционизм не играют никакой роли, а на пути к вершине ненависть им, как правило, также чужда.

Их ярко выраженный эгоизм ищет симпатии, похвал, признания и порождает тщеславие и высокомерие. Особенно характерен для них низкий порог фрустрации, то есть чувствительность и чрезвычайная ранимость при нападках на них лично или даже в ответ на критику. Высокое чувство социальной ответственности часто заставляет этих людей действовать в интересах общества или предоставить себя в распоряжение политической группы соответствующей социальной направленности.

Анализ приведенной выше краткой сводки особенностей характера, свойственных лицам, склонным к язвенной болезни, заставляет с удивлением обнаружить, сколь много ее позиций совпадает с известными нам уже особенностями характера Наполеона. Было бы странным, если бы при подобной психической предрасположенности многочисленные

конфликтные ситуации, сопровождавшие его в военных походах и политических баталиях, не привели к возникновению этого заболевания или не дали нового толчка к обострению уже имеющегося недуга. С учетом перечисленных выше психогенных факторов несложно понять, почему на острове Св. Елены произошла заключительная катастрофа на том пути, который он прошел рука об руку со своим недугом, тем более, что там для этого были созданы практически все необходимые условия. В связи с этим мне кажется целесообразным более подробно остановиться на том влиянии, которое оказало на его психику шестилетнее заточение на острове Св. Елены. Грун дает подробный анализ факторов психологической нагрузки, которые усугубили душевные муки Наполеона на этом острове. Здесь мы приведем этот анализ в несколько сокращенном виде.

«Произошло падение с головокружительной высоты, перед которой еще совсем недавно склонялись старейшие династии Европы, и теперь он был обречен на существование униженного и лишенного всех прав пленника. Покинутый или преданный большинством своих генералов и министров, обязанных ему положением и состоянием, покинутый и забытый своей второй женой Марией-Луизой, которая уже давно сошлась с графом Найшпергом, от которой он уже никогда не получил ни одного слова или свидетельства ее интереса к нему, лишенный известий от сына, которому было запрещено даже упоминать имя отца, он, подобно отверженному, жил на одиноком острове, осознавая, что с реставрацией Бурбонов все его усилия улучшить условия жизни французских граждан пошли прахом. Даже его семья была слишком занята собственными интересами, чтобы найти время вспомнить о нем, а его брат Луи не постеснялся поносить его лично в своей книге».

Другим источником огорчений и унижений явились мероприятия английского правительства и его «длинной руки» Хадсона Лоу. Уже на борту «Нортумберленда», доставившего его в Англию, было предписано обращаться к нему «генерал Бонапарт» и категорически запрещено называть

его «Наполеон», а тем более «император Наполеон». Он был всегда великодушен к побежденным врагам, и это унижение потрясло его особенно глубоко. И в остальном английский правительство, и в особенности Хадсон Лоу, делали все для того, чтобы Наполеон ни на минуту не забывал, что он всего лишь пленник. Перед островом день и ночь крейсировали английские военные корабли, сам Лонгвуд был постоянно окружен солдатами. Крутые сутки свобода его передвижения была ограничена маленькой зоной безопасности, и выйти за ее границы он мог только в сопровождении английского офицера. Его письма подвергались строгой цензуре, и дважды в сутки английский офицер обязан был лично проверить присутствие пленника на месте. Ему было также запрещено разговаривать с жителями острова.

Фактором, особенно тяготившим Наполеона во время его ссылки на острове, была личность самого губернатора. Насколько имеющиеся в нашем распоряжении подробности допускают постановку диагноза, Хадсон Лоу с его черствостью, болезненной педантичностью, паранойдальной недоверчивостью, гипертрофированной склонностью к демонстрации корректности и «джентльменства», равно как и маньер к сохранению даже самых незначительных клочков бумаги может быть признан психастеником с явными признаками невроза принуждения. Страх, что пленник может совершить побег, принял у него характер одержимости. Вполне можно понять Наполеона, на дух не переносившего этого мелкого заштанного чиновника до такой степени, что однажды, узнав о намечаемом визите губернатора, он забаррикадировал входную дверь, лишь бы избавить себя от необходимости лицезреть Хадсона Лоу. Более того, он зарядил ружье и пистолет, чтобы продемонстрировать решимость бороться не на жизнь, а на смерть за свое право на такого рода самозащиту.

Еще одним фактором был климат острова. Если не шел дождь, то стоял туман, по плоскогорью постоянно гуляли штормовые ветры. В комнатах лонгвудского дома всегда было сыро, качество пищи оставляло желать лучшего —

Наполеон несколько раз был вынужден продавать столовое серебро, чтобы заплатить за продукты, доставляемые из столицы острова Джеймстауна. Он все больше ощущал одиночество, запас тем для бесед со спутниками давно исчерпался, не говоря о том, что многие из них уже покинули остров. Его все больше мучает мысль о том, что, пока он жив, его сторонники не смогут выйти на свободу. Он живо интересовался европейскими событиями и комментировал их, однако все, что он писал, не вызывало никакого отклика. Единственной деятельностью, доставлявшей ему удовлетворение, были занятия историей и, конечно же, описание своей жизни, наполненной бурными событиями. Днем и ночью диктовал он воспоминания о делах, свершенных им в бытность императором французов, и о своих больших сражениях. Но постепенно подавленность беспечностью существования брала верх и он все больше времени бездейственно проводил в постели.

В психическом развитии его личности на острове Св. Елены явным образом проявилась тенденция угнетения. На эту, последнюю, фазу его жизни, пришлось не только личное поражение и распад с таким трудом построенных структур, но также окончательный и бесповоротный разрыв с народом, властвовать над которыми он мечтал. Потеряв власть и величие, лишившись любви и симпатии, он был обречен на медленное умирание на протяжении того срока, который ему еще суждено было прожить. Раньше у него была возможность компенсировать удары судьбы и разочарования успехами в других областях, теперь он навсегда был лишен возможности эффективной компенсации. В начале ссылки он предпринимал отчаянные попытки установить связь с внешним миром, но они окончились неудачей, так как мир уже забыл его. Ему оставалась только возможность обратиться к потомкам с посланием и с завещанием.

Исчезла последняя надежда, и он смирился с судьбой. «Жалобы ниже моего достоинства и не в моем характере. Я либо приказываю, либо молчу» — этому девизу он оставался верен вплоть до последних дней перед смертью.

История болезни Бонапарта

Наполеон всегда хвалился железным здоровьем. Это никоим образом не соответствовало действительности, хотя следует признать, что он перенес мало тяжелых заболеваний. Он утверждал, что никогда серьезно не болел, но это всего лишь результат влияния завышенного чувства самооценки. В те времена непобедимый полководец и мудрый государственный деятель масштаба Наполеона Бонапарта в глазах мира был таким героическим персонажем всемирной истории, которого и болезни должны были обходить, то есть он, пользуясь современной терминологией, должен был быть иммунным. Однако железное здоровье, которым он так хвастал, не было преподнесено ему в виде подарка прямо в колыбель.

Сразу же после рождения он был отдан на попечение кормилицы. Поэтому сведения о болезнях, перенесенных им в первые годы детства, весьма скупы и неточны. Достоверно известно лишь то, что уже в раннем детстве он казался окружающим очень нервным и легковозбудимым. Сообщают, что даже в возрасте двух лет он не мог прямо держать голову, которая была несколько больше нормы. Сообщается также, что у него бывали судороги. Речь идет, скорее всего, о тех судорогах, которые в старые времена нередко наблюдались у детей, больных рахитом.

Вплоть до начала двадцатого века рахит был весьма распространен среди детей наименее части населения. Это заболевание никогда не начинается раньше середины второго месяца жизни и очень редко после окончания второго года жизни. Основная его причина — недостаток витамина «D», приводящий к нарушению фосфорно-кальциевого обмена. В связи с этим данное заболевание в основном поражает скелет, что может привести к нарушению роста тела и его пропорций. Даже при отсутствии явных искривлений рахитичные дети, как правило, отстают в росте, и из-за отставания в развитии скелета лица череп кажется еще больше, чем он есть на самом деле. Из-за слишком тяжелой головы

рахитичный ребенок может на месяцы отстать в освоении некоторых статических функций тела, таких, например, как вставание на ноги или удержание головы в прямом положении. В старые времена деминерализация в первые годы жизни часто приводила к мышечной атонии, то есть к вялости мускулатуры и прежде всего мускулатуры желудка и кишечника, вследствие чего возникали различные «расстройства пищеварения» и склонность к постоянному вздутию живота — в прошлом веке говорили, что у таких детей рахитичный лягушачий или картофельный живот. Нередко скопление газов приводило к характерным сокращениям мышц судорожного типа. Такие судорожные припадки могли продолжаться несколько минут и напоминали настоящие эпилептические припадки, что в старые времена часто приводило к постановке ложного диагноза «эпилепсия». Наличие у Наполеона в раннем детстве рахита можно признать достоверным фактом. Можно считать доказанным, что ребенок получал недостаточное питание, и у него обнаруживалось несколько явных симптомов, говорящих в пользу такого диагноза: некоторое отставание в росте, чересчур большая голова квадратной формы, короткая шея, неспособность прямо держать голову, явные расстройства пищеварения и судороги, наблюдавшиеся в раннем детстве, которые позднее были ошибочно приняты за эпилептические. На различных портретах можно заметить легкое искривление грудного отдела позвоночника, что создает впечатление слишком короткой шеи. Это также следствие позднего рахита. Грун допускает возможность того, что эта незначительная костная деформация может быть изменением, характерным для так называемых теласемий. Речь идет о группе довольно разнообразных врожденных расстройств, связанных с формированием красящего вещества в красных кровяных тельцах, которые и в настоящее время нередко встречаются в бассейне Средиземного моря, в том числе и на Корсике. При заболевании такого рода происходит усиленный распад красных кровяных телец, и, в зависимости от тяжести расстройства, наряду с бледностью, характерной для анемии, то есть

малокровия, может появиться незначительное пожелтение глазных яблок. В пользу версии доктора Груна говорит желтоватый вплоть до оливкового цвет лица молодого Бонапарта. Наиболее ярко это описал проводник, сопровождавший его при переходе через Альпы во время итальянской кампании. Однако недостаток точной информации не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу.

Для юного Бонапарта уже во времена военной школы в Бриенне были характерны необычайная возбудимость и чрезвычайно низкий порог терпимости, что вызывало почти театрально гипертрофированные реакции в ответ на малейшую критику или замечание, воспринятое им как унижающее. При этом на передний план выходили психосоматические проявления. Так, когда в наказание за какую-то провинность воспитатель приказал ему принимать пищу в столовой, стоя на коленях, он отреагировал на это рвотой и обмороком. Подобные психосоматические реакции случались с ним и в более поздние годы в критических или неожиданных стрессовых ситуациях, причем интенсивность их усиливалась. Речь идет прежде всего о реакциях желудка и мочевого пузыря. Чрезвычайная психическая лабильность приводила к тому, что уже в школьные годы он мог по самому ничтожному поводу прийти в такой гнев, что начинал трястись как в лихорадке или отказываться от всякой пищи. Здесь мы имеем дело с истерическими припадками, которыми он и позже приводил в замешательство окружающих. Лабильная психика, однако, легко уведила его в другую крайность, что можно видеть из письма шестнадцатилетнего подпоручика, преисполненного мировой скорби и усталости от жизни: «Ведь если мне все равно суждено умереть, то почему бы не покончить с жизнью уже сейчас?.. Всегда один прихожу я домой, чтобы предаться воле волн моей тоски. Куда она склоняется сегодня? Навстречу смерти. Жизнь мне в тягость, ничто не приносит мне радости, все причиняет боль». Здесь мы имеем реактивную депрессию почти в пресуицидальной стадии, что говорит о том, сколь сильно оторванный от матери мальчик

тосковал по любви и нежности, сколь сильно утнетал его замкнутый образ жизни, поскольку он был вынужден необходимостью избегать контактов с одноклассниками дворянского происхождения.

На двадцатом году жизни во время службы в Озонне Наполеон Бонапарт, судя по всему, переболел малярией, которая не отпустила его длительное время. В те времена она встречалась в этой местности довольно часто. К сожалению, подробности нам неизвестны, так что данный диагноз можно вывести лишь косвенно из немногочисленных сохранившихся документов и некоторых упоминаний в истории медицины. Первое упоминание содержится в письме, написанном в Озонне 22 августа 1788 года и адресованном его дяде, епископу Жозефу Фешу: «Мне немного нездоровится, причиной тому большие работы, которые я должен был выполнять в последнее время. Как вам известно, дорогой дядюшка, генерал оказывает мне большое уважение и внимание, что настроило начало против меня... Наибольшее беспокойство мне доставляет мое здоровье, которое, как мне кажется, несколько подорвано». Это заболевание объясняли нездоровым климатом Озонна, который, похоже, не падал ни солдат, ни других офицеров этого гарнизонного городка, ни «тогощего как жердь» подпоручика Бонапарта. Из местного издания того времени мы можем узнать, что виноваты в этом были траншеи, окружавшие крепость, выстроенную в стиле великого Вобана. В этих траншеях стояла вонючая болотная вода, которая отравляла атмосферу в городе. Все это происходило в местности, которая и без того была переувлажнена частыми разливами Соны, поэтому и солдаты, и офицеры вынуждены были часто страдать от «приступов лихорадки».

С учетом условий и терминологии того времени речь может действительно идти о приступах лихорадки, вызванных малярией. В то время малярию по праву называли и болотной лихорадкой, потому что она свирепствовала в основном в болотистых местностях Италии и Греции. Еще в первой половине XIX века она встречалась в низовьях

крупных европейских рек. В то время такие крупные реки, как Висла, Одер, Эльба, Рейн и Дунай были такими же рассадниками малярии, как и морские побережья с их приливами и отливами. Существовали также местности, где вследствие частых наводнений или земляных работ временно создавались благоприятные условия для распространения малярии. Подобная ситуация могла возникнуть в окрестностях Озонна.

Благодаря лечению полкового врача доктора Бьенвело Наполеон хоть и избежал от приступов лихорадки, но, по всей видимости, общее его состояние еще длительное время было серьезно нарушено. В июле 1789 года, уже почти через год после начала болезни, он пожаловался в письме матери: «У меня нет здесь никаких развлечений, кроме работы. Я прилично одевался только раз в восемь дней. С начала болезни я сплю очень мало».

Мы ничего не знаем о лечении, назначенном доктором Бьенвело, но можно с уверенностью предположить, что при подозрении на малярию он назначил эффективное средство — кору хинного дерева. Это средство было известно живущим в Андах южноамериканским индейцам с незапамятных времен. В середине XVII века благодаря иезуиту Барнабе де Кобо порошок хинной коры появился в Испании, а затем и в Риме, где его бесплатно раздавали для помощи «бедным больным». Итальянские врачи сначала возмущенно отвергали это средство, но затем известный английский врач Сайденхэм и Шарль де Барберак из университета Монпелье во Франции с середины XVII века начали активную кампанию за применение хинной коры. Во время строительства Версальского дворца, который сооружался в болотистой местности, множество людей заболело, и эти «ежедневные приступы лихорадки» были успешно вылечены хинной корой. Английский аптекарь Роберт Толбот приготовил «тайное средство», состоявшее из коры хинного дерева, и организовал успешную торговлю им, которая буквально расцвела после того, как он вылечил с помощью этого

средства от малярии короля Англии Карла II, а в 1679 году французского дофина. После этого он смог продать свое средство за баснословную сумму королю-солнцу Людовику XIV, который затем позаботился о быстром распространении чудо-средства. Естественно, что к концу XVIII века применение коры хинного дерева было прекрасно известно во Франции, и молодой Бонапарт наверняка смог получить именно такое лечение.

Все же мы не можем утверждать это со стопроцентной уверенностью, но если это было так, то мы не знаем, в течение какого времени доктор Бьенвело лечил Наполеона от малярии корой хинного дерева. Не исключено, что лечение было отменено слишком рано. Документально доказано, что в период между сентябрем 1789 года и февралем 1791 года у него вновь были приступы лихорадки. Возможно, это был рецидив не до конца излеченной малярии. Более поздние упоминания об этом заболевании отсутствуют, что дает нам основания предполагать полное ее излечение.

Во время осады Тулона в конце 1793 года началась затяжная борьба Наполеона с докучливым кожным заболеванием, вызывавшим невыносимый зуд. Среди врачей длительное время велись дискуссии, имевшие своей целью выявить истинную природу недуга. Сам же Наполеон считал, что подхватил чесотку, и сам описывает, как это произошло: «Во время осады ко мне прицепилась отвратительная болезнь — чесотка! Я находился на одной из двухорудийных батарей, когда один из английских шлюпов приблизился к берегу и открыл огонь, которым у меня были убиты два канонира. Я схватил баник, выпавший из еще теплой руки одного из убитых. Как выяснилось, этот человек был болен, и через несколько дней у меня появилась чесотка. Я применил против нее ванны и вычесался. Она снова появлялась у меня в Италии и в Египте, когда условия жизни были очень тяжелы. После возвращения из Египта Корвизар (профессор парижской клиники Шарите, с 1801 года лейб-медик Наполеона) вывел ее,

поставив мне 3 нарывных пластыря на грудь. Это вызвало благотворный кризис. До этого времени я был худым и желтым. После лечения я почувствовал себя лучше, мой внешний вид также улучшился».

Это описание с медицинской точки зрения неверно во многих аспектах. Чесотка, возбудителем которой является чесоточный клещ, передается либо при интимном контакте с больным, либо при пользовании бельем и одеждой, которыми до этого пользовался больной и которые были инфицированы клещом. Кратковременный контакт с больным, например, при врачебном осмотре, или прикосновение к деревянному или металлическому предмету, к которому ранее прикасался больной (как, например, к банику, о котором пишет Наполеон), не может привести к заражению чесоткой. Скорее можно предположить возможность заражения, обусловленную антисанитарной обстановкой военного времени — скученность в спальнях помещениях, использование одного и того же постельного белья разными людьми и т. п. Бонапарт сам указывает на то, что вследствие плохих гигиенических условий эта отвратительная болезнь неоднократно возникала у него и позднее.

Вызывает сомнения также рассказ о терапии, примененной Жан-Николом Корвизаром — наложение пластырей от нарывов не может оказать какого-либо влияния на чесотку. Такая терапия свидетельствует лишь о том, что в то время не была известна паразитарная этиология этого заболевания и причиной чесотки считали нарушение движения телесных соков. Поэтому неудивительно, что, несмотря на проведенную Корвизаром терапию, Наполеон страдал от нестерпимого зуда вплоть до начала своего консульства в 1799 году. Еще в 1900 году Анжело Беллини предположил, что это произошло потому, что «его врачи считали якобы имеющуюся у него чесотку заболеванием гуморального происхождения и лечили его в соответствии с этими представлениями». Смягчающим обстоятельством для безграмотных, с современной точки зрения, действий врачей может служить тот факт, что, по написанным уже в 1932 году

словам Кабане, «в то время чесотка считалась опасным заболеванием. Полагали даже, что ее излечение может повлечь за собой летальный исход, поскольку болезнь может, исчезнув на коже, поразить внутренние органы». В то время считалось даже, что видимые поражения кожи, вызванные чесоткой, могут быть даже полезными, так как через них выводятся из организма различные вредные вещества, содержащиеся в крови. В народе даже бытовало поверье, что, поднеся чесотку, можно излечиться от серьезных внутренних заболеваний, и находились люди, сознательно заражавшие себя чесоткой. Зная это, можно понять, почему во время египетской кампании, когда он впервые начал страдать от приступов боли в желудке, его накрывали одеждой чесоточных больных — те, кто это делал, надеялись с помощью чесотки изгнать желудочные колики.

Другой доказанный факт, заставляющий усомниться в том, что Наполеон долго болел чесоткой, состоит в том, что у его жены Жозефины чесотки не было никогда, хотя в 1796 году она состояла с ним в интимных отношениях в течение четырех месяцев — со дня его первого посещения до свадьбы. Кроме того, ни дети Жозефины — Евгений Богарне и Гортензия Богарне, ни кто-либо иной из членов семьи императора никогда не болел чесоткой. Доктор Деклю писал в 1932 году: «Предположение о том, что в течение части своей жизни Наполеон болел чесоткой, можно уже отнести к классике». При этом он решительно выступил против этого «классического» представления. В то же время некоторые другие исследователи, как, например, Борис Соколов, по-прежнему продолжали поддерживать это мнение.

В начале XX века мнения исследователей по данному вопросу разделились, в результате чего возникла весьма запутанная картина. Так, Уэйи Уайт писал: «В крови Наполеона присутствовало вещество, вызывающее сильный зуд, от которого он страдал на протяжении всей жизни. В детстве и ранней юности это проявлялось в форме крапивницы, в это время он становился легко возбудимым, нервным, агрессивным и непослушным. В более позднее время

его враги называли эту сыпь чесоткой. В те моменты, когда действие этого вещества в крови не проявлялось в форме кожного зуда, оно жгло его непонятным огнем изнутри... и порождало ненасытные страсти, неведомые обычным людям. Этот внутренний «адский огонь» возбуждал и ожесточал его в кризисные моменты, которых было немало в его карьере. Во время одного из сражений кровь его разогрелась до такой степени, что он, вместо того, чтобы руководить битвой, оказался совершенно обнаженным под одеялом на голой земле, покрытой только охальной соломой — несколько слуг до крови чесали его трясущееся тело, а он просил пройтись по нему скребницей для ослов».

Данное сообщение говорит в первую очередь о том, что приступы зуда возникали у него в моменты психических перегрузок. Есть данные о том, что дни переворота 18 брюмера он до крови расчесывал высыпавшие на лице гнойнички. В напряженные моменты он чаще всего до крови расчесывал кожу над шрамом от штыкового ранения, полученного в рукопашной во время осады Тулона. Только после появления крови он ощущал физическое и душевное облегчение и утверждал, что это помогает ему лучше любых врачей с их лекарствами. Из его рассказов можно понять, что он также разделял господствовавшую в то время гуморальную теорию, согласно которой для удаления вредных веществ из крови рекомендовались обильные кровопускания. Антомарки вспоминает, что во время наиболее тяжелых в психическом отношении ситуаций на острове Св. Елены Наполеон почесывал застарелую экзему и говорил, что ему «станет легче, если он пропотеет или до крови раздерет шрам на бедре».

Джеймс Кембл был первым, кто в 1959 году классифицировал кожное заболевание, с перерывами сопровождавшее Наполеона всю его жизнь, как нейродерматит — *Dermatitis herpetiformis*, заболевание, впервые описанное в 1884 году Дюрингом, при котором, как известно, роль важнейших провоцирующих факторов играют сильные психогенные составляющие. При этом заболевании зуд не

исчезает насовсем, а возвращается через различные промежутки времени либо под влиянием предшествующего нервного возбуждения, либо вообще без видимых причин. Начало заболевания приходится, как правило, на время между двадцатым и двадцать пятым годом жизни (это совпадает со временем осады Тулона) и толчком к его появлению обычно являются стрессовые факторы (что также неотделимо от военных действий). Нейродерматит — хроническое заболевание, и после Тулона Наполеон уже до конца жизни не смог избавиться от приступов сильного зуда, которые случались с ним в моменты сильного нервного напряжения даже на острове Св. Елены.

Роль дополнительного фактора здесь с большой долей вероятности сыграла атрофированная или, по меньшей мере, недостаточная функция потовых желез, так называемый ангидроз, который наиболее чувствительно проявляется в жарком климате и нередко наблюдается ветеринарами у лошадей. По всей видимости, именно ангидроз явился первопричиной пристрастия Наполеона к продолжительным горячим ваннам, которое он сохранил до конца жизни. Это также делает понятным его высказывание: «Я живу только через кожу». Доктор Иван, сопровождавший его во всех походах, начиная с 1796 года, и знакомый с проблемами своего пациента не понаслышке, писал: «Как только его поры закрывались — будь то под влиянием эмоций или вследствие атмосферных факторов — у него появлялись более или менее явно выраженные проявления возбуждения, а также кашель и ишургия (задержка мочеиспускания. — Прим. автора). Стоило функциям кожи восстановиться, как эти явления очень скоро прекращались».

Во время итальянской кампании Наполеон несколько раз перенес острые респираторные заболевания, сопровождавшиеся кашлем. Вот что он писал примерно 12 октября 1796 года из Модены: «Весь позавчерашний день я провел в поле, а вчера должен был весь день пролежать в постели. Из-за высокой температуры и головной боли я не мог даже писать». Подобные сообщения встречаются и

в более поздних письмах. 16 февраля 1797 года в одном из писем Жозефине он между прочим замечает: «Мое здоровье не совсем в порядке, я все еще чихаю».

В этих случаях речь скорее всего шла о вирусных инфекциях верхних дыхательных путей. Однако в 1799 году клиническая картина выглядела более грозно. Наряду с сильным кашлем он жаловался на боль в груди, которая при кашле или глубоком дыхании усиливалась. В связи с этим первый консул Бонапарт посетил своего доверенного врача профессора Корвизара, который смог излечить его от этих жалоб, однако мы не знаем о примененных им методах лечения. Протокол вскрытия, при котором было обнаружено левостороннее сращение обеих долей плевры, свидетельствующее о перенесенном плеврите, не оставляет сомнения в природе этого заболевания. Мы даже можем с уверенностью предположить, что этот плеврит 1799 года имел туберкулезное происхождение, поскольку при вскрытии наряду с описанными выше спайками плевры был обнаружен более ранний по времени туберкулезный процесс верхней доли левого легкого, выразившийся в туберкулах и ряде изменений кавернозного характера. В 1803 году этот туберкулезный процесс, по-видимому, протекал в открытой форме, поскольку в этот период имело место кровохарканье, причину которого Корвизар усмотрел в застойных явлениях в легких. Первый консул был молод, сердце его было здорово, и предположить у него наличие застойного легкого было бы совершенно неправдоподобно. С другой стороны, наличие туберкулезного очага в верхней доле легкого говорит о том, что выхаркиваемая пациентом кровь могла быть только из каверн. Судя по всему, туберкулез легких в дальнейшем протекал необычайно благоприятно, поскольку, несмотря на все перегрузки во время военных походов, у Наполеона больше никогда не возникало подобных жалоб. Предположение о том, что между 1799 и 1803 годами у Наполеона был туберкулез легких в открытой форме, носит отнюдь не спекулятивный характер. Ведь известно, что на рубеже XVIII и XIX веков более 90% всех молодых людей еще до

достижения восемнадцатого года жизни успевали переболеть туберкулезом, который врачи того времени, как правило, идентифицировали как неспецифический воспалительный процесс в верхних дыхательных путях. Поэтому, говоря о Наполеоне, можно почти с полной уверенностью исходить из того, что и он в молодости не избегал туберкулезной инфекции, тем более, что этому благоприятствовала его конституция («тощий как жердь»). Повторная вспышка туберкулезного процесса во взрослые годы представляла собой, как это почти всегда бывает, не результат повторного инфицирования, а реактивацию старого очага при ослаблении защитных сил организма.

На боль в желудке Наполеон впервые пожаловался во время египетской кампании. В 1797 году Поль Ильман в своем подробном исследовании «Pathologie de Napoleon» («Патологии Наполеона») в качестве причины этих жалоб указывает язву желудка, которая, как известно, часто встречалась в семье Бонапарт. Доказательством этого предположения может служить тот бесспорный факт, что Наполеон, начиная с 1802 года, постоянно жаловался на боли в желудке, которые немедленно проходили после приема пищи. Поэтому рядом с его постелью всегда находился столик с закусками, предназначенными для снятия ночных приступов. Ильман отваживается даже предположить, что в 1802 году у Наполеона произошла перфорация, то есть прободение желудка в области малой кривизны, однако никакие факты в доказательство этого утверждения не приводятся. Совершенно недопустимым представляется истолкование типичного движения руки Наполеона как попытки облегчить боли в желудке, прижимая к нему ладонь, уже в тот период, когда он был первым консулом. Ильман имеет в виду левую руку, хотя на большинстве портретов Наполеона такое положение занимает правая рука, что с учетом расположения пуговиц на мужской одежде представляется более достоверным.

Предметом дискуссии стал также вопрос о том, не привела ли, уже начиная с 1802 года, «каллезная язва» к сужению

выхода из желудка за счет образования соединительной ткани, то есть к стенозу выше привратника, обнаруженному при вскрытии. В подтверждение этого тезиса приводится высказывание Наполеона о том, что он никогда не переел и очень точно знал свою «дозу» при питье, ибо ему было известно, что желудок сразу вернет назад лишнее.

Сколько дисциплинирован он был в этом, столь же неразумно относился к темпу еды. Он не только принимал пищу в очень горячем виде, но и слишком быстро заглатывал ее, не успев как следует разжевать. В 1808 году в ответ на жалобу Наполеона на сильные боли в желудке Корвизар объяснил это вредными привычками в еде. Несомненно, однако, что язва была не единственной причиной его жалоб на желудок, о чем мы можем узнать из сообщения доктора Ивана генералу де Сегюру: «Конституцию императора можно охарактеризовать как чрезвычайно нервную. На эмоциональные перегрузки он реагировал спазмами желудка и мочевого пузыря».

Жалобы со стороны мочевого пузыря сводились к тому, что в начальной фазе он с трудом мог выпустить струю. В такие моменты он приваливался к дереву или прислонялся лбом к стене или пушке, и иногда должно было пройти несколько минут, прежде чем ему удавалось выпустить первую струйку. Наполеон как-то сказал: «Мое слабое место — мочевого пузырь». Когда-нибудь он меня погубит». Найденное при вскрытии незначительное количество почечного песка не могло привести к таким нарушениям, тем более, что он никогда не жаловался на боль при опорожнении естественных надобностей. Эта дизурия (профессиональное название подобного расстройства) проявлялась преимущественно при психических перегрузках, то есть имела нервную природу. Фрэнк Ричардсон в своей подробной монографии с полным правом счел это проявлением того явления, которое Альфред Адлер некогда называл «неполноценностью органа».

Интересный вариант объяснения этой дизурии выдвинул американский профессор Уордней Эйер в 1966 году.

Согласно его гипотезе, данное заболевание, как и некоторые другие симптомы, можно объяснить шистозоматозом, которым Наполеон, возможно, заразился во время египетской кампании. Это заболевание, известное также под названием бильгарциоз, возникает при инфицировании обитающими в Египте червями видов *Schistosoma haematobium* и *Schistosoma mansoni*. Часть своего жизненного цикла эти существа проводят, паразитируя на пресноводных улитках. Их личинки, называемые церкариями, легко проникают сквозь кожу человека, купающегося или плавающего в зараженной воде, а затем с током крови попадают в печень и в мочевой пузырь. Их эмбрионы, называемые мирацидиями, могут затем с мочой или калом инфицированного вернуться в воду, где они инфицируют улиток, начиная новый цикл. Многие солдаты армии Наполеона стали жертвами этого заболевания, которое они называли «египетским кровописанием». Инкубационный период до наступления явных симптомов может продолжаться до двух лет, и если Наполеон действительно был инфицирован, то это вполне согласуется с тем фактом, что первые жалобы на затрудненное мочеиспускание появились у него во время сражения при Маренго в 1800 году. Наиболее тяжелый характер эти жалобы приняли во время Бородинского сражения в 1812 году. Профессор Нью-Йоркского университета Эйер считает в принципе возможным, что кожная сыпь и сухой кашель Наполеона также могли быть вызваны церкариями, поскольку, как показывает опыт, подобные симптомы нередко имеют место при шистозоматозе. И хотя в пользу этой интересной теории нет решающих доказательств, все же она по крайней мере существенно более серьезна, нежели принадлежащая прусскому комиссару графу Трухсесу фон Вальдбургу байка о том, что у Наполеона было венерическое заболевание. Этот человек, весьма враждебно настроенный по отношению к Наполеону, сообщает, что, когда он сопровождал императора в гавань Сен-Рафаэль, откуда тот должен был отплыть на остров Эльба, Наполеон якобы в его присутствии применял лекарства, известные

как средства против проявлений некоей венерической болезни. На самом же деле Наполеон вновь испытывал трудности при мочеиспускании.

Примерно в 1803 году в облике и поведении Бонапарта наметилась явная перемена. Если раньше он был худ, с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками и оливковым цветом лица, то теперь взором окружающих его предстала необычайно белая кожа и розовый цвет лица. Герцогиня Абрантес сформулировала это так: «Все то, что раньше в нем было костлявым, желтым, даже болезненным, стало круглее, светлее и красивее». Сам он не раз повторял: «Я же всегда говорил, что к сорока годам стану жирным, и вы видите, господа, что я был прав». Действительно, постепенно он становился очень жирным, с округлым, без морщин лицом, толстыми круглыми бедрами, из-за которых он казался ниже, чем был на самом деле. Его друзья уже в течение некоторого времени замечали, что его облик становится все более женоподобным: нежные маленькие руки и ноги, общая округлость и «упругие округлые груди, не свойственные мужскому полу». Его секретарь Меневаль вспоминает, что он сам не раз шутил по поводу своей груди. Однажды, уже на острове Св. Елены, войдя в комнату совершенно обнаженным после отбирания одеколоном, он сказал Антоммарки: «Доктор, посмотрите, посмотрите, какие прелестные руки, какая гладкая белая кожа без единого волоска, какая округлая грудь! Любая красавица гордилась бы такой грудью, как у меня».

Подобную прогрессирующую женоподобность, гинандоморфию, для которой характерна упругая грудь, гинекомастия, для которой характерно оволосение лобка по женскому типу, небольшие, согласно описанию, яички и пенис, равно как и гинеидное распределение жира при малой ширине плеч и большой ширине бедер еще Ильман назвал «нейроэндокринным синдромом последнего десятилетия» в жизни Наполеона. Начало этого десятилетия он относит к 1811 году. Этот синдром был связан с изменениями психики, показавшимися странными его окружению:

потеря живости в движениях, замедление речи, ослабление симптомов энергии. Подобные явления ранее никогда не проявлялись и теперь приводили окружающих в изумление. Конечно, бывают еще часы предельной энергии и активности, но все сильнее проявляется тенденция к замене действия разговорами. Способность к принятию решений явно снижалась, и столь же явно уходила вера в себя. Случалось, что он обнаруживал признаки усталости и даже засыпал над книгой. И это Наполеон, которому раньше требовалось максимум шесть часов сна в сутки! Эта летаргия и прежде всего приступы болезненной солистости, которые можно объяснить так называемым «синдромом Пиквика», приводили к странным ситуациям, поскольку с годами такие случаи происходили даже на полях сражений. Первый случай такого рода произошел во время битвы при Иене в 1806 году, где, согласно воспоминаниям свидетеля, генерала де Сегюра, французские гренадеры образовали «каре вокруг заснувшего императора, защищая его».

Доктор Грун считает этот синдром (ожирение, потеря активности, склонность к многословию) следствием мужского климакса, в то время как доктор Леонар Гютри предполагал наличие так называемого синдрома Фрелиха, с которым также можно связать изменение личности — несколько размытое понятие, которое Ричардсон заменил более подходящим названием «пигугитарный евнухоидизм». В наше время это явление объясняют изменениями гипофиза (придатка мозга) или промежуточного мозга, при которых принято говорить об истощении («выгорании») желез внутренней секреции. Поскольку промежуточный мозг и гипофиз ответственны за управление всеми железами внутренней секреции, включая сюда и половые железы, то это могло бы быть объяснением описанных выше изменений физического и психического характера, которые происходили с Наполеоном, начиная примерно с 1805 года.

В своей «гипоталамической интерпретации истории» У. Р. Бетт в 1953 году указывает на то, что в анамнезе некоторых видных всемирно-исторических фигур имеются

признаки того, что при интерпретации симптомов их заболеваний или их странного поведения необходимо учитывать роль гипоталамуса. Известно, что расположенный по соседству с мозговым придатком гипоталамус выполняет роль координационного центра вегетативной нервной системы, начиная с регулирования температуры тела и сна и кончая сложными эмоциональными защитными механизмами. К наиболее известным расстройствам, вызванным патологическими изменениями в зоне гипоталамуса, относятся синдром Фрелиха и сонливость, принимающая форму припадков, которую также называют нарколепсией.

В качестве примера классического гипоталамического синдрома Бетт приводит гиперомнию — сонливость Александра Великого, который, согласно описанию Плутарха, мог после ужина проспать до следующего полудня и даже иногда весь следующий день. Неконтролируемые припадки гнева, которым Александр был подвержен в конце жизни, Бетт также относит к гипоталамическим симптомам. Еще один классический пример выхода гипоталамических симптомов на первый план в зрелом возрасте Бетт усматривает в жизни Наполеона, связывая с этим изменение физической конституции, ожирение, приступы сонливости, а также признаки питуитарного энаноизма.

Болезнь Фрелиха представляет собой величайшую редкость и, собственно, не поддается точному клиническому определению, и с точки зрения сегодняшней медицины наличие у Наполеона этого заболевания можно почти с полной уверенностью исключить. Скорее имеет смысл говорить о нейроэндокринном синдроме, при котором, наряду с прочим, имеет место порожденный промежуточным мозгом гипогонадизм, вследствие которого половые органы выглядят атрофированными, сохраняя при этом работоспособность. Поэтому предположение Стерпеллоне о том, что половая жизнь Наполеона пострадала от недостаточности семенных желез, следует отнести к категории чисто умозрительных. Созданный Стерпеллоне образ любовника и супруга Наполеона совершенно не согласуется с его признаниями в

письмах к Жозефине Богарне и со страстью ко всему, что могло бы подчеркнуть его мужественность и потенцию. Все говорит о том, что половая жизнь Наполеона была совершенно нормальной и, пожалуй, даже несколько интенсивнее нормы, в особенности в тех случаях, когда он находился под воздействием сильного стресса. Ходили слухи о том, что перед сражением он иногда мастурбировал, чтобы хотя бы частично освободиться от чудовищного напряжения и возбуждения. Об этом же свидетельствует его страстное физическое влечение к Жозефине. Странное зрелище являл собой вид победоносного полководца, освободителя Италии, который посреди воинских подвигов и сражений итальянской кампании 1796 года на глазах у всех сгорал от страстной тоски по неверной Жозефине. Снедаемый ревностью, он писал ей 21 июня: «Ты, наверное, уже познакомилась с Миланом. Возможно, ты нашла себе любовника, которого искала. Да нет же, будем о себе лучшего мнения. Прощай, прекрасная, добрая, несравненная, божественная! Тысяча пылающих поцелуев всюду, всюду!»

На всепожирающую любовь Бонапарта прекрасная крепка с самого начала не отвечала взаимностью. Ее равнодушие стало ему ясно сразу же после свадьбы, поскольку уже в первую ночь Наполеону пришлось убедиться в том, что супружеское ложе находится под ожесточенной охраной пуделя Жозефины. Позднее он рассказывал об этом так: «О мой соперник. С самого начала именно он был хозяином постели Жозефины. Я было попытался его вытолкнуть, но это было бесполезно. Мне в дружеском, но твердом тоне дали понять, что я должен либо спать в другом месте, либо смириться с наличием совладельца». Однако чем больше он убеждался в ее равнодушии и холодности ее чувств, тем больше он, казалось, в сексуальном плане подпадал под ее власть. Чем холоднее она себя вела и чем несомненное были доказательства ее измен, тем более влекли ее сексуальные чары. Это следует из его писем того времени: «Великий Боже, как был бы я счастлив, если бы я мог вновь созерцать, как прелестно ты

совершаешь туалет, целовать твои плечи, твои маленькие, белые, упругие груди... Тысячу раз целую твои губы, глаза, плечи, грудь — и прежде всего твою маленькую черненькую рожицу». Мужчина с утасоющей функцией семенных желез так не напишет! Если проследить за повествованием Октава Обри о личной жизни императора, то можно быстро прийти к убеждению, что Наполеон умел ценить сексуальные удовольствия не только в браке...

Одно время Наполеон был готов осуществить план с имитацией беременности и родов Жозефины, но отказался от него, вняв решительным протестам профессора Корвиара. Он хотел это сделать не потому, что не был способен стать отцом, а лишь для того, чтобы с помощью подложного наследника престола заключить брак с нею. Вообще же он подтвердил свою способность к продолжению рода в браке с Марией-Луизой Австрийской и в интимной связи с польской графиней Марией Валевской, каждая из которых подарила ему по сыну. Однако уже в 1806 году у него родился сын от Элеоноры Денюель де ля Плень, компаньонки его сестры Каролины, который получил имя Леон.

В последние годы, на которые наложила отпечаток ссылка на остров Св. Елены, сексуальная активность Наполеона постепенно снижалась и, в конце концов, полностью угасла, в чем он признался одному из своих спутников, генералу Гаспару Гурго. В этом нет ничего неожиданного, если принять во внимание его тяжелое психическое состояние в это время.

Если не принимать во внимание ларингит, которым он заболел в 1812 году во время русской кампании и который на какое-то время лишил его голоса (даже приказы ему приходилось отдавать письменно), то наибольшее беспокойство доставляли ему уже упомянутые выше затруднения при мочеиспускании и боли в желудке, о чем сообщают Местивье и Иван. Особенно сильный приступ боли он испытал в ночь с 17 на 18 октября 1813 года во время сражения под Лейпцигом. Об этом мы знаем из сообщения обершталмейстера герцога Коленкура. И, наконец,

не следует забывать о том, что, начиная с 1796 года, он страдал от устойчивого геморроя, который часто встречался в его семье. Иногда этот недуг не позволял ему ездить верхом. Во время сражения при Ватерлоо произошло, по всей видимости, необычайно болезненное воспаление наружного геморроя, возможно, сопровождавшееся тромбозом. Это почти лишило его возможности ходить и в сочетании с повышенными дозами опиума, который он принимал, чтобы избавиться от невыносимой боли, настолько снизило его способность принимать решения, что стало одной из важных причин поражения.

В завершение следует коротко остановиться на отношении Наполеона к самоубийству. Теоретически мысль о самоубийстве посещала его уже в молодые годы и позже, несмотря на то, что он всегда гордился своими железными нервами, ему были знакомы часы глубокой душевной подавленности, которая порождала в нем желание насильственным путем окончить свою жизнь. Вообще же он однозначно сурово осуждал самоубийство. Даже после проигранного сражения при Ватерлоо он, несмотря на возможность попасть в плен, отверг мысль о суициде. Своему кабинет-секретарю Флери де Шаболону он сказал: «Оставим самоубийство слабым характерам и больным душам. Какая бы судьба мне ни предстояла, я никогда собственной рукой не сокращу свою жизнь даже на миг». И даже на острове Св. Елены он однажды воскликнул: «Самоубийство — это действие игрока, который все проиграл, или баловня судьбы, который все потерял. Мой принцип всегда состоял в том, что человек выказывает больше мужества, несая свой крест, чем лишая себя жизни».

И все же в момент, когда на него обрушивались один за другим удары судьбы, этот человек, столь пренебрежительно рассуждавший о самоубийстве, поступил иначе. Когда в апреле 1814 года его вынудили отказаться от трона, он не смог устоять перед искушением наложить на себя руки и предпринял попытку самоубийства, которая, однако, оказалась неудачной, о чем было подробно рассказано выше.

Вероятно, определенную роль в этой попытке сыграло желание актом героического самопожертвования компенсировать глубокое унижение в глазах его избалованной победы армии. В этом смысле следует понимать те слова, которые он адресовал Коленкуру сразу же после того, как принял яд. Герцогу, который по вызову слуги сразу же оказался у постели Наполеона, тот дал понять, что ему неприятны виды смерти, которые оставляют на теле следы крови или уродуют лицо. Когда его верная гвардия будет прощаться с ним, на его лице она должна увидеть выражение спокойствия, которое так часто могла видеть на полях сражений.

Причина смерти

В конце тридцатых годов нашего века разгорелась бурная дискуссия о последней болезни Наполеона. До этого времени всех удовлетворяла версия о том, что он умер от карциномы желудка — это мнение до сих пор не критично повторяется даже во многих новейших исследованиях. Однако в тот момент ряд опытных специалистов по тропической медицине, патологов и клиницистов выразил сомнение в его достоверности. Затем после публикации в 1949 году дневника генерала Бертрана, расшифрованного Флерио де Ланглем, в котором содержится скрупулезное описание последних месяцев жизни Наполеона, стало окончательно ясно, что два описанных выше, четко разграниченных между собой этапа не могли быть этапами одного и того же заболевания. Первая фаза, которая начала обозначаться 1 октября 1817 года и протекала в форме приступов, перемежавшихся периодами хоть и не безболезненного, но все же переносимого состояния, вплоть до ноября 1819 года характеризовалась следующими симптомами: наблюдавшиеся уже с октября 1816 года многодневные приступы лихорадки сопровождались болью в эпигастрии и порой слизистым поносом. С 1 октября 1817 года возобновились боли в правом отделе эпигастрия, которые на сей раз были более интенсивными, иррадиировали в правое плечо

и усиливались при глубоком дыхании. В это время у больного поднималась температура, которая спадала к утру, что сопровождалось обильным потоотделением. Все это привело к существенному общему ослаблению организма. На основании этих симптомов, легкого пожелтения белков глаз и пальпируемой увеличенной и болезненной при надавливании печени уже доктор О'Мара установил воспаление печени, которое на фоне поноса с выделением слизи он определил как *Hepatitis tropica* — диагноз, к которому после отстранения доктора О'Мары целиком и полностью присоединился доктор Стоку. Барон Ипполит Ларре, сын знаменитого полевого хирурга наполеоновской армии, на основании анализа всех сообщений о болезни Наполеона на острове Св. Елены в 1892 году также пришел к выводу о том, что у императора был хронический гепатит, эндемически встречающийся на этом острове. И, наконец, в 1913 году ирландский доктор Дж. Кнотт высказался в том же смысле, определив это заболевание как «болезнь Святой Елены». Это мнение поддержал сэр Артур Кейт на основании результатов микроскопического исследования образцов тканей, взятых Антоммарки при вскрытии и хранившихся в возглавляемом им институте. Вслед за крупным специалистом в области тропической медицины сэром Уильямом Лейшманом оба исследователя в 1913 году предположили, что у Наполеона мог быть бруцеллез — инфекционное заболевание, передающееся человеку от овец и коз. Однако тот факт, что при вскрытии селезенка имела нормальные размеры, серьезно противоречит этой гипотезе. Ее ставят под сомнение также сильные приступы лихорадки, продолжавшиеся неделями и вызвавшие существенное ухудшение общего состояния, что практически не имеет места при бруцеллезе.

Самого серьезного внимания заслуживает гипотеза об амебной инфекции, которая, как мы уже знаем, эндемически встречается на острове. Доктор Ги Годлевский при «осмотре места происшествия» получил возможность ознакомиться с архивами колонии и, проанализировав списки

английских солдат, умерших во время прохождения службы на острове Св. Елены, выявил следующую закономерность: стоило разместиться какую-либо воинскую часть более, чем на полгода на лонгвудском плоскогорье, т.е. там, где находился Наполеон, как смертность среди солдат этой части однозначно возрастала. Годлевский обнаружил, что воду для нужд военного лагеря и для домашнего хозяйства Наполеона брали из одного и того же ручья, который был отведен в ложе из обожженного кирпича, устроенное вдоль дороги. Водой из этого ручья для питьевых целей пользовались солдаты из лагеря, рабочие (в основном вывезенные из Китая) и домашний штат Наполеона. Вполне возможно, что загрязнение воды в ручье могло послужить причиной амебиаза.

При дальнейшем исследовании этой версии выяснилось, что первоначально амебиаз не был известен на острове Св. Елены и первое упоминание о нем относится, вероятно, к 1816 году, т.е. ко времени, когда Наполеон уже находился на острове, и связано, по всей видимости, с появлением на нем китайских рабочих. Вскоре болезнь поразила почти сто человек на борту судна, перевозившего каторжников и зашедшего в Джеймстаун для пополнения запасов воды. Примерно в то же время почти все спутники Наполеона заболели амёбной дизентерией, а Франческо Чиприани, мажордом лонгвудского дома, умер от этого заболевания в 1818 году. Более чем вероятно предположить, что эта болезнь не попала и Наполеону.

Возбудитель этой эндемической дизентерии, поражающей также и печень, *Entamoeba histolytica*, был открыт только в 1913 году, и ни Кнотт, и Лейшман, ни Кейт не могли упомянуть его в своих работах. Неудивительно поэтому, что в 1931 году бельгийский врач доктор А. де Метс попытался, наконец, внести ясность в данный вопрос и заодно реабилитировать Антоммарки, которому он приходился дальним родственником. Его усилия деятельно поддерживал доктор Аббатуччи, впоследствии главный врач французской колониальной армии, который за время службы в

колониях приобрел колоссальный опыт в области тропической медицины. В своей публикации 1933 года он целиком и полностью присоединился к мнению, высказанному доктором Пулле в 1932 году в докладе перед Римским медицинским обществом, согласно которому причиной смерти Наполеона явился не рак желудка, а прорыв в желудок абсцесса печени амёбного происхождения. Такую интерпретацию дает Аббатуччи описанию, сделанному Антоммарки в рукописи, написанной в 1822 году, менее, чем через год после вскрытия, и отосланной им в Лондон на отзыв работавшему там итальянскому профессору Витторио Путти. Согласно этому описанию, печень была сильно увеличена и имелись изменения ее тканей на срезе.

Из уже упоминавшегося выше письма Антоммарки принцессе Полине Боргезе от 17 марта 1821 года можно видеть, что он усматривал причинную связь между болезнью Наполеона и неблагоприятными условиями жизни на тропическом острове Св. Елены: «Начиная с июля 1820 года... здоровье Его величества день ото дня ухудшается и за последние шесть месяцев болезнь желчных путей зашла столь далеко, что полностью нарушила функции печени.... Верный своему долгу, я заявляю императорской семье и всей Европе, что болезнь Его величества и сопровождающие ее симптомы должны быть оценены как весьма серьезные и происходящие непосредственно от местного климата. Если английское правительство не примет самых срочных мер для того, чтобы удалить его из этой разрушительной атмосферы, то император может в скором времени оставить этот мир».

В своей интерпретации доктор Аббатуччи делает вывод о том, что Наполеон умер от острого гепатита, вызванного амёбной инфекцией, присоединяясь, таким образом, к диагнозу доктора Стокуа, который тот поставил еще в 1819 году. По мнению доктора Аббатуччи, абсцесс печени на первой стадии привел к появлению широкого сращения между желудком и печенью, затем прорвался и его содержимое вышло во внутреннюю полость желудка,

что поначалу предотвратило гнойное воспаление брюшной полости с летальным исходом. По мнению Аббатуччи, абсцесс не был обнаружен при вскрытии потому, что размеры его были невелики и значительная часть содержимого из него вышла. Со дня прорыва абсцесса до дня смерти прошло 50 дней, за это время восстановительные процессы могли продвинуться довольно далеко и во многом скрыть повреждение. Также и Антоммарки не был уверен в том, что поиск абсцесса был проведен со всей основательностью. То, что это действительно было не так, подтверждает следующая цитата из отчета доктора Рида: «В ответ на мое настоятельное желание осмотреть орган с близкого расстояния он (Антоммарки. — Прим. автора) сделал ножом разрез из одного конца печени в другой и заявил следующее: «Она совершенно нормальна, совершенно здорова, в ней нет никаких особенностей». «Таким образом, если верить документам, был сделан всего один единственный разрез печени!

Высокопоставленный английский военный врач доктор Рауль Брайс в написанной в 1935 году монографии «The Riddle of Napoleon» («Загадка Наполеона») утверждает, что Аббатуччи первым дал достоверное описание «болезни печени» Наполеона, и приводит в подтверждение тот тезис, что амёбная дизентерия эндемически встречалась на острове Св. Елены. С точки зрения современных представлений, однако, Аббатуччи нельзя безоговорочно поддерживать в той части, в которой он утверждает, что причиной смерти Наполеона явился прорыв абсцесса печени в желудок, на чем мы еще остановимся ниже. В то же время версия, согласно которой в октябре 1816 года Наполеон получил амёбную инфекцию, вызвавшую амёбиаз печени, определявший картину заболевания в 1817–1819 годы, представляется вполне правдоподобной. Эта уверенность укреплялась по мере того, как расширялись и углублялись знания об этом заболевании. Для того чтобы читатель мог убедиться, до какой степени клинические симптомы болезни Наполеона в период с 1817 по 1819 год совпадают с представлениями

современной медицины о течении амёбного поражения печени, мы с некоторыми сокращениями процитируем ниже фрагмент из последнего издания ставшего классическим руководства американского гепатолога Леона Шиффа «Diseases of Liver» («Болезни печени»):

«Сегодня нам известно, что амёбиаз эндемически встречается в Соединенных Штатах и на территории некоторых неевропейских государств. Местом локализации амёбиаза кроме кишечника, где он вызывает симптомы дизентерии, чаще всего является печень. Поражение печени может выразиться в форме амёбного гепатита, то есть гнойных процессов, и в форме абсцесса печени. Клинические симптомы исключительно многообразны. Они могут проявиться уже в первые недели заболевания на фоне амёбной дизентерии, но, чаще всего, это происходит спустя годы. В значительном числе случаев стадия дизентерийного поноса вообще отсутствует.

Симптомы амёбного поражения печени следует разделить на симптомы общего характера и локально-специфические. К симптомам общего характера относятся (перечислены в порядке убывания частоты появления): высокая температура, потеря веса, озноб и обильные потоотделения, недомогание и потеря аппетита. Высокая температура проявляется в форме перемежающихся приступов лихорадки. Приступы такого рода практически регулярно происходят на стадии гепатита, то есть до наступления осложнений. На более поздних стадиях, при сформировавшихся абсцессах, он проявляется не столь выраженно. Озноб и обильные потоотделения характерны как для стадии амёбного гепатита, так и для стадии амёбного абсцесса печени. Для хронического течения характерна бросающаяся в глаза бледность. Пожелтение белков глаз встречается, напротив, редко.

Среди локально-специфических симптомов амёбиаза наиболее рано и наиболее часто встречается боль в правом эпигастрии и чувствительность этой области при надавливании. Боль воспринимается больными по-разному

и описывается ими как тупая, острая или колющая. Боль может иррадиировать в правую подмышечную впадину или в правое плечо, она усиливается при глубоком дыхании, что свидетельствует о вовлечении в процесс плевры. Боль, иррадиирующая в правое плечо, является признаком наличия амёбного абсцесса печени. Другим характерным симптомом является явное увеличение печени, что имеет место при всех формах и стадиях ее амёбиоза. Определение увеличенной печени часто бывает затруднено значительной ее болезненностью и рефлекторным сокращением мышц правого эпигастрального квадранта.

Среди возможных осложнений на первом месте находится вторичная инфекция бактериологически стерильного вначале амёбного абсцесса печени гнойными бактериями. В этом случае происходит резкое ухудшение симптоматики, возникает септическая температура с высокими острыми лихорадочными зубцами. На втором месте по частоте находится вовлечение в процесс плевры и легкого, которое является прямым следствием распространения абсцесса либо при его прорыве через диафрагму, либо через лимфатические сосуды диафрагмы. В большинстве известных случаев амёбные абсцессы были локализованы в нижней поверхности правой доли печени, что допускает относительно легкое проникновение через диафрагму. При быстром увеличении абсцесса, как правило, на ранней стадии начинается воспалительная реакция расположенной над ним плевры, которая достаточно быстро приводит к образованию спаек. Поэтому дело чаще всего ограничивается проникновением в плевральную область и обходится без поражения легкого. И, наконец, на третьем месте стоит прорыв абсцесса в брюшную полость, что в наше время благодаря наличию эффективных методов лечения случается достаточно редко — не более, чем у 10 процентов пациентов. Если абсcess увеличивается медленно, то за счет вовлечения брюшины в воспалительный процесс образуются сращения, локализуя его и препятствующие выходу гноя в брюшную полость. Случаи прорыва абсцесса в желудок или кишечник встречаются исключительно редко».

Приведенное выше подробное описание характерных симптомов поражения печени амёбной инфекцией поразительно совпадает с клинической картиной болезни Наполеона, донесенной до нас его врачами О'Марой, Стокоу и Антоммарки. С высоты современных медицинских знаний мы можем с вероятностью, граничащей с уверенностью, утверждать, что фаза болезни в период с 1816 по 1819 годы представляет собой последствия амёбной инфекции, выразившиеся в образовании одного или нескольких абсцессов печени. По всей видимости, абсцессы были локализованы вблизи поверхности правой доли печени, что типично при данном заболевании. Лимфогенное распространение абсцесса либо его прорыв через правый отдел диафрагмы привело к воспалительной реакции расположенной над ним плевры и образованию широкого сращения соединительной ткани. Кажется, что в этой цепи доказательств отсутствует одно важное звено — при вскрытии Антоммарки не удалось обнаружить абсцесс печени. Ведь и профессор Шифф указывает, что при амёбной инфекции никаких специфических анатомических изменений не происходит и подтвердить диагноз можно, только показав наличие абсцедирования в печени.

Следует напомнить, что, как явствует из имеющихся документов, Антоммарки выполнил всего один разрез органа, который не выявил никаких особенностей. Мы не знаем, почему он поступил именно так. Возможно потому, что в те времена об этом заболевании было известно слишком мало и он не считал необходимым выполнить несколько разрезов. Возможно, что его запутало присутствие десяти враждебно настроенных британских согладатев и он не решился на тщательное исследование печени.

Очевидно в любом случае лишь то, что при данных обстоятельствах один или несколько рассеянных в печени абсцессов вполне могли ускользнуть от внимания врача, производившего вскрытие, существовали они на самом деле или нет. При наличии одного-единственного разреза отсутствие типичных изменений на срезе не может быть признано

решающим контраргументом против диагноза амёбного поражения печени, равно как и наличие в предшествующей стадии диарреи слизистым стулом не может быть признано решающим аргументом в пользу диагноза «амёбная дизентерия». Современные данные свидетельствуют о том, что у большинства больных амёбиазом кишечные симптомы вообще отсутствуют, а полномасштабная клиническая картина диарреи при амёбном абсцессе печени является скорее исключением, чем правилом, поэтому положительный или отрицательный ответ на вопрос об этих симптомах не имеет существенного значения.

Насколько гипотезу о том, что Наполеон болел амёбиазом печени с распространением абсцедирующего процесса через правый отдел диафрагмы на плевру, можно считать вполне научно обоснованной, настолько же сомнительным представляется тезис Аббатуччи и Брайса о том, что смерть Наполеона была вызвана прорывом абсцесса печени в желудок и последующим острым перитонитом. Не говоря уже о том, что данное заболевание чрезвычайно редко протекает таким образом, следует прежде всего принять факт, что фаза болезни Наполеона, наступившая в 1820 году, клинически очень четко отграничена от предшествующей фазы. 4 октября 1820 года внезапно появились сильные боли в желудке, сопровождавшиеся рвотой. Эти непрекращающиеся явления постепенно привели к полному угасанию физической активности. Боль носила сверляющий характер. Боли усиливались в ночное время и, что характерно, смягчались после приема пищи или местного применения тепла. Дальнейшее течение не было непрерывным: болезненный кризис мог продолжаться неделями, затем наступала спокойная, почти безболезненная фаза, во время которой император мог принимать любую пищу, его психическое состояние также улучшалось. Подобное волнообразное течение является типичным.

Согласно записке Бертрана, Наполеон до последних дней жизни сохранял аппетит, и для окончательного вывода о его болезни важным является то обстоятельство, что в последние

месяцы он даже часто требовал деликатесов, и в частности, появилась тяга к мясным блюдам разнообразного приготовления. Соответственно этому даже в последний период, когда болезнь зашла уже далеко, потери веса у него не наблюдалось, о чем свидетельствуют выразительные рисунки того времени. Один из жителей острова, повстречавший его в этот период, описал его внешность, не стесняясь в выражениях: «Я видел Наполеона за несколько месяцев до его смерти, он был толстый и круглый, как китайская свинья».

Если вспомнить, что, начиная с египетской кампании, Наполеона беспокоили желудочные боли, для облегчения которых он принимал небольшие количества пищи, то диагноз «язва желудка» станет совершенно очевидным. Характерные симптомы — отсутствие потери веса, сохранение аппетита, в том числе и к мясным блюдам. Их подтверждает также Кларк Эйбл, который, возвращаясь из Китая, во время короткой остановки на острове Св. Елены встречался с Наполеоном в Лонгвуде. Это позволяет с полной определенностью исключить диагноз «рак желудка». Доктор Эро, врач матери Наполеона и его второй жены Марии-Луизы, был первым, кто уже в 1819 году выразил обоснованное сомнение в этом диагнозе и считал, что речь скорее всего идет о хроническом гастрите, обострившимся под влиянием неблагоприятного климата острова и унижений, перенесенных Наполеоном в последние годы жизни. Еще доктор О'Мара в письме генералу Бертрану, написанном после своей отставки, настойчиво указывал на неблагоприятное влияние условий жизни на состояние здоровья узника: «Два года бездельности, отвратительное обращение, сознание, что ты одинок и покинут всеми, — все это в состоянии сломить дух и настолько усугубить течение болезни, что приходится опасаться худшего».

Такое резкое ухудшение наступило 19 марта 1821 года. Это — переломный пункт в долгой истории болезни Наполеона, который возвещал скорый конец. После приступа сильной боли и обильной рвоты его внезапно покрыл холодный пот, появились признаки тяжелейшего расстройства

кровообращения, вследствие которого при попытке встать он сразу же упал в обморок. Изнуряющие приступы потогделения, скачущая температура, сильные боли в области правого эпигастрия, непрекращающаяся рвота, сильно вздувшийся вследствие паралича кишечника живот и, наконец, икота, которая в последние дни жизни становилась все мучительнее и мучительнее, не могут оставить у современного врача никаких сомнений в диагнозе — прободение желудка. Кроме того, рвотная масса, напоминающая кофейную гущу, дегтеобразный стул доказывают наличие кровотечения из язвы желудка, что бывает и при отсутствии перфорации. И, наконец, непрекращающаяся неделями рвота, даже после приема жидкой и кашецеобразной пищи, указывает на наличие сужения в области выхода из желудка — в таких случаях говорят, что желудок принимает форму песочных часов. Для современного врача эти факты ясны и однозначны. В то время картина язвы желудка известна еще не была, и врачи во многих отношениях оказывались перед лицом загадки. В отдельных случаях уже в конце XVIII столетия удавалось диагностировать «гастритные язвы», то есть язвы на воспаленной слизистой желудка, что сделал, например, Мэтью Бэйли в 1799 году, но лишь великому французскому клиницисту Крювейе удалось в 1830 году точно описать клиническую картину язвы желудка и дать методiku разграничения между язвенными карциномами и гастритными язвами. Поэтому и сегодня язва на малой кривизне желудка по праву носит его имя. Зная это, мы не можем упрекнуть Антоммарки за то, что при вскрытии тела Наполеона он диагностировал в его желудке «раковые язвы».

Как уже говорилось выше, некто Ипполит Ларре в 1892 году первым усомнился в теории, согласно которой Наполеон умер от рака желудка. Затем столь же критично высказались Эндриус (США, 1895 год), Бодуэн (Франция, 1901 год) и де Метс (Бельгия, 1931 год). Последний основывал свои выводы на подробных исследованиях болезни Наполеона, выполненных доктором Гартманном и доктором

Паоли. Однако толчок к окончательному пересмотру «мифа о раке» первым дал доктор Дэйл (Оклахома, 1952 год), который прямо заявил: «Вопреки всеобщему мнению, император умер безусловно не от рака». И он же был первым, кто вынес на обсуждение вопрос о прободении язвы желудка. В 1957 году его энергично поддержал доктор Ги Годлевский. Аргументы, приведенные в поддержку этого тезиса, были столь убедительны, что американский автор Ральф Корнголд счел возможным в 1961 году констатировать: «Современные патологи считают практически доказанным, что Наполеон умер не от рака».

Перфорация была подготовлена предшествовавшим продвижением язвы, по всей видимости, пенетрирующей, то есть глубоко захватывающей стенку желудка вплоть до брюшинного покрова. Благодаря тому, что описанное ранее сращение наружной стенки желудка, восставленной в месте перфорации, с левой долей печени закрыло перфорационный канал. Это воспрепятствовало выходу содержимого желудка в брюшную полость и наступлению смертельного диффузного перитонита. Эта попытка самоизлечения протекала, естественно, не бессимптомно: она привела к воспалению брюшинного покрова, последствием которого явился парез кишечника и вызванная им мучительная икота.

Упоминания в протоколах вскрытия названий типа «раковая язва» или «раковые язвы», которые были обнаружены на большей части внутренней поверхности желудка, не означают, что там в действительности имела место карцинома в современном смысле этого слова. Язвенная болезнь тогда не была еще описана, и патологоанатом того времени, тем более на основе только лишь макроскопических данных, был просто не в состоянии отличить хронические, «коилёзные» язвы с затвердевшими приподнятыми краями, обнаруженные у Наполеона, от раковых опухолей. То же самое имеет место и при гастрите, часто сопутствующем язве желудка, при котором порой образуются толстые складки слизистой (так называемый крупноскладчатый гастрит по типу Менетрие). Эти складки могут захватить

всю внутреннюю поверхность желудка, и, возможно, Антомарки принял их за раковые новообразования.

В протоколе вскрытия отмечен еще один факт, позволяющий достоверно исключить наличие прободной карциномы желудка. Антомарки уделил особое внимание описанию перфорационного канала и его окрестностей. Согласно его описанию, входное отверстие канала на внутренней стороне поверхности желудка имело круглую форму, канал с наклоном пересекал стенку желудка и воронкообразно сужался в наружном направлении. Стенки канала были гладкими и имели бледно-серый цвет. Подобные макроскопические признаки нелепы при карциноме желудка или язве желудка, трансформировавшейся в карциному. Такое мнение высказал финский доктор Калина и уже упоминавшийся нами доктор де Метс еще в начале тридцатых годов нашего века. Кроме того, такая локализация карциномы — чуть выше привратника — явление исключительно редкое. Но, прежде всего, в случае рака желудка, насквозь разрушившего его стенку, невозможно гладкое склеивание с поверхностью печени. И уж совсем нелепыми в подобном случае является отсутствие метастатических новообразований в печени, равно как и в близлежащих лимфатических узлах, что подтверждено как макроскопическим описанием Антомарки, так и последующим микроскопическим исследованием образцов тканей в Лондоне.

В протоколе вскрытия имеются упоминания о «скиррозном уплотнении» непосредственно над привратником. Этот термин нуждается в пояснении. В те времена термин «скиррозный» не обязательно связывался с наличием злокачественных новообразований, а употреблялся в широком смысле для обозначения уплотнения тканей различной этиологии. Поэтому формулировку «скиррозный процесс почти на всей внутренней поверхности желудка» не следует понимать как указание на наличие «скirrуса» — особо злокачественной формы рака желудка, тем более, что нам неизвестны случаи сочетания карциномы желудка

язвенного типа со скиррозной формой рака желудка. Таким образом, с учетом исторических особенностей протокол вскрытия, составленный Антомарки, не оставляет сегодня никаких сомнений в том, что Наполеон не был болен раком желудка. Мы можем с достоверностью предположить, что на протяжении многих лет он страдал язвой желудка, к которой был чрезвычайно предрасположен благодаря типичным чертам своего характера. Конфликтные ситуации, возникавшие на острове Св. Елены, фатально усугубили течение заболевания. С учетом продолжительности заболевания и частых рецидивов язвы с течением лет перешла в хроническую, так называемую коллэзную форму. Язва была локализована практически над привратником на малой кривизне желудка, и ее окрестность характеризовалась сильными гипертрофическими изменениями слизистой желудка, местами достигавшими толщины пальца. Рубцовые изменения в области над привратником привели к формированию сморщивания по типу соединительной ткани («песочные часы»). Постепенное сужение в этой области привело к нарушению опорожнения желудка и частой рвоте.

В конечном счете язва перфорировала желудок вплоть до левой доли печени, которая, подобно пробке, закрыла отверстие в желудке, что предотвратило немедленную гибель больного. Смерть наступила лишь неделю спустя по причине, с одной стороны, местного воспаления брюшины и, с другой стороны, нарушения опорожнения желудка и, наконец, в результате массивного желудочного кровотечения и коллапса системы кровообращения.

Ради полноты изложения необходимо остановиться также на версии отравления Наполеона как причины смерти. Если доктор Уоллес из Австралии в шестидесятые годы допускал возможность неумышленной интоксикации в результате терапевтического применения препаратов, содержащих мышьяк, то шведский хирург доктор Стен Форшувуд в 1961 году опубликовал работу под названием «Кто убил Наполеона?», после чего теория отравления сразу стала

объектом всеобщего интереса. Эта работа представляет собой образцовый пример скрупулезного детективного расследования. Автор основывается прежде всего на том факте, что доктор Гамильтон-Смит и доктор Ленихен из Глазго при исследовании волос Наполеона, взятых в период с 1816 по 1821 год, обнаружили в них существенно повышенную концентрацию мышьяка. На основе этого факта и Гамильтон-Смит, и Форшуфвуд сошли возможным предположить, что известные симптомы болезни Наполеона во время ссылки на острове Св. Елены можно скорее отнести на счет отравления мышьяком, чем на счет все еще обсуждаемой карциномы желудка. Сторонники теории отравления не утаили даже имен возможных подозреваемых. Особые подозрения в этой связи пали на считавшегося одним из ближайших спутников Наполеона на острове Св. Елены графа Шарля-Гристана де Монголона, которого считали агентом Бурбонов. Форшуфвуд полагает даже, что, начиная со времени битвы под Лейпцигом, Наполеону начали давать малые дозы мышьяка с целью его физического устранения. В принципе эту мысль нельзя признать совсем уж неразумной, поскольку после этой битвы, стоявшей столыких жертв, было немало французов, которые больше просто не хотели мириться с чудовищным кровопролитием во имя ненасытной жажды власти Наполеона. Он все в большей степени становился беспощадным автократом, не умеющим извлекать уроки из поражений, и вполне возможно, что находились люди, которым, подобно заговорщикам против Гитлера из германского вермахта в 1944 году, приходила в голову мысль устранить Наполеона силой. Допустим, что так оно и было, но зачем тогда было дожидаться 1821 года для того, чтобы отправить на тот свет и без того полностью лишённого власти узника острова Св. Елены!

Поэтому большинство сторонников теории отравления размышляли прежде всего о факторах окружающей среды, которые могли бы повлечь за собой отравление мышьяком. Наиболее правдоподобным казалась им гипотеза о том, что занавеси в спальне Наполеона

были выкрашены «парижской зеленью», содержащей медь и мышьяк, и он постоянно был вынужден вдыхать пары мышьяка, возникавшие под воздействием влажной атмосферы его спальни. Мышьяк очень распространен в природе, поэтому наличие его в волосах человека в наше время не считается фактом, имеющим силу диагностического показателя. Но даже если не принимать это обстоятельство во внимание, то результаты последнего исследования локона Наполеона в Институте ядерно-физических медицинских исследований в Торонто показали, что концентрация мышьяка, вопреки существовавшим ранее представлениям, лишь незначительно превышает обычную норму. Напротив, было обнаружено значительное превышение нормального содержания сурьмы. Это вещество входило в состав многочисленных лекарственных смесей XVIII и начала XIX века, так что если интоксикация и имела место, то она была следствием терапевтических методов того времени.

Форшуфвуд считал возможным, что врачи Наполеона своими с сегодняшней точки зрения часто бессмысленными, можно сказать, преступными терапевтическими мероприятиями сами могли способствовать отравлению. В частности, он указывает на то, что доктор Арнотт, находившийся целиком под влиянием британского губернатора и, судя по всему, профессионально некомпетентный, незадолго до смерти Наполеона назначил ему необычайно высокую дозу каломели (10 гран), что втрое превышает обычную дозировку, с миндальным молоком. Форшуфвуд считает, что при этом из хлорида ртути мог образоваться ядовитый цианид ртути, который в конечном итоге мог привести к смерти.

Все эти рассуждения, возможно, представляющие интерес для криминалистов, в общем-то, уже неактуальны, ибо те документы, которыми мы располагаем, и современные медицинские знания дают нам возможность с вероятностью, приближающейся к достоверности, диагностировать заболевание Наполеона I, ставшее причиной его смерти.

Возвращение во Францию

В Бурбоновской Франции весть о кончине Наполеона не вызвала большого участия, зато в Англии она вызвала настоящую бурю эмоций. Самые яркие примеры этому — стихотворение Байрона, посвященное Наполеону, написанное в 1822 году, и первая биография Наполеона, опубликованная Вальтером Скоттом в 1827 году. Возникло впечатление, что не только общественность, но и официальную Англию задела слова Наполеона, сказанные им перед смертью британскому врачу Арнотту: «Да, теперь я умираю на этом мерзком скалистом острове... но моя смерть навсегда оставит позорное пятно на репутации царствующего дома Англии». Когда сэр Хадсон Лоу, ревностный губернатор острова Св. Елены, немало поспособствовавший своими бессмысленными придирками и унижениями тягостной кончине Наполеона, возвратился в Англию, его ожидала там весьма холодная встреча. Более того, вместо ожидаемой награды он получил от правительства назначение на незначительную должность на Цейлоне, откуда вернулся на родину обозленным и всеми забытым стариком. Судьбе было угодно, чтобы он пережил триумфальное возвращение бранных останков своего бывшего пленника в Париж и с горечью узнал, что «генерал Бонапарт» вновь стал «императором Наполеоном».

При возвращении Наполеона в Париж в декабре 1840 года город сотрясал оружейный салют, и можно было подумать, что император с триумфом въезжает в город после победоносного сражения. До начала торжественного погребения доктору Гийяру было разрешено на несколько минут открыть гроб и осмотреть тело. В своей монографии «*The Illness and Death of Napoleon Bonaparte*» («Болезнь и смерть Наполеона Бонапарта»), изданной в 1913 году, доктор Чаплин воспроизводит краткий доклад об этом осмотре. Согласно этому отчету, присутствующие были поражены тем, что тело великолепно сохранилось, и приписали это влиянию тропического

климата острова Св. Елены. По сообщению Гийяра, «казалось, что после смерти выросла борода, кожа лица была мягкой и эластичной, черты лица императора изменились столь незначительно, что видевшие его при жизни тотчас же узнали его. В целом же возникало впечатление, что он похоронен совсем недавно».

Подобная мумификация тела в тропиках хорошо известна судебным медикам, однако для многих это только прибавило таинственности легенде, начинающей формироваться вокруг подобной кометы жизни Наполеона. К сожалению, два серебряных сосуда, содержащие сердце и желудок Наполеона в неизменном состоянии, не были извлечены из гроба до его закрытия. Таким образом навсегда была утрачена последняя возможность объективно исследовать орган, виновный в его смерти.

Когда гроб был снова закрыт, ворота собора Инвалидов широко распахнулись, далеко разнесся возглас герцога «Император!». И король Луи-Филипп, и вся его свита взирали на выставленный на постаменте гроб своего императора не менее преданно и взволнованно, чем напиравшая сзади толпа.

Во время коронации в соборе Нотр-Дам Наполеон сказал брату Жозефу: «Если бы отец мог сейчас нас видеть!» Коронация была внешней блестящей вершиной его жизни, а триумфальное возвращение в Париж после изгнания венчало его необычайный жизненный путь вершиной другого рода. И французы, оказавшиеся свидетелями этого события, отзывались о нем так: «Если бы он сам мог видеть этот триумф!»

Не меньшее удовлетворение пережил бы он, узнав, что и Англия в 1900 году реабилитировала его и сбылось пророчество, произнесенное им в завещании: «Я умираю безвременно, казненный английской олигархией и нанятым ею убийцей. Я уверен, что английский народ отомстит за меня». Премьер-министр Англии лорд Розбери предъявил формальное обвинение кабинету, правившему Англией в 1821 году. Этим актом счет, предъявленный Наполеоном трибуналу

истории, был оплачен, и его пророчество о том, что английский народ когда-нибудь за него отомстит, сбылось

Не только французы, но и англичане уже через пару десятилетий после его смерти, судя по всему, простили ему то, что во имя осуществления своих эгоистичных планов он обрушил несчастье на головы миллионов людей и многим из них принес смерть. Наполеону, как позднее Гитлеру, удалось убедить Францию и весь мир в том, что он желает мира, в то время как в действительности его предприимчивый дух уже давно вырвался за рамки действительности и искал возможности реализовать мечты о мировом господстве. Наполеон умно и расчетливо использовал энтузиазм своих соотечественников для достижения тщеславных и чисто личных целей, а именно, как в 1800 году говорил первый консул брату Жозефу, для того, чтобы «стать властелином мира». Подобно Гитлеру, он предавался стратегическим фантазиям, в которых шел по следам Александра Македонского, он также любил придавать своим политическим пророчествам налет мистики, заявляя, например: «Со мной не случилось ничего, чего бы я не предвидел. Точно так же я могу предвидеть будущее и знаю наверняка, что достигну поставленной цели». Если потомки предъявляют императору французов не слишком суровый счет за его тщеславие, жажду власти и разбойничьи завоевательные войны, в которых он без малейших угрызений совести жертвовал миллионы жизней, то, скорее всего, потому, что при всей жестокости военных кампаний в его деятельности не было, за исключением некоторых единичных случаев произвола, столь крупномасштабных нарушений прав человека и преступных массовых убийств вплоть до геноцида, в которых обвиняются национал-социалистические и советские заправилы во главе с их фюрерами Гитлером и Сталиным.

Его деятельность определялась не только такими понятиями, как храбрость, твердость и сила воли, но и такими, как любовь, честь и рыцарство. Поэтому в памяти потомков Наполеон остается крупной личностью,

обладавшей гуманистическим правосознанием, терпимостью и богатым миром чувств. И сегодня, пожалуй, каждый посетитель собора Инвалидов подходит к саркофагу Наполеона с чувством благоговения.

Литература

- Abbatucci S. L'hépatite suppurée de Napoléon I-er a Sainte-Hélène. In: Presse médicale 63, 1934
- Albert Samuel, Colette. Napoleon a Sainte-Hélène. Bibliographie 1955-1971. In: Revue de l'Institut Napoléon, Nr. 120, 1971
- Andrews, Edward. The diseases, death and autopsy of Napoleon. In: Journal Amer Ass 1895
- Antommarchi, Francesco. Les derniers moments de Napoléon. Paris 1898 (Erstausgabe 1825)
- Aretz, Paul. Napoleons Gefangenschaft und Tod. Dresden 1924
- Arnott, Archibald. An account of the late illness, disease and post-mortem examination of Napoleon Bonaparte. London 1822
- Aubry, Octave. Sankt Helena. Der Tod des Kaisers. Zürich 1950
- Aubry, Octave. Napoleon privat. Erlenbach Zürich, Leipzig 1940
- Ayer, Wardner D. Napoleon Buonaparte and schistosomiasis. In: J. Amer. Ass. 1966
- Bankl, Hans. Viele Wege führen in die Ewigkeit. Wien München Bern 1990
- Baudouin, M. Remarques cliniques sur la dernière maladie de Napoléon. In: Gaz. med., Paris 1901
- Bellini, Angelo. Igene della pelle. Milano 1900
- Bertaut, Jules. Napoleon ignore. Paris 1951
- Bertrand, Henri-Gratien. Cahiers de Saint-Hélène de chiffres. Par Fleuriot de Langles, Paris 1950
- Bett W. R. An Hypothalamic Interpretation of History. In: Bulletin of the History of Medicine, Vol. 27, 1953
- Bouhler, Philipp. Napoleon. Kometenbahn eines Genies. München 1942

- Breton, Guy Napoleon and his ladies London 1965
- Brice, Raoul The Riddle of Napoleon London 1937
- Brock, Russel Napoleon's death In The Lancet, 3 Februar 1962
- Cabanes, Augustin Napoleon et la gale In Journal des maladies curables et syphilitiques 1892
- Caulmancourt, Armand Augustin Louis Marquis de Unter vier Augen mit Napoleon Denkwürdigkeiten des Generals Caulmancourt Übers., Auswahl und Bearb. von Friedrich Matthesius, Bielefeld, Leipzig 1937
- Chandler David Geoffrey Napoleon München 1974
- Chaplin Arnold The illness and death of Napoleon Bonaparte London 1913
- Chevalier, A. G. Die kaiserlichen Leibärzte In Ciba Zeitschr. Nr 75, S 2578, 1940
- Chevalier A. G. Napoleon and his physicians Ciba Symposia, 1941
- Chevalier A. G. Krankheiten und Tod Napoleons In Ciba Zeitschr. Nr 75, S 2590, 1940
- Cronin, Vincent Napoleon London 1971
- Dible, J. H. Napoleon's Surgeon London 1970
- Dumas, Alexandre Napoleon Bonaparte Berlin, o.J.
- Ebstein, Erich Napoleon Leipzig 1926
- Fleurbaey De Langle, Paul Napoleon et son geôlier Paris 1952
- Forshufvud, Sten Who killed Napoleon? London 1961
- Forshufvud, Sten Arsenic content of Napoleon's hair probably taken immediately after his death In Nature, 14 Okt 1961 (London)
- Fremaux, Paul Napoleons letzte Tage auf St. Helena Berlin 1912
- Ganiere, Paul Corvisart Medecin de Napoleon Paris 1951
- Ganiere, Paul La mort de l'Empereur Paris 1962
- Geyl, Pieter Napoleon For and against Utrecht 1846, London 1964
- Godlewski, Guy Napoleons letzte Krankheit In Ciba-Zeitschrift Vol 5, S 94 (Aux confins de la vie et de la mort Paris 1957)
- Groen, J.-J. La dernière maladie et la cause de mort de Napoleon In Etude psychologique, historique et médicale Leiden 1962
- Henry, Walter Surgeon Henry's trifles London 1970
- Herre, Franz Napoleon Bonaparte Wegbereiter des Jahrhunderts München 1988
- Hillemand, Paul Pathologie de Napoleon Paris 1970
- Kahma, Tano De quelle maladie est mort Napoléon? in Acta chirurg. scand. 72, 1, 1932
- Karlen, A. Nicht Wellington besiegte Napoleon bei Waterloo Wien 1985
- Keith, Arthur The history and nature of certain specimens alleged to have been obtained at the post mortem on Napoleon the Great In Brit. Med. Journ., 1913
- Kemble James Napoleon immortal The medical history and private life of Napoleon Bonaparte London 1959
- Kemble, James St. Helena during Napoleon's exile London 1969
- Kirchhausen, Friedrich Max Selbstmörder Napoleon? In Münchner Med. Wochenschrift, S 503 1933
- Knott, J. The fatal illness and death of Napoleon the Great In Journal of Irish Med. Ass., 1913
- Korngold, Ralph The last days of Napoleon London 1960
- Laurent, P. M. Histoire de Napoleon I Paris 1870 (darin zahlreiche Illustrationen von Horace Vernet)
- Ludwig, Emil Napoleon Berlin 1931
- Manfred, Albert Zacharowicz Napoleon Bonaparte Berlin Ost 1978
- Martineau, Gilbert Napoleon a Sainte Helene 1815-1821 Paris 1981
- Masson, Frédéric Napoléon dans sa jeunesse, 1769-1793 Paris 1922
- Mauvois, André Napoleon Reinbek bei Hamburg 1966
- Meneval, Claude François de Napoleon und Marie-Louise Geschichtliche Erinnerungen 2 Bde Berlin 1906
- Mets de, A. Comment mourut Napoléon In Revue de la Corse ancienne et moderne Antwerpen 1931
- Montholon, Charles-Tristan de Geschichte der Gefangenschaft Napoleons auf St. Helena Leipzig 1846
- Montholon, Charles-Tristan de History of the captivity of Napoleon London 1847
- Napoleon, Bonaparte Lettres de Napoléon à Josephine Paris 1891

Napoléon, Bonaparte: Mein Leben und Werk. Aus dem Gesamtwerk ausgewählt und herausgegeben von Paul und Gertrude Aretz. Berlin 1936

Neureiter, F.: Ein Bericht über die Sektion der Leiche Napoleons I. In: Wiener Med. Wochenschrift 44, 1901, 1921

O'Meara, Barry E.: Napoleon in exile. London 1882

Peveil, v. d. Pick, W.: Das Leben des Kaisers der Franzosen Napoleon Bonaparte. 8 Bände, Danzig 1827

Reuben, F.: The Emperors Itch The Legend Concerning Napoleon's Affliction. New York 1940

Richardson, Frank: Napoleon's Death — An Inquest o. O. o. J.

Savant, Jean: Napoleon wie er wirklich war. Bern 1935

Savant, Jean: Les amours de Napoléon. Paris 1956

Schiff, Leon: Diseases of the Liver. Philadelphia 1975

Sokoloff, Boris: Napoleon: A Doktor's biography. New York 1937

Tischner, R.: Napoleon und die Homöopathie. Leipzig 1933

Tulard, Jean. Napoleon oder Der Mythos des Retters. Eine Biographie. Tübingen 1978

Wairy, Louis Constant: Mémoires sur la vie privée de Napoléon, sa famille et sa cour, Paris 1830

Wallace, D.: How did Napoleon die? In. Med. Journal Aust., 1964

Wencker-Wildberg, Friedrich und Kircheisen, Friedrich Max: Napoleon: Die Memoiren seines Lebens. 14 Bände, Wien, Hamburg, Zürich 1930/31

Whipple, Wayne: The story-life of Napoleon, New York 1904

Wolff, G.: Die letzte Krankheit Napoleons. In: Med. Wochenschrift, 1963

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Вы стали тем, что вы есть, только благодаря мне, и я стал тем, что я есть, только благодаря вам.

*Из обращения фюрера к народу
30 января 1936 г.*

Многослойный феномен Адольфа Гитлера вне зависимости от его оценки является историческим событием, но едва ли даже в будущем удастся исследовать его до конца. Можно говорить о небывалом выбросе энергии, который, взорвав все, что было до него, позволил ему в одиночку и исключительно собственными силами, пусть даже на короткий срок, подняться от нищего и безымянного Никто до неограниченного властелина Германии и почти всей Европы. Он обладал удивительной способностью так выразить дух, страхи и надежды людей своей эпохи, что превратился для этих людей в выразителя образа мыслей всей современной ему Германии. Он умел убедительно и понятно, в простейшей форме объяснить народу политические обстоятельства, виновные в его бедах, и убедить массы в том, что им движут их недовольство, разочарования и протест. Этот, безусловно, необычный дар следует признать существенным элементом, сделавшим возможным его развитие в направлении «исторического величия». Якоб Буркхардт в своей книге «*Weltgeschichtliche Betrachtungen*» («Размышления о всемирной истории») дает следующее определение: «Назначение величия состоит, по-видимому, в том, что оно проводит волю, поднимающуюся над индивидуальным». При этом Буркхардт подчеркивает значение «таинственного совпадения» между эгоизмом отдельного индивидуума и волей общности.

С этой точки зрения в Адольфе Гитлере действительно воплотились все многообразные настроения, бурлявшие под оболочкой повседневности того времени. Они сфокусировались в его личности, как в увеличительном стекле, и он сумел привести их в действие с уверенностью, которая кажется просто магической. Он обладал политическим даром, демонической силой убеждения народного оратора, и это позволило ему высвободить невиданные коллективные силы и заставить их работать на собственные «эволюционные цели». Его политические цели целиком и полностью были ориентированы на реализацию навязчивых бредовых идей — уничтожение большевизма, истребление еврейства и насильственное расширение немецкого жизненного пространства на восток, что позволило ему успешно направить концентрированную и постоянно подогреваемую энергию целого народа вовне. За счет этого ему удалось — по меньшей мере в течение какого-то времени — удерживать под контролем те силы, которые сам же он вызвал к жизни. На протяжении истории революции пожирала своих детей, Гитлеру удалось избежать этой судьбы — он, по выражению Трево-ра-Ропера, был «и Руссо, и Мирабо, и Робеспьером, и Наполеоном своей революцией» в едином лице. Буллок пишет о «моральном и интеллектуальном кретинизме Гитлера», но подобное уничтожение понятий мало чем может способствовать лучшему пониманию мифа, сложившегося вокруг этой личности. Что касается моральной системы координат, в которой действовал Гитлер, то она вообще не требует обсуждения, но тем более проблематичным представляется столь простое отрицание интеллектуальных способностей человека, который, по крайней мере до начала войны, умел логично, реалистично и объективно оценивать самые разнообразие политические ситуации. Курт Тухольский, подобно многим немецким и зарубежным политикам, опасно недооценивал Гитлера, когда писал: «Этого человека вообще не существует, существует только шум, который он производит».

Тем страшнее было для многих пробуждение, когда этот самый человек после 1933 года оказался «человеком дела, причем очень энергичным, изобретательным и эффективным», по выражению Себастьяна Хафнера. Тем не менее интеллектуальные способности Гитлера не следует переоценивать. Следует принимать во внимание то обстоятельство, что его победы во внешней и внутренней политике, начиная с конца двадцатых годов и до конца войны, почти ни разу не были одержаны над сильным противником, и многое уже готово было само рухнуть еще до того, как он всерьез появился на сцене. Оглядываясь на выдающиеся достижения, удивлявшие мир с 1933 по 1938 годы, вечно вчерашние и сегодня утверждающие, что Гитлер начинал в принципе правильно, но затем, безусловно, зашел слишком далеко. Аргументируется это примерно так: если бы он остановился перед присоединением Австрии или даже перед захватом Польши, то сегодня его славили бы как величайшего политика и государственного деятеля в истории Германии, осуществившего мечту Бисмарка о создании «великогерманской империи». Тот, кто так думает, доказывает совершенное непонимание структуры личности Гитлера и психологические движущие силы, стремившиеся к достижению жестко заданных целей и тем самым определившие все его действия и поступки. В его бредовых идеях с самого начала окончательно и бесповоротно была запрограммирована война с Россией, то же самое относится к уничтожению марксизма и истреблению европейского еврейства, в котором он усматривал наибольшую опасность для осуществления «исторической задачи, возложенной на него провидением».

Для того чтобы прийти к глубокому пониманию феномена Гитлера, недостаточно изучения многочисленных опубликованных, более или менее объективных биографий, даже если в них скрупулезно, с учетом общеевропейского политического фона описано его политическое становление вплоть до неограниченного повелителя над

Биографический анамнез Происхождение и семейное окружение

жизнью и смертью миллионов людей. Говоря словами Йозефа Штерна, сама фигура, один из важнейших феноменов своего времени, ее действительность и ее миф в традиционных биографиях освещены едва ли достаточно, даже если в отдельных местах авторы обращаются к ее психопатологическим характеристикам. Поэтому на основе тщательного биографического анамнеза стоит внимательно изучить с чисто медицинской точки зрения структуру аномальной личности Гитлера, его особые психические признаки и действия, вряд ли вписывающиеся в перечень человеческих норм. При этом мы можем опереться на целый ряд опубликованных трудов выдающихся психологов, невропатологов, психиатров и историков психиатрии. Они исследовали влияние таких факторов, как семья и школа, на идентификацию и формирование личности, в особенности на формирование «человеческой деструктивности», характерной для внутренней жизни Гитлера, а также занимались проблемами возможных последствий поздней болезни Паркинсона. Они исследовали самые различные его действия. основополагающей работой в этом направлении следует считать чрезвычайно продуктивный судебно-психологический анализ де Боора. В конечном итоге был поставлен решающий вопрос: кем же, собственно, был Гитлер — человеком, сверхчеловеком или «недочеловеком»?

В подобном обзоре медицинском исследовании едва ли могут быть выявлены новые аспекты, однако по меньшей мере можно надеяться на то, что глазам читателя предстанет законченная картина, освобожденная от многих клише, которая поможет глубже понять это эфемерное явление на горизонте всемирной истории. Интерес к его личности вновь всколыхнуло крушение советской империи на волне перестройки и гласности. Поэтому у многих людей, которые еще могут помнить эту апокалиптическую эпоху, и прежде всего у большинства, не пережившего ее, которому Гитлер кажется чем-то столь же исторически далеким, как и Наполеон, появилось желание узнать о феномене Гитлера не только общие слова.

Едва ли найдется вторая историческая личность, которая всю жизнь прилагала столь титанические усилия для того, чтобы избежать любой попытки нормального человеческого сближения и стремилась отгородить от мира непроницаемым покровом личную и интимную сферу своей жизни. Это касается уже генеалогии его семьи: подробно на эту тему Гитлер никогда не желал говорить. И генеалогия, и предки мифической личности должны были оставаться в тени. Дело было не только в постоянном стремлении Гитлера придать высокий стиль своей личности. Была другая, более глубокая причина: подробное расследование семейных обстоятельств могло бы принести громогласно миссионерующему «апостолу чистоты германской расы» суровое разочарование.

Странности начинаются уже при чтении записей в книге крещений католической общины города Браунау. В одной из них говорится, что 20 апреля 1889 года родился слабенький, темноволосый мальчик с примечательно голубыми глазами. Что же касается данных, записанных священником относительно имен родителей ребенка — Алоиз Гитлер и Клара Гитлер, урожденная Пёльцль, то они не вполне соответствовали действительности, поскольку папа Алоиз был внебрачным (хотя в свидетельстве о крещении был записан как рожденный в браке) сыном Марии-Анны Шикльгрубер. Поскольку, таким образом, с точки зрения документальной генеалогии налицо изъян, позднее возник законный вопрос о том, каково же, собственно, происхождение Адольфа Гитлера. Уже летом 1921 года среди ведущих членов тогда еще совсем молодой НСДАП поползли глухие слухи о якобы еврейском происхождении их фюрера. В первом томе своей книги «Mein Kampf» («Моя борьба»), вышедшем в 1925 году, автор также не счел необходимым остановиться на вопросе о

предках, в связи с чем в скором времени эта тема приобрела статус тщательно хранимой тайны. Первые указания на возможное еврейское происхождение Гитлера, пригодные для последующего биографического исследования, появились в рукописи «Im Angesicht des Galgens» («Перед лицом виселицы»), принадлежащей перу Ганса Франка, приговоренного к смерти печально известного генерал-губернатора Польши, которую он написал в камере нюрнбергской тюрьмы: «Отцом Гитлера был внебрачный ребенок кухарки одного из домов в городе Граце, фамилия ее была Шикльгруббер, и происходила она из Леондинга в окрестностях Линца... Кухарка Шикльгруббер, бабушка Адольфа Гитлера, на момент рождения ребенка служила в еврейской семье по фамилии Франкенбергер. Начиная с момента рождения ребенка и вплоть до его четырнадцатилетия Франкенбергер платил кухарке Шикльгруббер алименты за своего тогда девятнадцатилетнего сына. Между бабушкой Гитлера и Франкенбергерами в течение многих лет велась переписка, основное содержание которой... состояло в том, что внебрачный ребенок Шикльгруббер был зачат при обстоятельствах, обязывавших Франкенбергера к уплате алиментов... Таким образом, Гитлер сам на четверть еврей». Хотя уже достоверно известно, что это изложение событий неверно, результаты расследований Франка, равно как и такие же результаты расследования, организованного Гиммлером в августе 1942 года, явились для самого Гитлера достаточным основанием для того, чтобы серьезно усомниться в чистоте своего арийского происхождения.

Новейшие, опубликованные лишь недавно документы также не вносят полной ясности в этот вопрос. По-видимому, ближе всего к истине находятся выводы Вернера Мазера, сделанные им на основе кропотливо собранных фактов. Результаты этого исследованная прежде всего решительным образом противоречат утверждению о существовании у Гитлера дедушки-еврея. Если Алоиз Шикльгруббер родился 7 июня 1837 года,

то в 1836 году в Граце должен был проживать еврей по фамилии Франкенбергер, а Мария Анна Шикльгруббер в том же году должна была служить в этом городе. Но ни в метрических книгах еврейской общины, ни в книгах регистрации иных религиозных общин Граца никакого Франкенбергера нет. Лишь в 1900 году всплывает некий Алоиз Франкенбергер — он, однако, существенно моложе Алоиза Шикльгруббера и никак не может быть его отцом. Аналогичным образом обстоит дело и с Марией Анной Шикльгруббер — ни в «книге слуг», ни в «книге граждан» города Грац за указанный период она не значится. Это тем более невозможно потому, что в то время она в качестве подданной «Великого графства Оттенштайн» проживала в области Вальдфиртель в Нижней Австрии.

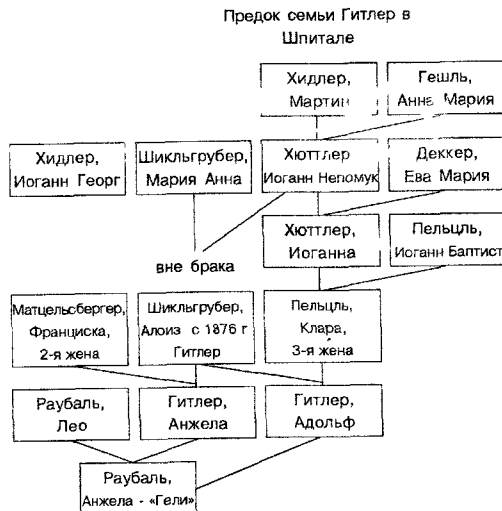
Современные исследования позволили несколько прояснить вопрос о происхождении дедушки Гитлера. Так, в частности, установлено, что Георг Хидлер (или Хюттлер — существовал и такой вариант написания), считавшийся отцом незаконнорожденного Алоиза, так никогда и не признал его своим сыном — даже после того, как в 1842 году женился на Марии Анне Шикльгруббер. Алоиз Шикльгруббер официально сменил фамилию на Гитлер только в 1876 году. Отказ от отцовства вполне понятен — настоящим отцом дедушки Гитлера был брат Георга — Иоганн Непомук Хюттлер. По всей видимости, этот богатый, но женатый человек сумел найти стимулы, позволившие ему уговорить брата жениться на матери его внебрачного ребенка. Это было удобно тем, что позволяло настоящему отцу принимать маленького Алоиза в своем доме, не вызывая беспокойства у ничего не подозревавшей супруги. Становится понятным, почему детство и ранняя юность Алоиза прошли не в доме матери, а в доме «дяди» Иоганна Непомука. Столь же понятно теперь, почему после смерти «дяди» в 1888 году финансовое положение Алоиза Гитлера сразу же резко изменилось в лучшую

сторону. Согласно Мазеру есть все основания полагать, что Алоиз, в 1876 году официально принявший фамилию Гитлер, унаследовал все состояние Иоганна Непомука Хюттлера.

Однако на этом роль настоящего отца дедушки Гитлера в его генеалогии не заканчивается. У Иоганна Непомука Хюттлера была красивая внучка, которую звали Клара Пельцль. Она очень нравилась Алоизу и поэтому он пригласил ее в качестве помощницы для своего осиротевшего домашнего хозяйства в Браунау. Первая его жена умерла от чахотки, а вторая, также по причине серьезной болезни легких, вынуждена была постоянно находиться на курорте. Вначале Клара выполняла роль горничной и няни при детях Алоиза от второго брака — Алоизе и Анжеле. Но затем она стала его любовницей, и в 1884 году, после смерти второй жены, они поженились. Предполагают, что в это время она была уже беременна.

И тут выяснилось, что в связи с наличием «родства второй или третьей степени» на этот, уже третий, брак Алоиза Гитлера требуется разрешение католической церкви. В конце концов такое разрешение из Рима было получено. Плод этого брака — Адольф Гитлер является, таким образом, продуктом близкородственного кровосмешения, поскольку Иоганн Непомук Хюттлер приходится ему не только дедом по отцовской линии, но, будучи дедом его матери Клары, также и прадедом по материнской. Адольфу Гитлеру должно было быть известно о кровосмешении в семье, и, по-видимому, именно этим объясняются неоднократные заявления о том, что он не желает становиться отцом — у него были достаточные основания опасаться за физическую и умственную полноценность своего потомства. Этим же можно правдоподобно объяснить интимную связь Гитлера с племянницей «Гели» Раубаль — специалисты по генеалогии утверждают, что подобно продолжение кровосмесительных связей является частым и типичным явлением.

Кровосмешение в семье Гитлера

Характеры родителей принадлежат к числу важнейших факторов, накладывающих отпечаток на всю последующую жизнь ребенка. Поэтому законным представляется вопрос о том, в какой мере родители Гитлера способствовали его «последующему превращению в чудовище», как выразился Эрих Фромм. Такое аналитическое исследование мы начнем с роли матери, которая является решающей в чувствительной фазе раннего детства.

Большинство биографов положительно оценивает влияние матери на формирование характера Гитлера. Брэдли Смит, считающийся крупнейшим специалистом по юности Гитлера, сообщает, что все, знавшие Клару, считали,

«что смыслом ее жизни была самоотверженная любовь к детям. Seriously упрекнуть ее можно было лишь за слишком бережное к ним отношение и за то, что она внушила своему сыну чувство, что он является чем-то особенным». Трое старших ее детей умерли в один год: Отто сразу после рождения, а Густав и Ида — от дифтерии. Едва ли можно усмотреть что-то необычное в том, что ее любовь и забота целиком и полностью были отданы четвертому сыну — Адольфу. Она жила в постоянном страхе потерять и этого ребенка. По утверждению прислуги, мальчик рос «очень здоровым и бодрым», но матери он казался чрезвычайно болезненным, в связи с чем она больше трех лет кормила его грудью. Принято считать, что подобное заласкивание, когда ребенок становится объектом центром всей семьи, порождает сильную связь между матерью и ребенком. Однако результаты психоаналитического исследования юности Гитлера, предпринятого Элис Миллер, ставят этот напрашивающийся упрощенный вывод под сомнение. Если учесть холодное и отчужденное отношение Гитлера к людям вообще и необычное его отношение к женщинам (включая сюда также его извращенные сексуальные наклонности), то оправданным покажется предположение о том, что в ранней юности ему не дано было испытать ничьей настоящей любви.

Следует также остановиться на обстоятельствах, предшествовавших рождению Адольфа. В течение короткого времени его матери довелось пережить смерть троих детей. И еще не прошел год со дня смерти дочурки Иды, как она вновь оказалась беременной. Можно предположить, что еще не вполне преодоленное горе и страх потерять и этого ребенка должны были вызывать у матери чувство глубокого внутреннего беспокойства. Естественно, что в первой, символической, фазе своей жизни ребенку передавалось от матери не благотворное чувство покоя и защищенности, а, напротив, ощущение беспокойства и страха.

В случае Гитлера необходимо упомянуть еще об одном

момента, противоречащем мнению большинства биографов о том, что в детстве он купался в гипертрофированной материнской любви. Из большинства доступных нам документов следует, что Гитлер действительно любил мать и до конца жизни не расставался с ее портретом, однако не следует упускать из виду и то, что в детстве по отношению к ней он испытывал чувство разочарования, а порой и озлобления, вытесненное впоследствии в подсознание. Он не мог не испытывать чувство горького разочарования, когда мать выступала в роли боязливого, молчаливого и безучастного свидетеля, присутствуя при крутых расправах, часто учиняемых над ним отцом. При этом в его глазах мать должна была быть солидарна с действиями отца и нести за них свою долю ответственности.

Подобное восприятие матери как преданной служанки мужа, которая никогда не отваживалась обратиться к нему иначе, как «дядя Алоиз», возможно, и сформировало у Гитлера в дальнейшем презрительное отношение к женщине и «глубокий антиженский аффект». Однако в то же время мать должна была послужить для него прообразом женственного. Возможно, что этот прообраз побудил его дать в «Майн Кампф» такую характеристику масс: «Сознание широкой массы не воспринимает ничего слабого и половинчатого. Подобно женщине, душевное восприятие которой определяется не столько абстрактным разумом, сколько не поддающейся определению чувственной тоской по дополняющей ее силе, и поэтому она предпочитает покоряться сильному, нежели покорять слабого, масса любит повелевающего ею больше, чем выправляющего у нее. Поэтому учение, которое не терпит рядом с собой никакого иного, устраивает ее больше, чем разрешенная либеральная свобода. Масса не знает, что с ней делать, и даже ощущает себя в какой-то степени брошенной на произвол судьбы. Наглость духовного террора столь же мало доходит до сознания массы, как и подавление ее человеческих свобод, и она ни в малейшей степени не догадывается о

бредовой внутренней сущности такого учения. Она в состоянии увидеть только беспощадную силу и грубость ее целенаправленных проявлений — перед такой силой она в конце концов склоняется навсегда» Вряд ли возможно дать более точную характеристику покорной матери Гитлера, которая своим фрустрирующим поведением еще в детстве внушила ему, что победа достигается только беспощадной грубой силой. Его извращенные сексуальные наклонности также свидетельствуют о том, что в детстве между ним и матерью едва ли существовала теплая и безоблачная близость. Трудно представить, чтобы мужчина, испытавший в детстве нежную материнскую любовь, мог впоследствии оказаться в плену садомазохистских влечений, на которых мы еще остановимся ниже.

Связь с матерью, в основе которой лежала безграничная вседозволенность, немало способствовала развитию крайнего нарциссизма Гитлера и характерной для него пассивности. Мать никогда его не наказывала и лишь безмерно восхищалась им. Уже очень рано он пришел к убеждению, что он сам по себе «замечателен и ему для этого не требуется тратить никаких усилий». Если у него появлялись желания, то мать их выполняла, а если она пыталась возражать, то умело инсценированным приступом гнева он легко мог ее образумить. Подобная сверхзаботливость может вызвать у ребенка чувство окружения и потери самостоятельности. Ответом на эту ситуацию становится уход в себя и инкапсуляция. Нам известно, что такого рода связь с матерью затрудняет дальнейшую дифференциацию и интеграцию личности. В экстремальных случаях может возникнуть так называемое «желание убийства», направленное на насильственное расторжение связи между матерью и ребенком. Оно, в свою очередь, оставляет у ребенка неосознанное чувство вины, приводящее в действие защитные реакции, механизмы вытеснения и проекции различного рода — все это впоследствии нашло свое проявление в некоторых базовых чертах характера Гитлера.

Фаза обожествления завершилась в 1894 году с рождением брата Эдмунда, который вытеснил Адольфа с пьедестала единственного фаворита. Вопреки расхожим представлениям, это событие не было воспринято пятилетним Гитлером как появление конкурирующего элемента. Наоборот, «годом после рождения брата он наслаждался на всю катушку». Эрих Фромм попытался объяснить этот факт «злокачественной кровосмесительной привязанностью» к матери. Фромм пытается построить причинно следственную связь между обожанием со стороны матери и развитием холодного, деструктивного характера с чертами явного нарциссизма, обосновывая это тем, что «до пяти лет фиксация Гитлера на матери была лишена тепла и сердечности, он оставался холодным и неспособным выйти за пределы оболочки нарциссизма, мать была для него не личностью, а обезличенным символом власти земли, судьбы и смерти. Это позволяет понять, почему рождение брата не стало причиной отхода, отдаления от матери. Если правда, что он действительно никогда в своих чувствах не был ей близок, то нельзя также говорить, что он от нее отдалился. Эта гипотеза могла бы также объяснить, почему Гитлер никогда не влюблялся в фигуры материнского типа и почему на место связи с реальной, пережитой как личность, матерью стала связь с кровью, почвой, расой и, в конечном итоге, с хаосом и смертью».

Для того, чтобы эти рассуждения стали более понятными, следует кое что пояснить. «Кровосмесительная привязанность» — это совершенно нормальное явление. Если маленький мальчик испытывает сексуальное влечение к матери, то это говорит лишь о том, что он воспринимает мать как личность и как женщину. Такого рода привязанность принимает патологический характер только тогда, когда она не исчезает в период полового созревания. При подобном невротическом развитии событий мужчина навсегда остается зависимым от матери и от заменяющих ее личностей.

Кровосмесительная фиксация описанного выше типа встречается очень часто и, как уже было сказано выше, не является аномалией. Иное дело — злокачественная фиксация, в которой Фромм видит один из корней некрофилии. У таких детей никогда не развивается теплое эротическое, а позднее и сексуальное отношение к матери, у них также отсутствует потребность достичь особой близости к матери. Для них мать представляет скорее некое фантомное образование, нежели реальную личность — мать превращается в символ. Уделом детей с подобной «злокачественной» кровосмесительной привязанностью к матери на всю жизнь остается холодность, нарциссизм и неспособность к полноценным эмоциональным реакциям. Такой взгляд согласуется с позицией Рудольфа Биниона, который усматривает значение связи, существовавшей в раннем детстве между Адольфом Гитлером и Кларой Гитлер, в том, что впоследствии Германия символически заняла для него место матери.

Мать Гитлера была простой, необразованной, и, скорее всего, разочарованной жизнью женщиной, но тем не менее она была способна вызвать симпатию. Отец же Гитлера был куда менее симпатичной фигурой. Будучи внебрачным ребенком, он воспитывался в доме своего якобы дяди Иоганна Непомука Хюттлера и уже тринадцати лет от роду оставил этот дом, чтобы обучиться ремеслу таможенника. Но уже в 1855 году ему удалось поступить на службу в финансовую гвардию (таможню). Став чиновником, он существенно упрочил свое общественное положение. Не прошло и пяти лет, как он занял должность начальника австрийской «императорско-королевской таможни» в городе Браунау. Не следует забывать, что он не имел возможности даже нормально закончить школу и всеми своими успехами обязан самообразованию. Все это свидетельствует не только о высоком интеллекте и жажде знаний, но также о завидной целеустремленности и выдержке. Обратившись к истории развития его сына Адольфа, мы обнаружим поразительное сходство и в других

свойствах личности отца и сына: «Оба были исключительно властными натурами и обладали необычайной харизмой... оба были непогрешимы, нетерпеливы и беспокорны, властвовали хладнокровно и расчетливо, знали, как завоевать власть и как обращаться с властью, оба ни в грош не ставили окружающих, но, несмотря на это, умели произвести на них нужное впечатление и надолго заставить поверить себе». Судя по всему, похожие черты характера отличали и деда, Иоганна Непомука Хюттлера, и именно от него их унаследовали его потомки. О том же свидетельствует и упомянутый Мазером анализ почерков двух потомков Хюттлера, в котором графолог, не зная ни происхождения, ни имен авторов, пришел к выводу, что образцы почерков принадлежат людям, обладающим «определенностью характера, несколько повышенной возбудимостью и волей к проведению своих замыслов», а также определенным «стремлением к господству и честолюбию». Эти черты явно присутствуют и в характере Адольфа Гитлера.

Эрих Фромм считает Алоиза Гитлера человеком, любившим жизнь, обладавшим чувством долга и ответственности, и полагает, что в роли воспитателя этот человек вовсе не был страшилищем, перед которым сын вынужден был бы постоянно трепетать — в общем, по мнению Фромма, тираном он не был, а был всего лишь авторитарным человеком. Однако это мнение во многих отношениях противоречит имеющимся у нас документам, касающимся роли отца в юности Адольфа Гитлера. Похоже, что образ отца был для мальчика всем, чем угодно, но только не примером для подражания. Алоиз Гитлер был сварливым, вспыльчивым и грубым, не гнушался рукоприкладством, порой даже по отношению к собственной жене и ни в чем не повинной собаке, которую по малейшему поводу «колотил до тех пор, пока та не начинала корчась мочиться на пол». А практиковавшие им экзекуции с применением плетки из шкуры бегмота показывают, что он считал жестокие «физические

методы воспитания» вполне совместимыми с нормальным психическим развитием ребенка — позже, «в период борьбы», Гитлер любил ходить с плеткой. Джон Толанд пишет о том, что от подобных экзекуций больше всего страдал сводный брат Адольфа Алоиз младший, которого отец однажды бил плеткой до тех пор, пока он не потерял сознание. Сестра Паула позднее рассказывала, что и Адольф «ежедневно получал при читающуюся ему порцию побоев», а из воспоминаний Франца Етцингера о юности Гитлера мы узнаем, что Адольф бывал бит, еще не достигнув четырех лет. Однажды Гитлер признался Хелен Ханфштенгль в том, что пережитые унижения доставляли ему больше страдания, чем сами побои.

Страшные последствия, которые эта «черная педагогика» имела для личности Адольфа Гитлера, Элис Миллер иллюстрирует примерами его последующих преступных действий. Тиранические методы отцовского воспитания заставляли Адольфа жить в постоянном страхе. Отец не признавал извинений за допущенные или только предполагаемые проступки и единственную надежду спастись от очередного избиения и сохранить остатки собственного достоинства давала ложь. Рудольф Олден рассказывает о том, каким рабским унижениям Алоиз Гитлер подвергал своего сына. «С Адольфом он находил меньше всего взаимопонимания. Он тиранил его. Если старый унтер-офицер хотел позвать Адольфа, то он свистел в два пальца». Столь унижительное положение, когда собственный отец вместо того, чтобы произнести твое имя, подзывает тебя свистком, как собаку, Миллер сравнивает с положением евреев в третьем рейхе, где их, безымянных и бесправных, сделали жертвами полнейшего произвола. В то время еврей по происхождению подвергался изощреннейшим унижениям. При этом никакие дела, особые заслуги и даже храбрость, проявленная во время первой мировой войны, не могли служить ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством — феномен, дотоле невиданный

во всей истории. Элис Миллер усматривает в этом бессознательный акт повторения впечатления детства, посредством которого он транспонировал свою юношескую травму на весь немецкий народ. «Он не оставил еврею ни одного шанса потому, что, будучи ребенком, Адольф не имел никаких шансов избежать побоев отца. Дело в том, что причина этих побоев не в поведении ребенка, а в нерешенных проблемах отца. Когда у такого отца портится настроение, он может вытащить спящего ребенка из постели, чтобы избить его, и тем самым восстановить утраченное равновесие параноической психики».

В цитированном психоаналитическом исследовании проводится параллель между преследованием евреев в третьем рейхе и ситуацией, сопровождавшей детство Адольфа Гитлера. Решающим здесь является то, «что непрерывные побои были ему гарантированы. Что бы он ни сделал, повлиять на ежедневные побои это не могло. На его долю оставалось самоотречение и идентификация с агрессором».

На последующее поведение Адольфа Гитлера, по всей видимости, оказало влияние еще одно обстоятельство его детства. Будучи ребенком, он был кроме всего прочего, вынужден тщательно скрывать от внешнего мира свои страхи перед ежедневным насилием со стороны отца, причем не только из страха перед возможными последствиями, но прежде всего потому, что ему, вероятно, просто никто не поверил бы. Кто в конце концов представил бы себе почтаемого и уважаемого начальника таможни, который уделяет большое внимание своей внешности и по торжественным случаям появляется только в форме в роли грубого семейного тирана? Многие позднейшие биографы Гитлера, в частности, Иоахим К. Фест, видели в рассказах Гитлера об отце детское преувеличение, а Франц Етцингер в книге о юности Гитлера увидел в строгом отце весьма прогрессивно настроенного человека, побои которого «непослушным и упрямым мальчишка, безусловно, заслуживал». Имеются основания предполагать, что, став

рейхсканцлером, Гитлер неосознанно перенял отцовскую манеру поведения: перед иностранными гостями он предстал зрелым государственным деятелем, взгляды которого выглядели вполне миролюбиво и достойно; в то же самое время в пределах государства он действовал с твердостью и невероятной жестокостью. По всей видимости, Адольф ни разу не испытал нежности со стороны отца, поэтому его ненависть постоянно усиливалась вплоть до того момента, пока у него не возник новый однозначный образ врага, освободившего его от этой ненависти, позволив ему «ненавидеть дозволенной ненавистью». Фигурами этого образа врага стали вначале вражеские солдаты в первой мировой войне, затем «ноябрьские преступники» и, наконец, евреи, на которых он последовательно перенес всю свою подавленную ненависть.

Несмотря на то, что сам Гитлер мало рассказывал о временах своего детства, в которые формировались важнейшие элементы его личности, он, тем не менее, является важным источником информации для реконструкции той атмосферы, в которой вырос. Каждый, кто пишет собственную биографию, как правило, невольно рассказывает очень много о самом раннем своем детстве. Гитлер не является исключением, и в книге «Майн Кампф» неосознанно рассказывает об истинной ситуации в родительском доме. Исходя из того, что уже ребенком он был воспитан так, что «мог завоевывать симпатии своих родителей только ценой полнейшего притворства и отрицания своих истинных чувств», нас не удивит, что в немногих строчках, посвященных родительскому дому, он пытается убедить читателя в том, что вырос в добропорядочной семье, что его отец был «верным долгу государственным чиновником», а мать «занималась домашним хозяйством и отдавала себя детям, поровну деля между ними свою любовь и заботу».

О том, как на самом деле прошло его детство, можно узнать из тех мест в его книге, которые посвящены жутким обстоятельствам жизни одной из рабочих семей на

рубеже столетия, в которой безошибочно угадывается тесная связь с опытом своего собственного детства: «В двух затхлых подвальных комнатах живет рабочая семья из шести человек. Одному из детей, мальчику, около трех лет... Теснота и скученность уже сами по себе не способствуют хорошим отношениям в семье. Уже по одной этой причине часто возникают ссоры и скандалы... А так как подобные сцены между родителями происходят почти каждый день и в форме, к грубости которой часто уже почти нечего добавить, то результаты такого наглядного обучения должны рано или поздно сказаться на малыше. Ну а какого рода будут эти результаты, если подобные скандалы принимают форму грубого рукоприкладства отца против матери и пьяных побоев, человеку, не знающему этой среды, представить себе трудно. Уже к шести годам достойному всяческого сожаления малышу становятся известны такие вещи, перед которыми и взрослого может охватить ужас... Да и то, что мальчуган слышит в доме в остальное время, никоим образом не способствует укреплению его уважения к окружающим. Но совсем плохо кончается дело тогда, когда муж с самого начала пытается проводить свою линию, а жена во имя детей пытается ему в этом помешать. Вот тогда-то начинаются ссоры и скандалы, и чем более чужими становятся друг другу муж и жена, тем роднее становится для мужа алкоголь. И вот, наконец, субботней или воскресной ночью он является домой пьяный и злой... Тут разыгрываются такие сцены, что не приведи Господь. Я был свидетелем сотням примеров того».

Известно, что к моменту написания книги у Гитлера было очень мало друзей, и он практически не имел контактов с какими-либо семьями. Поэтому представляется почти невозможным, чтобы он мог стать свидетелем «сотен подобных сцен». Значительно ближе к истине будет предположить, что здесь он описал ситуации из собственного детства — слишком уж хорошо совпадает это описание с рассказами современников.

Пример Адольфа Гитлера является наглядной демонстрацией того, сколь ужасное влияние на развитие одаренного ребенка может оказать подобная обстановка в семье, которая являет собой выставочный образец тоталитарного режима во главе с единоличным жестоким диктатором в лице отца. Гитлер сам придерживался того мнения, что характер отца является фактором, накладывающим отпечаток на формирование структуры личности сына. Позже он констатировал, что важнейшей фазой формирования характера является тот возраст, «в котором первые впечатления проникают в сознание ребенка. Одаренные люди и в пожилом возрасте сохраняют следы воспоминаний об этом времени». С этой точки зрения развитие многих базовых свойств личности Гитлера представляется вполне понятным, хотя для Бредли Смита по-прежнему остается неясным, каким образом «изначальная слабость Гитлера превратилась в его силу, а романтическое бегство от мира трансформировалось в жажду власти и стремление к крайним решениям».

Согласно классическому психоанализу, это объясняется наличием эдипова конфликта. Система отношений, определяющая эдипов конфликт, строится здесь довольно просто, поскольку имеется и *overprotective mother* (сверхзащищающая мать), и жестокий «кастрирующий» отец. В подобную эдипову схему вполне вписывается отягощенное чувством вины стремление Гитлера к кровосмесительной связи с собственной матерью или к заменяющему ее объекту в лице племянницы Гели Раубаль. Норберт Бромберг исследует сексуальные извращения Гитлера, которые, однако, до сегодняшнего дня не имеют бесспорного документального подтверждения. Если допустить существование этих фактов, то их также можно объяснить страхом перед кастрацией и ранним сексуальным перевозбуждением за счет тесной связи с матерью. Однако прежде всего подобный подход позволяет понять чудовищную агрессивность Гитлера, коренящуюся в раннем опыте

общения с жестоким «кастрирующим» отцом, следствием чего явилось неисчезающее стремление компенсировать внутреннюю слабость беспощадной твердостью и железной силой воли.

Психоаналитик Эрих Фромм дает совершенно иное толкование влияния семейной и социальной среды, окружавшей Гитлера в детстве, на развитие его характера, что следует из задаваемого им риторического вопроса: «Чем можно объяснить тот факт, что два доброжелательных человека с устойчивой психикой без всяких деструктивных наклонностей произвели на свет чудовище — Адольфа Гитлера?»

Фромм также обращается к президиальной фазе в жизни Гитлера. Однако он выдвигает на первый план не традиционные психоаналитические аспекты, а уже упомянутую нами выше раннюю «злокачественную кровосмесительную привязанность» к матери и приходит в результате к личности, мотивированной мервинной злокачественной деструктивностью, признаком которой является некрофилия. Под некрофилией в характерологии принято понимать «страстное притяжение ко всему мертвому, гниющему, разлагающемуся, больному; страсть превращать все живое в неживое; разрушать и желать разрушения; исключительный интерес ко всему механическому. Это страсть к расчленению всего живого».

По мнению Фромма, в юности Гитлер мог переживать свою некрофилию только в сфере фантазии. В подтверждение этого тезиса Фромм указывает на то, что уже в возрасте шести лет в характере Гитлера проявились явные признаки нарциссизма, выразившиеся, наряду с прочим, в необычайно сильном стремлении к свободе. Эта тяга к «безответственности, бесконтрольности и прежде всего к свободе от требований действительности» позднее способствовала формированию столь характерного для Гитлера «недостаточного чувства реальности». Проследив эту мысль дальше, мы сможем без особого труда объяснить все последующее его поведение — пренебрежение

школой и школьными учителями, презрение к профессорам Академии изобразительного искусства, на которых он сваливал вину за собственные провалы. Его нескупный нарциссизм не могли поколебать никакие поражения: «Чем больше ударов наносила ему жизнь, тем глубже становилась рана его нарциссизма, чем позорнее было унижение, тем сильнее желание отомстить».

Переход из дошкольного возраста в школьный произошел мгновенно. Отец был досрочно выведен на пенсию, семья вынужденно перебралась в Хафельд близ Ламбаха и поселилась в недавно приобретенном доме с участком земли в девять моргенов. Маленький Адольф сразу же пошел в школу, расположенную в близлежащей деревне Фишльхам. Отец, судя по всему, не был особо расположен к занятиям сельским хозяйством. Он, правда, получил возможность, наконец, всерьез заняться своим хобби — пчеловодством, однако жизнь пенсионера и постоянный контакт с семьей, в которой, кстати, в 1896 году появилась младшая дочь Паула, по всей видимости, означала для него повышение психических нагрузок. Он становился все более сварливым и вспыльчивым. Адольфу приходилось по крайней мере внешне покоряться его требованиям и настроениям. Смит, однако, добавляет к этой картине: «Он ставил условия. Он все еще сохранял способность манипулировать матерью и демонстрировать приступы гнева». Адольф и его сводная сестра Анжела, вместе с которой он посещал школу, произвели хорошее впечатление на учителя, который позднее вспоминал: «Адольф был вполне смысленным, послушным, но очень живым мальчиком». Однако уже в столь юном возрасте проявились свойства характера, которые сохранились у него на всю жизнь: тутое своенравие и общеизвестное отвращение к любой форме регулярного, дисциплинированного труда. Теперь к тяжелой отцовской руке добавились регламентирующие и дисциплинирующие требования школы, которые он воспринимал как невыносимое ограничение

личной свободы. Он попытался скомпенсировать это, полностью отдаваясь мальчишеским играм в войну и индейцев, и вскоре превратился в «маленького главаря». При этом сразу же нашли проявление такие позже усилившиеся черты его характера, как потребность повелевать другими и недостаточно развитое чувство реальности.

Вскоре Алоиз Гитлер продал свое недавно приобретенное имение и переселился в город Ламбах, где Адольф получил возможность посещать более или менее современную начальную школу. Его успехи в учебе были весьма хороши. Школу содержал монастырь ордена бенедиктинцев. На портале монастыря был помещен герб аббата Теодериха Хагена в форме стилизованной свастики — не исключено, что это обстоятельство наряду с другими новыми впечатлениями оставило глубокий след в душе Адольфа. За красивый голос он был принят в монастырский хор мальчиков, а затем его стали привлекать к участию в богослужениях в качестве министранта. В это время его все больше «захватывает торжественная роскошь чрезвычайно эффектных церковных ритуалов». Дело дошло до того, что он, подобно некоторым соученикам, всерьез размышлял о духовной карьере и должности аббата — вот ведь в какую сторону могли повернуть его планы! Судя по всему, основным мотивом, привлекавшим его, была фигура проповедника, повелевающего массой и силой своего слова увлекающего массу за собой. Он примерял на себя эту роль — в одеянии священника «взбирался на ступ и произносил длинные зажигательные проповеди».

Есть основания утверждать, что при этом проявился его незаурядный ораторский дар — это подтверждают все без исключения соученики. По воспоминаниям его бывшего одноклассника Балдуина Виссмайра, ставшего позднее аббатом Вильгерингского монастыря, этот дар сослужил Адольфу хорошую службу и в военных играх, которыми он по-прежнему увлекался. Как свидетельствует

Виссмайр, по инициативе Адольфа мальчишки часто «воевали» между собой, при этом командовал «войсками» всегда он. По-видимому, уже в то время он научился с выгодой использовать исходившее от него харизматическое излучение.

В 1898 году отец купил дом в Леондинге, сельской общине недалеко от города Линца, где Адольф пошел уже в третью в своей жизни начальную школу. В феврале 1900 года от кори умер его брат Эдмунд. В этом же году сводный брат Алоиз-младший оставил родительский дом и все надежды сурового и честолюбивого отца сконцентрировались на Адольфе. В результате латентный конфликт, всегда существовавший между отцом и сыном, резко обострился. Желание Адольфа стать художником наверняка натолкнулось бы на решительное противодействие отца, определившего сыну более надежную карьеру чиновника. Чтобы избежать бурного выяснения отношений, Адольф не стал раскрывать своих истинных планов, и с кажущейся охотой принял предначертанный отцом путь продолжения образования в реальном училище. Поступление в реальное училище города Линца явилось важным переломным моментом в жизни одиннадцатилетнего Адольфа и усиленно способствовало формированию предпосылок для его последующего, выразившись терминами Эриха Фромма, «злокачественного развития».

Основным фактором на этом отрезке пути стал его полный провал в реальном училище, хотя поначалу он учился вполне нормально. Впоследствии он утверждал, что это было сознательным протестом и попыткой внутреннего сопротивления воле отца, препятствовавшего его желанию стать художником. Подобная версия представляет собой не более, чем легенду, да и то шитую белыми нитками, потому что и после смерти отца, последовавшей 3 января 1903 года, в поведении реалиста Адольфа Гитлера никаких изменений не произошло. У его провала были совсем иные причины. В начальной школе благодаря

интеллектуальному превосходству над одноклассниками он получал отличные оценки, не прикладывая к этому особых усилий. Средний уровень учеников реального училища был значительно выше, и для достижения успеха требовался уже настоящий труд. Он же испытывал настоящее отвращение к любой систематической деятельности и не желал, а может быть, попросту не мог взвалить на себя такой объем работы. Расплата была ужасной — второй год в первом классе, перевод из второго класса в третий только после специальной переэкзаменовки и, наконец, после третьего класса, перевод в реальное училище в город Штайр. Это училище он бросил после окончания четвертого класса. После этого он отказался от дальнейшего регулярного школьного образования — мы еще увидим, сколь далеко идущие последствия повлекло за собой это решение.

После легких успехов в начальной школе подобный катастрофический провал должен был вызвать шок и послужить вызовом его нарциссическому характеру. Но вместо того, чтобы собрать в кулак все силы и преодолеть кризис, он все больше погружался в мир фантазий. Он начинает сторониться людей, все его интересы ограничиваются играми в войну, которые дают возможность выступать в роли лидера, убеждать других и погребать ими, что в еще большей степени усиливало его нарциссизм. Военные игры, ход которых зависел только от его буйной фантазии, приводили также к тому, что он все дальше уходил от действительности и оперировал лишь несуществующими фигурами и событиями.

Нарциссизм и интровертность юного Гитлера уводили его в мир фантазий, где он мог играть роль непобедимого вождя и воина, хорошо иллюстрирует событие, рассказанное другом его юности Августом Кубицекем. Речь идет об экстастической реакции Гитлера на представление оперы Рихарда Вагнера «Риенци». Через много лет он рассказывал другу юности, что действительно идентифицировал себя с народным трибуном Кола де Риенци,

чей революционный энтузиазм на исходе средневековья потерпел крушение из-за непонимания народа.

Если бы он был в состоянии признать, что сам виноват в собственной неудаче, и преодолеть ее усиленным трудом, то тяжкие последствия этой неудачи еще можно было бы предотвратить на ранней стадии. Однако безграничный и не допускающий критики нарциссизм лишил его такой возможности. По Фромму, возникла ситуация, в которой «он был не в состоянии изменить действительность и фальсифицировал ее, объявив учителей и отца виновниками собственного провала и считая сам этот провал проявлением страстного стремления к свободе и независимости. Создав символ «Художник», он таким образом отверг реальность. Мечта стать великим художником сама стала для него реальностью. Тот факт, что он серьезно не трудился для достижения своей мечты, доказывает, что эта идея была не более, чем фантазией. Провал в школе был его первым поражением и унижением, за которыми последовал ряд других. Можно с полным основанием предположить, что его презрение и ненависть ко всем, кто был причиной или свидетелем его поражений, значительно возросли. Если бы мы не располагали серьезными основаниями считать, что его некрофилия коренится в злокачественной кровосмесительной привязанности, то ее появление можно было бы объяснить этой ненавистью».

Исследуя последствия конфликта с отцом для психики Гитлера, Хельм Штирлин еще раз останавливается на роли матери. По мнению Штирлина, несмотря на явную доминанцию отца и неограниченное его лидерство в семье, все же «сильнейшей родительской реальностью» был для Адольфа не отец, а слабая, безнадежно запуганная им мать, ибо в ней Адольф видел родительскую фигуру, которая делегирует ему полномочия. Можно в действительности представить себе, что мать увидела в живом, обладающем сильной волей, сыне шанс обрести союзника в безнадежном сопротивлении супругу. Согласно гипотезе

Штирлина, Адольф должен был таким образом стать ее «лояльным делегатом», помогающим ей в борьбе с супругом за самоутверждение, и, возможно, способным своими будущими успехами сделать ее жизнь интереснее и осмысленнее. Однако вклад юного Адольфа в эту борьбу на стороне матери мог быть самым минимальным и выразиться не более, чем в пассивном сопротивлении типа школьного провала или отказа от карьеры чиновника. Если это действительно было так, то смерть отца должна была означать, что пробил час свободы осуществления планов на будущее. Однако на деле ничего подобного не произошло. Адольф продолжал жить точно так же, как и до этого, по выражению Смита, он представлял собою «чуть больше, чем конгломерат игр и фантазий».

Со смертью отца в семье произошли примечательные изменения: исчез авторитарный стиль и теперь Адольф мог беспрепятственно уходить в мир своих грез. Если он не предавался грезам, то читал или рисовал и бывал очень недоволен, когда его беспокоили. Во время процесса по делу о провалившемся мюнхенском путче 1923 года суд обратился к бывшему классному наставнику Гитлера профессору Эдуарду Хюмеру с просьбой дать характеристику бывшему ученику. В ответ он сообщил следующее: «Он был безусловно способным учеником. Но он был неуправляем, по крайней мере считался таким — упрямым, своенравным, востыльным, не терпящим возражений. Замечания и предостережения учителей он нередко принимал с плохо прикрытым отращиванием. Напротив, от одноклассников он требовал безоговорочного подчинения и стремился к роли лидера». Лишь учителю истории удавалось увлечь трудного «бледного, худого мальчика» красочными повествованиями о древних тевтонах.

Учителям городского реального училища в Штайре бросилось в глаза, что Адольф не только с трудом входит в контакт с одноклассниками, но и вообще производит болезненное впечатление. В автобиографии Гитлер

пишет, что до этого времени не болел ничем, если не считать кори и операции по удалению миндалин, но здесь неожиданно стал жертвой «тяжелого легочного заболевания»: «Здесь мне пришла на помощь болезнь и в несколько недель решила и мое будущее, и старый семейный спор. Обнаружив тяжелое легочное заболевание, врач сказал матери, что я в будущем... ни при каких условиях не должен работать в конторе. Учебу в реальном училище также следовало прекратить, как минимум, на год». Рядом с Кларой Гитлер уже не было деятельного мужа, и, будучи серьезно обеспокоена здоровьем обожаемого сына, она немедленно и без размышлений последовала совету врача и забрала сына из училища. Так как она и сама была не вполне здорова, то вместе с Адольфом отправилась к родственникам в город Шпиталь, расположенный в австрийской области Вальдфиртель, где Адольф был отдан на врачебное попечение доктора Карла Кайсса. Адольф пил молоко, обильно питался и вскоре пошел на поправку. Однако в контакты ни с родственниками, ни с деревенской молодежью он практически не вступал. Большую часть его времени занимали рисование и живопись, часто он совершал длительные прогулки и наблюдал за родственниками во время полевых работ.

Впоследствии было высказано немало мнений относительно того, что утверждение Гитлера, будто бы он оставил реальное училище по причине болезни, является не более, чем невинной ложью. Однако свидетельства современников говорят об ином. По сообщению одного из соседей, «в шестнадцать лет он бросил школу, так как из-за какой-то истории с легкими начал харкать кровью». Это подтверждает также сестра Паула. Позже она говорила, что у брата были «кровотечения». Очевидно, речь шла о туберкулезном поражении легких в результате реинфицирования после имевшего место ранее первичного заражения туберкулезом. В то время у большинства молодых людей это было типичным явлением. В пользу этого предположения говорит также и то, что Гитлер в

течение длительного времени страдал от легочного недуга. Сестра Паула вспоминала: «Я знаю, что и потом его еще долго мучили приступы кашля и ужасные катары, особенно в сырую, туманную погоду».

Теперь не было никого, кто мог бы помешать молодому человеку идти своим путем, хотя мать и пыталась внушить ему более серьезное отношение к жизни. Не признавая никаких авторитетов, «маменькин сынок», как он сам себя называл, наслаждался бездельем и «пустотой беспечной жизни». Он рисовал и писал маслом, проглатывал одну книгу за другой, создавал фантастические архитектурные проекты, опьянял себя операми Вагнера — в Линце он не пропустил ни одного представления. В принципе это было бегство от суровой действительности в мир грез. Начиная с осени 1905 года этот мир стал предметом бесконечных разговоров в кружке, куда наряду с ним входил Август Кубицек, сын обойщика из Линца, и еще несколько человек, с которыми у Гитлера установился контакт. Разговоры велись в основном об искусстве. Гитлер рассказывал другу о том, что собирается всю свою будущую жизнь посвятить искусству — ведь ему незачем овладевать профессией «для зарабатывания на хлеб».

Здесь мы вновь сталкиваемся с тягой к праздности и неприязнью к любой упорядоченной, тем более трудной работе, столь характерной для молодых людей с явно выраженной материнской связью. Таким молодым людям кажется, что им незачем марать руки о работу «ради куска хлеба», так как мать всегда о них позаботится. Они живут, так сказать, «в раю, где для них делают все и ничего от них не требуют».

Мать Адольфа делала в буквальном смысле все, чтобы устранить с его пути все препятствия. Он любил элегантно одеваться, и она, по словам Смита, «одела его, как настоящего денди. Возможно, она надеялась, что это повысит его шансы занять какое-то положение в обществе. Если так, то этому ее плану не суждено было сбыться. Одежда служила ему лишь символом независимости и

самодостаточной изоляции». В это время он вообще ничем не интересовался, и мать предпринимала попытки пробудить в нем интерес хоть к чему-нибудь. Однако не существовало ничего, ради чего он мог совершить какие-то усилия. Его вполне удовлетворяла та среда, которую он, казалось, наконец нашел в лице Августа Кубицека — ему нужен был некто, готовый долго и терпеливо вынимать его бесконечным речам, сопровождающиеся оживленной жестикуляцией и порой производившие впечатление «вулканических извержений». Вскоре Август уже бесконечно восхищается Адольфом и столь же бесконечно почитает его. Этим он преподнес своему другу второй подарок — безоговорочное одобрение и безграничное восхищение. Такую же среду он нашел в лице матери и сестры Паулы, перед которыми «выступал с бесконечными докладами на исторические и политические темы», которые, по словам Паулы, порой принимали характер настоящих видений.

Испытывая обоснованные опасения за будущее Адольфа и надеясь помочь ему в реализации желанной мечты, мать направила его в Академию изобразительного искусства в Мюнхен, откуда он несолоно хлебавши вернулся через несколько месяцев. Тем же кончилась и четырехнедельная поездка в Вену, которую она также оплатила. В это время у Клары Гитлер была обнаружена тяжелая болезнь. Еврейский врач доктор Эдуард Блох, считавшийся «доктором для бедных», обнаружил у нее обширную опухоль груди и направил в Госпиталь милосердных сестер в Линце, где в январе 1907 года ее прооперировал главный врач Карл Урбан. Гистологическое исследование показало наличие *Sarcoma musculi pectoralis minoris*, то есть исключительно злокачественной опухоли в области малой грудной мышцы. Клара Гитлер пережила эту операцию, но жить ей оставалось уже недолго. Остаток жизни ее мучило сознание того, что сын «не считается ни с чем, пойдет дальше по своему пути, так, как если бы он был единственным человеком на свете».

После того, как Клара, окруженная заботами Адольфа, слегка оправилась, она предоставила ему средства для окончательного переезда в Вену, где он должен был изучать живопись в Академии изобразительного искусства. Однако результат вступительного экзамена оказался шокирующим для юного представителя богемы, который до сих пор был погружен в мир грез. Ректор Академии недвусмысленно заявил ему, что в живописи он не годится и что его способности «по-видимому, лежат в области архитектуры». Позднее Гитлер писал: «Я был так уверен в успехе, что отказ прозвучал для меня ударом грома среди ясного неба». Вот где проявился досрочный уход из реального училища, потому что необходимым условием приема в школу архитектуры было успешное окончание реального училища или средне-технического строительного училища. Но вместо того, чтобы сделать все возможное для скорейшего наверстывания упущенного, он не предпринял ничего — то есть поступил в полном противоречии тому, чем он позднее похвалялся в «Майн Кампф»: «Я хотел стать архитектором, а препятствия существуют не для того, чтобы перед ними капитулировать, а для того, чтобы их ломать, и я хотел сломать это препятствие».

Бредли Смит подводит следующий критический итог провалу Гитлера в венской академии: «Его личность и образ жизни препятствовали ему в признании собственных ошибок, и он не мог принять провал на вступительных экзаменах как знак того, что следует изменить себя. Его эскапизм еще более усилился под влиянием социального высокомерия и презрения к любому труду, который он считал грязным, унижительным или утомительным. В мыслях этого юного сноба царил путаница, и он уже так долго пробездельничал, что был не в состоянии взяться за какую-нибудь неприятную работу или думать о ком-нибудь, кроме себя или о чем-нибудь ином, кроме

того, как сделать свою жизнь приятной. После провала на экзаменах в Академию его действия состояли в том, что он вернулся в свою квартиру на Штумпергассе и продолжал там жить так, как будто ничего не случилось. И здесь, в святая святых, он вновь занялся тем, что велеречиво называл «занятиями», то есть царапал карандашом, бездумно глядя перед собой, читал, время от времени совершал прогулки по городу и посещал Оперу». Это удовольствие было ему доступно потому, что наследство отца и пенсия, которую государство платило сиротам своих чиновников, позволяли длительное время вести комфортабельную жизнь. Он одевался в манере юного бездельника, обзавелся черной тросточкой с ручкой из слоновой кости и надеялся таким образом сойти за студента университета. Всем, включая мать и друга Августа, он врал, что учится в Академии. Из этих грез его внезапно вырвало известие о том, что мать при смерти. Это был уже второй, еще более тяжелый удар судьбы, постигший его в течение года.

22 октября 1907 года он посетил доктора Блоха и узнал от него, что мать, судя по всему, прооперировали слишком поздно, и вся плевра была усеея метастазами. В качестве единственной возможности лечения доктор Блох предложил ежедневную локальную аппликацию йодоформа на открытую рану, что и делалось регулярно, начиная с 6 ноября. По словам домашнего врача, Клара Гитлер переносила постоянно нарастающую боль «мужественно, непоколебимо и без жалоб». В эти недели Адольф трогательно заботился о матери, спал рядом с ее постелью и готовил для нее пищу. Когда ранним утром 21 декабря она умерла, доктор Блох увидел ее сына рядом с ее мертвым ложем, лицо его было бледным, в руке был рисунок, изображающий покойную мать. Врач-еврей позже так рассказывал об этом моменте отчаяния в жизни будущего диктатора: «За всю мою карьеру мне не встречался человек, столь исполненный горя, как Адольф Гитлер». Эрих Фромм в поддержку выдвинутого им тезиса о

«злокачественной кровосмесительной привязанности» утверждает, что реакция Гитлера на гипертрофированную заботливость Клары состояла в том, что он холодно и эгоистично замкнулся в броню нарциссизма и поэтому внутренне безучастно воспринял смертельную болезнь матери. Однако ситуация, описанная в недавно расшифрованных и обработанных записках доктора Блоха, говорит о том, что это вовсе не так. В своем историко-психологическом труде «Hitler und die Deutschen» («Гитлер и немцы») Рудольф Бинион справедливо указывает на то, что, как однозначно следует из этих материалов, во время последней стадии смертельной болезни матери Гитлер не болтался в Вене, забыв об умирающей матери, как полагает Фромм, а провел это время у постели больной, ухаживая за ней. В попытке интерпретировать личность позднего Гитлера Бинион отводит центральное место тому факту, что доктор Блох, лечивший мать Гитлера, был евреем. Хотя сам Гитлер требовал от врача применения всех терапевтических возможностей для облегчения страданий Клары и всегда был благодарен за это доктору Блоху, что нашло свое зримое выражение в разрешении на выезд в США, выданном в 1940 году, он увидел, тем не менее, в этом враче-еврее человека, который не только отравил его мать, но и извлек финансовую выгоду из ее страданий. Согласно Биниону, эта мысль, тлевшая в подсознании Гитлера, в ноябре 1918 года, в момент военного поражения Германии, изверглась на поверхность сознания, и так как истинными «ноябрьскими преступниками» он считал евреев, то с этого момента Германия заняла для него место матери, а себя он считал обязанным отомстить тем, кто ее искалечил и унизил. Бинион полагает, что лексика, которую Гитлер употребил в чудовищном приказе о начале систематического, организованного массового убийства и окончательного истребления евреев, обусловлена бессознательным воспоминанием об операции матери по поводу рака: «Удалить, вырезать, экстирпировать еврейский рак из тела немецкого народа».

Высказав эту новую точку зрения, Бинион предпринял попытку вмонтировать роль врача-еврея в традиционную схему эдипова комплекса: «Ненависть... направленная Гитлером против евреев, теперь подпитывалась гневом, который он бессознательно испытывал против доктора-еврея Блоха — жадного до денег губителя матери. Этот гнев, некогда вызванный «кастрирующим» отцом, теперь переместился на доктора Блоха». Интерпретация Биниона имеет своей целью также расширить значение связи между Адольфом и его матерью, существовавшей в раннем детстве: Германия заняла место матери, и из этого мнимого переплетения возникло желание отомстить и искупить зло. Это же имеет в виду Штирлин, говоря о «Германии», как о новом материнском символе. При этом он исходит из того, что в детстве связь между Гитлером и матерью носила амбивалентный характер. С одной стороны, излишне балуя сына, мать внушила ему убеждение в собственной исключительности, но, с другой стороны, излишне крепкие узы оказались препятствием на пути развития его личности. В результате, по Штирлину, развилось столь же амбивалентное стремление, с одной стороны, к симбиотической близости, и, с другой стороны, к освобождению от этой близости. Этот конфликт достиг кульминации во время смертельной болезни матери. С одной стороны, сыну страшно было потерять мать, но одновременно в подсознании жила мысль о скором и желанном освобождении от ее удушающих объятий. Этот конфликт породил чувство вины, искупить которую он стремился, нежно ухаживая за матерью. Ему удалось лишь смягчить чувство вины, но полностью он от него так и не избавился. Лишь после поражения Германии в 1918 году, оказавшего на него удручающее действие, Гитлеру представилась возможность полностью преодолеть этот конфликт за счет того, что он — и здесь Штирлин разделяет мнение Биниона — «перенес на Германию чувства, ранее бессознательно связывавшие его с матерью», и, таким образом, «родина стала его единственной невестой».

Какие бы последствия смерть матери ни оказала на его последующую жизнь и деятельность, но вначале шок от вне всякого сомнения тяжелой потери никоим образом не заставил его посмотреть на жизнь открытыми глазами. Выполнив необходимые формальности, он сразу же возвратился в Вену и вновь погрузился в мир собственных фантазий. Он еще два раза безуспешно сдавал вступительные экзамены в Академию изобразительного искусства, и первый год в Вене прошел в бесцельных шатаниях по городу, во время которых он иногда зарисовывал фасады зданий. Тем не менее, как следует из рассказов Кубицека, Гитлер полагал, что подобным способом сумеет приобрести базовые знания, необходимые для профессии архитектора.

Подобная непоколебимая уверенность в том, что он находится на верном пути и станет крупным художником, в который уже раз свидетельствует об утрате чувства реальности. Все же у него обязательно было быть внутреннее ощущение того, что на самом деле он неудачник, причем неудачник именно в той сфере, к которой он считал себя «призванным свыше» и где рассчитывал на большое будущее. Оправдать собственный провал можно было только, свалив вину на неспособность и высокомерие профессоров академии. Перенос ненависти на профессорский корпус и на общество в целом был единственным способом предотвратить крушение мира грез, в который он теперь погрузился все глубже. Он даже прервал единственный личный контакт с Августом Кубицеком. Однажды, когда тот отсутствовал в квартире, которую они снимали вдвоем, Гитлер собрал свои вещи и исчез, не оставив другу никаких сведений о своем местонахождении.

Пребывая в полной добровольной изоляции от людей, он с удвоенным усердием набрасывается на чтение книг и памфлетов политического, расистского и антисемитского содержания, распространявшихся националистическими группировками, которых в тогдашней Австрии было немало. Неспособный преодолеть, выражаясь

словами Эриксона, «юношеский кризис идентификации», он избрал путь, лежащий в стороне от «бюргерского счастья и экономической надежности». Ненависть к жизненному устройству и господствующим классам не могла не бросить его в объятия двух политических течений, господствовавших в бюргерской немецкой Вене на рубеже столетий. Лидеры этих течений — Георг Риттер фон Шенерер и доктор Карл Люгер сыграли ключевые роли в формировании личности Гитлера в эти годы.

Георг Риттер фон Шенерер (1842—1921) выдвинул тезис о том, что причиной всего мирового зла являются евреи. Основным фактором его влияния на массы была тривиальность лозунгов и примитивность аргументации. Этим он явил Гитлеру достойный пример для подражания. Доктор Карл Люгер (1844—1910) был вождем антисемитской христианско-социальной партии. В книге «Майн Кампф» Гитлер назвал его «самым сильным немецким бургомистром всех времен». Особо неизгладимое впечатление на молодого Гитлера произвел макиавеллиевский стиль руководства Люгера. Втянутый таким образом в поток широко распространенного в тогдашней Вене антисемитизма, Гитлер не мог стать вначале увлеченным читателем, а затем и приверженцем теорий беглого монаха и проходимца Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954), который распространял свои путанные, оккультные и проникнутые эротическими образами идеи о «благородной героической расе» в журнале *Ostara*. Этот фанатик преследовал бредовую утопическую цель путем «практического применения результатов антропологических исследований и сохранения расовой чистоты защитить от уничтожения господствующую европейскую расу». Таким образом, в свои венские годы Гитлер готовился вовсе не к желанной вначале карьере художника — в нем бродила немислимая смесь антисемитизма, расизма, национализма и социализма, которая впоследствии легла в основу его карьеры политического лидера.

В течение некоторого времени поступления денег из

его доли наследства давали возможность регулярно посещать оперный и драматический театр и одеваться в стиле студюоза. Однако за время празднования этого источник сначала обмелел, а в 1909 году полностью иссяк. Начались, по выражению самого Гитлера, «тяжкие годы венского ученичества». Он уже не мог платить за квартиру и вынужден был, как бездомный бродяга, спать на садовых скамейках и выпрашивать в монастыре тарелку супа. Ему приходилось перебиваться случайными заработками носильщика и подсобного рабочего. Однако и в этот кризисный период он сохранил присущую ему тягу к знаниям и жизнь в мире грез по-прежнему продолжалась. Это иллюстрирует эпизод, рассказанный в мемуарах актрисы Розы Альбрехт-Ретги. В один прекрасный день подручный каменщика, занятый на строительстве ее виллы в Деблинге, обратился к ней с вежливой просьбой дать ему почитать два тома собрания сочинений Ницше. Когда «подручный каменщика» вернул книги, между страницами оказалась написанная от руки визитная карточка, из которой она узнала его имя — Адольф Гитлер.

В декабре 1909 он был вынужден обратиться с прошением о предоставлении места в приюте для бездомных (по мнению Смита — «признание полного поражения») и окончательно переселиться в мужское общежитие на Мельдемангассе в венском районе Бригиттенану. В бюргерских кругах ходили слухи о «роскоши», царившей в этом общежитии. Там действительно была небольшая библиотека, комната для проведения свободного времени, даже «комната для письма». Тем не менее молодому человеку, для которого личная сфера всегда была святой и неприкосновенной для других, жизнь в такой обстановке должна была показаться чудовищно унижительной. Если человек, вышедший из бюргерской среды и в высокой степени предрасположенный к нарциссизму, при этом не сломался, а, пройдя через унижения, стал, судя по всему, даже сильнее, то это свидетельствует о том, что его нарциссизм уже ничем не мог быть сломлен. Именно так следует

понимать его собственную характеристику этого периода: «Я благодарен этому времени за то, что оно меня закалило и я могу быть твердым. Еще больше я благодарен ему за то, что оно вырвало меня из пустоты беспечной жизни». Уже в это время проявилась присущая ему огромная внутренняя сила воли, явившаяся важной предпосылкой его невероятной политической карьеры.

В общежитии он, уверенный в своем мастерстве, называл себя «академическим живописцем», иногда писателем и начал в «помещении для письма» писать по фотографиям портреты в формате почтовых открыток. Его дела существенно улучшились после знакомства с Райнхольдом Ханишем — профессиональным графиком, неисправимым бродягой и человеком довольно дурного нрава. Ханиш продавал акварели и работы маслом, написанные Гитлером, хозяевам художественных салонов и другим заинтересованным лицам. Так у Гитлера появился небольшой источник дохода. Когда же по доносу Гитлера полиция за мошеннические делишки забрала Ханиша в кутузку, Гитлер взял реализацию своей продукции на себя. Теперь он был уже как бы бизнесменом с небольшим, но устойчивым доходом и это позволило ему перейти в привилегированную категорию немногочисленных постоянных жильцов общежития. Жильцы поинтеллигентнее вскоре обратили внимание на творческую деятельность Гитлера и по прошествии недолгого времени в «помещении для письма» возник своего рода дискуссионный клуб. Поначалу темы дебатов ограничивались музыкой, литературой и искусством, но затем в повестке дня появились и политические вопросы. Естественно, главным оратором был Адольф Гитлер, все более громогласно обличавший коррупцию правящих кругов и растущую активность социал-демократов, не отказываясь также и от привычных националистических гирлад.

После одного из таких споров у него надолго осталась памятка — после дискуссии двое рослых работяг основательно отметили его, оставив «на поле брани»

с синяком на правой руке и шишкой на голове. Это событие показало ему, что в политических дискуссиях следует учитывать мнения и возражения аудитории, иначе ее можно превратить во врага. Общежитие стало тренировочной площадкой для будущей карьеры политического демагога.

Предпринимались попытки с различных сторон объяснить психологические причины столь длительного пребывания Гитлера в этом общежитии. На начальном этапе основной причиной могло являться стремление к спасительной, но истинности, столь желанной после провала на экзаменах в академию. Вскоре к этому присоединились и другие мотивы. Жизнь в общежитии, для которой характерна возможность контакта со многими людьми, давала ему шанс уйти от одиночества, не связывая себя в то же время ни с кем слишком тесными узами и, таким образом, не раскрывая сферу личного. Кроме того, там он нашел столь необходимую аудиторию, которая, как некогда друг Кубицек, могла выразить по отношению к нему почтение и восхищение, в которых он нуждался для подтверждения нарциссизма. После катастрофического поражения, подобного тому, которое потерпел Гитлер в Вене, для людей, страдающих крайними формами нарциссизма, существует единственная возможность избежать психоза с тяжелейшими последствиями. Эрих Фромм полагает, что эта возможность дается только очень одаренным людям и состоит в том, что «они могут попытаться переделать действительность так, чтобы их грандиозные фантазии стали реальностью. Однако для этого необходимо не только наличие у такого человека таланта, но и наличие соответствующих условий. Чаще всего такого рода решение проблемы становится доступным для политического лидера в кризисную эпоху. Если лидер обладает даром говорить с массами, если у него есть талант организатора масс, то у него появляется шанс воплотить свои грезы в реальность. Часто демагог, находящийся на грани психоза, спасает самого себя от

окончательного помешательства тем, что заставляет «безумные» поначалу идеи принимать как «разумные». В политической борьбе таким лидером движет не только жажда власти, но и необходимость самому спастись от собственного безумия». Если, по Фромму, нарциссизм Гитлера и дальше продолжал оставаться несломленным, то он должен был искоренить унижение, «отомстив “врагам” и доказав, что возникшая под влиянием нарциссизма картина является не фантазией, а реальностью».

Вначале Гитлер направил свою ненависть на метрополию дунайской монархии — этот город и его пестрое население по своему национальному составу были повинны в том, что ему не удалось осуществить мечты и иллюзии своего детства. В мире нарциссических грез он представлялся себе непризнанным и отвергнутым гением. В письме того времени впервые появляется мысль о предназначении: «Я без преувеличения все еще верю, что мир много потерял от того, что я не смог изучить технику живописи в академии. А может быть, судьба предназначает меня к чему-то иному?»

Свои личные неудачи все чаще он пытался объяснить самому себе и всему миру специфическими общественно-политическими особенностями Вены, в результате чего все сильнее становилось чувство неприятия и отвращения к «главному котлу» самых различных рас и народов, и все мысли и чаяния все больше обращались к Германии, которую он начал считать своим истинным «отечеством». Потом он писал, что предпринял своего рода анализ общественной ситуации в тогдашней Вене, в результате чего смог узнать темные стороны этой роскошной столицы, поначалу притягивавшей его, как магнит, и впоследствии на основе этих венских впечатлений выработать свое «мировоззрение». Вена не только укрепила немецкий национализм, укоренившийся в нем еще до того, как он стулил на землю австрийской столицы, но, кроме того, позволила разглядеть трех главных, по его мнению, врагов, угрожавших самим основам существования немецкого народа

господ, а именно: «расово неполноценных» славян, марксистов и евреев. Решающим шагом к правильному пониманию «еврейского вопроса» стало, по его собственным словам, открытие, состоявшее в том, что евреи — не просто немцы, исповедующие еврейскую религию, как он думал раньше, а некая самостоятельная раса. Это понятие расы, родившееся уже в Вене, стало ключевым моментом его идеологии, тесно связанным с заимствованным у Ланца фон Либенфельса социальным дарвинизмом, согласно которому в вечной борьбе за существование победить может только самый умелый.

В целом же дальнейшая жизнь Гитлера в Вене по-прежнему проходила в атмосфере раздвоенности между действительностью и фантазией. Этому человеку был присущ чрезвычайно выраженный нарциссизм, никто из близких не вызывал у него ни чувства настоящего участия, ни серьезного интереса, он жил мечтой о покорении мира, но пока еще не имел конкретного представления о том, как он будет осуществлять эти честолюбивые планы. Он был исполнен также ненавистью и жадной отомстить человеческому обществу и отдельным его представителям за нанесенные унижения. Накопившаяся и не имеющая выхода агрессия была обращена против всех и каждого, враги тоже не составили исключения. Вот одно из его писем того периода, в котором содержится первое упоминание о необычайной подверженности Гитлера к вегетативным расстройствам: «Безусловно, речь идет не болсе, чем о маленькой желудочной колике, и я пытаюсь избавиться от нее, перейдя на диету (фрукты и овощи). Врачи же сплошь идиоты — смешно подумать, как можно говорить о том, что у меня может быть нервное заболевание».

В этом отрывке уже проглядывает склонность с уверенностью всезнайки вносить поправки в профессиональные объяснения специалистов, что в дальнейшем стало для него правилом. Кроме того, здесь мы вновь сталкиваемся с «мимозной» чувствительностью к высказываниям, способным как-то принизить созданную

нарциссизмом идеальную картину его личности. Согласно Эриху Фромму, интенсивность подобного нарциссизма прямо пропорциональна степени осознания личностью своей избранности. Чаще всего это характерно именно для политических лидеров: уже в юные годы у таких личностей возникает притязания на непогрешимость, абсолютное первенство и неограниченную власть — скоро эти черты ясно проявятся и в характере Адольфа Гитлера.

Преодоление кризиса идентификации

В мае 1913 года Гитлер внезапно принимает решение покинуть Вену и переехать в Мюнхен для того, чтобы поступить там в Академию художеств. Однако здесь его ожидало очередное поражение — как и в Вене, ему было отказано в приеме. По сообщению Смита, Гитлеру пришлось зарабатывать на жизнь, разнося свои картины по домам или предлагая их в пивных. Как и в Вене, он вел жизнь одиночки и чудака, который, по словам его квартирной хозяйки Элизабет Попп, хоть и источал «австрийский шарм», но на самом деле не пытался ни с кем завязать близкий контакт. Время, свободное от живописи и чтения книг и журналов, он проводил в кабачках, где не упускал ни одной возможности поговорить о политике. Тогдашним его слушателям запомнилась необычайная сила убеждения и страстная жестикуляция этого в общем-то неловкого, неуверенного в себе и замкнутого человека. Все свидетели сходятся на том, что поведению Гитлера были присущи явно психопатические черты — гипертрофированная потребность в признании, импульсивные, агрессивные реакции, неустойчивость настроения, упрямство и несговорчивость. Крайне искаженные представления и фантастически смелые планы на будущее, которые он высказывал, в основном воспринимались окружающими с усмешкой, но достаточно часто вызвали замешательство и смущение. Он всегда тщательно старался не проявить

недостаток знаний или признаки слабости. Здесь ему пригодился опыт юности: будучи хорошим и хладнокровным наблюдателем, он еще мальчишкой научился сознательно использовать слабости других людей.

18 января 1914 года он был грубо вырван из мира грез: его арестовали по обвинению в уклонении от службы в австрийской армии. Однако он сумел вызвать у австрийского консула такое сострадание к себе, что ему разрешили явиться на призывной пункт не в Линце, по месту приписки, а в Зальцбурге, который был расположен поближе. Примечательно, сколь просто ему удалось убедить и генерального консула, и военное ведомство в полной своей невиновности, какое сочувствие вызывают страдания, перенесенные им в австрийской столице и описанные в оправдательном письме: «Я был молодым, неопытным человеком... У меня не было никакой поддержки, я был предоставлен лишь самому себе. Тех жалких крон, а порой геллеров, которые я мог выручить за свои работы, было недостаточно, чтобы заплатить за ночлег. Два года моими подругами были только нужда и забота, моим единственным спутником был вечный неутолимый голод. Я никогда не был знаком с прекрасным словом «юность». Сегодня, по прошествии пяти лет, у меня еще остается память об этом в виде обморожений пальцев на руках и ногах... Но, несмотря на великую нужду и часто более чем сомнительное окружение, я ни в чем не уронил свое имя, не согрешил против закона и совести, за исключением этой повестки с призывного пункта, о существовании которой я даже не знал».

Однако в действительности еще в конце лета 1908 года Гитлер сказал своему другу Кубицеку, что не желает служить в одной армии с чехами и евреями и не желает сражаться за габсбургское государство, но в любой момент готов отдать жизнь за Германскую империю. С помощью генерального консула, которому он поведал о «тяжелом легочном заболевании» в юности и с пометкой «не исключено заболевание легких», с разрешения консула

поставленной в документах, он прошел медицинскую комиссию в Зальцбурге именно с тем результатом, на который рассчитывал: 5 февраля 1914 года он был признан «негодным к строевой и нестроевой службе».

Насколько не прельщала его перспектива службы в австрийской армии, настолько же велик был энтузиазм, с которым он после начала первой мировой войны уже 16 августа 1914 года записался добровольцем во Второй баварский пехотный полк. Следует сказать, что в этом энтузиазме он был далеко не одинок — его разделяли многие писатели, художники и ученые Германии. 1 августа, в день когда германский император объявил мобилизацию, он выразил этот энтузиазм явно гипертрофированно. Охваченный слепым фанатизмом, он, по его же собственным словам, «упал на колени, от всего сердца благодаря небо». По мнению известного психиатра того времени Вильгельма Ланге-Айхбаума, подобная типично психопатическая реакция Гитлера объясняется «безусловным преобладанием эмоционального начала, недостатком разума и самоконтроля со всеми вытекающими отсюда последствиями». Это плещущее через край воодушевление было вне всяких сомнений вызвано прежде всего немецким национализмом Гитлера, но, также вне всяких сомнений, свою роль здесь сыграло и другое обстоятельство: начало войны пришлось именно на ту фазу его жизни, в которой провал в мюнхенской академии окончательно поставил крест на мечте о карьере художника. Война избавила его от давящей необходимости принимать решение о дальнейшем направлении жизни. Конечно, стоило поблагодарить небо, за то, что оно мановением волшебной палочки избавило его от этой заботы и позволило сменить печальное существование жалкого и униженного судьбой неудачника на гордую жизнь braveго солдата Германской империи, преисполненного сознанием важности возложенной на него задачи! Если до сих пор он чувствовал себя изолированным от общества, то теперь он стал ценным членом некоей общности людей, человеком, который может внести

свой вклад в укрепление Германии и в ценности немецкого национализма, который впервые может почувствовать себя мужественным героем, а не жалким и непризнанным неудачником, как это было на протяжении всей предшествовавшей жизни.

Неудивительно, что солдат Гитлер был весьма ревностен в исполнении своего долга. На войне он пользовался уважением начальства, за храбрость его награждают Железным крестом первой и второй степеней. Недавний бездельник и праздношатающийся превратился в дисциплинированного, корректного и ответственного человека — в общем, изменился диаметрально. Тем не менее и во время войны типичные черты его характера не претерпели существенных изменений. Фронтовые товарищи определили его для себя как интеллектуала — с ними он вел себя сдержанно, с чувством интеллектуального превосходства и, если позволяла обстановка, постоянно читал книгу Шпенгера «Мир как воля и представление». Он и в окопах любил поспорить, и в конечном счете у однопольчан сложилось о нем впечатление, как о задаваке, болтуне и большом любителе громкой фразы. Иногда они даже опасались за его психическую нормальность, например, тогда, когда он вылепил из глины какие-то фигурки, расставил их на краю окопа и обратился к ним с речью, в которой обещал после победы построить народное государство.

Много раз он чудом избегал смерти, и это еще больше укрепило его в убеждении, что он избран «провидением» на роль спасителя немецкого народа. Одержимый этим чувством, он однажды обратился к товарищам с пророчеством, смысл которого они в большинстве своем едва ли тогда поняли: «Вы еще обо мне услышите! Подождите, пусть придет мое время!».

Подобные слова может произнести только тот, кто уверен в своем мессианском предназначении. Уже в то время он обдумывал задачи, которые встанут перед ним по окончании войны. Вот что он писал в письме

ассессору Эрнсту Хеплу в феврале 1915 года: «... Каждый из нас думает только о том, как бы поскорее окончательно покончить с бандой... тем из нас, кому повезет вновь увидеть родину, найдут ее более чистой и очищенной от иностранщины. и что потоп крови, который день за днем течет здесь против мира международных врагов, сметет не только внешних врагов Германии, но и разрушит наш внутренний интернационализм».

Война также предоставила Гитлеру возможность полностью предаться страсти к разрушению и уничтожению. Будучи преисполненным безоговорочной верой в справедливость социал-дарвинизма, он при виде страданий и смерти на войне испытывал не ужас и отвращение, как всякий нормальный человек, а глубокое удовлетворение. Позднее он совершенно серьезно утверждал, что годы, проведенные на войне, были самым счастливым временем в его жизни.

В октябре 1916 года Гитлер получил осколочное ранение в левое бедро, но уже 1 декабря был снова выписан на фронт, где вновь проявил большое мужество. Если он за все время своего пребывания на фронте, несмотря на многократно проявленную храбрость, не был произведен из ефрейтора в унтер-офицеры, то причина, как ни странно, состояла в том, что, как сказал начальствовавший над ним офицер, «у него не были выявлены соответствующие командные качества». В середине октября 1918 года Гитлер стал жертвой британской газовой атаки и был помещен в тыловую госпиталь в городе Пацевальк в Померании. 29 ноября он написал: «В ночь с 13 на 14 октября 1918 года я получил очень тяжелое отравление ипритом, из-за которого сначала полностью ослеп». Позднее по поручению Курта фон Шлейхера генерал фон Бредов расследовал этот эпизод и выяснил, что через три недели после излечения этой слепоты у Гитлера появилась так называемая «истерическая слепота», сопровождавшаяся временными нарушениями речи, причем ни окулист, ни невропатолог не смогли обнаружить никаких объективных изменений.

Этот диагноз, выплывший на свет в более позднее время, вызвал некоторое замешательство. Существующие документы и показания свидетелей позволяют утверждать, что в тот момент события разворачивались следующим образом: по свидетельству профессора Золледера, после упомянутого обстрела химическими снарядами под Ля Монтань, Гитлер вместе с несколькими другими солдатами был доставлен в госпиталь с диагнозом «поражение газом». «Страх ослепнуть навсегда» вызвал у него такой шок, что он не мог произнести ни слова. В психиатрическом исследовании Г. Дальма, опубликованном в 1944 году, этот эпизод был интерпретирован как «истерическая немота». Теперь нам точно известно, что при подобном отравлении газом очень часто возникает воспаление и отек конъюнктивы и век, в результате чего пораженный на некоторое время лишается зрения. Это состояние довольно быстро прошло, и Гитлер мог быть уверен в том, что устойчивое поражение глаз ему не грозит. Но здесь до него дошло шокирующее известие о капитуляции Германии, реакцией на которое был «рецидив слепоты», как он его сам позднее назвал. На этот раз речь идет действительно о чисто психогенной, обусловленной душевным состоянием слепоте. Этот диагноз психогенной, или истерической, слепоты был поставлен профессором Эдмундом Форстером из Грайфсвальда и подтвержден психиатрическим экспертным заключением ординарного профессора психиатрии из Гейдельберга Вильманом и профессора Освальда Бумке, главного врача психиатрической клиники Мюнхенского университета. Не исключено, что роковое решение Гитлера стать политиком родилось именно здесь, в пацевальском госпитале. Во время гипнотических сеансов для лечения психогенной слепоты профессор Форстер дал ему приказ спасти Германию и смыть позор ноябрьской капитуляции. Приказ, который ефрейтор-фронтвик, воспитанный в духе безоговорочного повиновения, трансформировал в задачу, возложенную на него провидением. Подобные представления, внушенные в состоянии гипнотического транса,

часто глубоко укореняются в глубинах сознания, и на их основе у пациента развивается «чувство непогрешимой и неуязвимой для крики уверенности». Де Боор предполагает, что именно этот эпизод лежит в основе непоколебимой уверенности Гитлера в том, что он является избранником судьбы.

В любом случае очевидно, что первая мировая война буквально вломила в личностный вакуум Гитлера в качестве доминирующего фактора запечатления. Во время венского периода становления многократные кризисы идентификации не позволили свершиться окончательной идентификации и персонализации. Лишь война стала решающим «крупным положительным событием воспитательного значения». Это событие явилось началом позднего процесса созревания, из доселе «аморфного образа» Гитлера постепенно начали проступать видимые индивидуальные контуры.

Во время войны казалось, что с неудачником Гитлером покончено навсегда, что этот образ принадлежит только безвозвратному времени унижений и поражений, но вид разбитой немецкой армии в конце войны, революция на родине вновь оказались для Гитлера тяжелой унижением. Мысль о военном поражении была для него невыносима, но революцию он воспринял как личное оскорбление, ибо давно уже в угаре национального энтузиазма идентифицировал себя с Германией. К тому же многие главные зачинщики мюнхенского путча были евреями, у которых «хватило наглости» посягнуть на его националистические и расистские идеалы. Только беспощадным уничтожением всех виновных мог он «выкорчевать» столь глубокое унижение.

Так жажда разрушения, с давних времен присущая Гитлеру, получила окончательную форму и направление. После того, как он трансформировал личное унижение в национальное поражение, речь шла уже не о личном провале, а о провале Германии, единственной его «невесты». «Спасая Германию и мстя за нее, он мстил за

себя, смывая позор Германии, он смывал собственный позор». В том, как Гитлер собирался подавлять очередной путч, подобный случившемуся в 1918 году, Эрих Фромм усматривает классический ранний пример присущей ему жажды убийства и разрушения: «Немедленно убить лидеров всех оппозиционных движений, включая лидеров оппозиционного католицизма, уничтожить всех заключенных в концлагерях. Он предполагал, что таким образом надо будет уничтожить несколько сот тысяч человек». Гитлер допускал, что при этом общее число его жертв (под жертвами Гитлер в первую очередь имел в виду евреев) «может даже незначительно возрасти», из чего Фромм заключает: «Конечно, прав тот, кто считает, что Гитлер ненавидел евреев ... но столь же прав будет тот, кто скажет, что Гитлер ненавидел немцев. Он ненавидел все человечество и жизнь вообще».

Как ни странно, при всей ненависти к социал-демократам, большевикам и евреям, которых Гитлер, не долго думая, сваливал в одну кучу, во время бурных и кровавых революционных событий в Мюнхене — зверств при захвате власти коммунистами и бойни, устроенной рейхсвером и отрядами добровольцев во время контрнаступления и ликвидации советского режима — он оставался безучастным зрителем и не выходил из казармы. К активному участию в политической жизни его побудил только командир части капитан и офицер генштаба Карл Майр. Он приказал Гитлеру пройти «курс перевоспитания», который вели националистически настроенные профессора Мюнхенского университета, после чего Гитлер был переведен в так называемую «просветительскую команду», в задачу которой входило вернуть немецких солдат, возвращавшихся из плена и отчасти инфицированных спартаковской заразой, на путь истинный, то есть националистический и патриотический. Здесь началась обкатка ораторского мастерства и дара убеждения Гитлера на таких темах, как «ноябрьские преступники» или «еврейско-марксистский мировой заговор». И вскоре, по словам одного

из слушателей, о нем уже пошла слава «прирожденного народного оратора, умеющего своим фанатизмом и популярной манерой изложения завоевать внимание слушателей и заставить их думать согласно с собой». Однако на профессора фон Грубера, специалиста по евгенике, наблюдавшего выступление Гитлера на одном из митингов, этот оратор произвел в целом негативное впечатление: «Лицо и голова — плохая раса, метис. Низкий, покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза, темные волосы. Вместо усов короткая щеточка не шире носа, придает лицу особую агрессивность. Выражение лица не свидетельствует о полном самообладании, скорее о бессмысленном возбуждении. Постоянное подергивание лицевой мускулатуры. В конце выражение счастливого самодовольства».

Наряду с политическим «пробуждением», вызванным военным поражением Германии и победой в стране революционеров, важнейшим событием для Гитлера стало открытие в себе ораторского дара и вытекающих из этого возможностей. Это событие дало ему счастливое чувство оправданности существования и, по всей видимости, в основном решило проблемы идентификации. Принятое в 1919 году решение стать политиком поставило перед ним ясную цель. К этому моменту дефициты идентификации, возникшие в ранней юности и не восполненные во время продолжительного континуума фрустрации вплоть до 1918 года, еще не могли быть полностью компенсированными, в связи с чем, по словам де Боора, Гитлер продолжал оставаться «человеком со слабым «эго», не способным когда-либо достигнуть полной идентичности, гармонии между внутренним и внешним миром, совпадения, которое является необходимым условием счастливого и в то же время нормативного образа жизни».

Начало политического взлета

В своей новой роли «доверенного лица» командования мюнхенской группы он должен был воодушевить новыми

идеалами возвратившихся домой, уставших от войны и деморализованных солдат. В 1919 году он встретился со слесарем железнодорожных мастерских Антоном Дрекслером, основателем «Немецкой рабочей партии» (ДАП). Уже во время первого выступления в этом кругу он сумел буквально наэлектризовать аудиторию и произвел на всех такое впечатление, что ему было предложено выступить в партию. После недолгих колебаний он согласился и сразу стал членом правления, ответственным за пропагандистскую работу. Еще совсем недавно он характеризовал бесперспективность ситуации в конце войны такими словами: «Меня подавляло полнейшее безразличие, от которого я в то время страдал больше всего». Теперь он получил руководящую функцию и желанное экспериментальное поле для проб своего ораторского таланта, того инструмента, которым он прокладывал путь для политического взлета, подобного полету кометы.

В чем же, собственно, состояла необычность ораторского дара Гитлера? Ораторское искусство — это искусство расчленять и строить. При чтении рассуждений Карла Чуппика создается впечатление, что в начале двадцатых годов успехи Гитлера в этой области были весьма скромны: «Речь Гитлера риторически слаба, интеллектуально равна нулю, наиболее сильным ее моментом является способность оратора передавать эмоциональное возбуждение... Возможно, Гитлер верит в то, что говорит; во всяком случае, успех ему приносит тон эмоциональной убежденности. То есть примитивнейшая ступень ораторского искусства».

Однако Гитлер меньше всего стремился, выражаясь его же собственными словами, произвести впечатление на «либеральных интеллигентов и бумагомазак». Ему было гораздо важнее привести свои идеи, уходящие корнями в мелкобуржуазную среду, в соответствие с мышлением большей части среднего класса Германии. И если его идеи были весьма посредственными, то они были тем более «репрезентативны», ибо выражали именно то, чего боялись и

на что надеялись многие современные ему немцы. Причем он сознательно не только выбирал тональность, которая должна была пробудить деструктивные инстинкты побежденной нации, но и пытался направить внимание этой нации на важность восстановления старинных немецких представлений о ценностях, которые грозили исчезнуть с исчезновением вильгельмовской Германской империи. К этой концепции он, кроме всего прочего, целенаправленно добавлял антисемитизм, который еще до первой мировой войны лежал в основе крайне правых течений в Германии и вполне вписывался в спектр желаний определенной части современного ему общества.

По сообщению Фрица Видемана, бывшего командира роты, в которой служил Гитлер, уже в последний период войны возникали дискуссии, в которых он не скрывал своей безграничной юдофобии. Военное крушение Германии и связанная с ним глубокая травма нарциссической психики усилила ненависть Гитлера к евреям, но также и к большевикам и всем прочим соучастникам «ноябрьского преступления» в такой мере, что даже бывший шеф рейхспечати Дитрих называл его не иначе, как «демоном, одержимым манией национализма». Примечательно, что уже в сентябре 1919 года Гитлер включил в свой первый манифест (своего рода «экспертное заключение» по еврейскому вопросу) обязательное с его точки зрения решение «еврейской проблемы». В этом документе, между прочим, говорится следующее: «Антисемитизм из чисто эмоциональных побуждений находит свое высшее выражение в форме погромов. Антисемитизм разума должен, однако, привести к планомерному законному преодолению и устранению еврейских привилегий... Его конечная цель, однако, должна состоять в безоговорочном удалении евреев вообще».

В своих речах Гитлер использовал еще один элемент, который без промаха действовал на массы, когда в памяти еще свежи были ужасы первой мировой войны. Речь идет о концепции «аутентичного внутреннего

переживания», как это называет Джозеф Стерн. Собственное «фронтное переживание» было главным козырем Гитлера. Он не устал пользоваться этим козырем, убеждая массы в том, что каждое его слово является выражением самых искренних чувств. Собственное фронтное переживание заменяло детально разработанную программу и апеллировало к чувствам масс. Эту апелляцию к чувствам он очень умело вновь и вновь пускал в ход с некоторыми вариациями: «Вот мой опыт, вот мои железные убеждения, вот мое репрезентативное переживание мира. Это тот источник, который освящает мою любовь и мой гнев».

Фанатик, умеющий так убедительно представить свое дело, выглядел в столь политически неустойчивое время, как двадцатье годы в Германии, вне сомнения, «чрезвычайно привлекательной фигурой», которая легко могла повысить свой ранг до «избавителя». В основе главного его дара — при помощи слов увлекать за собой других людей, подчинять их своему влиянию и убеждать — лежала отчасти также способность сознательного использования голоса как инструмента, позволявшая всякий раз достигать желаемого оптимального воздействия. При необходимости он вставлял в свои речи приступы дикого гнева, распаляя своей страстью аудиторию. Эрих Фромм считает, что гнев Гитлера был настоящим, но приступы гнева ни в коей мере не были неконтролируемыми, они планировались с холодной расчетливостью. Этот ораторский дар положил начало политической карьере Гитлера, которого за сенсационный эффект пропагандистских выступлений называли «барабаничиком». Уже на первом массовом собрании партии в банкетном зале мюнхенской пивной «Хофбройхаус» 24 февраля 1920 года он, несмотря на бурные споры, сумел перекрестить ДАП в «Национал-социалистическую немецкую рабочую партию» (НСДАП) и предложить ей «не подлежащую изменением» программу, состоящую из 25 пунктов. Он оставил рейхсвер, в котором до сих пор состоял, и с этого момента

посвятил себя исключительно политической агитации. Когда в партийных рядах стали слышны голоса недовольства стилем его работы, он, угрожая отставкой, сразу же потребовал для себя пост Первого председателя с диктаторскими полномочиями. Тут же основоположник партии Дрекслер лишился своего поста, и на его место был поставлен Гитлер со следующей формулировкой: «В знак признания Ваших огромных знаний... Вашего редкого ораторского дара комитет выражает готовность наделить Вас диктаторскими властными полномочиями и с чувством глубокого удовлетворения примет Ваше согласие занять пост Первого председателя». Этот «византийский тон последующего обожествления», наверное, уже тогда раздувал и усиливал тлевшее в нем сознание предназначения судьбой.

Идентификация «движения» с личностью Адольфа Гитлера и созданный этим миф о харизматическом вожде, ответственном только перед самим собой, были нацелены, понятным образом, преимущественно на определенную группу нижнего слоя среднего класса, настроенную скорее всего на вульгарность, шовинизм, враждебность ко всему чуждому, авторитаризм и грубое мужское начало, антиинтеллектуальность и прежде всего антисемитизм. Кстати, Себастьян Хафнер правильно распознал, что решение Гитлера возвести себя в «фюреры» было обусловлено не только тем, что он «открыл в себе гипнотическую способность овладевать коллективным подсознанием всякий раз, когда оно позволяет это с собой проделать», но также и тем, что он осознал невероятно стимулирующее воздействие возбужденных масс на себя самого. Отшельник и чудак, еще в недавнем прошлом замкнутый и неконтактный, внезапно стал кумиром масс, способным опьянять их и повелевать ими. Это раздуло его самомнение до невероятных размеров и, в то же время, укрепило его склонность к высокомерию и чувство избранности, тлевшее в нем с юности. Благодаря знанию психологии масс, почерпнутому, не в последнюю очередь, из вышедшей в

1919 году книги мюнхенского невролога Герхарда Росбаха «*Die Seele der Massen*» («Душа масс») и известного эссе Гюстава Ле Бона «*Psychologie der Massen*» («Психология масс») Гитлер научился блестяще управлять ими. При этом массам незачем было знать о том, что их идол не высоко их ставит и даже попросту презирает.

Для понимания дальнейшего следует уже здесь указать на то, что глубоко въевшаяся в сознание Гитлера ненависть к евреям даже в самом начале его политической карьеры носила характер навязчивого бреда. Ярким свидетельством этого может служить эпизод, рассказанный отставным майором Йозефом Хеллем. Во время одной из дискуссий, состоявшихся в 1922 году, Гитлер, в приступе фанатического расторможения сказал, что если он придет к власти, то «прикажет поставить на площади Мариенплац в Мюнхене столько виселиц, сколько поместится, лишь бы не мешать проезду транспорта, и прикажет вешать евреев, одного за другим, и висеть они будут столько, сколько позволят элементарные нормы гигиены. И как только снимут одних, сразу же будут повешены следующие, пока в Мюнхене не останется ни одного еврея».

Патологическая, непримиримая ненависть к евреям вызывала беспокойство даже у некоторых товарищей Гитлера по партии, и у некоторых из них начали возникать мысли о том, что «парень, пожалуй, просто свихнулся». Но что им, в конце концов, оставалось думать, когда, например, их фюрер, возвратившись из поездки в Берлин, с плетью — символом отеческой власти — в руке, обрисовал тамошнюю обстановку следующими словами: «Порой мне казалось, что я, как Иисус Христос, пришел в храм моего Отца и увидел в нем меня!».

Как вспоминает Эккарт, Гитлер, шелкая плетью, вещал, что на него возложена миссия, подобно Господу, явиться в столицу и изгнать из нее безбожников.

Уже в эти ранние годы идея избранности проявлялась у Гитлера в достаточно тревожных формах. Хелен

Ханфштенгль, жена Эрнста Ханфштенгля («Путци»), очень близко знакомого с Гитлером в «годы борьбы», вспоминает: «У Гитлера все сильнее стали проявляться наполеоновские и мессианские замашки. Он заявлял, что чувствует себя призванным спасти Германию, и пусть не сейчас, но позже ему обязательно выпадет эта роль. Он проводил целый ряд параллелей между собой и Наполеоном».

В октябре 1923 года Гитлер решил, что время для крайне правой революции созрело. Рапалльский договор, подписанный министром иностранных дел Германии Вальтером Ратенау, убитым в июне 1922 года членами тайного союза «Организация Консул», оккупация Рурской области французами и их бессмысленные репарационные требования на фоне дикой инфляции оказали политически и психологически дестабилизирующее действие на население Германии. В результате чего создалась ситуация, о которой Гитлер мог только мечтать. Пользуясь конфликтом, возникшим между имперским правительством в Берлине и правительством Баварии, сторонники Гитлера осенью 1923 года начали подготовку к восстанию и походу на Берлин. 8 ноября 1923 года в мюнхенской пивной Бюргербройкеллер проходил массовый митинг правых организаций, на котором выступали все местные «сильные люди» — генеральный государственный комиссар Густав Риттер фон Кар, командующий Баварским военным округом генерал фон Лоссов, полнейпрезидент Мюнхена Ганс Риттер фон Зайссер. В этот момент в зал ворвались штурмовики во главе с Гитлером. Они загнали этот триумвират в соседнюю комнату, после чего Гитлер объявил о низложении правительства Баварии, имперского правительства во главе со Штресеманом и имперского президента Фридриха Эберта. Тут же троим упомянутым выше господам были предложены влиятельные посты во временном правительстве во главе с Гитлером. Одновременно у присутствующей в зале публики успешно воспламенялся энтузиазм в поддержку «национальной» революции. Однако генерал

Людендорф тем же вечером отпустил «пленных» домой, и баварским властям совместно с берлинским правительством уже на следующий день удалось разгромить путч Адольфа Гитлера.

Узнав, что его план потерпел провал, Гитлер пережил нервный срыв. Отчаянные вспышки гнева перемежались периодами паралича и нерешительности. Эти сомнения и колебания впервые выявили скрытое слабоумие Гитлера, свойственное многим людям в моменты, когда требуется принять решение. На людях Гитлер никогда не упускал возможности выставить напоказ свою якобы «железную» волю, но на самом деле и в более поздние времена неоднократно предпочитал выжидать развития событий, рассчитывая, что изменение обстановки избавит его от необходимости принимать решение.

Так произошло и сейчас. Не будучи способным принять решение, он заперся в пивной Бюргербройкеллер. Тогда генерал Людендорф, которого, кстати, Гитлер прогнал на пост главнокомандующего новой национальной армией, решил взять дело в свои руки и в качестве последней попытки организовал шествие по направлению к центру города. Впоследствии нацисты создали героическую легенду вокруг этого марша, который завершился кровавой бойней у Зала полководцев на мюнхенской площади Одеон. Выстроенные на площади баварские полицейские открыли огонь по демонстрантам, 14 из которых были убиты, Людендорф был тут же арестован, а Гитлер присоединился к паническому бегству своих приспешников. Один из них при этом был смертельно ранен и, падая, свалил Гитлера на землю, из-за чего тот получил вывих левого плечевого сустава и перелом головки плечевой кости.

Когда спустя два дня полиция обнаружила его убежище в дачном домике «Путци» Ханфштенгля в Уффинге на озере Штаффельзе, он на какой-то момент потерял самообладание и хотел застрелиться из револьвера. Эта неудачная попытка самоубийства (следующая

произошла в 1931 году и связана с преждевременной смертью его племянницы Гели Раубаль) соответствует склонности Гитлера к депрессивным расстройствам. Эти расстройства всегда были вызваны у него каким-либо провоцирующим событием, в связи с чем их однозначно можно классифицировать как реактивные. Эти события позволяют сделать вывод о склонности Гитлера в случае неудач или поражения к суициду. Себастьян Хафнер объясняет это тем, что личная жизнь Гитлера была слишком пуста и он не считал, что ее стоит сохранять в случае несчастья.

Помещенный в крепость Ландсберг, Гитлер вначале отказывался от пищи и только что-то бормотал себе под нос в глубокой подавленности. Не только крушение революции, но и насмешки, доходившие до него со страниц газет, где писали о «миниреволutions из пивнухи» и о «крикливой шестерке Людендорфа», тяжело отражались на его психике. Что может быть страшнее для человека, глубоко убежденного в собственной уникальности и в том, что он избран судьбой для спасения Германии, чем выглядеть смешным в глазах общественности? В таком свете двухнедельный отказ от пищи на фоне депрессивного состояния также приобретает суицидальную окраску.

Доктор Йозеф Бринштайн, занимавший в то время должность тюремного врача, 8 января 1924 года дал по этому поводу следующее заключение: «Сильная реакция на провал путча, вызвавшая временную патологическую душевную депрессию». Эту депрессию заключенный полностью преодолел через десять недель. Боли, вызванные травмой, полученной при падении, также мучили его не долго. 19 января доктор Бринштайн записал: «Боли в поврежденной руке заключенного подследственного Адольфа Гитлера, вызванные травматическим раздражением нервов, за последние дни стали существенно менее интенсивными. Сон нормализовался».

Многие биографы и врачи Гитлера в своих записках продолжают упорно настаивать на том, что под

впечатлением от провала у него на некоторое время появилась «невротическая дрожь». Мазер при этом опирается на показания некоего Алоиза Отта, работавшего в то время в тюрьме на должности учителя и якобы видевшего, что «у Гитлера тряслась и левая рука, и левая нога». Однако в записках доктора Бринштайна за все время, проведенное Гитлером в заключении, нет об этом никаких упоминаний, что позволяет предположить обычный физиологический тремор, который может появиться у любого человека в моменты сильного психического напряжения.

На двух фотографиях, относящихся к 1924 году, видно, что левая рука Гитлера, прижимающаяся к телу головной убор, как бы сведена судорогой. Мазер трактует это, как доказательство наличия у Гитлера «невротического тремора». Однако, скорее всего, это следствие нарушения подвижности плечевого сустава после перенесенной травмы. Известно, что после вывиха плечевого сустава и его последующей фиксации очень часто происходит сокращение суставной сумки, ведущее к существенному сокращению подвижности руки. Для ликвидации этих последствий требуются длительные специальные упражнения. Это предположение подтверждают показания доктора Морелля, которому Гитлер 31 марта 1945 рассказал, что в 1923 году его левая рука долго была «парализована», т.е. подвижность ее была сильно ограничена, и что для преодоления этого потребовались «напряженнейшие упражнения».

Когда 22 февраля 1922 года его перевели в мюнхенскую следственную тюрьму, он уже был в отличной душевной и физической форме, и многие наблюдатели, следившие за последовавшим вскоре процессом по делу о государственной измене, считали, что Гитлер на нем стал истинным победителем и в риторическом, и в политическом смысле. Он был приговорен к пяти годам заключения в крепости, что общественность сочла смехотворно мягким наказанием. После оглашения приговора он вновь на короткое время впал в депрессию, но

уже очень быстро вновь обрел веру в свое «предназначение», о чем свидетельствуют слова из его дневника: «Процесс буржуазной тупости и личных склок завершен — с сегодняшнего дня начинается “Моя борьба”!» С этого начинается также история самого успешного и, одновременно, самого нечитанного бестселлера мира.

За несколько дней до Рождества 1924 года Гитлер был выпущен из крепости Ландсберг на поруки, 16 февраля после отмены чрезвычайного положения по распоряжению премьер-министра Баварии доктора Генриха Хельда НСДАП вновь становится легальной партией. Возобновляется выпуск газеты «Фелькиппер Беобахтер» — первый после отмены запрета номер открывает передовая статья Гитлера «Новое начало» — автор обещает впредь вести политическую борьбу исключительно легальными методами и в интересах единства партии выражает готовность к компромиссам. Однако слишком скоро стало ясно, сколь серьезную опасность Гитлер как оратор представляет для безопасности государства, и ему было запрещено публично выступать на всей территории Баварии. К этому запрету присоединили почти все земли Германии, включая Пруссию. Ко всеобщему изумлению, он воспринял это исключение из общественной жизни столь же равнодушно, как раньше тюремное заключение, и постарался использовать представившееся свободное время для укрепления контактов с крупными партийными функционерами и выработки долгосрочной политической стратегии.

14 февраля 1926 года на общепартийном «собрании фюреров» в Бамберге после пятичасовой речи Гитлер добился окончательного принятия программы НСДАП 1920 года и объявил эту программу «основополагающим актом нашей религии, нашего мировоззрения. Потрясение этих основ было бы предательством по отношению к тем, кто умер с верой в нашу идею». В полном соответствии с мессианским предназначением теперь, по меткому определению Толанда, «национал-социализм

стал религией, а Гитлер — спасителем, распятым у Зала полководцев и воскресшим в ландсбергской тюрьме».

Весной этого же года Гитлер установил полный контроль над НСДАП, что означало конец всякой внутрипартийной демократии и полное подчинение партии принципу фюрерства. Если в каком-либо движении политическая лояльность принимает форму вероисповедания, то возникает потребность в какой-то форме Библии — достаточно вспомнить «Вопросы ленинизма» Сталина или «цитатник» Мао. Эту роль должна была выполнить книга Гитлера «Майн Кампф», первую часть которой он продиктовал своему секретарю Рудольфу Гессу в ландсбергской тюрьме. Опубликованная в 1925 году, она с этого момента становится обязательным чтением для всех партийгеноссен.

Основные требования мировоззрения, вынесенного на суд читателей на страницах этой книги, сводятся к завоеванию «нового жизненного пространства» для «немецкого народа» на востоке и бескомпромиссное проведение в жизнь национал-социалистической расовой политики. Подготовка масс к реализации этих чудовищных проектов требовала подготовительной работы — нужно было создать объекты, на которых сконцентрировалась бы ненависть соотечественников. Наряду с так называемой «жизнью недостойной жизни» к числу целевых объектов были отнесены расовонеполноценные в глазах Гитлера славянские народы и, конечно же, евреи. В этой связи следует упомянуть о его *Второй Книге*, где уже вполне отчетливо видны контуры будущего геноцида. Здесь он открыто говорит об «истреблении расадников кровосмешения» и о «гнойных очагах, в которых благоденствует международный еврейский червь, развешивающий народы». Текст был готов в 1928 году, но полагают, что Гитлер запретил его публикацию, опасаясь, что внимательный читатель сможет распознать в этих пассажах планы массовых убийств.

Снова и снова исследователи задаются вопросом о том,

существует ли психологическое объяснение патологической ненависти Гитлера к евреям, и можно ли определить дату возникновения у него этого агрессивного антисемитизма. Антисемитизм присутствовал у Гитлера уже в венский период его жизни, но в это время он не носил столь явно выраженного характера, что следует из высказываний самого Гитлера: «Тогда я еще считал евреев последователями одной из религиозных конфессий и полагал, что соображения человеческой терпимости, не допускающие борьбы с религией, распространяются и на этот случай. Поэтому тон, в котором высказывалась антисемитская пресса, представлялся мне недостойным традиций культурной нации. Меня приводили в ужас упоминания о некоторых событиях эпохи средневековья и я вовсе не хотел бы стать свидетелем повторения таких событий». Однако под влиянием антисемитской пропаганды — вспомним зловещую роль Люгера, Шенерера, Ланца фон Либенфельса — и националистических лозунгов до начала и во время первой мировой войны, которые всю вину за беды немецкого народа сваливали на евреев и «продавшихся евреям» большевиков, с юности присущая ему латентная неприязнь к евреям превратилась в конечном итоге в «безграничную ненависть к евреям», о которой сообщают свидетели, общавшиеся с ним в последний период войны, и которая явно видна в «Экспертном заключении по еврейскому вопросу», составленному в 1919 году.

В ненависти Гитлера к евреям наверняка сыграл свою роль еще один момент из области тактики политической борьбы. Он должен был знать из истории, сколь уникальной легитимацией пользовался антисемитизм в традиции христианского Запада и сколь успешно различные христианские правители издавна использовали преследования евреев как средство манипулирования массами для достижения собственных интересов. Даже высшие церковные авторитеты с самого момента зарождения христианства призывали к преследованиям против еврейского народа, так что даже моральные принципы христианского Запада

не препятствовали нещепетильному политикому типа Гитлера использовать евреев в качестве идеального объекта для «легитимации недозволенной ненависти». Тем не менее последующая эскалация патологической юдофобии Гитлера исторически уникальна и не может вызвать ничего, кроме отвращения. Историк Эберхард Эккель собрал вместе антисемитские выражения, часто употреблявшиеся Гитлером и рассчитанные на публику, привыкшую извергать свои эмоции при помощи образов, столь же противных человеческой природе. Эта подборка позволяет увидеть устрашающее душевное состояние фанатика в весьма характерном свете: «Еврей — это червь в гниющем теле, зараза, страшнее, чем некогда черная смерть, бациллоноситель наихудшего сорта, возмутитель спокойствия человечества, трутень, втершийся в человеческую среду, паука, медленно высасывающий кровь из пор народа, стая крыс, между которыми не прекращается кровавая драка, паразит в теле других народов, который непрерывно размножается подобно вредоносным бациллам, вечная лиявка, вампир народов». Если в головы людей постоянно вбивается и вжигается ненависть к евреям, то вопрос о выбросе аккумулируемой агрессии без наступления уголовно-правовых последствий становится лишь вопросом времени. И это время было уже совсем недалеко.

Гитлер и женщины

«Я бесконечно счастлива, что он так меня любит, и молюсь о том, чтобы так было всегда. Если он когда-нибудь перестанет любить меня, то моей вины в этом не будет».

*(Из дневника Евы Браун,
18 февраля 1935 г.)*

Нарушенная способность Гитлера вступать в контакты и дефекты его личности проявились, наряду с прочим, и в

том, что он на протяжении всей своей жизни не был способен к дружбе. Иоганна Вольф, работавшая личным секретарем Гитлера с 1929 года, рассказывала: «Мне неизвестно о его дружбе с кем-либо. Он был очень замкнутым человеком» Старые соратники также не были исключением — в особенности после прихода к власти в 1933 году Гитлер всячески избегал личных контактов с ними, возможно, чтобы «не разбавлять свое историческое величие низкими мирскими отношениями» — человеческая несостоятельность, которую Ганс-Юрген Айтнер считает характерной для «типичного гиперсенситивного нарцисса, бессовестно воздвигшего дистанцию между собой и близкими»

Подобное же отсутствие сочувствия, истинной симпатии, нежности и тем более любви проявились и в отношениях Гитлера с женщинами. Эрих Фромм очень верно подметил, что женщины, возбуждавшие интерес Гитлера, принадлежали к двум категориям, которые различались между собой в основном социальным рангом: «респектабельные» дамы, принадлежавшие к состоятельным или влиятельным кругам, известные актрисы или простые женщины, которые по своему социальному и интеллектуальному уровню стояли «ниже его»

К женщинам первой группы принадлежали немолдые состоятельные дамы из высших слоев общества, от которых он или его партия получали крупные подарки. Почитание этих дам имело свое продолжение также и в интимной сфере. Однако для Гитлера они представляли собой прежде всего эротически непритягательные материнские фигуры, во власть которых он отдавался чисто по-мазохистски. Об одном случае, иллюстрирующем подобное мазохистское поведение Гитлера покорное подчинение скипетру женщины в условиях интимного уединения — позднее рассказала жена Эрнста Ханфштенгеля. Случай этот произошел в загородном доме Ханфштенглей неподалеку от Мюнхена. Когда муж на несколько минут вышел из комнаты, Гитлер упал перед ней на колени, назвал себя ее рабом и стал сетовать на

судьбу за то, что она слишком поздно подарила ему горькое и вместе с тем сладкое переживание от встречи с ней. Он вел себя, как маленький мальчик, положил голову ей на колени. «Было бы ужасно, если бы кто-то вошел в комнату. Унизительно для него».

В еще более явной форме мазохизм Гитлера проявился в сцене, которая разыгралась в 1935 году в рейхсканцелярии, что подтверждается документом, который был найден Вальтером Лангером в 1972 году. Речь идет об известной киноактрисе Ренате Мюллер, которая провела в рейхсканцелярии вечер и подробности потом рассказала директору А. Цайслеру. Последний в 1943 году записал следующее: «Она была уверена в том, что он собирается вступить с ней в интимную связь. Они разделись и уже совсем собрались было отправиться в постель, когда он бросился на пол и потребовал, чтобы она на него наступила. Она запротестовала, но он продолжал настаивать, называл себя недостойным, осыпал себя обвинениями и мученически извивался перед ней. Эта сцена была для нее невыносима, и в конце концов она уступила его желанию и стала топтать его ногами. Это очень его возбудило, он просил еще и еще и при этом все время говорил, что он не заслуживает и этого и не стоит даже того, чтобы находиться с ней в одной комнате Чем больше она его топтала, тем больше он возбуждался» В 1936 году, скорее всего, под давлением Гитлера Ренате Мюллер покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

Примечательно, что многие женщины, близкие Гитлеру, покончили с собой или, по меньшей мере, пытались это сделать. Первый известный случай касается тогда шестнадцатилетней Марии Райтер из Берхтесгадена. Ее любовь к Гитлеру, который был на двадцать лет старше, вылилась в такой «поток страсти», что в 1927 году при известии о его желании сожительствовать с ней без вступления в брак она попыталась повеситься. Это в последнюю минуту удалось предотвратить. Похожие попытки самоубийства позже предпринимали венка

Сузи Липтауэр, леди Юнити Митфорд и дочь американского посла в Берлине Марта Додд. Мы не располагаем никакими указаниями на то, что подобные события вызывали у Гитлера какое-либо душевное волнение, за исключением самоубийств Гели Раубаль и бывшей актрисы Инги Лей, жены нацистского бонзы Роберта Лея. В 1943 году, перед тем, как выброситься из окна, она оставила письмо Гитлеру, которое, как сообщают, глубоко его потрясло.

Столь явная готовность к самоубийству многих женщин, имевших близкие отношения с Гитлером, — Ева Браун также дважды предпринимала попытку самоубийства — кажется удивительной, если учесть, что, по сообщениям Ханфштенгля и Шпеера, Гитлер даже в зрелые годы в отношениях с женщинами проявлял исключительную робость. Он сам говорил, что в юности был очень робок и лишь издали и в основном лишь тайком обожествлял в мечтах хорошеньких белокурых девушек, например, свою горячо обожаемую юношескую любовь Стефани из Линца. Даже в Вене он был очень скован и так и не набрался мужества каким-либо образом выразить свои чувства. Но в другом месте мы узнаем, что в венские времена до 1913 года ему встретилось «много красивых женщин» и можно определенно предположить, что в венский период он неоднократно вступал в контакт с лицами женского пола для удовлетворения полового влечения. По данным опроса, проведенного в Вене перед первой мировой войной, 75% молодых людей совершили свое первое половое сношение с проститутками. Примерно у 20% других это произошло с домашней прислугой или с официантками. Поэтому вполне однозначно следует толковать переданное Генри Пиккером высказывание Гитлера, сделанное им в 1942 году о том, что он «лишь потом узнавал обо многих девчонках, в основном официантках... что они к тому моменту уже были матерями внебрачных детей».

Клара Гитлер,
урожд. Пельцль,
мать Адольфа Гитлера

Отец Алоис Гитлер
в форме чиновника
австро-венгерской
таможни

Адольф Гитлер
в младенчестве

Домашний врач семьи
Гитлер в Линце,
доктор-еврей Эдуард Блох
в своем кабинете

Гитлер в национальных кожаных штанах
позирует личному фотографу Генриху Гофману
(около 1930 г.)

Внизу: Наконец у власти — торжество в память жертв
путча 1923 года; Фюрер, Герман Геринг, Эрнст Рем
(снимок 19 ноября 1933 г.)

Мария Райтер познакомилась с Гитлером в
1926 году в Берхтесгадене и на короткое время
стала его любовницей. В июне 1927 года в
отчаянии предприняла попытку самоубийства.

Гели Раубаль, племянница Гитлера и его боль-
шая любовь. В сентябре 1931 года по невыяс-
ненной до сих пор причине покончила с со-
бой.

Ренате Мюллер, в тридцатые годы звезда ки-
ностудии УФА, гостила у Гитлера в Берлине и
Берхтесгадене. В 1936 году покончила с со-
бой.

Маргарете Слецак, дочь Лео Слецака, при пос-
редничестве Йозефа и Магды Геббельс часто
встречается с Гитлером.

Киноактриса Мэди Ральф. Она также была обвенчана в связи с Гитлером.

Восторженная поклонница Гитлера английская аристократка Юнити Митфорд. В 1939 году, узнав о начале войны, выстрелила себе в висок из пистолета.

Инге Лей, супруга Роберта Лей, шефа «Немецкого рабочего фронта», в 1943 покончила с собой. Ее прощальное письмо адресовано Гитлеру.

Ева Браун, родилась в 1912 году, впервые встретила Гитлера в 1929 году у Генриха Гофмана. С 1932 года любовница Гитлера, 29 апреля 1945 года стала его женой.

Сегодня мимика и жесты Гитлера выглядят преувеличенными, но мало кому удалось устоять перед его демагогическим гением.

Осень 1944 года.
Гитлер выглядит
сильно
постаревшим
и одряхлевшим.

Рентгеновский
снимок черепа
Гитлера
(19 сентября
1944 года).

Одно из последних штабных совещаний
с участием Геринга и Кейтеля незадолго до конца.

Вот так, в 1944 году, Гитлер выглядел. Он был одряхлевшим, постаревшим. В 1945 году, когда он был захвачен, его тело было обнаружено в бункере. Его тело было сожжено, а пепел был развеян по ветру.

Сам Гитлер родился в 1889 году. Он был австрийцем. В 1922 году он стал членом НСДАП. С 1933 года он был канцлером Германии. В апреле 1945 года он был захвачен.

Он был захвачен при попытке бежать. Его тело было сожжено, а пепел был развеян по ветру.

Последний снимок Гитлера 20 апреля 1945 года. Фюрер вместе с адъютантом Юлиусом Шаубом осматривает развалины бывшей рейхсканцелярии.

И после войны он, подобно многим бывшим фронтовикам, спешил наверстать упущенные возможности для сексуальных контактов и в начале двадцатых годов приобрел в Мюнхене славу настоящего бабника. Приятели порой называли его «королем Мюнхена», и считалось, что самые красивые и состоятельные женщины города были у его ног. Недаром же газета «Мюнхнер Пост» за 3 апреля 1923 года писала, что «втрескавшиеся в Гитлера бабы» занимали или даже дарили ему деньги, а также «делали взносы не только наличными».

Ко второй категории относились хорошенькие, молодые, в основном полногрудые женщины, которые умели терпеливо оставаться на заднем плане и подчиняться его желаниям. В сексуальные отношения он вступал только с женщинами этой группы, к которой принадлежали Гели Раубаль и Ева Браун. Гитлер вообще был ценителем женской красоты. После 1933 года эту его склонность поддерживал Геббельс, ловко устраивавший встречи наедине, например, с Гретль Слецак, дочерью Лео Слецака, или с актрисой Мадл Раль. Дошло ли при этом до сексуальных контактов, остается неизвестным.

Анжела Раубаль, которую все называли Гели, была дочерью сводной сестры Гитлера Анжелы. Сестра вела хозяйство в дачном доме Гитлера в Оберзальцберге. Ее дочь, учившаяся в Мюнхене, поселилась в комфортабельной 9-комнатной мюнхенской квартире своего дяди Адольфа на Принцрегентенплац, которую он приобрел в 1929 году. Так возникла кровосмесительная связь, ставшая самой большой любовью в жизни Гитлера. По словам фотографа Генриха Гофмана, Гели Раубаль была «милрой молодой женщиной, безыскусность и беззаботность которой вызывали всеобщую симпатию». По словам дочери Гофмана Генриетты (фон Ширах), Гели была «простоватой, милой, полногрудой, немного ехидной и задиристой». С самого начала Гитлера потянуло к ней. Вначале он сохранял при посторонних роль дяди, но вскоре уже и не пытался всерьез скрывать своих попыток

добиться ее благосклонности. Он «всюду следовал за ней, как ягненок» и усердно старался прочесть любое желание в ее глазах. Ее желание плавать в озере Химзее «было для него важнее, чем самое важное совещание», и, к прискорбию своих партайгеноссен, он иногда давал себя уговорить сопровождать ее в походы за покупками. Уезжая из города, он отряжал двух сопровождающих для ее охраны, которые тенью следовали за ней повсюду. Когда Гофман осторожно наемкнул Гитлеру, что подобное ограничение личной свободы рано или поздно сделает столь жизнерадостную молодую даму, как Гели, несчастной, тот резко ответил: «Я никогда не допущу, чтобы она попала в руки какого-нибудь мошенника или авантюриста... Я люблю Гели, я мог бы даже на ней жениться». В отличие от других связей Гитлера, например, с Марией Райтер или позже с Евой Браун, в этой тайной связи со своей племянницей Гели ревновал всегда он, и он был послушен ей во всем.

Из воспоминаний «Путци» Ханфштенгля мы можем кое-что узнать об отношениях Гитлера с женщинами и о его сексуальной жизни, хотя тех фактов, которыми мы располагаем, недостаточно для построения подробной картины его сексуальной практики. Есть, однако, все основания согласиться с Эрихом Фроммом в том, что, с большой вероятностью, «природа сексуальных интересов холодного, робкого человека с садистскими и деструктивными наклонностями, подобного Гитлеру, была в основном извращенной... и его сексуальные желания в отношении женщин социально более низкого типа в основном сводились к вуайеристским, с анально-садистским оттенком». Что касается кровосмесительной связи Гитлера с Гели Раубаль, это подтверждается сообщениями и высказываниями отдельных свидетелей-современников. Сама Гели однажды весьма многозначительно сказала подруге: «Мой дядя — чудовище. Невозможно представить себе, чего он от меня добивается». Сообщение Франца Ксавера Шварца, бывшего казначея НСДАП позволяет

догадаться, какого сорта были «чудовищные попойки» дядюшки. Шварц, в частности, говорил, что Гитлер подвергся шантажу со стороны некоего человека, завладевшего порнографическими рисунками, на которых Гитлер изобразил Гели в позах, «которые отвергла бы любая профессиональная натурщица». Судя по всему, позднее Гитлер нанес аналогичную травму Еве Браун, поскольку она жаловалась в письме подруге, что должна позировать своему «фигуреру» порой в почти неприличных позах. В случае Гели Раубаль извращенные желания Гитлера, похоже, заходили дальше разглядывания ее тела в компрометирующих положениях, если, конечно, правда то, что сообщает Норберт Бромберг: «Для получения полного сексуального удовлетворения Гитлеру было необходимо, чтобы женщина, сидя на корточках над его головой, помочилась ему на лицо». В медицине такого рода необычная сексуальная практика называется уролагнией — половое извращение, при котором имеет место повышенный интерес ко всему, что связано с мочеиспусканием, и при котором всегда существует сложное переплетение садизма с мазохизмом. Уже Вальтер Лангер, составляя психограмму Гитлера, обратил внимание на подобный перенос сексуального инстинкта на органы, которые обычно обладают опосредованными сексуальными стимулами. Если таким эрзац-органом становится глаз, то созерцание становится сексуальным действием, и похоже, что именно это произошло с Гитлером. И действительно, согласно различным свидетельствам, уже в первые «годы борьбы» ему в Берхтесгаден привозили молоденьких девушек, и он с большим удовольствием рассматривал их в обнаженном виде. И позднее он никогда не мог досыта насмотреться на стриптиз, за которым наблюдал в бинокль.

Бромберг попытался на основе доступных фактов о причинах сексуальных страхов и характерных контрмер Гитлера проследить возникновение присущих ему извращений. При этом он считал, что сильный страх перед

кастрацией и страх перед женским половым органом сыграли решающую роль в том, что Гитлер предпочитал созерцать, а не действовать, и что его возбуждал вид вульвы не столько спереди, сколько сзади. В этом смысле можно также понять замечание Рема, сделанное им как-то в присутствии Гитлера: «Он думает о деревенских девках, когда они, работая в поле, наклоняются так, что можно видеть их задницы. Вот что ему нравится, особенно если они большие и круглые. Вот это половая жизнь Гитлера. Ну и мужик!»

Своим шокирующим опытом с «дядей Адольфом» Гели Раубаль поделилась, по-видимому, не только с подругой, но и с некоторыми другими доверенными лицами, например, с Отто Штрассером, соратником Гитлера с первого часа. В отчаянии от странных требований и чрезмерной опеки ревнивого дяди, из-за которой она практически не могла завести никаких знакомств, она начала интрижку с шофером Гитлера Эмилем Морисом, которая, однако, была быстро раскрыта бдительным дядей. В ответ на угрозы Гитлера Морис пригрозил, что в случае необходимости свяжется с газетой «Франкфуртер Цайтунг» и проинформирует общественность об интимной жизни фюрера, который выставляет себя перед общественностью аскетом и образцом высокой нравственности. После этого Морис получил за молчание двадцать тысяч марок, после чего смог стать владельцем магазина и независимым человеком, а Гитлер счел инцидент исчерпанным. Напряжение между Гели и ее дядей, тем не менее, продолжало нарастать, и дело кончилось тем, что наутро после бурной ссоры 17 сентября 1931 года Гели покончила с собой, выстрелив себе в сердце из пистолета.

Если не считать матери, Гели была единственным человеком, к которому Гитлер когда-либо в жизни испытывал любовь, и ее потерю он перенес настолько тяжело, что в приступе депрессивного отчаяния якобы сам попытался лишить себя жизни, чему в последний

момент помешал Рудольф Гесс. Терзаемый горькими упреками совести за то, что ревнивыми собственническими притязаниями на ее молодую жизнь привел ее к этому акту отчаяния, он был психически не в состоянии принять участие в ее погребении в Вене. Лишь несколько дней с пустя он инкогнито посетил ее могилу. Считается, что именно тогда он в качестве наказания отказался от животных мясных белков и стал вегетарианцем.

Настало время Евы Браун, привлекательной 17-летней девушки, дочери мюнхенского учителя. Гитлер познакомился с ней в студии Гофмана 1929 году еще при жизни Гели и они неоднократно совершали совместные загородные прогулки и посещали театры. Привязчивая натура и терпеливая нежная любовь сделали свое дело. В начале 1932 года желанная цель была достигнута — она стала его возлюбленной и он принадлежал только ей. Не позднее чем к этому времени относятся записи в дневнике Евы Браун, свидетельствующие о том, что, вопреки широко бытующему мнению, с потенцией у Гитлера все было в порядке. Предположения о том, что Гитлер не был способен физически любить женщин, основаны на слухах, согласно которым у него было только одно яичко. Мазер считает эти слухи вымыслом, ссылаясь непонятно почему на сомнительные высказывания лейб-медика Гитлера доктора Морелля. Однако эти слухи все же имеют под собой определенное основание. Существует составленное еще в двадцатые годы заключение мюнхенского уролога профессора И. Кильлейтнера, согласно которому у Гитлера было только одно яичко, и профессор «уже ничем не мог помочь пациенту, ввиду его возраста». Речь, по-видимому, идет о крипторхизме, при котором в процессе развития плода мужского пола одно яичко остается в тазовом канале. При вскрытии трупа Гитлера этот диагноз был, кстати, подтвержден. В детском возрасте подобный дефект легко устраняется оперативным путем, однако это совершенно невозможно, если пациент достиг тридцати — примерно

столько лет было Гитлеру к моменту данного урологического обследования

Такой дефект встречается не столь уж редко и, как правило, не приводит к нарушениям половой функции. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи Евы Браун. Вот одна из них, за 1935 год: «Я нужна ему только для определенных целей иначе невозможно. Если он говорит, что любит меня, то он имеет в виду только этот момент». Эта цитата бросает свет на отношение Гитлера к женщинам вообще. Позднее в беседах он не раз высказывал мнение о том, что «великий человек» (себя он, естественно, также относил к этой категории) для удовлетворения сексуальных желаний может держать при себе девушку, обращаться с которой можно как с несовершеннолетним и почти бесправным ребенком, без всякого внутреннего участия и чувства ответственности. Его отношения с Евой строились примерно в том же духе. Позднее это подтвердил Альберт Шпеер: «В общем-то ее чувства не особенно его заботили и он почти не обращал внимания на ее присутствие. Он не стеснялся говорить при ней о своем отношении к женщине: очень умный человек должен брать в жены примитивную и глупую женщину».

Такая установка Гитлера позволяет понять, почему его брак с Евой Браун был оформлен, да и то символически, лишь в самый последний кульминационный момент той драмы апокалиптического краха, которая была инсценирована им же самим. Его нежелание вступать в брак имело несколько причин. Во первых, он опасался потерять какую-то часть харизматического излучения в глазах женской части электората и тем самым создать ненужные сложности в политической карьере. Об этом он говорил открыто: «Многие женщины поддерживают меня, потому что я не женат. Это было особенно важно в годы борьбы. Здесь, как у киноактера, когда он женится, он теряет в глазах поклонниц. Нечто и перестает быть для них идолом». Другая причина коренилась в

патологически выраженном нарциссизме, который категорически отвергал все, способное отбросить минимальную тень на его гипертрофированную личность. Это относилось даже к самым незначительным мелочам. Даже перед Гели он не решался появиться в плавках, опасаясь, что появление в обнаженном виде уронит его достоинство. По той же причине он последовательно избегал любых форм спортивных занятий. Это касалось зимних видов спорта, конного спорта, танцев и любых других физических упражнений.

Но больше всего его должна была пугать мысль о последствиях возможного брака, о чем можно судить по таким его словам: «Не хватало мне еще только жены, чтобы своей болтовней она отвлекала меня от работы! Я никогда не мог бы жениться. А если дети, какие проблемы! В конце они попытались бы еще объявить сына моим преемником. Кроме того! У такого человека, как я, нет шансов получить достойного сына. Это почти закон в подобных случаях. Вот, смотрите, сын Гете — совсем никудышный человек».

Для такого человека Ева Браун должна была быть идеальной партнершей: любовницей и секретом, привилегия быг посвященным в который принадлежала «только выдающимся людям». От нее он требовал прежде всего покорности, что следует из разговора, состоявшегося 25 января 1942 года: «Мужчина имеет право определять собой характер каждой женщины. Женщине ничего другого не нужно». Ева была именно такой: преданная ему до гроба, она в письмах сестре называла своего возлюбленного только «фюрер» и лишь покорно пыталась предугадать его желания. Зная, что Гитлеру нравятся полногрудые женщины, она вначале даже пыталась имитировать большую пышность форм, подкладывая в бюстгалтер носовые платки!

Сколь несчастной сделала эту молодую женщину холодная, аффективная связь с Гитлером, который никогда и ни при каких обстоятельствах не считался с ее

чувствами, можно судить по многочисленным записям в ее дневнике. Вот одна из них, от 11 марта 1935 года: «Я желаю лишь одного — тяжело заболеть и хотя бы дней на восемь забыть о нем. Почему со мной ничего не случится, почему я вынуждена во всем этом участвовать. Лучше бы я с ним никогда не встречалась. Я в отчаянии... Почему меня черт не заберет. У него там наверняка лучше, чем здесь». Аналогичные жалобы можно найти и в последующих записях. 28 мая 1935 года она пишет о том, что снова намерена покончить с собой, на сей раз «гарантированным способом» (предыдущая попытка была неудачной). Но и эта, вторая попытка самоубийства, на сей раз с помощью таблеток ванодорма, также не удалась.

На пути к власти

В конце марта 1930 года, к моменту назначения рейхсканцлером Генриха Брюнинга, который по поручению рейхспрезидента Гинденбурга, начиная с сентября 1930 года, провел переход к первому так называемому «президентскому правлению» Веймарской республики, на Германии в полной мере начал сказываться ужасный шок «черной пятницы» — экономического кризиса 24 октября 1929 года. Началась гонка между правительством и кризисом, открывшаяся в июле 1930 года указом президента о вступлении в силу статьи 48 Веймарской конституции, наделяющей президента особыми полномочиями в случае чрезвычайного положения в государстве. За этим последовал парламентский кризис — большинство депутатов проголосовало за отмену чрезвычайных указов, — который вынудил Гинденбурга и Брюнинга немедленно назначить новые выборы. После невиданной доселе в Германии избирательной кампании 14 сентября 1930 года НСДАП получила 107 мандатов в рейхстаге, что вызвало настоящее политическое землетрясение. С этого дня НСДАП начинает целенаправленный штурм

парламентской системы парламентскими средствами. Средства известны и проверены — невыполнимые законопроекты и безудержная демагогическая травля. После банковского краха в начале лета 1931 года начинается лавинообразный рост безработицы, радикализация настроений неудержимо увлекает общество к грани гражданской войны, чему немало способствуют стычки между группами коммунистических и национал-социалистических боевиков. Тем временем Гинденбург становится все более доступен праворадикальному влиянию. Именно под этим влиянием он вновь принуждает Брюнинга издать чрезвычайный указ о введении президентского правления.

Уже в эти годы политического восхождения проявился взрывной характер Гитлера и его неспособность управлять аффективными эмоциональными проявлениями. Не исключено, однако, что к подобным эмоциональным взрывам он прибегал целенаправленно, когда это требовалось для осуществления его желаний. Вот что сообщает опальный соратник Гитлера Отто Штрассер: «В один прекрасный день он осознал, сколь сокрушительное воздействие оказывают взрывы его гнева. Начиная с этого момента, он пользовался гневом и криком как "оружием"». Примерно такое же описание взрывов гнева Гитлера в период 1929-1932 годов дает доктор Отто Вагнер, бывший начальник штаба СА, позднее также угодивший в опалу: «В подобных случаях он мог власть в гнев и возмущение, на его лбу, от переносицы до корней волос, вздувалась синяя жила, голос его срывался, и окружающие начинали опасаться за жизнь, не только его, но и свою собственную». Якоб Диль, назначенный после прихода к власти в 1933 году полицейспрезидентом Берлина, стал однажды свидетелем подобного возбуждения, безудержного и исполненного ненависти: «С прерывистым дыханием, мешая патетическую декламацию с хриплыми стонами, он предался своим диким фантазиям».

В некоторых источниках взрывчатость характера Гитлера, скорее всего, преувеличена, что породило различные легенды, согласно которым он бросался на пол и даже кушал ковры. Одно из описаний такого рода принадлежит бывшему президенту сената города Дандига Герману Раушнингу, которого, однако, историки подозревают в некоторой склонности к преувеличениям: «То, что я видел своими глазами, то, что мне рассказывали знакомые, было проявлением несдержанности на грани полного распада личности. Войли, буйство, топание ногами, вспышки гнева напоминали выходы невоспитанного, избалованного ребенка: но, несмотря на всю гротескность и кошмарность, сумасшествием это не было. Хотя, если уже немолодой человек барабанит кулаками по стенкам и топает, как конь, привязанный в стойле, или бросается на пол, то, вообще говоря, это должно заставить задуматься... Очевидно, тогда начинался период, когда он с помощью точно рассчитанных вспышек гнева хотел посеять панику в своем окружении и лишить его воли к сопротивлению. Люди начинали бояться его непредсказуемости». Также и Альберт Шпеер полагал: «Некоторые известные реакции Гитлера, производящие впечатление истерических, следует считать актерством». Нужно, однако, отметить, что ни в одном из этих сообщений не упоминается о «кусании ковров». Впервые упоминание об этом встречается в уже цитированной нами статье итальянского психиатра Дальма, опубликованной в медицинском журнале в 1944 году со ссылкой на Раушнинга. В этой статье автор употребил термин *mangiatappeti* (ковроедство), который затем неkritично повторили некоторые другие авторы, например, Лангер и Стернеллоне.

Тем не менее во время своего участия в бурной избирательной кампании на пост рейхспрезидента, в которой весной 1932 года ему противостоял престарелый Гинденбург, Гитлер бросил в бой все и полностью использовал свое тактическое и риторическое мастерство. Уже за несколько недель до назначенного на 13 марта 1932 года первого тура голосования он боролся из последних

сил, но тщательно старался скрыть от публики признаки усталости и даже истощения, стремясь продемонстрировать силу и выносливость. Однако Альберт Кребс, в то время гауляйтер Гамбурга, увидел его в те дни с другой стороны. В личной беседе он узнал от Гитлера «о его ипохондрических страхах за собственное здоровье» и о многочисленных так называемых психосоматических симптомах — желудочных коликах, обильных потовыделениях и состоянии возбуждения, при котором его конечности начинали трястись. Больше всего Гитлера беспокоили боли в желудке, в которые он считал предвестниками рака. Гитлер опасался, что эта болезнь оставит ему слишком мало лет для завершения его «дела». Себастьян Хафнер полагает, что эти страхи побудили Гитлера принять самое необычное и роковое решение его жизни — подогнать содержание политики и график ее проведения под недолгий, как он полагал, срок оставшейся ему земной жизни.

На выборах победил Гинденбург, но и Гитлер остался довольным их результатом. Во втором туре, состоявшемся 10 апреля 1932 года, он получил сенсационную прибавку в два миллиона голосов. Последующее правление кабинетов фон Папена и Шлейхера, просуществовавших очень короткое время, представляется нам теперь, с исторического расстояния, лишь спланированной прелюдией к захвату власти Гитлером. 3 декабря Франц фон Папен, назначенный на должность рейхсканцлера в мае, уступил место генералу Шлейхеру. Последний убедил Гинденбурга выдвинуть на пост рейхсканцлера лидера сильнейшей партии, то есть Адольфа Гитлера, хотя на последних выборах 6 ноября 1932 года НСДАП потеряла два миллиона голосов и сохранила только 31,1% мандатов.

Неудача на выборах потрясла Гитлера. При этом следует учитывать, что во время избирательной кампании он получил известие о том, что Ева Браун пыталась покончить жизнь самоубийством, выстрелив себе в шею из отцовского пистолета. Из написанного в эти дни письма

к Уинифред Вагнер видно, что политическая неудача и попытка Евы совершить самоубийство вновь вызвали мысль о суициде. В этом письме он давал понять, что утратил все надежды, и как только он убедится, что все потеряно, пуля прервет его жизнь.

Однако депрессивная фаза продолжалась недолго, и когда 30 января 1933 года он был назначен рейхсканцлером, энергия вернулась к нему. Формирование этого кабинета само по себе еще не стало так называемым «приходом к власти» Гитлера. Это стало реальностью только в последующие месяцы и явилось результатом безошибочной деятельности и энергичной, последовательной политики человека, одержимого жадной властью. То обстоятельство, что приход к власти произошел законно и без кровавых революционных событий, поддерживало у бюргеров надежду, что «революционная» стихия в НСДАП начнет теперь отступать на задний план, и сам Гитлер превратится из радикального агитатора в мудрого и добродушного государственного деятеля. Но уже события 27 февраля 1933 года показали, что эта надежда не более чем наивная мечта. Хотя, как выяснилось, произошедший в этот день пожар рейхстага не был делом ни коммунистов, ни национал-социалистов, а лишь одного Маринуса ван дер Люббе, молодого голландца, симпатизировавшего коммунистической партии, который совершил поджог по личным мотивам. Гитлера охватил страх, приведший его на грань истерики, страх, что революция слева может лишит его того положения, которого он добился с таким трудом. После того, как Гинденбург 28 февраля ввел чрезвычайное положение, Гитлер 24 марта 1933 года спешно проводит закон о полномочиях и приступает к ликвидации демократического правового государства и установлению собственной власти в рейхе.

Одержимый параноидальным страхом перед личными врагами, способными представлять опасность для его только что завоеванного положения, он не делал

исключения даже для ближайших сподвижников. 30 июня 1930 года это ярко продемонстрировало дело Рема. Для Гитлера Эрнст Рем, начальник могущественных штурмовых отрядов СА, был прежде всего опасным соперником, и его следовало устранить. С помощью Гейдриха, Геббельса и Геринга он организовал ряд гнусных интриг, позволивших обвинить Рема в заговоре с целью убийства фюрера. Отдав приказ убить Рема и многочисленных собственных товарищей и соратников, Гитлер впервые смог разрядить свои садистские побуждения на целый коллектив, который в данном случае состоял из его приспешников. Позднее он сам рассказывал об этом, и в его словах ощущается истинно сатанинская радость убийства и уничтожения: «Я отдал приказ расстрелять главных виновников этого предательства, и я также отдал приказ выжечь до кости языки, отравляющие наш внутренний источник».

Еще в 1932 году, незадолго до прихода к власти, Гитлер открыто произнес слова, к которым очень стоило внимательно прислушаться: «Мы должны быть жестокими. Мы должны вновь обрести способность совершать жестокости с чистой совестью. Только так мы можем изгнать мягкотелость и sentimentalное филистерство из нашего народа». А убийства в «ночь длинных ножей» уже имели жутковатый привкус грядущих преступлений Гитлера, его чудовищных приказов и варварских действий. Они также показали беспримерное безразличие Гитлера к человеческим судьбам не только евреев, цыган и славян, но и немцев — гражданских лиц, солдат и даже собственных партийногеноссов, принадлежавших, по его мнению, к «арийской расе господ». Сколь мало значили для него жизни молодых немецких парней, показывает признание Гитлера, сделанное им в 1934 году применительно к своим планам большой войны: «Если в один прекрасный день я прикажу начать войну, я не буду иметь права задумываться о десяти миллионах молодых людей, которых я пошлю на смерть».

Ремовский путч и гибель сотен людей без суда и следствия, акт произвола, совершенный исключительно для укрепления позиций трусливого и недоверчивого фюрера, мало взволновал старца Гинденбурга. Однако его возмутила «казнь» супругов фон Шлейхер, совершенная двумя бандитами, нанятыми Гитлером, и президент потребовал провести расследование. Насколько жалким было в этот момент положение престарелого рейхспрезидента, показывает тот факт, что он не смог добиться выполнения своего требования и вместо этого подписал благодарительную телеграмму Гитлеру, текст которой был составлен функционерами НСДАП. В этой телеграмме Гинденбург выразил благодарность рейхсканцлеру за «спасение немецкого народа от страшной опасности». Гинденбург уже не был в состоянии осознать, что для Гитлера моральных барьеров не существует. Однако некоторые бывшие страстные поклонники фюрера, например, Хайн Рик, будущий участник операции Отто Скорцени по похищению Муссолини, подчеркивали, что для них самих с этого дня Гитлер перестал существовать как человек. За границей события в Германии также вызывали беспокойство. Источником самых острых нападок была Италия, в особенности после убийства австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса при попытке национал-социалистического путча в июле 1934 года. В беседе с австрийским вице-канцлером Штарембергом Муссолини буквально предсказывал «конец европейской цивилизации», если эта «страна убийц и педерастов» покорит Европу, и называл Гитлера достойным отвращения, сексуально извращенным человеком и опасным дураком. Гинденбург был при смерти, и Гитлер готовил принятие закона, практически равного государственному перевороту. Согласно этому закону посты рейхспрезидента и рейхсканцлера объединялись в одних руках. Для этого конгломерата диктаторской власти Гитлер придумал название «фюрер и рейхсканцлер», и уже 19 августа 1934 года, через две с половиной недели после смерти Гинденбурга,

немецкие избиратели на референдуме «подавляющим большинством голосов» одобрили этот закон.

В последующие годы целый ряд политических «успехов» Гитлера способствовал тому, что его популярность в Германии в целом однозначно росла, что часто кажется непонятным в историческом плане сегодняшнему поколению. Хафнер правильно считает, что первым из таких успехов было так называемое «экономическое чудо», которое, строго говоря, в действительности является заслугой не Гитлера, а гениального министра финансов Яльмара Шахта. В январе 1933 года в Германии было шесть миллионов безработных. В 1936 году была достигнута полная занятость, при этом не было инфляции, цены и зарплаты оставались стабильными. Сегодня совершенно ясно, что подобного результата может добиться только диктаторский режим с концлагерями в тылу и с жестким регулированием цен и заработной платы. Людям, жившим в то время в Германии, разглядеть это было трудно, а массам безработных было вообще глубоко наплевать, как и почему стало возможным это «чудо». Сегодня снова и снова можно встретить возражения, что только за счет введения всеобщей воинской повинности в рамках ремилитаризации и вооружения Германии, которая в 1933 году располагала армией численностью в 100 тысяч человек и не имела военной авиации, а в 1938 году стала сильнейшей военной и военно-воздушной державой Европы, сотни тысяч безработных исчезли с улиц, а другие сотни тысяч нашли работу, связанную с выполнением колоссальных военных заказов. Однако, как указывает Себастьян Хафнер в своей критической работе о Гитлере, историки почему-то любят забывать о том факте, что в 1936 году большинство из шести миллионов бывших безработных было занято не в оборонной промышленности, а в «совершенно нормальных отраслях».

Для того, чтобы в этих несомненных и поразительных успехах и достижениях усмотреть скрытое зерно грядущей катастрофы, рядовое немецкое население

должно было бы обладать таким даром предвидения, какого, как известно, не оказалось у высокообразованных политиков и дипломатов зарубежных государств. За границей в Гитлере видели антидемократического и подчеркнуто националистического государственного деятеля, однако считали, что этот политик в состоянии реально оценивать критические ситуации и добиваться своих целей умеренными средствами, не угрожая миру. Здесь зарубежные политики проявили роковую неадекватность. Искусство перевоплощения и артистическое дарование, столь характерные для Гитлера, позволили ему произвести подобное впечатление и нарядить свою ложь и коварные планы в одежды миролюбия.

Подобные же методы он использовал и в тех случаях, когда речь шла об устранении внутрипартийной напряженности, например, незадолго до Рождества 1935 года. В начале января 1936 года он созвал на совещание всех рейхсляйтеров и гауляйтеров, с подернутыми влагой глазами умолял их хранить единство и поклоняться ему в абсолютной преданности и верности на грядущие времена, что позволит достичь намеченных великих целей в будущем. Как и в смутные времена конца 1932 года, он грозил в противном случае неизбежно покончить с собой. Исторически продекларированная угроза самоубийства возымела действие, поскольку все присутствующие удалились глубоко потрясенными и готовыми в своей нерушимой верности «фюреру» последовать за ним на смерть.

Во внешней политике 1936 год был успешным, причем достигнутые успехи ничего не стоили Гитлеру. Год начался с введения войск в Рейнскую область, что совершилось при отсутствии какой-либо реакции со стороны зарубежных стран и чрезвычайно укрепило Гитлера в сознании собственного призвания настолько, что он гордо и провозгласил: «Я с сомнамбулической уверенностью иду путем, по которому ведет меня провидение». Однако неуверенность, в которой он пребывал в начале операции, ввергла его, очевидно, в состояние

весьма сильного напряжения, психосоматическое воздействие которого сказалось более всего на желудке в форме сильных спазмов, а также вызвало повышенную возбудимость и бессонницу. Незадолго до Рождества — время, которое напоминало ему о смерти матери и повергало, как правило, в депрессивное настроение — к этому прибавилась еще и экзема на левой голени, в результате чего он практически не мог носить сапоги. Поэтому 25 декабря 1936 года он по рекомендации своего личного фотографа Гофмана обращается к доктору Теодору Мореллю, модному врачу, специалисту по кожным заболеваниям, который имел доходную практику на Курфюрстендамм в Берлине и отныне должен был исполнять обязанности личного врача Гитлера.

Остается неясным, почему на роль своего личного медика он выбрал именно этого врача, который, по мнению коллег, был небрежным и не соблюдал правил гигиены. Очевидно, свою роль сыграла при этом дружба, возникшая между frau Ханни Морелль и Евой Браун. Так или иначе, но Морелль истолковал экзематозное изменение кожи как следствие нарушения пищеварения и назначил своему пациенту «для регулирования состояния нарушенной флоры кишечника» излюбленные в то время капсулы мутафлора, представляющего собой суспензию коли-бактерий. Дополнительно он прописал Гитлеру, имевшему склонность к пучению, так называемые «противогазовые пилюли по доктору Кёстеру», содержавшие атропин и небольшое количество стрихнина. И, наконец, Морелль считал чрезвычайно однообразное вегетарианское питание Гитлера причиной спазмов желудка, поскольку оно вело к раздражению слизистых оболочек желудка.

Как бы сомнительны ни были лечебные мероприятия Морелля, Гитлер поверил в них. А когда менее, чем через месяц экзема исчезла, он объявил Морелля чудодоктором, спасшим ему жизнь. Поэтому, вспоминая о прежнем безуспешном лечении у известного профессора

Густава фон Бергмана из клиники Шарите и у доктора Эрнста-Роберта Гравитца, руководителя Красного Креста, Гитлер с торжеством и восхищением заявлял: «Гравитц и Бергман заставляли меня голодать. Они разрешали мне употреблять только чай и сухари... Я был так слаб, что с трудом мог сесть за письменный стол. Потом пришел Морелль и вылечил меня».

В приливе новых жизненных сил, с чувством глубокого удовлетворения собственной особой и в сознании избранности «божественным провидением» 30 января 1937 года Гитлер вновь предстал перед рейхстагом. В одной из речей по случаю празднования четвертой годовщины своего канцлерства он патетически возвестил народу: «В этот день я смиренно воздаю хвалу провидению, милость которого позволила мне, некогда никому неизвестному солдату мировой войны... отвоювать нашему народу честь и порядочность». Какими средствами он собирался добиться этой цели, в частности, путем беспощадных преследований и уничтожения инакомыслящих, Гитлер вскоре дал понять на торжественном открытии Дома немецкого искусства в Мюнхене. Перед этим жюри, исходившее при отборе из чисто художественных критериев, включило в состав экспозиции много современных картин. Гитлер, считавший такое искусство «вырожденческим», заявил в своей речи при открытии, что в будущем от подобных художников необходимо будет избавляться, и недвусмысленно и цинично намекнул на то, как это будет происходить — их будут либо стерилизовать, либо преследовать как преступников: «Если они и вправду именно так видят действительность, то следует выяснить, какими причинами — механическими или наследственными — вызваны дефекты их зрения. В первом случае можно лишь выразить сожаление этим несчастным, во втором случае министерству внутренних дел крайне необходимо принять меры, дабы по меньшей мере пресечь дальнейшую передачу по наследству столь тяжких нарушений зрения. Если же модернистское искусство предстало перед общественностью

по иным причинам, то речь идет о деянии, подпадающем под действие уголовного права». Едва ли в предшествующей истории найдется другой случай, когда бы убийственный цинизм совершенно одержимого манией величия и нарциссизмом диктатора, притом совершенно некомпетентного, был выражен более явным и зловещим образом! Заносчивость и высокомерие Гитлера, однако, еще далеко не исчерпали своих резервов. В феврале 1938 года он преподнес сюрприз своим генералам, сообщив о том, что немедленно принимает на себя верховное командование вермахтом. Держа курс на большую войну, он в качестве первой цели наметил присоединение к «третьему рейху» своей «родины» Австрии, и, верный уже вполне сложившемуся мессианскому чувству, провозгласил: «На меня возложена историческая задача, и я ее выполню, ибо предназначен к тому провидением... Я верю, что такова была воля Всевышнего, посланного оттуда в рейх мальчика, позволившего этому мальчику вырасти, стать вождем нации, чтобы затем предоставить ему возможность вернуть свою родину в лоно рейха». В то, что именно такова была воля Всевышнего, уверовал, очевидно и кардинал Иннитцер, глава католической церкви Австрии. Кардинал осел Гитлера крестным знаменем и заверил его в верности австрийских католиков. Политика умиротворения, проводимая Чемберленом, не давала Гитлеру особых оснований опасаться за успех предприятия, однако он чувствовал себя все же не вполне хорошо, о чем свидетельствуют желудочные колики во время триумфального марша на Вену. Особенно сильны были эти колики в период промежуточной остановки в Линце, хотя их можно отнести на счет психосоматической реакции на слишком сильное радостное возбуждение.

При последующей аннексии Судетской области в 1938 году, а затем и оккупации остальной Чехословакии Гитлеру уже приходилось считаться с возможным вмешательством западных держав. В связи с этим ему потребовалось благословение единственного на то время

союзника — Муссолини. На сей раз причиной сильнейшего желудочного приступа, случившегося с Гитлером в поезде по пути в Рим, явились исключительно сильные психические перегрузки и опасения, что незапланированная война с Западом может помешать его навязчивым завоевательным планам на Востоке. Боли при этом были настолько сильными, что в течение нескольких часов он даже составлял завещание. Боли эти, однако, немедленно прекратились, как только отказ от притязаний на Южный Тироль позволил Гитлеру завоевать полную лояльность Муссолини. Дуче проявил полную готовность по-дружески прикрыть «непоколебимое решение фюрера стереть Чехословакию с карты мира».

Гитлер уже давно жаловался на непроходящую ангину и усиливающуюся хрипоту. По сообщению газеты «Таймс» за 14 ноября 1938 года, он еще осенью 1935 года обращался по поводу аналогичных жалоб к профессору Генриху Нойману — главному врачу ларингологической клиники Венского университета и признанному авторитету в своей области. Будучи, однако, ортодоксальным евреем, профессор Нойман вежливо, но решительно отклонил просьбу фюрера. Точно известно, что в мае 1935 года Гитлер обратился к главному врачу клиники болезней уха, горла и носа при Берлинском университете профессору Карлу фон Айкену. Профессор фон Айкен обнаружил у Гитлера доброкачественный полип голосовых связок и удалил его путем небольшого хирургического вмешательства на дому — операция проводилась в квартире Гитлера при рейхсканцелярии.

Тем временем появился повод, необходимый погромным настроениям, уже долгое время тлевшим в Германии. 8 ноября 1938 года был убит советник посольства Германии в Париже Эрнст фон Раг. Убийцей оказался молодой еврей по имени Гершель Гриншпан. С недвусмысленного одобрения Гитлера Геббельс спускает с цепи отряды штурмовиков СА, которые совершают грабежи и убийства по всей территории рейха. Из-за множества

разбитых стекол это событие получило название «хрустальной ночи» — таким образом организаторы попытались слегка завуалировать его злобный смысл. В ночь с 9 на 10 ноября были подожжены 250 синагог, разгромлено бесчисленное количество еврейских магазинов и квартир, 91 человек был убит, 25 тысяч евреев брошены в концлагеря.

Этим днем открывается радикальная фаза антиеврейской политики Гитлера. И на этот раз зарубежные государства не предприняли никаких, даже дипломатических шагов для того, чтобы положить конец эскалации этих отвратительных и преступных действий. Однако общественность понемногу начинала убеждаться в том, что «этот Гитлер», по выражению Андре Франсуа-Понсе, «способен на самый страшный кошмар, на самые дикие эксцессы и имеет самые бредовые амбиции». Зигмунд Фрейд, сумев добраться до спасительного Лондона, дополнил эту характеристику лапидарной фразой: «Вы никогда не можете знать заранее, что натворит сумасшедший».

В Англии и Франции наметился решительный диаметральный поворот общественного мнения, и доверие к Гитлеру как к партнеру по переговорам было утеряно навсегда. Однако крайний нарциссизм делал невозможным для Гитлера признание собственных ошибок, и реакцию заграницы он счел лишь временной потерей престижа. Похоже, что такого же мнения придерживалась и католическая церковь — 20 апреля 1939 года папа Пий XII лично направил в Берлин поздравление Гитлеру в связи с его пятидесятилетием, к которому присоединились немецкие епископы в своей благоподданнейшей молитве «о ниспослании божьего благословения фюреру и народу», в каковой настойчиво призывали всевышнего оказать помощь «фюреру и рейхсканцелеру, охранителю и умножителю рейха».

Лето 1939 года Гитлер провел в своей горной резиденции в кажущемся бездействии, что в некоторой мере сбilo с толку его противников. На самом деле он уже

провел все подготовительные мероприятия, предусмотренные планом аннексии Данцига и создания экстерриториального коридора в Восточную Пруссию. Детально планировав провокации с немецкой стороны, он угрожал польскому правительству, что при малейшем инциденте «Польша будет без всякого предупреждения разгромлена так, что от Польши и следа не останется». Принятие решения о военной агрессии облегчило Гитлеру подписание с Россией 23 августа 1939 года пакта о ненападении, секретным протоколом к которому регулировался будущий раздел Восточной Европы и, в частности, Польши. Теперь он с открытыми глазами готовился бросить вызов судьбе, забыв о собственном пророчестве, записанном в «Майн Кампф», в соответствии с которым любой немецко-русский пакт непременно приведет к военному столкновению, что будет «означать конец Германии».

Вторая мировая война

Насколько угрожающие размеры приобрела к этому времени мания величия Гитлера и в какой мере он постепенно утрачивал самокритичность, показывают следующие его слова, которыми он оправдывал решение начать военные действия, в речи, произнесенной перед генералами 22 августа 1939 года: «При всей скромности должен сказать, что дело и в моей особе. Дело во мне, в моем существовании, в моих политических способностях, ибо остается фактом, что скорее всего никто и никогда не сможет завоевать доверие всего немецкого народа. Едва ли в будущем появится человек, у которого будет больше авторитета, чем у меня. Итак, мое существование — это фактор большой ценности».

Начатый 1 сентября 1939 года блицкриг против Польши открыл новую эру в военном искусстве. В течение первых двух дней была полностью уничтожена польская авиация, еще через два дня тридцать пять польских дивизий были либо окружены, либо находились на грани

полного уничтожения. 17 сентября части Красной Армии перешли восточную границу Польши, но еще до того, как русские начали захват Польши и балтийских государств, Гитлер уже успел превратить остальную Польшу в «бойню». Эти зверства, от которых Советы очень старались не отстать, сопровождались беспощадным изгнанием более чем миллиона поляков. Сразу же после завершения польской кампании на восток пошли первые эшелоны с евреями. Опытавшийся оргией уничтожения и разрушения, Гитлер не испытывал уже ни малейших сомнений и дал полную волю своим преступным наклонностям и своим бредовым идеям. Ярким примером этого является чудовищный приказ фюрера от сентября 1939 года, предписывавший уничтожить всех страдающих неизлечимыми болезнями, а также душевнобольных немцев как «лишних едоков».

Жертвой этого приказа об уничтожении душевнобольных и прочих людей, которым был привешен циничный ярлык «малоценная жизнь», стали примерно пять тысяч детей и сто тысяч взрослых. Наряду с приказами об убийстве миллионов евреев и иных людей, названных им расово неполноценными «недочеловеками», этот приказ считается одним из самых тяжких преступлений Гитлера. Так называемая «программа эвтаназии» не имела, естественно, ничего общего с истинным понятием эвтаназии — помощи при умирании с целью облегчения смерти человеческому существу, заведомо обреченному на мучительное угасание. Этот приказ являлся крайним случаем массового умерщвления «недостойных жизни» людей, не имевшим равных в истории. Элис Миллер полагает, что ей удалось обнаружить глубинный психологический мотив, вызвавший к жизни концепцию этого жестокого тайного приказа Гитлера. В детстве Гитлер ежедневно сталкивался со своей теткой Иоганной Пёлыдль, которая была от рождения горбата, а впоследствии заболела шизофренией. Он так никогда и не смог до конца преодолеть эту юношескую травму, и данное обстоятельство в какой-то

степени обусловило его решение беспощадно уничтожить душевнобольных, калек и прочих людей с физическими недостатками или больных. Подобные изыскания в области глубинной психологии, безусловно, интересны, однако они не отвечают на вопрос, почему такого рода юношеская травма, пережитая многими людьми, привела у Гитлера к абсолютному исчезновению моральных барьеров на пути реализации преступных побуждений. Отто Дитрих, на протяжении многих лет возглавлявший печать рейха, выразил это позднее следующими словами: «При выборе средств... у него полностью отсутствовало чувство добра и зла, отсутствовал моральный императив». Таким образом, к этому времени уже весьма далеко зашло разрушение структурного барьера, в котором де Боор усматривает важнейшую причину появления на свет чудовищного приказа об эвтаназии, который позволяет отнести Гитлера «к прототипу злостного преступника, который с моральной точки зрения представляет собой *tabula rasa* в тех сферах, где у других правонарушителей обнаруживаются как минимум остатки ранее существовавшего структурного барьера. Утрата же структурного барьера представляет собой одно из самых страшных явлений, известных эмпирической криминологии. Подобный распад нормативной субстанции встречается только у массовых убийц».

Возмущение жестокостью действий «фюрера» нашло свое отражение в формировании в Германии нескольких групп сопротивления с целью устранения диктатора, однако планам этих заговоров не суждено было осуществиться. Такая судьба постигла план полковника Ганса Остера, подобным же образом не удалась попытка покушения краснодеревщика Георга Эльзера 8 ноября 1939 года в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», которая сорвалась по чистой случайности. Известие о неудавшемся покушении необычайно усилило в Гитлере уверенность в его предназначении, и он хриплым от возбуждения голосом воскликнул: «Теперь я совершенно спокоен! То, что я ушел из Бюргербройкеллера раньше

обычного, подтверждает: провидение желает, чтобы я достиг своей цели». К этому мнению, высказанному глубоким грудным голосом, что свидетельствовало о полной убежденности, тут же присоединился мюнхенский кардинал Фаульхабер, немедленно направивший Гитлеру поздравительную телеграмму и отслуживший в церкви Фрауэнкирхе молебен с тем, чтобы, как он выразился, «от имени паствы возблагодарить божественное провидение за счастливое спасение фюрера». Вздвигнутый Геббельс записал в своем дневнике: «Он умрет только тогда, когда его миссия будет выполнена».

Как никогда увсеренный в своих качествах вождя и в своей миссии, Гитлер 10 мая 1940 года начал западную кампанию. Более удачная стратегическая концепция, трехкратное превосходство в воздухе и небывалое доселе массированное применение танков привело к тому, что уже 25 июня все было кончено. Когда в этот день Гитлеру доложили, что Франция просит о перемирии, он на глазах у ошарашенных генералов истерически исполнил настоящую пляску святого Витта, оставшуюся запечатленной на фотографии. Под гипнозом военных и политических успехов нарциссизм Гитлера достиг небывалой высоты. В разговоре с одним из партийных функционеров он, преисполненный наглой заносчивости, заявил, что первым и единственным из смертных вознесся в «статус сверхчеловека», в связи с чем его следует рассматривать как «не столько человеческое, сколько божественное» существо, которое стоит «над законом» и к которому «неприменимы условности человеческой морали».

Большинство немцев созерцало события, приведшие в конечном итоге к развязыванию войны, совершенно безучастно, и весть о ее начале прозвучала для них громом среди ясного неба. Соотечественники были бы куда больше обеспокоены, будь им известны истинные черты характера их фюрера. В 1970 году Мазер предложил немецкому графологу Зигурду Мюллеру провести анализ фрагментов завещания Гитлера от 2 мая 1938 года,

которое было написано во время поездки в Рим для встречи с Муссолини. Имя автора текста графологу названо не было. Вот резюме Мюллера касательно существенных черт характера Гитлера того времени: «Ложные представления, ограниченная способность к критике и суждению, непостоянство и ненадежность, целеустремленность со склонностью к умозрительности, заторможенная способность к контактам с людьми вследствие своеправия и догматизма, ярко выраженная бесцеремонность и тенденция к неумеренным претензиям в связи со стремлением к расширению жизненного пространства».

Начиная с 1940 года у Гитлера стала заметна тенденция к повышению кровяного давления. Это показало медицинское обследование, проведенное в январе. Что же касается версии некоторых авторов о том, что в венские годы Гитлер подхватил сифилис и в дальнейшем страдал от последствий прогрессивного паралича, то она не подтверждается. Подобные умозрительные рассуждения основаны преимущественно на намеках массажиста Гиммлера финна Феликса Керстена, которому его клиент якобы сказал, что во время первой мировой войны Гитлер заразился сифилисом. Отрицательный результат серологического исследования от 15 января 1940 года, конечно, не может полностью исключить заражения сифилисом в более ранний период, но гарантированно исключает наличие незалеченного прогрессивного паралича. Этот же вывод подтверждается совершенно нормальным результатом офтальмологического исследования, проведенного профессором Вальтером Леляйном из берлинской клиники Шарите.

Несмотря на неоднократные предупреждения с британской стороны, наступление огромной немецкой армии, начавшееся 22 июня 1941 года, застигло Советский Союз врасплох. Директива Гитлера по этой операции, получившей название «Барбаросса», предусматривала в качестве ближайших целей оккупацию балтийских государств, захват Ленинграда и прорыв на юг в направлении Киева до

Днепра с тем, чтобы лишить Советы важнейших сельскохозяйственных и промышленных районов. Отдаленной целью Гитлера являлось создание империи с восточной границей по линии от Архангельска на Белом море до Астрахани на Каспийском. Однако из протокола совещания в ставке от 17 февраля 1941 года нам известно, что планы Гитлера, одержимого безмерной жадной властью и завоеваний, устремлялись к мировому господству. Для осуществления этих планов он затребовал разработку возможности ввода немецких войск в Афганистан с последующим завоеванием Индии, целью которого было разрушение мировой британской империи.

Однако его стратегический план претерпел изменения уже в начальной фазе. Летом 1941 года, находясь в своей ставке «Волчье логово» в болотистой местности под Растенбургом в Восточной Пруссии, Гитлер перенес заболевание, сопровождавшееся поносом и высокой температурой, возможно, вызванное дизентерийной инфекцией. В это время его генералы попытались перечеркнуть первоначальный план и начать танковое наступление на Москву. В конце концов Гитлер задним числом утвердил это предприятие приказом от 12 августа 1941 года. В конце 1941 года у Гитлера отмечались нарушения сердечной деятельности и кровообращения, о которых нам стало известно из описания спора на повышенных тонах между Гитлером и его министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом. Посреди напряженной дискуссии Гитлер внезапно мертвенно побледнел и, хватаясь за сердце, упал на стул. После продолжительного тягостного молчания он сказал: «Я уж подумал, что у меня инфаркт». Вероятно, под влиянием сильного возбуждения произошло значительное повышение давления, которое привело к временному сокращению поступления кислорода через коронарные артерии сердца, сопровождающееся симптоматикой стенокардии, что неоднократно приходилось наблюдать личному врачу Гитлера Морелю. Соответствующие изменения коронарных сосудов

диагностировал также главный врач кардиологической клиники в Бад-Наугейме профессор Альфред Вебер, расшифровав электрокардиограмму, которую ему передал доктор Морелль, не раскрывая имени пациента.

Состояние кровеносной системы Гитлера в то время характеризует следующий эпизод. Из записей доктора Морелля за 7 августа 1941 года следует, что после продолжительного полета его пациент жаловался на головокружение, шум в левом ухе и «странное ощущение» в области выше левого виска. Давление крови было существенно повышено. На сей раз имели место легкие нарушения кровоснабжения в области сосудов мозга. Сопровождавший Гитлера в полете его военно-воздушный адъютант Николаус фон Белов в своих воспоминаниях ошибочно назвал это недомогание «легким инсультом».

Невропатолог из Кельна Эллен Гиббельс провела кропотливый систематический неврологический анализ огромного количества киноматериалов из более чем сотни киножурналов. Результаты этого анализа однозначно показывают, что, даже если учесть величественную моторику Гитлера, которая во время больших торжественных мероприятий носила особо подчеркнутый характер по причине крайне завышенной самооценки, с середины 1941 года можно отметить ограниченную подвижность его левой руки и «легкую общую скованность моторики» — патологическое явление, которое не наблюдалось ранее, а в последующие годы проявлялось во все более и более выраженной форме.

После внезапного нападения на Россию у Гитлера произошло окончательное разрушение «структурного барьера», того социокультурного императива, который предотвращает тяжкие агрессивные реакции даже при сильнейшем эмоциональном напоре и который в крайних случаях является наиболее эффективным механизмом торможения убийства. У Гитлера этот механизм в принципе отказал уже во время выборов в рейхстаг в марте 1933 года, когда произошло хладнокровное убийство

пятидесяти одного политического противника. В том же году, по данным Э. Когона, на полные обороты были запущены уже пятьдесят концлагерей. С началом русской кампании его ничем не ограниченная тяга к зверству, жестокости и уничтожению расцвела наиболее пышным цветом. Директивой главного командования вермахта от 8 сентября 1941 года он лишил «расово неполноценных» русских военнопленных всякого права на достойное обращение в соответствии с законами войны. Поэтому каждому немцу давалось право применять по отношению к ним любые, даже самые беспощадные меры. Этот бесчеловечный приказ является причиной того, что в феврале 1942 года из четырех миллионов советских военнопленных, попавших в плен, в живых остался всего один миллион.

Столь же мало эмоций проявлял Гитлер и по отношению к собственным солдатам. Когда его лучший танковый генерал Гудериан указал на нечеловеческие условия, в которых вынуждены были воевать его солдаты, Гитлер сделал ему выговор: «Вы слишком жалуете солдат. Смотрите на вещи шире. Поверьте мне, издали виднее!» И когда речь зашла о выживаемости родины, он совершенно спокойно заметил: «И этот вопрос меня совершенно не волнует. Если немецкий народ не готов пожертвовать всем для своего выживания, значит, он должен погибнуть».

Одновременно с нападением на Россию началась подготовка к запланированным массовым убийствам европейских евреев. Уже в начале июля 1941 года он похвально заявил: «Я чувствую себя Робертом Кохом в политике. Он открыл бациллу и указал медицине новые пути. Я распознал в еврее бациллу, разлагающую общество». Вопреки некоторым версиям «смягчающего» характера, которые имеют хождение даже в наши дни, Гитлер совершенно однозначно был главной инстанцией по всем вопросам, касающимся «окончательного решения», и именно так это воспринималось его сотрудниками. И Рудольф Гесс, злобещий комендант Освенцима, и

Адольф Эйхман показали на допросах, и это зафиксировано в протоколах, что «фюрер приказал приступить к физическому уничтожению евреев» и осуществить «окончательное решение еврейского вопроса».

Сопровождавшееся большими потерями отступление немецких войск со слишком далеко выдвинутых позиций, а также намечавшийся перелом на североафриканском театре военных действий делали военную ситуацию в конце 1941 года не слишком радужной для Гитлера. Однако поначалу эти неудачи не оказали на него отрицательного влияния ни в физическом, ни в психическом плане. До 1939 года для Гитлера была характерна способность удивительно быстро и правильно оценивать события внешней и внутренней политики. Однако с начала 1942 года наступает необратимый процесс разлада с действительностью. Именно в этом «игнорировании нежелательных фактов» кроется причина грядущих поражений катастрофического масштаба, и не подлежит сомнению, что представление Гитлера о себе как о «сверхчеловеке» в смысле Ницше вообще не допускало мысли о том, что он способен к неправильной оценке или тем более к ошибочным действиям. Характерно следующее высказывание Гитлера, о котором сообщает Ганс-Юрген Айтнер: «В течение почти двадцати лет огромных реальных успехов время было послушно мне и тем самым подтвердило, что я — нелогичный, уникальный гений человечества». Нечто похожее он сказал зимой 1941/42 года одной из своих секретарш: «Когда мой взор парит высоко над землями Берхтесгадена и Зальцбурга... вдалеке от повседневности, во мне вызываются гениальные творения, которые переворачивают мир. В эти мгновения я чувствую, что более не принадлежу к смертным».

В том, что Гитлер вообразил себя полубогом и уникальным стратегическим гением, повинны и его генералы, в первую очередь генерал-фельдмаршал Кейтель, получивший прозвище «Лакейтель». А может быть, они и вправду

верили, что в лице своего верховного главнокомандующего имеют «могучего, мистического сверхчеловека». Наверное, поэтому эти генералы с беспощадной жесткостью преследовали любой намек на унижение достоинства фюрера, не говоря уже о насмешках над ним. Страшным примером этому является история бывшего одноклассника Гитлера Ойгена Васнера. Васнер служил в пехотной части на южном участке Восточного фронта и как-то рассказал своим однополчанам смешной эпизод, случившийся с восьмилетним Адольфом Гитлером. Этот рассказ сохранился в протоколах суда над Васнером и был опубликован его защитником под названием «Детские проказы в Леондинге». Наряду с другими провокационными высказываниями Васнер якобы сказал своим товарищам: «Ах, этот Адольф! Да он с детства придурковат, ему же козел полился откусил! ... Ну да, я сам видел. Адли поспорил, что пописает козлу в пасть. Мы над ним посмеялись, а он сказал: «Пошли на луг, там козел пасется». Пришли на луг, я зажал козла между ног, другой парень раздвинул ему зубы палкой, и Адольф пописал козлу в пасть. Он еще не кончил писать, а парень выдернул палку, козел подпрыгнул и укусил Адольфа за палец. Адли жутко зорал и с воем убежал». За эту безбидную историю Васнера привлекли к ответственности, поместили в военную тюрьму Шпандау и, несмотря на отчаянные усилия его защитника Гюстрова, приговорили к смертной казни за «подлугу клевету на фюрера и разложение вермахта». И хотя бедняга до последней минуты клялся «Иисусом и Марией», что рассказал «святую правду», он был казнен. Подобная неспособность списать обиды без агрессивных реакций принадлежит к числу типичных признаков социально незрелого индивидуума. Речь идет о так называемой фрустрационной нетерпимости (низкого барьера фрустрации), которая для криминологов является важной уликой, позволяющей объяснить аномальное поведение правонарушителя. Упомянутый пример позволяет предположить, что фрустрационная терпимость у Гитлера с самого начала была очень

слабо выражена, то есть в нем уже биологически был заложен высокий потенциал агрессии.

Если в ходе разрушительного процесса злоупотребления властью его механизмы внутреннего сдерживания почти полностью распались, то после введения 26 апреля 1942 года «закона о сверхчрезвычайных полномочиях», объединившего и исполнительную, и законодательную власть в руках фюрера, исчезли и внешние, формальные тормоза, которые еще мешали Гитлеру полностью вкусить от абсолютной власти и не давали почувствовать себя богоравным существом, которому дано распоряжаться жизнью и смертью. В этом законе, наряду с прочим, говорится: «Фюрер... как вождь нации, верховный главнокомандующий вермахта, глава правительства, обладатель высшей исполнительной власти, высшая судебная инстанция и вождь партии должен всегда в случае необходимости иметь возможность принудить любого немца... любыми средствами, которые он почитает уместными, к исполнению его обязанностей, а в случае нарушения этих обязанностей после добросовестной проверки наложить наказание, которое он почитает уместным, невзирая на так называемые приобретенные права». Этот преступный закон, отдававший каждого отдельного представителя населения Германии во власть прихоти и произвола всемогущего диктатора, послужил достаточным основанием для распространения страха и беспокорности. Однако недоброй славы конференция в Ванзее 20 января 1942 года, на которой было принято постановление об «окончательном решении еврейского вопроса», стала сигналом к началу поставленного на индустриальную основу массового уничтожения не только немецкого, но и всего европейского еврейства, вплоть до полного истребления. Этим было положено начало самому страшному в истории человечества, геноциду, жертвами которого стали примерно шесть миллионов евреев и которое в Израиле и англо-ворящем мире обозначают словом «холокост».

С весны 1942 года ни физическое, ни психическое состояние Гитлера уже ни в коей мере не соответствовало «железной натуре фюрера», как это пыталась изобразить пропаганда. У него вновь и вновь появлялись сильные головные боли, и в его окружении обратили внимание на то, что хваленая память начала его подводить. Незадолго до переноса ставки фюрера из Восточной Пруссии на Украину, в Винницу, он заболел «тяжелым головным гриппом» (выражение доктора Морелля). При этом Гитлер жаловался на повышенную чувствительность к свету. В Виннице 22 июля 1942 года на фоне временного повышения кровяного давления у него возникли сильные боли в лобной области головы и произошло ухудшение зрения правым глазом, которое, однако, быстро восстановилось. Когда к концу 1942 года стала обозначаться сталинградская катастрофа, ответственность за которую нес только он один, началось усугубление также той симптоматики, которая впервые проявилась в середине 1941 года и вплоть до самого конца лишь прогрессивно усиливалась — речь идет об ограничении подвижности левой руки при содружественных движениях и жестикляции, а также тремор левой кисти. Хайнц Линге, в течение многих лет бывший камердинером Гитлера, в своих воспоминаниях «*Bis zum Untergang*» («До последнего дня»), опубликованных в 1980 году, так рассказывает об этом: «В конце 1942 года, когда положение под Сталинградом стало угрожающим, у него появилась дрожь в левой руке. С большим трудом ему удавалось подавить ее настолько, чтобы это не было заметно чужим». К этому добавился гипокинез (снижение подвижности) правой руки. Нарушилась также и его прежде идеально прямая осанка, что однозначно констатировала Эллиен Гиббельс на основе анализа кинодокументов.

Сегодня не подлежит сомнению, что после сталинградской катастрофы Гитлер уже не верил в победу и отметал всякую возможность прекращения войны только потому, что его единственной целью стало собственное

выживание. Поэтому отныне его решения были направлены не на достижение победы, а на максимальное затягивание войны в надежде выиграть время. Когда ему стало ясно, что первая его цель — распространение немецкого господства на всю Европу, достигнута не будет, он, как, скорее всего, правильно полагает Хафнер, бросил все силы на достижение второй цели — истребления евреев. Если среди евреев кто-то ожидал, что с началом военных неудач Гитлера в 1943 году в их положении произойдут изменения к лучшему, то его ждало горькое разочарование. Гитлер не только не притормозил машину уничтожения, работавшую на полную мощность со времен конференции в Ванзее, но, наоборот, распорядился интенсифицировать сатанинский процесс и резко увеличить суточную норму истребления жертв. Фанатическая ненависть и жажда убийства были в нем столь сильны, что интерес к массовым убийствам, совершаемым по его приказу, порой был сильнее интереса к военным и политическим делам.

Циничный доклад врача концлагеря Дахау

*Д-р медицины С. Рашер
Гауптштурмфюрер СС*

Мюнхен, 17 февраля 1943 г.

*Рейхсфюреру и начальнику
немецкой полиции
г-ну Генриху Гиммлеру
Берлин
Принц-Альбрехт-Штрассе 8*

Многоуважаемый рейхсфюрер!

В приложении направляю Вам краткую сводку результатов, полученных в опытах по разогреванию охлажденных людей животным теплом.

В настоящее время я работаю над экспериментальным доказательством того, что люди, охлажденные сухим холодом, могут быть вновь разогреты столь же быстро, как и люди, охлажденные за счет пребывания в холодной воде.

Главный врач СС группенфюрер СС д-р Гравиц самым серьезным образом усомнился в такой возможности и высказал мнение о том, что для доказательства мне потребуется 100 опытов. До настоящего времени я провел охлаждение примерно 30 человек, которые в течение 12 — 14 часов раздетыми охлаждались на открытом воздухе до температуры 27° — 29°. Спустя один час — время, необходимое для транспортировки, подопытные помещались в горячую ванну. До настоящего времени все пациенты в течение одного часа внутренне полностью отогрелись, если не считать частично побелевших ступней ног и кистей рук. У некоторых подопытных на следующий день наблюдались незначительная бледность и легкое повышение температуры. До настоящего времени я не наблюдал ни одного летального исхода в результате описанного выше чрезвычайно быстрого разогревания. Предусмотренные Вашим, многоуважаемым рейхсфюрер, приказом, опыты по отогреванию в сауне мною не могли быть проведены до настоящего времени по причине того, что в декабре и ноябре вода была слишком теплой для опытов на открытом воздухе, а в настоящее время в лагере установлен карантин из-за эпидемии тифа и не представляется возможным помещать подопытных в сауну, предназначенную для чино СС. Мне сделали несколько прививок и, невзирая на тиф, я продолжаю проводить опыты в лагере. В связи с предстоящим в скором времени моим переводом в ваффен-СС считаю возможным предположить, что проще всего было бы направить меня совместно с Неффом в Освенцим для проведения там большой серии опытов по отогреванию людей после сильного охлаждения в сухопутных условиях. Освенцим во всех отношениях подходит для проведения такой серии опытов лучше, чем Дахау, во-первых, по причине более холодного климата и, во-вторых, из-за больших размеров территории опыты привлекают к себе меньше внимания в самом лагере (подопытные орут(!), когда сильно мерзнут).

Если, многоуважаемый рейхсфюрер, перенос этих

чрезвычайно важных для сухопутных войск опытов в Освенциме (или Люблине, или любой иной лагерь, расположенный на востоке) согласуется с вашими намерениями, то я покорнейше прошу Вас как можно скорее отдать мне соответствующий приказ, поскольку в этом случае удастся использовать оставшуюся часть холодного зимнего периода.

*Прошу Вас принять мои заверения
в глубоком почтении и благодарности
Хайль Гитлер!
Всегда преданный Вам
С. Рашер*

Методы, примененные Гитлером для истребления евреев, характеризуют его как чудовище, равное которому едва ли можно найти в истории. Гитлер любил сравнивать себя с Александром Великим, Фридрихом Великим и Наполеоном, которые также пролили много крови в завоевательных войнах. Однако от этих деятелей его принципиально отличает то, что он умертвил миллионы невинных и не совершивших ничего предосудительного людей, включая грудных детей и стариков, исходя не из военных соображений и даже не в борьбе за политическую власть, а исключительно из чувства личной мести и сатанинской жажды убийства людей, которых он, под воздействием бредовой идеи просто объявил «неполноценными». Тот факт, что это в конечном итоге было осуществлено по продуманной, технически рациональной индустриальной технологии, на все времена оставило на Гитлера, по выражению Хафнера, клеймо «обыкновенного массового убийцы».

В феврале 1943 года, находясь в своей ставке в Виннице, Гитлер вновь заболел «инфекцией, напоминающей грипп». От его окружения не укрылась общая замедленность движений и в целом потрепанный вид — выпученные лишенные блеска глаза, неподвижный взгляд, повышенная возбудимость, сутулая осанка вследствие

искривления позвоночника. Все это создавало впечатление, что Гитлер сильно сдал. Когда в марте 1943 года, незадолго до полного краха немецких войск в Северной Африке, Гитлер возвратился из Винницы в ставку «Волчьего логова» в Восточной Пруссии, он выглядел стариком. Его старческое упрямство и полное отсутствие стратегических идей все больше приводили генеральный штаб к отчаянию. Доктор Морелль назначил Гитлеру глюкозу, витамины в больших дозах, вытяжку из семенных пузырьков и тканей предстательной железы (для снятия депрессивного состояния), но эти методы были бессильны остановить общее ухудшение его состояния.

Обеденное меню фюрера

7 июня 1943 года

Апельсиновый сок с отваром льняного семени
Рисовый пудинг с соусом из трав
Хрустящие хлебцы D с маслом
Паста Нукко

Когда весной 1943 года Гитлер прибыл на отдых Бергхоф близости от Берхтесгадена, Ева Браун была поражена тем, как он изменился. Она говорила секретарше Гитлера: «Он постарел и стал мрачным». Она заметила, что после долгого состояния у него начинали дрожать колени. Врачи советовали больше двигаться, больше спать, принимать массаж. Гитлер решительно отверг эти рекомендации, несмотря на сообщение доктора Морелля о том, что последняя кардиограмма показала ухудшение состояния. Недоверчивость, во все времена присущая его характеру, достигла таких размеров, что теперь блюда, поступавшие на его стол из кухни санатория доктора Вернера Цабеля в Берхтесгадене, должны были пробовать два стоявших за его спиной эсэсовца, и лишь после этого Гитлер решался что-то съесть.

В феврале 1944 года Гитлер ощутил резкую колющую

боль в левом ухе и одновременно с этим стал видеть окружающее как бы через какую-то пелену. Офтальмологическое обследование, проведенное профессором Вальтером Леляйном в берлинской клинике Шарите, выявило сильное помутнение правого глаза вследствие внутриглазного кровотечения. В качестве терапии было назначено облучение и закапывание в глаз гомотропина. К концу марта кровотечение в значительной степени рассосалось и диффузная пелена перед глазом постепенно исчезла. Профессор Леляйн прописал Гитлеру бифокальные очки, бывшие в то время редкостью. Гитлер нуждался в очках уже довольно давно, но известно об этом было очень немногим людям, поскольку он никогда не появлялся в очках на публике, а тексты его публичных речей отпечатывались огромными буквами на специальной «фюрерской машинке». На штабных совещаниях он рассматривал карты, пользуясь очень большой лупой, что также не укрылось от внимания присутствовавших. Такая лупа позволяла ему сразу осматривать большие участки карты.

После высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 года всем стало ясно, что окончательное поражение Германии неизбежно. Гитлер и сейчас не собирался заключать мир. Это объяснялось в первую очередь тем, что для него судьба немецкого народа все больше становилась не более, чем придатком к его жалкому существованию, и он не останавливался ни перед какими жертвами, если эти жертвы могли хоть на пару месяцев продлить это существование. Подобная готовность жертвовать населением позволила Гитлеру вопреки рассудку и действительности внушить и населению, и себе самому уверенность в победе. Корни этой уверенности следует искать по-видимому, в присущей Гитлеру вере во всемогущество воли. Мы располагаем подтверждениями того, что Гитлер обладал способностью при помощи своей воли чуть ли не демонически переубеждать людей и велять в них мужество. По словам Франца Гальдера, до сентября 1942 года начальника генерального штаба, Гитлер был едва

ли не «воплощением грубой воли». Криста Шредер, личный секретарь Гитлера, на вопросе у союзников показывала: «Он был одержим манией и считал, что его железной воле доступно все... Сила его воли была чудовищна». В соответствии с учением Ницше и Шопенгауэра, считавшими волю инструментом закона природы, Гитлер выразил волю к чему-то абсолютному. Тем самым он одновременно скрыть попытался субъективное Я за объективным принципом. Каким образом подобное субъективное волеизъявление отображается в объективном мире, на самом демагоге и на его аудитории, весьма красочно описал еще сам Ницше: «Для всех великих обманщиков знаменателен следующий процесс, которому они обязаны обретением власти. В собственном акте обмана, в ходе подготовки к нему, при постановке страшного голоса, отработке выражений и жестов, разработке сценария к обманщику приходит вера самому себе: вот он, тот самый, который будто по мановению волшебной палочки может уговорить ближних... Ибо человеку свойственно верить в то, во что явно и крепко верят другие».

Зная значение воли, Гитлер всегда ревностно стремился оградить свою якобы необычайную силу воли от любых влияний, способных отрицательно сказаться на ней. Об этом свидетельствует, в частности, резкое неприятие любых сведений о численности войск и оборонном потенциале противника, а также упорный отказ собственными глазами убедиться в катастрофическом положении на фронте или в разрушенных бомбежками немецких городах. Самоизоляция в бункере рейхсканцелярии в последний период также преследовала цель уйти от отрезвляющей и ужасной действительности, которая могла бы разрушить волю к сопротивлению.

Уже в 1938 году в среде немецких офицеров возникла группа сопротивления против Гитлера. Только в 1943 году было организовано 7 попыток покушения, но все они оказались неудачными. Лишь с приходом в это движение полковника графа Шенка фон Штауфенберга

появилась харизматическая личность, энергия которой дала заговору шансы на успех. Однако 20 июля 1944 года тщательно спланированная попытка покушения не увенчалась успехом. Это случилось потому, что непосредственно перед взрывом бомбы Гитлер без видимых причин перешел на другую сторону дубового стола, за которым проводилось совещание в его ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии. Это практически полностью вывело его из зоны поражения взрыва.

То, что он и на этот раз вышел живым из подобной передраги, еще больше укрепило веру Гитлера в свою избранность и особое покровительство providения. Подтверждением этого могут служить слова Гитлера, обращенные к доктору Морелло: «Я неуязвим, я бессмертен». Находившийся у него в это время с визитом Муссолини, будучи суеверным итальянцем, также поверил в это. Однако с медицинской точки зрения последствия этого покушения оказались не столь уж незначительными. Сопровождавший Гитлера эсэсовский врач Ганс Карл фон Хассельбах сделал ему перевязку и поместил поврежденную руку на перевязь. В кожу Гитлера впились множество деревянных осколков — только из ног их извлекли более сотни. На правом локте и левой кисти были кровоподтеки, правый лучезапястный сустав был вывихнут. На лице имелись незначительные резаные раны, на лбу — шрам, волосы на затылке были сожжены, из ушей шла кровь, Гитлер жаловался на вкус крови во рту. Военный врач доктор Эрвин Гизинг констатировал повреждение барабанных перепонки и прижег края ран «по желанию Гитлера без анестезии». Гитлер жаловался на сильную боль в ушах, правое его ухо временно полностью оглохло, острота слуха левым ухом несколько снизилась.

Немецкие генералы, начиная с русской кампании, жаловались на «безграничное патологическое недоверие Гитлера». Теперь его недоверие невероятно усилилось, вот что сообщает по этому поводу генерал-полковник Гейнц

Гудериан: «Глубоко укоренившееся в характере Гитлера недоверие к людям вообще и к генеральному штабу и генералам в частности перешло теперь в неприкрытую ненависть... Он уже не доверял никому. Разговаривать с ним всегда было тяжело, но теперь это превратилось в муку, которая из месяца в месяц все усиливалась». Наряду с психическими последствиями покушения этому также способствовало временное нарушение слуха, о чем мы узнаем от камердинера Гитлера Линге: «Теперь Гитлер принимал лекарства только из моих рук. Его недоверие вышло за всякие рамки. С начала октября он уже мог слышать шепот на расстоянии пяти-шести шагов, но это не уменьшило его подозрительности, которая превращала в ад не только его жизнь». Крайняя недоверчивость усилила боязнь контактов, свойственную Гитлеру с юности. Эта черта его характера, которую де Боор называет социальным аутизмом, осталось с ним до конца жизни. С давних времен явная неконтактность Гитлера находилась в странном противоречии с его способностью успешно подчинять своему влиянию как отдельных людей в своем окружении, так и массы с ораторской трибуны.

Еще одно последствие покушения состояло в том, что у Гитлера заметно снизилась способность контролировать эмоциональные взрывы, а поскольку его личности изначально был присущ низкий порог возбудимости, то теперь его все чаще охватывало «чрезмерное возбуждение», «приступы буйства, сопровождавшиеся самыми страшными ругательствами и болезненными реакциями на мелкие текущие события» или «припадками неопишущей ярости», о которых позднее рассказывали его генералы. После покушения неуправляемость Гитлера продолжала нарастать. Генерал Гудериан вспоминает: «Часто он терял самообладание и все меньше и меньше стеснялся в выражениях». Еще ярче описание, данное генералом Дитрихом фон Хольтицом, который вошел в историю как «спаситель Парижа»: «Но вот Гитлер перешел к событиям 20 июля. Я стал свидетелем взрыва души,

исполненной ненависти... Он сам себя вгонял в бессмысленное возбуждение, из рта его буквально шла пена, все тело его тряслось так, что письменный стол, за который он ухватился, также пришел в движение. Он обливался потом, и его возбуждение еще более возросло, когда он орал, что «эти генералы будут болтаться на виселице». И здесь я со всей определенностью понял: передо мной помешанный». Это впечатление еще более усиливал тот способ, которым он предавался своей садистской жажде мести уже после казни генералов, замешанных в заговоре. Он приказал снять на мясных крючьях при помощи рояльных струн, одновременно стягивая с них брюки, и затем многократно с удовольствием просматривал этот фильм. Сохранился только киноматериал, снятый во время показательных процессов, проходивших в народном суде под председательством злобешей «кровавой собаки» Роланда Фрайслера. Этот материал дает представление о нечеловеческих унижениях, которым подвергались обвиняемые, и вызывает глубокое уважение к их мужеству. Нисколько не взволнованный этими жуткими сценами, Гитлер в это же самое время писал своему «дорогому телятчику», как он часто называл Еву Браун, что у него все хорошо, не считая легкого утомления: «Я надеюсь, что скоро вернусь домой, чтобы отдохнуть в твоих объятиях. Я очень нуждаюсь в покое».

Почти чудом казался Гитлеру, что в результате сильного удара, полученного им при взрыве, дрожь в его левой руке и ноге внезапно прекратилась. Однако вскоре выяснилось, что это кажущееся улучшение носило временный характер, и скоро дрожь левой половины тела возобновилась. Кроме того, появились нарушения вестибулярного аппарата, выразившиеся в невольных отклонениях от движения по прямой. Он начал приволакивать ноги, что в дальнейшем становилось все более характерным для его походки. Сразу после неудавшегося покушения Гитлер находился почти в эйфорическом

состоянии, поскольку относительно безболезненно избегал преисподней, и снова уверился в своей миссии, но уже спустя несколько недель снова впал в депрессивное состояние. В подавленном настроении 31 августа 1944 года он заявил, что многочисленные поражения и личные разочарования иногда превращали для него жизнь в муку: «Если бы моя жизнь оборвалась 20 июля, то лично для меня это было бы... лишь избавлением от забот, бессонных ночей и тяжелого нервного заболевания». В общем и целом, мы не можем присоединиться к мнению Тревора-Ропера, который полагает, что «в физическом смысле события 20 июля не имели для Гитлера большого значения». Гораздо большее значение эти события, безусловно, имели для его генералов, многие из которых, начиная с этих дней, не испытывали к своему верховному главнокомандующему ничего, кроме презрения и отвращения. «Генерал пустыни» Эрнст Роммель, пользовавшийся уважением во всем мире, 6 сентября 1944 года выразил эти чувства так: «Этот патологический лежачий уже окончательно спятил. На людях 20 июля он показал свой истинный садизм, и это еще не конец».

На пути к концу

Тем временем мощное наступление американцев в Нормандии привело к развалу Западного фронта. Гитлер хотел было выехать туда и лично руководить операциями, но врачи категорически запретили ему это. В связи с непрекращающимися болями в лобной части головы профессор Айкен назначил кокаиновые капли в нос с целью снять отек слизистой и за счет этого добиться облегчения. Согласно сообщению лечащего врача Гитлера доктора Гизинга, 12 сентября после приема этих капель у его пациента произошла так называемая синкопа: у него потемнело в глазах, закружилась голова, и, потеряв равновесие, он был вынужден ухватиться за стол, чтобы не упасть. Это состояние, сопровождающееся сильным учащением

пульса, продолжалось не более 90 секунд. Однако 14 и 16 сентября 1944 года аналогичные приступы повторились, и теперь они сопровождались обильным холодным потоотделением. К головной боли прибавилась зубная, и профессор Гуго Бляшке, зубной врач Гитлера с 1933 года, удалил ему зуб. Зубы Гитлера уже на протяжении многих лет находились в неудовлетворительном состоянии. Немногие оставшиеся собственные его зубы были желтого цвета, нехватку зубов восполняли многочисленные мосты и коронки. Из 15 зубов нижней челюсти 10 были искусственными, в верхней челюсти 9 зубов были изготовлены из фарфора или золота. Отчет доктора Бляшке сыграл существенную роль при опознании трупа Гитлера.

Известие о десанте союзников у Арнема и Неймегена 17 сентября 1944 года произвело на Гитлера уничтожающее действие. У него случился сердечный приступ, и по предписанию одного из врачей он должен был соблюдать строгий постельный режим. Кардиограмма, снятая 24 сентября, выявила уже не только известные ранее признаки коронарной недостаточности, но и признаки, позволяющие предполагать, что Гитлер перенес инфаркт. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть с полной достоверностью эти подозрения профессора Альфреда Вебера, поскольку располагаем только отведениями от конечностей, отведение от грудной стенки отсутствует. Однако сопутствующие явления — сосудистый коллапс, обильное выделение холодного пота, общая слабость — являются доводами в пользу именно такого толкования данной кардиограммы. Боли в области лобных пазух становились все сильнее, Гитлер не мог нормально проспать ни одну ночь, и это вынудило его наконец согласиться сделать рентгеновский снимок черепа, для чего он был доставлен в растенбургский военный госпиталь. Рентгенографическое обследование выявило воспалительный процесс в области левой верхнечелюстной гайморовой пазухи и левой решетчатой кости, который являлся причиной приступов боли.

Тревожные известия с Западного фронта оказали действие и на его желудочно-кишечный тракт. Гитлер не принимал пищу, не хотел никого видеть и говорил, что испытывает столь сильные кишечные колики, что ему «порой хотелось громко кричать». По описанию камердинера Линге, колики были столь сильны, что Гитлер, пытаясь облегчить боль, подтягивал колени к животу, иногда у него происходили судорожные сокращения мышц лица. В таких случаях доктор Морелль наряду с обычными противосудорожными препаратами назначал и алкалоиды, в частности эвкодал. Окружение Гитлера единодушно сходилось в том, что фюрер никогда не выглядел таким дряхлым и не был таким равнодушным ко всем событиям, даже к ежедневным фронтовым сводкам. Причиной столь явной дряхлости и изможденности была новая подступающая болезнь — инфекционное воспаление печени, которым переболело бесчисленное количество солдат этой войны. Доктор Гизинг впервые отметил пожелтение кожи и конъюнктивы глаз 25 сентября. Теперь была ясна медицинская причина потери аппетита, из-за которой Гитлер в течение трех дней потерял три килограмма веса.

Дряхлость Гитлера и его депрессивное, апатичное настроение были, однако, следствием не только органического недомогания. Гораздо больше, чем головные боли, колики в животе и желтуха, его психическому упадку должны были способствовать ставшие известными документы, из которых следовало, что о заговоре 20 июля знало гораздо больше офицеров высшего командования армии, чем предполагалось вначале. Поэтому он почувствовал себя окруженным лишь врагами и предателями. Кризис доверия распространялся не только на ближайший круг его сотрудников, постепенно его объектами стали также врачи. Роль пускового механизма сыграла дискуссия о том, было ли обоснованным назначение доктором Мореллем так называемых «антигазовых пилюль» против сильного пучения живота, которым на протяжении многих лет страдал Гитлер. И

доктор Гизинг, и доктор фон Хассельбах, и доктор Карл Брандт, эсэсовские врачи, лечившие Гитлера в ставке, считали хроническое применение этих пилюль, содержавших наряду с атропином также стрихнин, неуместным и даже небезопасным, что было равнозначно дезавуированию доктора Морелля и его методов лечения. С современной точки зрения, возражения этих, скорее всего, не слишком компетентных врачей были совершенно необоснованными, так как содержание стрихнина в этих пилюлях было столь незначительно, что отравление полностью исключалось, даже если принимать их по шестнадцать штук в день. Эдлен Гиббельс указывает на то, что доктор Морелль, хоть и прописал антигазовые пилюли безусловно не по назначению, сам того не зная, способствовал этим снятию у Гитлера дрожи в руках, поскольку в этом препарате содержится такая же доля атропина, как и в препарате «Хомбург 680», который в то время применялся для лечения болезни Паркинсона по так называемой «болгарской методике».

Сомнения в верности личного врача в результате этой дискуссии носили временный характер, поскольку вскоре тот вновь взял верх над своими оппонентами и вернул полное доверие своего трудного пациента, а эсэсовцы доктор Брандт и доктор фон Хассельбах попали в немилость и были отстранены. Даже доктор Гизинг, которому Гитлер был весьма благодарен за его успешные отоларингологические мероприятия, утратил немалую долю доверия своего пациента, ибо являлся инициатором «дела об антигазовых пилюлях».

1 октября 1944 года, в день, когда союзники на западе достигли границы рейха, состоялся последний прием Гитлера доктором Гизингом. При закапывании кокаиновых капель произошел инцидент, который Гизинг позднее описал так: «... Гитлер сказал мне: “Загляните, пожалуйста, еще раз мне в нос и закапайте эту кокаиновую дрянь. С горлом у меня уже немного лучше, но я все еще хриплю». После этого... в лежачем положении... я закапал ему в

левую ноздрю 10%-ный раствор кокаина. Потом еще раз осмотрел уши и горло. Немного спустя Гитлер сказал: “Сейчас у меня в голове снова проясняется, и я чувствую себя так хорошо, что скоро, наверное, смогу встать. Только я... ощущаю сильную вялость, это от сильных кишечных колик и от того, что я мало ем». Еще через несколько мгновений я увидел, что Гитлер закрыл глаза, а его лицо, весьма красное до этого, побледнело. Я бросился считать пульс, он был ускоренный и мягкий... Я спросил Гитлера, как он себя чувствует, но не получил ответа. Было ясно, что произошел легкий коллапс... Раздался сильный стук, и Линге пошел к двери. Я пробыл с Гитлером наедине, вероятно, лишь несколько мгновений, потому что, когда Линге вернулся, он спросил меня, сколько времени мне еще нужно. Я ответил, очнувшись от своих мыслей: “Сейчас заканчиваю». В этот момент лицо Гитлера стало еще бледнее, по нему прошли короткие судороги, и он подтянул обе ноги к животу. Линге, увидев это, сказал: «У фюрера снова начинаются кишечные колики. Не трогайте его! Наверное, ему надо поспать». Мы потихоньку собрали инструменты и быстро вышли из спальни Гитлера».

Позднее на допросе доктор Гизинг сказал, что, оставшись в эти короткие мгновения наедине с Гитлером, собирался ввести ему смертельную дозу кокаина. Правда это или нет, узнать уже невозможно. Во всяком случае, начиная с 7 октября Гитлер больше к нему не обращался, а затем отправил в отставку, передав через Мартина Бормана чек на десять тысяч рейхсмарок. По рекомендации Гимmlера 31 октября на пост в ставке фюрера заступил доктор Людвиг Штумпфэггер, который быстро завоевал доверие Гитлера и оставался с ним до самого горького конца в бункере рейхсканцелярии.

16 ноября 1944 года Гитлер вновь попытался поставить все на карту, отдав приказ о начале арденнского наступления. Невзирая на плохое физическое и психическое состояние, он решил лично руководить военными операциями, для чего ставка была перенесена в

штаб-квартиру «Орлиное гнездо», выстроенную в гарах Таунус еще в 1939 году. Во время переезда туда в строго охраняемом специальном поезде он произвел на свое окружение столь подавленное и отсутствующее впечатление, что всеобщему удивлению не было предела. По сообщению его секретарши Траудль Юнге, «его голос превратился в тихий шепот, его глаза были устремлены либо в тарелку, либо на пятно на белой скатерти. Атмосфера была столь удручающей, что всех нас переполняли странные предчувствия». Подавленности Гитлера способствовало, по всей видимости, то обстоятельство, что он боялся потерять голос в результате предстоящей повторной операции полипов голосовых связок, которую профессор фон Айкен считал необходимой. Быстро поправившись после успешного хирургического вмешательства, он попытался разыграть перед своими офицерами энергичного и здорового фюрера старого стиля и тем самым вселить в них веру в замысел этой военной операции.

При ближайшем рассмотрении, однако, все выглядело совершенно иначе. Вот что сообщает генерал Хассо фон Мантейфель: «Это был сложенный человек с нездоровым цветом лица, его походка свидетельствовала об истощении, руки тряслись. Он сидел так, как будто на него давит груз ответственности. По сравнению с предыдущим совещанием в декабре его тело еще более одряхлело. Он превратился в старика». Другие свидетели также заметили эти изменения. И Гудериан, и Линге сообщают о замедленных движениях и шаркающей походке. Скорцени особенно бросилось в глаза, что Гитлер приволакивал левую ногу. Замечены были также сутулость и тремор — с декабря 1944 года дрожь охватила уже и правую руку. Дрожь обозначалась в моменты повышенного психического напряжения, что типично при болезни Паркинсона. Такой момент как раз и имел место перед началом арденнского наступления. Не исключено, что изменение голоса Гитлера также было обусловлено этим основным

заболеванием, которое приводит к снижению напряжения голосовых связок — в результате снижается громкость и мелодичность голоса, что и было замечено окружением Гитлера с середины 1944 г.

Успехов на начальной стадии арденнского наступления Гитлеру оказалось достаточно для того, чтобы временно настолько укрепить собственную веру в себя и свою способность к сопротивлению, что он сумел пробудить почти полностью угасшую веру в себя и у своих командиров. Профессор Карл фон Айкен, посетивший Гитлера в «Орлином гнезде» 30 декабря 1944 года с контрольной проверкой после операции, был потрясен восстановлением его конституции, способности говорить и верой в себя. Но уже три недели спустя арденнская битва была проиграна. 570 тысяч убитых — такова была цена этого кошмарного эксперимента, затеянного фанатиком, наносящим бессмысленные удары в приступах слепой ненависти, фанатиком, патологические навязчивые идеи и планы которого уже давно утратили реальную почву.

24 ноября 1944 года в связи с быстрым продвижением русских армий Гитлер приказал Гиммлеру закрыть и сравнять с землей лагерь уничтожения на востоке, для того чтобы скрыть и от врага, и от мировой общественности существование дьявольской машины, созданной с целью истребления евреев. Этот приказ удалось выполнить за единственным исключением: в ночь на 27 января 1945 года эсэсовские команды пыгались взорвать газовые камеры и крематории лагеря Освенцим (Аушвиц), но тщетно — в этот день Красная Армия освободила лагерь, и по крайней мере отсюда мы располагаем неопровержимыми наглядными доказательствами массового убийства евреев, поставленного на промышленную основу.

Военные поражения и невыносимые страдания гражданского населения главному действующему лицу предстоящей трагедии Германии были безразличны — Гитлера волновал лишь созданный им самим миф о его исторической миссии. Непокоримая вера в себя и в миссию,

возложенную на него провидением, по-прежнему не составляли его, правда, теперь уже с оговоркой, что в случае краха повинны будут чужие провалы и «гнусное предательство», не позволявшие ему выполнить исторические задачи. Генерал Франц Гальдер дает хорошую характеристику этому оторвавшемуся от действительности человеку, одержимому навязчивыми идеями и презирающему все человеческое: «Стоя на вершине власти, он очень часто произносил слово «Германия», но на самом деле Германии для него не существовало, для него не существовало немецкой армии, за жизнь и смерть которой он должен был нести ответственность, для него существовала единственная величина, которая овладела всей жизнью и которой его демоническая сила пожертвовала все: его собственное Я».

С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что в начале 1945 года, когда Берлин уже был превращен в груды развалин, Гитлер с кучкой последних верных ему приспешников забаррикадировался за метровыми бетонными стенами бункера с единственной целью — еще на пару месяцев, на пару недель продлить собственную жизнь. Однако судьбе было угодно продолжать методичную работу по разрушению его тела, и здесь он был бессилен чем-либо ей помешать. Когда не видевший Гитлера с октября прошлого года доктор Гизинг встретил его в феврале, его потрясли произошедшие с ним перемены: «Увидев лицо Гитлера, я был весьма удивлен тем, как оно изменилось. Он еще больше постарел и сгорбился. Цвет лица был таким же бледным, под глазами — большие мешки. Он говорил вполне ясно, но очень тихо. Я сразу обратил внимание на сильную дрожь левой руки и левой кисти. Дрожь резко утихала, когда Гитлер держал руку на весу, поэтому он старался все время держать руки на столе или опираться ими о сиденье.... У меня сложилось впечатление, что мысли его все время где-то далеко и ему трудно сконцентрироваться. Он производил впечатление выдохшегося человека с

отсутствующим взглядом. Кожа его рук также была очень бледной, ногти совершенно обескровлены».

В начале февраля 1945 года Гитлер решил продиктовать своему секретарю Мартину Борману политическое завещание, чтобы оно в случае краха показало потомкам, сколь близок он был к осуществлению плана, реализация которого была возложена на него провидением. В этой «оправдательной легенде» он приписывает всю вину за развязывание второй мировой войны исключительно западным державам и вновь «перед лицом истории» утверждает, что важнейшей целью войны являлось «искоренение» евреев. Эту патологическую навязчивую идею он считал чем-то вроде внутреннего голоса, указующего избранному путь выполнения миссии, назначенной ему провидением. И поскольку в этой бредовой идее место для общих моральных принципов предусмотрено не было, Гитлер был твердо убежден в том, что «будущий мир будет вечно благодарен ему» за многомиллионное массовое убийство евреев.

Ясность, с которой написан текст «политического завещания», свидетельствует против бытующего утверждения о глобальном снижении интеллекта Гитлера в последние недели его жизни, что, однако, в полной мере справедливо в отношении его физического состояния. Вот что рассказывал один из офицеров генерального штаба, откомандированный в ставку фюрера в конце марта 1945 года, потрясенный видом и состоянием человека, распорядившегося жизнью и смертью миллионов людей: «Перед тем, как я отправился в рейхсканцелярию, один из офицеров штаба предупредил, что я должен быть готовым ко встрече с совсем другим человеком, который имеет мало общего с Гитлером, знакомым по фотографиям, кинохронике или предыдущим личным встречам. Он сказал, что я увижу перед собой изможденного старика. Действительность, однако, намного превзошла все ожидания. До этого я лишь дважды мельком видел Гитлера: в 1937 году на открытии мемориала павшим и в 1939 году на

параде в честь дня его рождения. Тот Гитлер не имел ничего общего с развалиной, к которой я явился 25 марта 1945 года и которая устало протянула мне для рукопожатия безжизненную трясущуюся руку... Физически он производил жуткое впечатление. Тяжело, с видимым усилием, волоча ноги, он прошаркал из своих личных помещений в бункере в комнату для совещаний. У него отсутствовало чувство равновесия. Если на этом коротком пути ему приходилось останавливаться, то он должен был либо сесть на одну из стоявших здесь скамей, либо держаться за собеседника... Глаза его были налиты кровью. Все предназначенные для него документы печатались шрифтом утроенного размера на специальных «фюрерских машинках», несмотря на это читать он мог только, пользуясь очень сильными очками. Из углов его рта иногда капала слюна — зрелище жалкое и неприятное.... Духовное состояние Гитлера, особенно если сравнивать с физическим, было еще вполне нормальным. Иногда проявлялись признаки усталости, но даже теперь ему нередко удавалось демонстрировать феноменальную память... Во множестве доложенных ему часто противоречивых сообщений, полученных из самых разнообразных источников, он умел распознать главное, интуитивно уловить еще только обозначающуюся опасность и отреагировать на нее».

Если верить тому, что врачи Гитлера показали на допросах американцам, то способность Гитлера к концентрации внимания в последние недели его жизни существенно не пострадала. Об этом свидетельствуют его многочасовые импровизированные речи перед офицерами еще за четыре месяца до смерти, а также сообщение генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга, который еще в середине апреля 1945 года восторгался «духовной мощью» Гитлера. Наконец, завещание, продиктованное Гитлером в ночь перед самоубийством, исключает потерю им этой способности даже непосредственно перед смертью.

По мере катастрофического ухудшения положения,

Гитлер все больше впадал в состояние, характеризующееся постоянной сменой отчаяния и ярости. «Взрывы ярости случались у него все чаще. Иногда он переходил на очень высокие тона, бесновался, орал, ругался... Тем не менее, я неоднократно имел возможность восхищаться его самообладанием», — вспоминал позднее Альберт Шпеер, считавший самообладание «одним из самых примечательных качеств Гитлера». Действительно, все свидетели последних дней жизни Гитлера отмечают «хладнокровие, с которым он шел навстречу концу» и «решительность, с которой он без малейших эмоций» принял решение до конца остаться в Берлине. Очень возможно, что такое решение было продиктовано тем, что он все еще руководствовался стратегией самообмана, которая последовательно вытесняла из его сознания мысль о военном превосходстве противников. В январе 1945 года он заявил, что сообщение об огромной численности русских соединений, готовящихся наступать на Берлин, — «наибольший блеф со времен Чингисхана».

Чем безнадежнее становилось положение, тем менее разборчивым становился Гитлер в выборе средств, что нашло свое выражение в ряде невиданных по своей жестокости акций. В его мозгу уже не оставалось места ни для чего, кроме ненависти, мести, жажды убийства и разрушения. Симптоматична в этом смысле его угроза разорвать Женевскую конвенцию и при подходе вражеских войск уничтожать всех военнопленных и узников концлагерей. Подобные приказы Альберт Шпеер называл «сознательной изменой Гитлера немецкому народу» — следует, правда, признать, что прозрение пришло к Шпееру слишком поздно. Все же он попытался саботировать так называемый «приказ Нерона», согласно которому при отступлении немецких войск все промышленные объекты, железнодорожные сооружения и средства связи в собственной стране подлежали уничтожению в качестве последнего оборонного мероприятия — тактика выжженной земли, призванная не оставить врагу ничего, чем он мог бы

воспользоваться. У Гитлера полностью отсутствовало чувство сострадания к ближнему — вот как он оправдывал «приказ Нерон» в беседе со Шпеером: «Если война будет проиграна, народ тоже погибнет. Не стоит беспокоиться о том, что позволит немецкому народу выжить в самых примитивных условиях... ибо немецкий народ проявил слабость... Эту борьбу переживут только неоплодотворенные, все хорошее погибнет». Мог ли он в момент крушения мечты о собственном величии и беспредельной власти, ярче выразить свой беспредельный аутизм и безотносительный эгоизм ко всему окружающему? Глубина морального падения Гитлера в полной мере еще раз проявилась тогда, когда он незадолго до самоубийства, в надежде предотвратить продвижение русских по туннелям берлинского метро, приказал открыть шлюзы на реке Шпрее и тем самым обрек на смерть тысячи раненых немецких солдат и мирных жителей, спасавшихся в метро от обстрелов. С середины марта он ни днем ни ночью не покидал своего бункера, расположенного на глубине 15 метров под землей, где с ним находилась Ева Браун. 22 апреля, узнав о том, что последняя попытка деблокировать Берлин, принятая войсками генерала Штайнера, не удалась, он впал в ярость, и, не стесняясь присутствия генералов, кричал, что его окружают лжецы и предатели. Он заявил, что все они — посредственности, неспособные понять его миссию. Теперь уже и доктор Морель, много лет бывший его личным врачом, попал в немилость. Начиная с 1944 года Морель «для повышения сопротивляемости организма фюрера» назначил инъекции специально разработанного для этой цели препарата витамультин-форте, в состав которого входили наряду с прочим кофеин и первитин. У Гитлера возникло подозрение, что Морель тайно подмешивал в этот препарат морфий с целью убрать Гитлера из Берлина против его воли. При известии об увольнении «с волчьим билетом» у Мореля случился обморок. Он еще успел выбраться самолетом из уже окруженного Берлина, и с этого момента единственным

личным врачом Гитлера остался хирург, врач СС доктор Людвиг Штумпфэггер. После этого приступа ярости Гитлер в изнеможении упал на стул и с белым, как мел, лицом дрожащим голосом произнес то, что всем давно уже было ясно: «Война проиграна». «Он утратил веру», — писала Ева Браун подруге Герте Остермайер. Позднее генерал-полковник Альфред Йодль сообщал, что Гитлер «принял решение остаться в Берлине, возглавить оборону и в последний момент застрелиться». Он сказал, что сам не может сражаться по состоянию здоровья и не будет сам сражаться, чтобы не подвергать себя опасности раненым попасть в руки врага».

Узнав о том, что Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, через шведского графа Фольке Бернадотта вступил в переговоры о капитуляции с Западом, Гитлер в ночь с 28 на 29 апреля принял решение покончить с собой. Между двумя и тремя часами утра в присутствии юриста состоялась регистрация гражданского брака с Евой Браун, где в качестве свидетелей выступили Геббельс и Борман. В составленном незадолго до этого личном завещании Гитлера сказано: «Так как в годы борьбы я не считал возможным принять на себя такую ответственность, как вступление в брак, то теперь, перед окончанием земного пути, я принял решение взять в жены ту девушку, которая после многих лет верной дружбы по собственной воле прибыла в уже почти осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. Она идет на смерть по собственному желанию вместе со мной как моя супруга... Я и моя супруга предпочитаем смерть позору изложения или капитуляции. Наша воля состоит в том, чтобы нас немедленно сожгли на том месте, где я совершал большую часть ежедневного труда на протяжении двенадцати лет моей службы народу». Как следует из «политического завещания», продиктованного за несколько часов до самоубийства, даже в этот час в нем была жива неизменная фанатичная ненависть к евреям: «Прежде всего я обязываю руководство нации и соратников к неукоснительному соблюдению расовых законов и к

беспощадному сопротивлению всемирному отравителю всех народов, международному еврейству».

Эрих Кемпка, шофер Гитлера, подробно рассказал о его последних часах в бункере 30 апреля. После обеда Гитлер вместе с женой попрощался со всеми присутствовавшими там лицами — среди них были Геббельс, Борман, несколько генералов и его секретарши — и поблагодарил за верность, которую они сохраняли ему лично. Альтютант Отто Гюнше еще раньше получил недвусмысленный приказ подготовить бензин в количестве, достаточном для сожжения обоих тел, который Гитлер обосновал следующими словами: «Я не хочу, чтобы меня после смерти выставили на показ в русском паноптикуме». Молча, с подавленным видом супруги Гитлер незадолго до пятнадцати часов удалились в личные апартаменты. Как сообщают пережившие события богатители бункера, вскоре после этого раздался выстрел. О том, что произошло в следующие минуты в личных апартаментах Гитлера, Отто Гюнше рассказывал так: «Когда около пятнадцати тридцати Борман, Линге и я открыли дверь, мы увидели перед собой Гитлера, сидящего в кресле у левой стены возле дивана. Тело его осело и перевешивалось через левую ручку кресла. Из его правого виска капала кровь. На ковре уже была лужа крови. Сразу было понятно, что он выстрелил себе в правый висок из собственного пистолета РРК калибра 7,65 мм. Этот пистолет он достал из своего ночного столика 22 апреля, после бурного штабного совещания, зарядил его, поставил на предохранитель и с тех пор с ним не расставался... Разгрыз ли Гитлер одновременно с выстрелом ампулу с ядом, мне неизвестно, но я считаю это возможным».

Далее, по рассказу Эриха Кемпки, по приказу офицера СС трупы Гитлера и его жены, покончившей с собой при помощи яда, были вынесены из бункера наружу, облиты бензином и сожжены. Полное превращение в золу оказалось невозможным, поскольку местность находилась под непрерывным артиллерийским обстре-

лом, и снова полить бензином и полностью сжечь не до конца обуглившиеся останки не представлялось возможным. Вечером то, что осталось от обоих трупов, лопатами побросали на брезент, как рассказал Отто Гюнше, опустили в одну из воронок от снаряда на территории рейхсканцелярии. Затем воронку прикрыли землей и сравнили при помощи деревянной трамбовки. Так Адольф Гитлер оказался похороненным под развалинами рейха, который должен был простоять тысячу лет, но уже через несколько лет закончил свое существование крахом, не звавшим себе равных в истории.

Загадка трупы фюрера

В 1971 году Вернер Мазер написал в своей книге, что Адольф Гитлер «бесследно исчез из этого мира, который он изменил столь коренным образом на горе не одной лишь Германии. То место, где зарыл его пепел, и сейчас находится на ничейной земле». Сегодня эта легенда не имеет права на существование. В протоколе от 5 мая 1945 года записано, что сотрудниками советской разведывательной организации после занятия 3 мая оставленного «бункера фюрера» в воронке от снаряда рядом с аварийным выходом обнаружены сильно обугленные останки мужчины и женщины, а также трупы двух собак. Место обнаружения в точности совпало с описанием, данным Отто Гюнше. Это давало основания рассчитывать, что вскрытие, состоявшееся 8 мая 1945 года, позволит достоверно идентифицировать труп мужчины как останки фюрера. Однако, вопреки ожиданиям, абсолютно достоверный результат получен не был, что дало повод для самых невероятных предположений о местонахождении Гитлера.

Полностью текст протокола вскрытия приведен в работе патологоанатома Ганса Банкля. Этот протокол позволяет сделать, по крайней мере, следующие выводы: 1. Покойный был мужчиной, рост его составлял 165 см, возраст составлял от 50 до 60 лет. 2. Левое яичко не было

обнаружено ни в мошонке, ни в семенном канатике в пределах пахового канала, ни в малом тазу. 3. Важнейшей уликой для идентификации личности являлись челюсти, в которых имелось значительное количество искусственных зубов, мостов, коронок и пломб. Изъятый из трупа верхнечелюстной мост, состоявший из девяти зубов, а также обгоревшая нижняя челюсть (15 зубов) подверглись сравнению с описанием Катарины Хойзерман, ассистента профессора Бляшке. Ее описание совпало с анатомическими особенностями полости рта неизвестного мужчины, обгоревший труп которого подвергся вскрытию. 4. При последующем осмотре воронки, где был обнаружен труп, была обнаружена часть крышки черепа, которая в протоколе вскрытия указана как отсутствующая. При этом в левой макушечной кости было обнаружено повреждение в форме кратера, наружный диаметр которого превышал внутренний, что является характерным для выходного пулевого отверстия. Локализация повреждения, а также форма и размеры отверстия позволяют идентифицировать его как результат выстрела в рот или в правый висок. На внутренней поверхности левой теменной кости обнаружено несколько мелких осколков кости, что позволяет предположить, что выстрел производился снизу вверх справа налево и в направлении назад с очень небольшого расстояния. Анализ этого факта позволяет с вероятностью, близкой к достоверности, утверждать, что выстрел был произведен правой рукой в височную область из оружия среднего калибра. 5. Наличие в полости рта остатков разбитой стеклянной ампулы, исходящий от трупа выраженный запах горького миндаля и цианистые соединения, обнаруженные во внутренних органах, дали комиссии основания предположить, что в данном случае причиной смерти явилось отравление цианистым соединением. Такое же заключение было сделано и в отношении трупа женщины. 6. Что касается двух обнаруженных трупов собак, то смерть овчарки также была вызвана цианистым калием. Причиной смерти второй собаки явились выстрелы в голову и в живот.

Несмотря на то, что возраст, отсутствие левого яичка, состояние челюстей, следы выстрела в левый висок, присутствие цианистого калия в сожженном трупе мужчины совпадали с данными, полученными при жизни Гитлера, или с сообщениями свидетелей, видевших труп непосредственно после смерти, этого было недостаточно для абсолютно точной идентификации и для окончательного устранения каких-либо сомнений в его смерти.

В связи с этим административный суд баварского округа Берхтесгаден решил 25 октября 1956 года объявить Адольфа Гитлера умершим. Это, однако, не смогло положить конец слухам, роившимся вокруг смерти Гитлера. С ними удалось покончить только в 1972/73 годах профессору Лос-Анджелесского университета Райдару Соннесу и Фердинанду Струму из Осло. Тщательно сравнив данные пяти различных источников, они смогли совершенно однозначно идентифицировать найденный труп как принадлежащий Гитлеру. К числу этих данных относятся рентгеновские снимки черепа, изготовленные после покушения 20 июля 1944 года, фотографии верхней и нижней челюстей, сделанные при вскрытии трупа, протокол вскрытия с содержащимся в нем точным описанием зубов, эскизы зубных протезов и описание зубов Гитлера, сделанное профессором Бляшке. Двум специалистам, работавшим независимо друг от друга, удалось идентифицировать труп, вскрытый 5 мая 1945 года, только спустя тридцать лет. Дело в том, что рентгеновские снимки находились в руках американских ведомств, а фотографии челюстей лежали в русских архивах. Так легенда о Гитлере, «бесследно исчезнувшем из этого мира», была окончательно похоронена.

Пациент Адольф Гитлер

Профессор Эрнст Гюнтер Шенк провел кропотливый анализ мемуарной литературы, высказываний врачей Морелли, Брацкта, фон Хассельбаха, Гизинга и официальных

отчетов профессора Леляйна и доктора фон Лйкена, на основании которого построил развернутый терапевтический анамнез с указанием результатов всех обследований и назначений всех медикаментов, что нашло свое выражение в его монографии «*Patient Hitler*» («Пациент Гитлер»). Тем не менее представляется необходимым сделать несколько важных дополнений. Прежде всего необходимо шире осветить психоневрологические аспекты, так как только при этом условии возможно построение достаточно полной психогаммы Гитлера. Кроме того, большое значение при расшифровке психики Гитлера и выявлении ее судебно-психиатрических признаков имеет знание первично-личностных свойств характера, ибо только при наличии такого знания возможно приблизиться к решению психологической и психиатрической загадки этого чудовищного движителя всемирной истории».

С терапевтической точки зрения наибольшую важность представляли собой частые жалобы со стороны желудка и органов кишечника, сопровождавшие его в течение всей жизни, начиная с юности. Впервые это становится известным из описаний венского периода его жизни, когда в одном из писем он сообщает о «небольшой желудочной колике». Совершенно очевидно, что при этом речь не шла об органическом заболевании, поскольку врачи считали его жалобы результатом «нервного заболевания», то есть носящими вегетативный характер, — толкование, за которое он был на них в большой обиде. Под воздействием психических нагрузок в период его предвыборной борьбы за пост рейхспрезидента в 1932 году, наряду с явлениями, вызванными различными причинами невровегетативного характера, и «ипохондрическим страхом за свое здоровье», вновь имели место сильные «спазмы желудка», которые он считал предвестниками угрожающего ему заболевания раком. Эти ипохондрические страхи, сконцентрированные прежде всего на возможности заболевания раком, имели неизлечимые последствия для судеб немецкого народа, поскольку Гитлер, обуреваемый постоянным страхом не

дойти до старости, считал долгом исполнить свои честолюбивые планы, направленные в конечном счете на достижение мирового господства, в течение нескольких лет. Ипохондрия выразилась также в постоянном преувеличенном страхе перед венерическим заболеванием, прежде всего сифилисом, и вообще ипохондрия Гитлера касалась в первую очередь разного рода бактерий и паразитов. Этими фобиями объясняется навязчивая потребность Гитлера в постоянном мытье рук и строгое указание не допускать к нему простуженных.

Начиная с 1936 года, колики в животе лечил доктор Морель, к которому Гитлер, как уже указывалось выше, обратился по поводу болезненной экземы на левой лодыжке. Морель интерпретировал эти жалобы как боли в желудке, вызванные раздражением слизистой. Все медицинские данные говорят, однако, о том, что здесь имела место типичная симптоматика *Colon irritabile*, то есть раздражение толстого кишечника, которое у людей с соответствующей вегетативной предрасположенностью при сильных психических нагрузках часто приводит к появлению боли в животе по типу колики. В этом же смысле следует интерпретировать чрезвычайную склонность к пучению с частым неконтролируемым испусканием газов, которое усилилось у Гитлера в последнее десятилетие жизни и не раз ставило его в неловкое положение. Вне всякого сомнения, этому способствовало строго однообразное вегетарианское питание — наказание, к которому он сам приговорил себя после трагической смерти племянницы Гели. Личный врач лечил желудочно-кишечные недомогания Гитлера капсулами мутафлора и безобидными «антигазовыми» пилюлями по доктору Кёстеру», которые осенью 1944 года вызвали уже известный нам медицинский спор между Мореллем, с одной стороны, и докторами Гизингом и Брандтом, с другой. В марте 1938 года во время триумфального проезда по Австрии колики в животе усилились, а в поезде во время визита к Муссолини достигли такой силы, что, убоявшись начинающегося рака,

Гитлер даже составил завещание. В дальнейшем подобные приступы боли повторялись при сильных психических нагрузках. Например, в сентябре 1944 года при известии о десанте союзников в Арнеме коленки были столь сильны, что полностью исключили возможность контактов с Гитлером.

Другим терапевтическим заболеванием была гипертоническая болезнь, впервые проявившаяся в начале 1940 года. При повышенных психических нагрузках давление крови достигало 200 мм рт.ст. В промышленно развитых странах Западного типа артериальная гипертония является наиболее распространенным заболеванием сердечно-сосудистой системы, которое по статистике опережает другие заболевания этой группы более, чем на 20%. Клиническое значение этого недуга очень велико, поскольку оно связано для больного с повышенным риском заболевания сердца или сосудов. Особое значение при этом имеет утолщение стенки левого желудочка, которое способствует атеросклеротическому сужению коронарных артерий, что, в свою очередь, создает угрозу инфаркта. Клинические симптомы этого впервые проявились у Гитлера в июле 1941 года, когда после жаркого сна, по-видимому, на фоне сильного повышения кровяного давления, у него произошел приступ стенокардического типа. Снятая в это время электрокардиограмма уже содержит признаки повреждения миокарда в области левого желудочка, вызванного недостаточным снабжением сердечной мышцы кислородом вследствие склеротического сужения коронарных артерий. Следующая электрокардиограмма, снятая во время контрольного обследования весной 1943 года, показала ухудшение состояния, а 17 сентября 1944 года, в день высадки союзников у Арнема, у Гитлера случился сердечный приступ, который, по всей видимости, был инфарктом. В пользу этого предположения свидетельствует сопутствовавший коллапс системы кровообращения, холодный пот и общая физическая слабость. Приведенная выше электрокардиограмма также свидетельствует

в пользу этого диагноза. Возникает вопрос, не является ли причиной возникновения у Гитлера коронарного склероза наряду с высоким давлением также и то обстоятельство, что в молодые годы он много курил. Согласно высказываниям самого Гитлера, живя в Вене в период с 1907 по 1913 год, он ежедневно выкуривал от двадцати пяти до сорока сигарет в день. Отказаться от этой привычки его вынудили денежные затруднения, из-за чего он «выбросил свои сигареты в Дунай и больше никогда к ним не прикасался». Однако эта история была выдумана им исключительно из соображений престижа, ибо понятно, что герой немецкого народа не имеет права курить ни при каких обстоятельствах. На самом же деле он бросил курить значительно позже, так как, по сообщению Лемницера, руководителя «Технической помощи» в Мюнхене, еще в 1923 году ему запомнились не только «ужасная, безудержная болтливость», но и «непрерывное злостное, неконтролируемое курение — он буквально прикуривал одну сигарету от другой». Таким образом, по меньшей мере на протяжении шестнадцати лет Гитлер был заядлым курильщиком, что не могло не оказать отрицательного влияния на его коронарные сосуды. Однако совершенно точно известно, что после прихода к власти в 1933 году он уже ни разу не прикаснулся к сигарете и следил за тем, чтобы в его присутствии не курили.

Сведения, приводимые в мемуарной литературе, биографиях, и прежде всего результаты тщательного анализа моторики Гитлера, выполненного профессором Эллен Гиббельс на основе изучения более восьмидесяти выпусков кинохроники, позволяют сегодня с уверенностью диагностировать синдром Паркинсона. Этот процесс начался в середине 1941 года и с самого начала носил левосторонний характер. В дальнейшем симптоматика прогрессировала, и при сохранении левостороннего характера процесса начало появляться общее снижение подвижности. Это касалось не только произвольных содружественных движений, включая мимику, что выразилось впоследствии в

почти типичной картине так называемого «лица-маски», но и произвольных движений. Уже начиная с 1942 года, свидетелями отмечается характерный тремор покоя, в то время как типичное для болезни Паркинсона изменение осанки отмечается только с 1943 года и, наконец, не менее типичная шаркающая походка однозначно наблюдается с середины 1944 года. Сравнительный анализ образцов подписи Гитлера за период с 1938 по 1945 год позволяет констатировать постоянное уменьшение букв — микрография, типичная для лиц, страдающих болезнью Паркинсона. Вопреки некоторым преувеличенным представлениям, необходимо признать, что к концу жизни развитие у Гитлера синдрома Паркинсона соответствовало не более, чем средней степени тяжести. Однако в 1945 году симптоматика была уже столь явно выражена, что главный врач неврологической клиники Берлинского университета профессор Макс де Кринис смог совершенно определенно поставить этот диагноз, несмотря на то, что он ни разу не обследовал Гитлера лично. Многочисленные ошибочные толкования со стороны лечащих врачей Гитлера и его биографов объясняются недостаточным знанием предмета, в результате чего колебания интенсивности дрожи в руках и, прежде всего, зависимость таковой от степени напряженности ситуации приводили к неразрешимым трудностям при медицинском объяснении этих явлений, хотя симптомы эти знакомы каждому квалифицированному невропатологу.

Что касается причин возникновения у Гитлера синдрома Паркинсона, то здесь можно сразу же исключить артериосклеротические процессы сосудов головного мозга. Сообщения о «легких инсультах», якобы имевших место в конце июля 1941 года и в начале 1945 года, являются чисто умозрительными домыслами непрофессионалов. О том, что в марте 1945 года у Гитлера отсутствовал сколько-нибудь заметный артериосклероз мелких сосудов головного мозга, свидетельствуют прежде всего нормальные результаты исследования глазного дна, проведенного

в это время профессором Леляйном. Но даже если артериосклероз сосудов головного мозга и был бы выявлен, современные медицинские знания не позволяют признать его причиной болезни Паркинсона у Гитлера, поскольку это заболевание столь же часто встречается и при совершенно нормальном состоянии сосудов. Связь с процессами в сосудах наблюдается только при наличии сифилитических изменений, но и в этом случае она может иметь место исключительно на фоне сифилиса мозга. Однако, как категорически утверждает профессор Гиббельс, наличие этого заболевания можно практически со стопроцентной вероятностью исключить, так как синдром Паркинсона прогрессировал у Гитлера в течение ряда лет и, на протяжении всего этого времени у него не проявилось ни малейших неврологических симптомов наличия сифилитического очага. Прочие симптоматические формы синдрома Паркинсона, в частности, обусловленные употреблением наркотиков, также могут быть исключены, в связи с чем практически остается лишь выбор между идиопатической, генетически обусловленной болезнью Паркинсона и так называемым постэнцефалитным паркинсонизмом. Впервые эта форма была описана Экономом в 1917 году во время страшной пандемии гриппа, так называемой испанки, как следствие одного из осложнений — воспаления мозга, получившего название *Encephalitis lethargica* (летаргический энцефалит). После этой эпидемии, свирепствовавшей в Европе с 1915 по 1925 год, действительно появилось значительное количество пациентов с синдромом Паркинсона, который мог проявиться порой через несколько лет или даже десятилетий. Эта версия объяснения синдрома Паркинсона у Гитлера была исследована двумя независимыми группами исследователей по различным методикам.

Иоганн Ректенвальд первым попытался объяснить все явно выраженные психические и органические аномалии Гитлера эпидемическим энцефалитом, который тот якобы перенес на двенадцатом году жизни. Автор гипотезы

предположил, что брат Гитлера Эдмунд умер в 1900 году не от кори, а от эпидемической инфлюэнцы, и Адольф также переболел этим гриппом. Низкую успеваемость Гитлера в реальном училище и последующую «стадию недостойного поведения в юности» Ректенвальд считает типичными «постэнцефалитными псевдопсихопатическими» симптомами. Этой же причиной Ректенвальд склонен объяснить типичную для более позднего Гитлера дикую жестикуляцию, импульсивные эмоциональные всплески во время публичных выступлений, пронзительный неподвижный взгляд, патологические навязчивые состояния и приступы ярости.

Дж. Уолперс и П. Столк аргументируют свою гипотезу куда осторожнее и относят возможную гриппозную инфекцию к более позднему времени — предположительно к 1920 году. Даже если в биографическом анамнезе Гитлера и не содержится ни одного факта, который указывал бы на то, что он в это время перенес энцефалит, это не позволяет исключить подобной версии, так как даже при клинически совершенно невыраженной картине заболевания и последующей многолетней бессимптомной промежуточной стадии вполне возможно развитие в дальнейшем синдрома Паркинсона. Эллиен Гиббелс, тем не менее, отвергает подобную версию по той причине, что, как известно из опыта, у подобных пациентов на передний план выходит ограничение движений, имеет место не столько тремор, сколько движения по типу тика, главным объектом поражения становятся ноги и в ранней стадии наблюдается снижение активности большого мозга. Наличие подобной симптоматики у Гитлера не подтверждается ни медицинскими документами, ни показаниями свидетелей. Таким образом, мы с большой вероятностью имеем перед собой случай классического идиопатического паркинсонизма. В пользу такого диагноза говорит и тот факт, что в семейном анамнезе Гитлера упоминание об этом заболевании отсутствует. При этом заболевании количество ганглионарных клеток в определенных ключевых зонах мозгового ствола начинает сокращаться

значительно раньше, чем это происходит при обычных возрастных изменениях. Причина этого заболевания до настоящего времени не выяснена.

Однако значительно более важным, чем вопрос об этиологии заболевания, представляется вопрос о том, в какой степени паркинсонизм Гитлера повлиял на его психику и на выбор им военных и политических решений — ведь известно, что у большинства лиц, страдающих болезнью Паркинсона, наблюдаются хронические органические психосиндромы. Просто удивительно, что лишь очень немногие психиатры, исследовавшие личность Гитлера, задавались этим вопросом. Наиболее подробно исследовал этот вопрос Ректенвальд, который указал на то, что к числу хронических осложнений после перенесенного в ранней юности гриппозного энцефалита (термин Экономо) относятся различные изменения личности и нарушение механизмов контроля над инстинктивными проявлениями. Последнее может проявиться, в частности, в половой распушенности. Интересно, что, согласно данным статистики, молодые люди, получившие даже не очень значительные повреждения в результате болезни, испытывают трудности при социальной адаптации, поскольку у них недостаточно развит «именно тот центр, который отвечает за оценку, управление, осмысление и постановку целей, необходимый для адаптации и успешных действий в обществе». Неудивительно, что общество не желает терпеть людей, склонных слепо следовать своим инстинктам и не умеющим адаптироваться к социальным нормам, вплоть до скатывания за грань уголовного закона. Исследование, посвященное дальнейшей судьбе пациентов с тяжелыми постэнцефалитными изменениями характера, показало, что примерно 40% из них вступили на преступный путь и вследствие хулиганских действий, бродяжничества или проституции оказались в конфликте с законом. Ректенвальд считает, что переломный момент в жизни Гитлера приходится на весну 1900 года, когда произошло резкое снижение его успеваемости после

перехода из начальной школы в реальное училище, и полагает, что все проявившиеся затем особенности его психики, включая и «стадию недостойного поведения в юности», должны быть отнесены на счет постэнцефалитного синдрома.

Доказательствами правильности своего тезиса Ректенвальд считает «поздний паркинсонизм» и приступы ярости, «часто сопровождавшиеся навязчивыми идеями и итеративным мышлением», а также расстройство сна у Гитлера.

Однако составленные американскими офицерами протоколы подробнейших допросов врачей, много лет работавших с Гитлером, не подтверждают наличия психических явлений, перечисленных Ректенвальдом, за исключением приступов ярости. На основании этого де Боор, автор наиболее полного на настоящий момент анализа психики Гитлера, пришел к убеждению, что «наличие у Гитлера постэнцефалитных изменений характера следует полностью исключить». Эллиен Гиббельс придерживается, однако, того мнения, что данный вопрос по-прежнему остается открытым, и не исключает, что «в юношеском поведении Гитлера можно усмотреть прообраз стадии недостойного поведения, свойственной человеку, перенесшему юношескую форму эпидемического энцефалита, что позволяет говорить о некоем психотическом процессе, результатом которого явилось изменение характера в сторону *moral insanity* (морального безумия), для которого характерны патологическое отсутствие способности к моральной оценке, абсолютный эгоизм, эмоциональная холодность и полнейшая беспардонность». При таком подходе за основу берется не органический психосиндром, возникший в юности, а сложная первичная личность Гитлера с многочисленными присущими ей аномальными чертами. Далее, путем сравнения материалов, относящихся ко времени до заболевания синдромом Паркинсона, и данных, относящихся к последним четырем годам жизни Гитлера, предпринимается попытка

установить, имело ли место в последние годы его жизни «обострение» определенных первичных особенностей характера под влиянием болезни.

Резюмируя кропотливый анализ, проведенный Эллиен Гиббельс, можно сделать вывод о том, что существуют лишь весьма шаткие основания для того, чтобы подозревать наличие у Гитлера органического психосиндрома, развившегося в «обострении» первичных свойств его личности. Этот вывод подтверждает также известный швейцарский историк и политик Карл И. Буркхардт, который, прочитав «диктовки Борману», то есть политическое завещание Гитлера, говорил о «чудесном вдохновении» и, сравнивая свое впечатление от этих текстов с впечатлением от личной встречи с Гитлером в 1939 году, пришел к следующему, во многом знаменательному выводу: «И в начале, и в конце это один и тот же человек, один и тот же мозг». Таким образом, можно практически со стопроцентной вероятностью утверждать, что изменения личности, присущие болезни Паркинсона, не оказали влияния на политические и военные решения Гитлера в последние четыре года войны. Периодически высказываемое подозрение о том, что по крайней мере на протяжении последних месяцев своей жизни Гитлер был лишь ограниченно вменяем, поэтому также не может быть принято, подтверждением чему является судебно-психиатрическое заключение де Боора, согласно которому и в последние месяцы жизни Гитлера отсутствовали «основания допустить ограничение уголовной ответственности, равно как и коммерческой и завещательной дееспособности».

Психограма Гитлера *Жажда убийства*

Важнейшим свойством характера Гитлера была некрофилия, которую Эрих Фромм определил как «страстную тягу ко всему мертвому, прогнившему, разложившемуся и больному; страсть превращать все живое в неживое; страсть

к разрушению ради разрушения». Объектом этой страсти становились люди и города, и своего апогея она достигла в приказе о «выжженной земле», отданном Гитлером в сентябре 1944 года, согласно которому вся территория Германии, в случае оккупации врагом, должна была быть предана тотальному уничтожению. Детали этого плана поведал Шпеер в 1970 году: «Полному уничтожению подлежали не только промышленные объекты, станции водо-, газо- и электроснабжения, телефонные станции, но и вообще все, необходимое для жизнеобеспечения: документы, по которым выдавались продовольственные карточки, акты гражданского состояния и сведения о прописке, банкноты; запасы продовольствия должны были быть уничтожены, крестьянские подворья сожжены, скот забит. Даже произведения искусства приказано было уничтожать: памятники архитектуры, дворцы, замки, церкви и театры также подлежали разрушить».

Генри Пиккер писал, что деструктивность Гитлера в полной мере проявилась в бесчеловечном плане, предусмотренном им для побежденной Польши: поляков следовало в культурном плане «кастрировать», уготовив им судьбу дешевых рабов. Первыми людьми, ставшими жертвами его страсти к уничтожению, были неизлечимо больные. Следующим ранним деструктивным действием Гитлера было вероломное убийство Эрнста Рема и более сотни главарей СА. Однако главным объектом его буйной разрушительности были евреи и славянские народы, при этом в юдофобии Гитлера важную роль играла позаимствованная у Ланца фон Либенфельса и прочих «евгеников» мысль о том, что евреи отравляют арийскую кровь. В фантазии некрофильной личности страх отравления, загрязнения или заражения возбудителями опасных заболеваний занимает важное место. У Гитлера этот страх проявлялся в навязчивой потребности в мытье и в убеждении, что «сифилис является важнейшей жизненной проблемой нации». Кульминационным пунктом слепой страсти Гитлера к разрушению стал конец его собственной жизни,

ставший также концом жизни и его жены — если бы это зависело от него, то Гитлер прихватил бы с собой и всех немцев вместе с их жизненным пространством.

Тот факт, что выраженная деструктивность Гитлера в течение длительного времени не воспринималась всерьез ни его соотечественниками, ни зарубежными государственными деятелями, объясняется, во-первых, вытеснением его деструктивности различного рода рациональными соображениями, и, во-вторых, тем, что, будучи высококлассным лежачим и прекрасным актером, он блестяще разыгрывал нужные ему роли. Лживость и вероломство, как в личном плане, так и в политике, принадлежат к наиболее отвратительным чертам характера Гитлера. Если речь шла о личной выгоде, он не щадил даже самых близких друзей и самых преданных соратников, как показывает пример «ночи длинных ножей». И в отношениях с католической церковью действия Гитлера были лживыми и лицемерными. Заключив в 1933 году конкордат с Римом, он уже в то время начал планировать «окончательное решение вопроса» в будущем: «Придет время, и я с ними рассчитаюсь без всякой волокиты... Каждое лишнее столетие сосуществования с этим позорным для культуры явлением будет просто не понято будущими поколениями. Как в свое время избавились от охоты на ведьм, так следует избавиться и от этого ее пережитка». Также и вся внешняя политика Гитлера была сплошным обманом и надутельством, ярким примером которого является Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года.

Садизм и патологическая самовлюбленность

Наряду с некрофилией и деструктивностью важнейшей особенностью личности Гитлера является его садомазохистский авторитарный характер, очень точно описанный Эрихом Фроммом еще в 1941 году. Эта особенность оказалась определяющей не только для отношений Гитлера с женщинами, но самым отвратительным образом

проявила себя в ряде других примеров. Гельмут Краусник рассказывал о высказывании Гитлера, сделанном им после одного из партийных собраний и в полной мере характеризующем его садистскую ненависть к евреям: «Их следует изгнать из всех профессий и загнать в гетто — пусть подыхают там, как того заслуживают, а немецкий народ будет разглядывать их, как диких зверей». А вот потрясающий пример садистской мстительности, о котором мы уже упоминали выше при описании реакции Гитлера на заговор 20 июля 1944 года. Гитлер, вообще-то не выносивший вида трупов, приказал заснять на кинолентку сцены пыток и казни генералов, участвовавших в заговоре, и приказывал многократно прокручивать себе этот фильм, наслаждаясь видом трупов, висевших на мясных крючьях со спущенными штанами. Фотографию этой сцены он даже держал на своем письменном столе.

Садистскую сущность этого человека ни в малейшей мере не могут смягчить или приукрасить лицемерные проявления чувств, например, заявления о том, что он не в состоянии перенести вида раненых и убитых немецких солдат, или, что он по этой же причине не мог присутствовать при казни того же Рема и других своих приспешников из числа главарей СА, которых сам же коварно приказал убить. Причиной подобных реакций является не проявление чувства истинного участия, а исключительно срабатывание фобического защитного механизма, с помощью которого Гитлер пытался вытеснить осознание собственной небывалой деструктивности и собственного садизма. Оценивая подобный камуфляж, нельзя ни в коем случае забывать о том, что «глубоко деструктивный человек часто прикрывается фасадом дружелюбия, вежливости, любви к семье, детям и животным и постоянно заявляет о своих добрых намерениях и идеалах». Раушнинг, бывший некогда почитателем Гитлера, писал: «Гитлер мог рыдать, узнав о гибели канарейки, и в то же самое время приказать прикончить политических противников».

Еще одной характерной чертой личности Гитлера был

выраженный нарциссизм со всеми типичными его признаками, описанными Фроммом: «Его интересует только он сам, его собственные вождения, мысли и желания. Он бесконечно говорит о своих идеях, своем прошлом, своих планах. Мир его интересует только как предмет собственных вождений и планов. Люди интересуют его лишь настолько, насколько они могут служить его целям или быть использованы в этих целях. Он знает все и всегда лучше, чем другие. Уверенность в правильности собственных идей и планов является типичным признаком интенсивного нарциссизма».

Мы располагаем свидетельствами современников, однозначно подтверждающими наличие у Гитлера нарциссизма именно такого рода. Вот как описывал «Путци» Ханфштегль поведение Гитлера при прослушивании записи собственной речи: «Гитлер упал в моррисовское кресло, и, будто находясь под полным наркозом, стал уливаться звуком собственного голоса, подобно греческому юноше, трагически влюбленному в самого себя и погибшему в волнах, не в силах оторваться от своего изображения в воде». Патологическая самовлюбленность Гитлера проявилась уже в период его заключения в Ландсбергской крепости. Тюремный воспитатель вспоминал о его «тщеславии примадонны». Демонстративно самозабвенная любовь Гитлера к Байрейту была обусловлена не столько культом Рихарда Вагнера, преданностью которому он всегда похвалялся, сколько нарциссическим культом собственной персоны, который он мог поддерживать, появляясь в образе блестящего триумфатора перед гостями фестиваля и вникая их преданности и работе. Насколько мало его в действительности интересовала судьба Байрейта, показывает следующий эпизод, о котором рассказывает де Боор: «В марте 1945 года он приказал казнить гауляйтера Вехтлера, за то, что тот, желая спасти культурные ценности и памятники архитектуры, хотел без боя сдать город американцам». Такой образ действий Гитлера в полной мере соответствует мысли Ницше о том, что всякий

большой талант напоминает вампира, ибо мир его видений подобен груде развалин людских надежд и существований. Так и Гитлер целиком был поглощен «режиссурой гигантского театра, в котором людям была уготована роль либо актеров, либо статистов, покорных режиссеру и готовых по его воле идти на смерть». Человека с выраженно деструктивным характером крайний нарциссизм может привести к поистине самоубийственным решениям, направленным на достижение призрачных целей, причем решения эти применяются без каких-либо угрызений совести или чувства вины. В частности, во время русской кампании Гитлером принимались решения, которые Иоахим К. Фест характеризует как «стратегию грандиозного краха» и «несокрушимую волю к катастрофе».

Во всех биографиях Гитлера упоминается его негибкая воля, и он сам был непоколебимо убежден в том, что сильная воля является одним из самых крупных его козырей. Эрих Фромм первым указал, «то, что Гитлер называл волей, на самом деле было ничем иным, как его страстями, неумолимо заставлявшими его стремиться к их реализации». По мнению Альберта Шпеера, воля Гитлера была «необузданной и неотесанной», как воля шестилетнего ребенка. Правильнее было бы сказать, что Гитлером руководили его импульсы, и он был не в состоянии смириться с фрустрацией. Сколь незначительной была его сила воли, показала уже его юность. Он был разгильдяем, без намека на самодисциплину, и даже в критический момент, когда его не приняли в Венскую академию художеств, не нашел в себе сил для того, чтобы усиленным трудом наверстать упущенное и осуществить свою мечту — стать архитектором. Если бы политическая ситуация после первой мировой войны сложилась для него менее благоприятно, он скорее всего и дальше продолжал бы вести праздную жизнь, удовлетворившись скромным существованием.

Присущая Гитлеру слабость воли проявлялась и позднее — в колебаниях и сомнениях в те моменты, когда от

него ждали решения, как, например, при провале мюнхенского «пивного путча». Как правило, он стремился выжидать события, с тем, чтобы необходимо было принять решение отпала сама собой. Для того, чтобы разрешить это кажущееся противоречие между нерешительностью, являющейся проявлением слабой воли, и непоколебимой решимостью «железных волей» добиться цели, необходимо определиться с такими понятиями, как «рациональная» и «иррациональная» воля. Под рациональной волей Эрих Фромм понимает «энергичные усилия с целью достижения рационально желаемой цели; сюда относятся: чувство реальности, дисциплина, терпение и способность к преодолению действия отвлекающих факторов». Иррациональная воля, напротив, воплощает в себе «подогреваемое иррациональными страстями стремление, из которого проистекают свойства, необходимые рациональной воле». Применив это психологическое определение к Гитлеру, мы приходим к выводу, что он действительно обладал очень сильной волей, если говорить о воле иррациональной. Рациональная же воля была развита у Гитлера чрезвычайно слабо.

Другим свойством личности Гитлера было нарушенное чувство реальности. Слабый контакт с действительностью проявился у Гитлера уже в юношеские годы в его мечте стать художником, имевшей весьма мало общего с реальностью. Так же и люди, с которыми он имел дело и которых он обычно считал лишь инструментами в своих руках, были едва ли реальны для него. Не следует, однако, думать, что он обитал исключительно в мире фантазий — в случае необходимости он проявлял незаурядное чувство реальности, например, при оценке мотивов действий противника. С другой стороны, в стратегических планах Гитлера отсутствовало всякое чувство реальности, и он не был способен объективно оценивать положение. Перси Эрнст Шрамм, очень глубоко исследовавший эту проблему, считал, что стратегия Гитлера всегда была «стратегией престижа и пропаганды»,

а недостаток чувства реальности не позволял ему осознать, что война и пропаганда подчиняются совершенно различным законам и принципам. Это особенно проявилось к концу войны, когда его рассуждения полностью перенесли в нереальный мир, и даже у Йозефа Геббельса, безгранично восхищавшегося им и рабски преданного ему, сложилось впечатление, что «Гитлер живет в облаках».

Основополагающей чертой характера Гитлера было также явно выраженное недоверие, о котором уже в начале тридцатых годов верховный комиссар города Данцига от Лиги наций швейцарец Карл И. Бургхардт, которого мы уже цитировали выше, писал: «Он не доверяет никому и ничему, подозревает каждого в контакте с врагом или даже в готовности перебежать на сторону врага». Столь крайняя недоверчивость усилила неконтактность Гитлера, проявившуюся уже в юности и присущую до конца жизни.

К числу глубоко укоренившихся особенностей характера Гитлера принадлежит высокая возбудимость и склонность к мощным, порой взрывным аффективным проявлениям — классические симптомы чрезвычайно низкого порога фрустрации. Часто упоминаемые приступы ярости послужили основой к созданию, прежде всего за границей, карикатурного образа Гитлера, согласно которому он постоянно пребывал в бешенстве, непрерывно орал и был не в состоянии совладать с приступами ярости.

Этот образ, однако, не соответствует действительности. Хотя приступы ярости, особенно к концу войны, усилились, все же они были скорее исключением, чем правилом. Свидетели единодушны в том, что, как правило, он был вежлив, предупредителен и любезен, а приступы ярости часто использовал лишь для того, чтобы запугать собеседника и подавить в нем волю к сопротивлению. Альберт Шпеер подтвердил это, сказав: «Некоторые реакции, производившие впечатление истерических припадков, можно считать проявлениями актерства».

Если Гитлеру становилось ясно, что собеседника не удастся таким образом склонить к капитуляции, то он мог немедленно восстановить контроль над своей яростью. Аллан Буллок вполне правдоподобно иллюстрирует это утверждение следующей сценой, имевшей место между Гитлером и Гудерианом: «Человек, стоявший передо мной с поднятыми кулаками, трясся всем телом, щеки его покраснели от гнева. Казалось, он полностью утратил контроль над собой. Он зашелся в крике, глаза его вылезли из орбит, вены на висках вздулись. Однако генерал-полковник все же продолжал настаивать на своем мнении, и тут Гитлер внезапно любезно улыбнулся и попросил Гудериана: «Продолжайте ваш доклад, пожалуйста. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение».

Первичные качества личности Гитлера, отмеченные выше, характеризуют его как человека, которому свойственны некрофилия, деструктивность, интравертность, крайний нарциссизм, садомазохизм, отсутствие чувства реальности, неконтактность и недисциплинированность. Однако для объективного и свободного от эмоций представления о Гитлере необходимо также остановиться на его талантах и способностях, позволивших ему добиться очевидных успехов и, будучи одиночкой не от мира сего, без какого-либо профессионального образования, всего лишь за двадцать лет стать одним из самых могущественных людей Европы. Самым значительным талантом Гитлера было искусство влиять на других людей и убеждать их. Если мы попытаемся выяснить причины, лежащие в основе его таланта влиять на людей, выделявшего его из числа прочих удачливых демагогов того времени, то мы прежде всего столкнемся с необычайной одаренностью Гитлера как политического оратора, которая сочеталась в нем с явным актерским талантом. Огромные ораторские способности были важнейшим его инструментом на пути к власти, а его политический дар состоял в том, что он умел, пользуясь весьма ограниченным набором тем, соединить эти темы со специфическими условиями своего

времени и окружить их чем-то вроде псевдорелигиозного мифа. Холодные, пронизывающие глаза Гитлера на многих слушателей производили почти магнетическое действие, а в столь социально и политически неустойчивое время, как двадцатые годы в Германии, непоколебимая уверенность, с которой он провозглашал свои тезисы, не могла не превратить его в чрезвычайно привлекательную фигуру, так что многими он воспринимался как избавитель. Это неопределенное восприятие, возникшее в массах, он умел тактически очень ловко углублять, используя формулы христианской литургии: «Я вышел из народа. Из этого народа я в течение пятнадцати лет на волне этого движения пробивал себе дорогу вверх. Меня никто не поставил над этим народом. Я вырос из народа, я остался в народе, я вернусь в народ». Эти пророческие слова не были для него пустым звуком, но произрастали из его нарциссического убеждения в том, что ему уготована роль «политического Иоанна Предтечи». Вначале он отводил себе лишь роль провозвестника грядущего мессии, но, начиная с 1924 года, он во все большей степени опускает самого себя «избранным», или фюрером.

Другой его сильной стороной был талант просто говорить о сложных вещах. Он прекрасно осознавал это, когда заявлял: «Наши проблемы казались сложными. Немецкий народ не знал, как к ним подступиться, и в этих условиях их предпочитали отдавать на откуп профессиональным политикам. Я же, напротив, упростил проблемы и свел их к простейшей формуле. Масса поняла это и последовала за мной». То, что при этом он выискивал факты, подтверждающие его тезисы, и связывал эти факты с вещами, не имевшими к этому никакого отношения, чтобы из месива затем вывести убедительные аргументы, для большинства некритичной массы, естественно, осталось тайной.

Необходимо также выделить феноменальную память Гитлера, о которой Перси Эрнст Шрамм наряду с прочим написал: «Одним из качеств Гитлера, поражающим даже

тех, кто ему не симпатизировал, была необычайная память, которая позволяла ему точно запоминать даже незначительные детали, и ухватывавшая все, что когда-либо попадало в его поле зрения». Генералов всегда глубоко потрясали «фундаментальные знания» Гитлера в военной области, но дело здесь было всего лишь в его феноменальной памяти на числа и технические детали. То же самое относится и к начитанности и общей образованности Гитлера, которые вызывают телесный восторг у некоторых биографов. Из «Застольных бесед», записанных Генри Пиккером, можно видеть, что он действительно очень любил читать и был в этом смысле просто ненасытен, а его прекрасная память могла удерживать огромное множество фактов. Однако именно эти часто цитируемые «Застольные беседы» выдают в нем, несомненно, талантливо, но в принципе лишь полуобразованного человека без прочных основ в какой-либо конкретной области. Однако благодаря своему интеллекту он мог связывать между собой почерпнутые из беспорядочного поверхностного чтения и удерживаемые памятью факты и так ловко вплетать их в разговор, что у собеседников создавалось впечатление о его всесторонней образованности. В полном соответствии со своим характером Гитлер избегал чтения, противоречившего его представлениям, видениям и предсудкам, то есть он читал не для того, чтобы расширить круг знаний, а, по выражению Эрнста Фромма, «в новых поисках боеприпасов для своей страсти убеждать других и самого себя... Гитлер не был человеком, который сам добыл себе образование, он был полуобразованным человеком, и той половиной, которой ему не хватало, были знания о том, что такое знания». Характер нарцисса, которому нравилась роль всезнающего и непогрешимого, приводил его к трудностям при беседах с людьми, равными ему или, тем более, превосходившими его, так как при таких беседах мнимое здание его якобы огромных знаний легко могло рухнуть. Единственным исключением являлись архитекторы, с которыми он беседовал

охотно — ведь архитектура была единственной областью, которая когда-либо вызывала у него серьезный интерес. Архитектурные вкусы Гитлера, как и его вкусы в других видах искусства, были примитивными и плоскими, что не удивительно при его бесчувственном и примитивном в своей основе характере.

При всех талантах и способностях Гитлера его стремительный взлет был бы все же невозможен без колоссальной пропагандистской работы, выполнявшей роль своего рода гидравлического подъемника. Эта пропаганда постоянно убеждала массы в том, что фюреру и каждому немцу ежедневно и ежечасно угрожает опасность со стороны темных сил, принявших обличье евреев, большевиков и плутократического Запада, и что отбросить эту опасность в состоянии единственно решительный, железный фюрер. Фюрер стал идолом, причем не только идолом, «спущенным» свыше, но и идолом, в создании которого сами массы также приняли участие. Восхождение Гитлера к вершинам абсолютной власти было бы немислимым, если бы в то время значительная часть граждан Германии, а затем и Австрии, не проявила повышенной восприимчивости к его идеологии, которая сводилась к юдофобии, восстановлению немецкой великодержавности и расширению немецкого «жизненного пространства» на восток. В своем интересном аналитическом исследовании Йозеф Штерн совершенно справедливо делает вывод о том, что личность Гитлера и готовность народных масс воспринять те упрощенные, но понятные каждому картинки, которые Гитлер строил в своих демонически-завлекательных речах из немногочисленных плакатных элементов, образовали прочное взаимообогащающее единство. Аналогичный вывод делает и Шпсер, утверждая, что «в том, что Гитлер в конце концов уверился в своих сверхчеловеческих качествах, повинно и его окружение. Даже человеку, обладающему большей скромностью и большим самообладанием, чем Гитлер, грозила бы опасность утратить масштаб самооценки под аккомпанемент несмолкающих гимнов и оваций». По мнению Бинниона,

«в основе страшной личной власти Гитлера над немцами лежало то, что он сумел привести свою личную ярость, вызванную капитуляцией Германии в 1918 году, в созвучие с национальной травматической потребностью». В то же время Томас Айх справедливо полагает, что необходимым условием «для возникновения массового гипноза и/или массового психоза является наличие массового человека». Такой массовый человек представляет собой «некритичный, подверженный идеологическому влиянию, эмоционально неустойчивый человеческий тип, вырванный индустриализацией из системы традиционных связей и нуждающийся для стабилизации своего Я, в особенности во времена экономических кризисов, в сильном психическом наркотике, которым и снабдил его Гитлер». Поскольку все психоаналитические и глубоко-психологические понятия позволяют построить лишь теоретическую схему характера и в высшей степени своеобразной личности Гитлера, мы приведем ниже слова Андре Франсуа-Понсе, который с 1931 по 1938 годы был послом Франции в Берлине и мог наблюдать Гитлера в процессе непосредственного личного общения. Его описание Гитлера отличается яркостью и необычайной способностью психологического проникновения. Отрывок из книги Франсуа-Понсе, опубликованной в 1949 году, мы цитируем по монографии де Боора. Этот отрывок создает перед нами рельефный образ этого жуткого человека, увиденный глазами весьма наблюдательного современника: «Такого человека, как Гитлер, невозможно уложить в простую формулу... Лично я знал три его лица, соответствовавшие трем аспектам его натуры. Первое из них было очень бледным, черты размыты и цвет лица тусклый. Глаза, лишенные выражения, немного навывкате, с мечтательным блеском придавали этому лицу как будто отсутствующее, далекое выражение — непроницаемое лицо, вселяющее беспокойство, подобно лицу медузы или лунатика. Второе его лицо было возбужденным, с яркими красками, страстно-подвижное. Крылья носа вибрировали, глаза извергали молнии, в нем сквозила сила, воля к

власти, протест против любого принуждения, ненависть к противнику, дилетантная удал, дикая энергия, готовая все смести на своем пути — лицо, отмеченное печатью бури и натиска, лицо одержимого. Третье лицо принадлежало обычному повседневному человеку, наивному, простоватому, неуклюжему, банальному, которого легко рассмешить и который громко смеется и лупит себя при этом по ляжкам — лицо, какое встречается очень часто, лицо без особого выражения, одно из тысяч и тысяч лиц, которые можно увидеть повсюду. Говоря с Гитлером, иногда можно было видеть все три его лица по очереди.

В начале разговора казалось, что он не слушает и не понимает. Он выглядел равнодушно и отстраненно. Перед вами как будто был человек, который мог часами оставаться погруженным в странное созерцание, а после полуночи, когда товарищи покидали его, вновь впадал в длительное одинокое раздумье — вождь, которого сотрудники упрекали в нерешительности, слабости и непоследовательности... И тут, совершенно внезапно, как будто некая рука нажала на кнопку, начиналась страстная речь, он говорил повышенным голосом, гневно, нагромождая один аргумент на другой, многословно, будто щелкая бичом, грубым голосом, с раскатистым «р», с переливами, подобно речи тирольца из отдаленнейших горных долин. Он бесновался и грохотал, как будто говорил перед многотысячной аудиторией. Затем в нем просыпался оратор, великий оратор латинской школы, трибун, говоривший глубоким грудным голосом, свидетельствовавшим об убежденности, который совершенно инстинктивно использует все риторические фигуры и мастерски переключает все регистры красноречия, не знающий себе равных в остроте иронии и насмешки. А для масс это — нечто невиданное и неслыханное, ибо политическое красноречие в Германии в общем и целом и монотонно и скучно. Если уж Гитлера понесло в доклад или филиппику, то нечего было и думать, чтобы прервать его или возразить ему. Допустивший подобную неосторожность был бы незамедлительно

уничтожен взрывом гнева, подобно тому, как были повержены громом Шушниц или Эмиль Гаха, попытавшиеся оказать ему сопротивление. Это могло продолжаться четверть часа, полчаса или три четверти часа. Затем поток вдруг прекращался, казалось, что он иссяк. Можно было подумать, что у него сели аккумуляторы. Он замолкал и расслаблялся. В этот момент можно было высказать возражение, противоречить ему, предложить другую редакцию, поскольку он уже не злился: он колебался, выражал желание обдумать вопрос еще раз и пытался отложить решение. И если в этот момент собеседник мог найти слово, будившее его чувства, или шутку, которая его полностью расслабляла, то с его лица исчезали тяжелые морщины и мрачные черты освещались улыбкой.

Эти смены состояний возбуждения и депрессии, эти кризисы, которым он, по словам его окружения, был подвержен и во время которых самая дикая жажда разрушений переходила в стон раненого животного, побудила психиатров объявить его душевнобольным, страдающим периодическим психозом. Другие усматривают в нем типичного параноика. Очевидно, во всяком случае, что нормальным он не был. Его личность была патологической. Можно назвать его даже безумным, тот тип, который Достоевский назвал «одержимым». Когда я, следуя учению Тэна, пытаюсь выделить главную черту его характера, его доминирующее качество, то в первую очередь мне приходят на ум высокомерие и честолюбие. Однако здесь представляется более уместным прибегнуть к термину из словаря Ницше: воля к власти... Власть — ее он жаждал для себя, но и для Германии, для него это было одно и то же... С юности он был шовинистом и приверженцем великогерманской идеи. Он собственной плотью ощущал страдания и унижения страны, которую считал своей родиной... Он поклялся отомстить за себя, отомстив за нее... Поскольку в соответствии с его натурой воля к власти должна была быть направлена на войну и завоевания, он попытался превратить государство в государство милитаристское и

полицейское, превратить его в диктатуру.... Но волю к власти насытить невозможно. Она постоянно перерастает себя, ибо только в действии она находит счастье. Поэтому Гитлер не мог остановиться, когда ему удалось создать третий рейх и разорвать цепи Версальского договора. Он хотел создать в Европе «великую империю», и если бы ему это удалось, то его руки потянулись бы за Северной и Южной Америкой... Фантазия Гитлера была дикой и романтической. Он подпитывал ее элементами, вычитанными то здесь, то там. Его нельзя назвать необразованным человеком, но это плохо усвоенное образование автодиакта. Он обладал даром сводить вещи к общему знаменателю и упрощать их, что снижало ему горячую благодарность поклонников.

В результате чтения Хьюстона Стьюарда Чемберлена, Ницше, Шпенглера и многих других авторов перед его духовным взором возник фантастический образ Германии, призванной возродить Священную Римскую империю германской нации... для расы господ, стоящей на здоровой крестьянской основе, ведомой партией, представляющей собой политическую элиту, своего рода рыцарство. После того, как эта раса господ навсегда освободит мир от еврейского яда, в котором, по мнению Гитлера, содержатся все прочие яды — яд демократии и парламентаризма, яд марксизма и коммунизма, яд капитализма и христианства, — она создаст новую положительную религию, по широте и глубине равную христианству. Вот каковы были те бредовые идеи, которым он предавался в ночных мечтаниях... Иногда этот бред облекался в форму вагнеровских гармоний. Он видел себя героем из мира Вагнера — Лоэнгрином, Зигфридом и, в первую очередь, Парсифалем, излечившим раны Амфортаса и вернувшим чудесную силу святому Грааю.

Ошибаются, однако те, кто полагают, что у этого человека, жившего в фантастическом мире, отсутствовало чувство реальности. Он был холодным реалистом и фундаментально расчетливым человеком. Будучи по природе

инертным и не способным к регулярному труду, он, тем не менее, всегда был осведомлен обо всем, что происходит в рейхе.... Таким образом, он не может быть освобожден от ответственности. Он знал о самых страшных преступлениях и эксцессах, они совершались с его ведома и по его желанию. Воля Гитлера к власти усиливалась опасными свойствами его характера: беспредельным упорством, безграничной отвагой, способностью принимать внезапные и бесповоротные решения, умением быстро схватывать суть проблемы, внутренней интуицией, не раз предупреждавшей его об опасности и спасшей его не от одного заговора.... Грубости и жестокости Гитлера сопутствовали хитрость, лицемерие и лживость. Оглядываясь на пройденный путь, приведшей его к власти, не снисшейся до него ни одному императору, он пришел к мысли, что провидение хранит его и делает непобедимым. Неверующий, враг христианства, он возмнил себя избранныком Всевышнего и все чаще обращался к Нему в своих речах... Он переоценивал свою личность и свою страну и, совершенно не зная заграницы, недооценивал силы своих русских и англосаксонских противников. Он хотел достичь славы Фридриха II и превзойти славу Наполеона. Его абсолютизм и тирания становились все более жестокими. Его именем Гиммлер и гестапо установили в рейхе чудовищный террор.... Непросто понять, почему немецкий народ столь долго и столь послушно следовал за этим бесноватым фюрером. Одним лишь страхом перед полицией и концлагерями это объяснить невозможно.

Если на основе приведенного выше блестящего анализа очевидно, а также на основе многочисленных работ психологов, психоаналитиков, специалистов в области глубокой психологии и исторической психиатрии, посвященных чертам характера Гитлера, мы попытаемся построить истинную картину личности Гитлера и его отношений с обществом, то перед нами в первую очередь встанет вопрос, который задает Иохим К. Фест в начале написанной им биографии Гитлера: «Известная нам история не

знает явления, подобного ему. Должны ли мы называть его "великим"?». Действительно, Джон Толанд в своей биографии Гитлера придерживается той позиции, что его значение как движителя истории выше, чем значение Александра Великого или Наполеона. Правда, Уве Банзен в своем предисловии к этой биографии пишет: «Действительно, ни один из правителей нашего времени не стал причиной гибели стольких людей. Тем не менее, для некоторых он продолжает оставаться предметом восхищения и почитания... Для тех немногих, кто до сих пор продолжает оставаться его сторонниками, он является героем, падшим мессией. Для всех остальных этот человек остается «безумным», военным и политическим авантюристом, убийцей, безвозвратно погрязшим во зле, который достиг всех своих успехов преступными методами».

Доказать или опровергнуть последнее утверждение можно лишь, прибегнув к методам судебно-психиатрической экспертизы. За решение этой задачи взялся Вольфганг де Боор, признанный во всем мире ученым-криминалистом, автор книги *Hitler «Mensch, Übermensch, Untermensch»* («Гитлер: человек, сверхчеловек, недочеловек»). В этом исследовании де Боору удалось получить весьма интересные результаты, которые мы в краткой форме изложим в следующей главе.

Гитлер — психопат и преступник?

В своем судебно-психиатрическом исследовании дела Гитлера де Боор пользовался в основном двумя научными методами, позволяющими путем анализа различных характерных признаков получить максимально объективную оценку личности с точки зрения преступных наклонностей и проявлений ее характера. Речь идет о теории «социального инфантилизма» и о «концепции моноперцептоза».

По де Боору, под социальным инфантилизмом, в отличие от соматического и психического инфантилизма, следует понимать аномальное поведение индивидуума в поле

социальных напряжений, характеризующееся различными дефицитами социальной психики, то есть дефицитами механизмов контроля его социальной активности. Если следовать определению, данному Ф. Найдхардтом, то социализация индивидуума есть процесс, «посредством которого господствующие в обществе ценности, нормы и методы жизни индивидуума становятся известными индивидууму и обязательными для него», и мы не обнаружим каких-либо дефицитов, которые бы в детстве оказали непоправимое влияние на первичную социализацию Гитлера. При всех негативных и авторитарных чертах характера его отца, именно отец должен был особенно твердо внушить ему нормативные представления о законе и порядке. Есть полные основания считать, что и вторичная фаза социализации, в которой важнейшим является влияние школы, прошла у Гитлера без отклонений от нормы. Подтверждением тому служит для де Боора яростный спор между Гитлером и строительными рабочими, который произошел в начале венского периода его жизни. В этом споре Гитлер «страстно защищал практически весь набор буржуазных общественных норм». В то же время у Гитлера практически не могут быть обнаружены признаки третьей, заключительной фазы социализации, во время которой происходит окончательная персонализация индивидуума, «социально-психический мораторий», по выражению Эриксона. Этот социально-психический мораторий затянулся у Гитлера на целое десятилетие, и мы не располагаем фактами, которые позволяли бы утверждать, что его личность к концу этого десятилетия сформировалась окончательно. В этот период (1905—1914 годы) произошел ряд событий, оказавших значительное влияние на последующее развитие личности Гитлера. На это время пришлось смерть его матери, на чем мы подробно останавливались выше. Это событие глубоко потрясло его и, по свидетельству врача-еврея доктора Блоха, сделанному им уже в Америке в 1943 году, явилось, наверное, самым сильным эмоциональным переживанием в жизни

Гитлера. Другим переживанием, оставившим глубокие следы, стал провал при попытке поступления в венскую Академию изобразительного искусства в 1907 году, последствия которого вылились в явную неприязнь Гитлера к преуспевающим, социально интегрированным людям, ко всему, что связано с академиями и университетами. В крушении мечты своей жизни — стать художником или архитектором — он винил не себя, а чванство и некомпетентность академических профессоров. Гитлер почувствовал себя отвергнутым буржуазным обществом, что побудило его искать укрытия в анонимности — вначале в убежище для бездомных, позднее в мужском общежитии.

Итак, судебно-психологический анализ социально-психического моратория Гитлера не позволяет получить сколько-нибудь конкретных результатов. Ясным остается лишь то, что ряд кризисов идентификации не позволил ему успешно идентифицировать себя и результатом венского периода становления явилась лишь выработка защитных механизмов, обусловленных страхом. С тем большей силой вторглась в психический вакуум Гитлера первая мировая война, ставшая господствующим фактором запечатления и «главным воспитательным переживанием» его жизни. Война сыграла роль пускового механизма для позднего процесса созревания, и из «аморфного» образа Гитлера начали проступать зримые контуры личности. При этом мы не располагаем какими-либо фактами, свидетельствующими о проявлениях склонности Гитлера к жестокости. В период, непосредственно следующий за окончанием войны, в жизни Гитлера не произошло события, которое можно было бы назвать явным «политическим пробуждающим переживанием» и поэтому сложно указать точный момент начала его политической карьеры. Возможно, это произошло, когда он внезапно открыл в себе дар политического оратора: такое событие вывело его из длительного кризиса самооценки и послужило началом «прорыва к себе». Собственно момент завершения персонализации Гитлера приходится на период его заключения в ландсбергской

крепости, после которого он решительно и окончательно вступил на политическую сцену. Ганс-Юрген Айтнер считает, что в изменении политического сознания Гитлера тюремное заключение выполнило функцию пускового механизма — сыграло роль библейского «переживания Иордани».

В процессе длительной социализации среднего нормального гражданина всегда происходит формирование так называемого «структурного барьера», который препятствует осуществлению опасных агрессивных действий под влиянием сильных эмоций. К концу первой мировой войны такой барьер сохранился у Гитлера практически в полной неприкосновенности. Прогрессирующая деформация структурного барьера проявилась лишь в момент начала его политической деятельности, о чем свидетельствует беседа Гитлера с генерал-полковником фон Зееком в баварском военном министерстве, где Гитлер, в частности, заявил растерявшемуся генералу: «Мы, национал-социалисты, видим свою задачу в том, чтобы марксисты и пораженцы, сидящие в теперешнем правительстве, попали туда, куда следует — на фонари». Однако последние механизмы торможения отказали только после прихода к власти. Резня главарей СА в «ночь длинных ножей» 1934 года, убийство мешавших ему генералов фон Бредова и фон Шлейхера, приказ об «эвтаназии» душевнобольных в 1939 году, и, наконец, приказ об истреблении миллионов евреев и бесчеловечный «приказ Нерон» в 1945 году, показывают, что сужение структурного барьера у Гитлера приняло характер «распада нормативной субстанции подобно тому, как это происходит у массовых убийц».

Другим характерным для Гитлера явлением судебно-психиатрического плана был выраженный «социальный аутизм», являющийся по де Боору типичной чертой характера шизоидных личностей. У таких личностей, при отсутствии истинной шизофрении, имеют место характерные для шизофрении симптомы. Де Боор так описывает судебно-психиатрические аспекты подобного социального аутизма:

«Человек испытывает трудности при вступлении в социальные контакты или вообще неспособен к таковым; тенденция к обособлению затрудняет разрешение психических конфликтов в беседах с другими людьми и получение квалифицированной консультации. Инкапсуляция создает агрессивное напряжение. Коммуникационный барьер и блокирование информации затрудняют адаптацию к реальному миру». Эрнст Кречмер приводит дополнительные характеристики аутизма шизоидной личности, которые в полной мере относятся к личности Гитлера: «Холодный и прямолинейный эгоизм, фарисейское самодовольство и безмерное ранимое чувство собственного достоинства, теоретическое стремление оскотлить человечество в соответствии со схематическими доктринарскими принципами, желание сделать мир лучше, альтруистическое самопожертвование в большом стиле, прежде всего во имя общих обезличенных идеалов». Особо типичным признаком аутизма Гитлера была холодная аффективная безучастность, корни которой лежат в глубочайшем презрении к людям. Его совершенно не волновали нечеловеческие условия жизни гражданского населения Германии в условиях беспощадных бомбежек в последние годы войны. Однако это не мешало ему демонстрировать глубокое потрясение при известиях о разрушении оперных театров. Отдавая приказ открыть шлюзы на реке Шпрее, Гитлер ни на минуту не задумался о судьбе раненых немецких солдат, находившихся в туннелях берлинского метро, которых этот преступный приказ обрекал на неминуемую смерть. Слабое Я привело Гитлера к безмерной недоверчивости, которая, по выражению Шлеера, стала его «жизненной стихией». В последние месяцы жизни Гитлер отгородился от мира непробиваемыми стенами бункера рейхсканцелярии, что де Боор также считает символичным «для завершения его жизни, которая между аутической уюстью и необузданными видениями мирового господства так и не вышла на лежащую посредине гуманистическую координату». Судебная психиатрия придает важное значение нетерпимости фрустрации, которая

не позволяет личности переносить неудачи, разочарования и болезненные унижения без агрессивных реакций. Нетерпимость фрустрации проявилась у Гитлера действительно очень рано, что в сочетании с биологически обусловленной повышенной агрессивностью уже в юности порой вызывало непонятные реакции. Это в соединении с отсутствием социальной совести, что также является характерной для Гитлера чертой его поведения, привело его к неисчислимым актам чудовищного насилия.

Со многими преступлениями Гитлера роднят дефициты идентификации. Такие дефициты возникают в тех случаях, когда в ранние годы, решающие для формирования человека, у этого человека не формируется идентифицирующее ядро. Для Гитлера идентификация с деспотичным, внушавшим страх отцом была невозможна, так как означала бы для него отрицание собственного Я. Поэтому после смерти матери он оказался в эмоциональном вакууме, заполнить который помешали неудачи, преследовавшие его в Вене. Не исключено, что факторами, помешавшими его идентификации, явились также незнание собственного происхождения и знание того, что между его родителями существовала кровосмесительная связь. По мнению специалистов в области судебной психиатрии, дефициты идентификации способны подвинуть социально инфантильных людей на умозрительные действия в поисках собственной идентификации. У Гитлера импульсы к умозрительным действиям вначале носили позитивный и конструктивный характер, но после начала второй мировой войны их характер все больше становился деструктивным. Сколь тесно могут переплестись между собой нарушения идентификации и параноидальные явления, показал психолог Ф. Рудин в книге «*Fanatismus. Die Magie der Gewalt*» («Фанатизм. Магия силы»): «Жесткая модель поведения доходит у фанатиков этого типа, как правило, до полной идентификации с идеей, которую те представляют. Здесь мы имеем второй симптом, указывающий на

круг шизоидных форм. Даже если процессы идентификации, подобно процессам проекции, принадлежат к числу общечеловеческих и, следовательно, необходимых механизмов, то глубинной психологии хорошо известны неадекватные идентификации, которые, выполняя роль защитных механизмов, отчуждают человека от его собственной сущности, от его самого внутреннего Я, за счет чего... латентный психоз может стать острым. Такая опасность возникает прежде всего при длительных идентификациях и сверхидентификациях, при которых реальное Я все больше сжимается, а на его месте появляются фантастические, наивные или параноидальные формы идентификации». Таким образом, Гитлер становится в ряд с теми преступниками, чей жизненный путь вследствие дефицита личностной идентификации отмечен печатью «разрушения» своего мира. Будучи исходно созидателем, с 1939 года он превращается в фанатического разрушителя, что подтверждает следующий фрагмент из воспоминаний Шпеера: «Он умышленно хотел, чтобы люди гибли вместе с ним. Для него уже не существовало моральных границ. Конец собственной жизни означал для него конец всего».

Столь полное разрушение «нормативного органа», которое нашло свое выражение в присущей Гитлеру мании уничтожения, не имеющей аналогов в истории, не может иметь своим единственным объяснением наличие «социального инфантилизма» или первичную преступную деформацию структуры личности. Следует предположить, что в этом сыграло свою роль, по выражению де Боора, «разложение его нормативного органа» вследствие отсутствия высшей корректирующей или по меньшей мере предостерегающей инстанции в Германии и за ее пределами. Это позволило Гитлеру «удовлетворить свои инфантильные потребности. В радикальных слоях народа он нашел... идеального партнера. Два инфантилизма объединились в один... Явление, которое в психиатрии получило название "folie a deux"

(«безумие на двоих»)». Активный партнер, фюрер, все бесцеремоннее навязывал темы своего бреда более слабому партнеру, народу, подверженному идеологическим влияниям, так что за несколько лет возникло нерушимое единство, наиболее подходящим словом для которого является массовый психоз. Но массовый психоз может возникнуть лишь тогда, когда оба партнера инфантильны». Подобные психотические процессы в сознании с глубокими социальными последствиями де Боор обобщенно называет «моноперцептозом».

К характерным признакам моноперцептоза относятся мания величия, в полной мере свойственная Гитлеру. И сам он был глубоко убежден в том, что «как индивидум по своей духовной и творческой силе один превосходит весь мир». Развитию мании величия, несомненно, способствовал его «социальный аутизм», сочетавшийся со склонностью принимать желаемое за действительное и с его представлением о том, что своими необычайными способностями он обязан высшей силе. Подобная мания величия не является симптомом психического заболевания, а представляет собой результат длительного психологического процесса, корни которого уходят в юность. Одним из аспектов мании величия Гитлера была «строительная мегаломания». Так, он планировал выстроить в столице рейха «Большой зал», долженствующий символизировать мировое господство. Этот зал должен был украшать имперский орел со свастикой, держащий в когтях огромный земной шар. В рейхсканцелярии для него должны были устроить рабочий кабинет площадью почти 1000 квадратных метров — завершение строительства было намечено на 1950 год. Уильям Карр называет это «гиперкомпенсацией комплекса неполноценности, которая являлась частью сложного защитного механизма, помогавшего ему преодолеть сомнения в своей миссии и страх перед тем, что он не сможет удержать то, что он уже завоевал и еще завоеует в будущем».

Все попытки объяснить беспримерную агрессивность Гитлера наталкиваются на трудность, состоящую в том, что биографические факты практически полностью исключают врожденную агрессивность его характера как причину позднейшей эксцентричной готовности к агрессии. Де Боор указал на не учитывавшуюся до сих пор невероятную динамику, которая возникает за счет моноперцептоза под диктатом доминирующей над всем сверхценной идеи и позволяет мобилизовать страшную силу и эмоциональную энергию для реализации той или иной основной темы. В нормальной ситуации препятствием на пути агрессий, к которым призывают носители «сверхценной идеи» бредового содержания и которые способны вызвать тяжкие социальные последствия, является угроза применения мер уголовно-правового характера. Однако, начиная с 1934 года, уже не существовало тормозящей инстанции, вследствие чего Гитлер безнаказанно мог полностью выплеснуть свою агрессивность, постоянно подпитываемую энергией его сверхценных идей — уничтожение евреев, борьба с марксизмом, расширение немецкого «жизненного пространства» на восток. «Поскольку с 1934 года он имел в своем распоряжении все технические, экономические и военные возможности современного промышленного государства и располагал неограниченными властными полномочиями, в результате осуществления его моноперцепторных сверхценных идей сложилась уникальная в истории ситуация. Как правильно заметил Тревор-Ропер, невозможно себе представить, чтобы подобное злое действие трех факторов повторилось еще раз. Вот эти три фактора:

- существование личности с диктаторскими и, по де Боору, с тяжкими преступными наклонностями;
- наличие моноперцепторной бредовой идеи, опасной для существования человечества;
- абсолютная власть, позволяющая поставить весь потенциал государства на службу этой идее.

К этому следует добавить крайний нарциссизм, приведший к концентрации либидо исключительно на собственном Я и, таким образом, не только породивший ощущение всемогущества, но и давший толчок преступным действиям на почве «нарциссических обид», склонность к которым у подобных личностей носит особо выраженный характер. Ни одна психическая травма, ни одно унижение, ни одна обида в таком случае не могут быть когда-либо забыты или прощены, и мы найдем у Гитлера немало примеров запоздалой мести людям, когда-то унижившим или обидевшим его и заплатившим за это жизнью.

Эта комбинация нарциссизма и эгоцентризма на фоне веры в собственную всемирно-историческую миссию в конце концов привела к «стиранию внутренних систем ценностей» и полному игнорированию потребностей и прав других людей. Как подчеркивает де Боор, подобный процесс наблюдается только при тяжелых психических заболеваниях, например, при шизофреническом распаде личности. До настоящего времени не существует научно подтвержденной картины возникновения подобного, практически полного распада нормативной системы у людей, не являющихся душевнобольными — Гитлер является единственным известным случаем такого рода за всю историю научного исследования подобных изменений психики преступников.

Доминирующее место среди навязчивых бредовых идей Гитлера занимала беспримерная патологическая юдофобия. Именно этой цели — умерщвлению евреев — были, в конечном счете, подчинены военные акции, принятые Гитлером, а начав завоевание «жизненного пространства» на востоке, он в 1942 году устремляюще близко подошел к реализации своей мечты: заполнить гигантское пространство на востоке людьми «высшей расы», предварительно очистив это пространство от «неполноценных» евреев и славян и защитив его могучим «Восточным валом» от нашествий «азиатских орд». При

попытке объяснить эту «поистине ариманову ненависть, изуродовавшую все гуманное, что еще оставалось в Гитлере, до полной неузнаваемости» не срабатывает ни одна из психологических гипотез, известных современной медицине. Ясно лишь то, что юдофобия Гитлера безусловно носила маниакальный характер, ибо она полностью удовлетворяет всем трем критериям мании, сформулированным Ясперсом: во-первых, бредовая идея Гитлера о существовании некоего еврейского лобби, целью которого является уничтожение арийской расы и установление мирового господства, нереальна априори. Во-вторых, Гитлер был непоколебимо убежден в правильности этой бредовой идеи, и, в-третьих, эта идея могла корректироваться логическими рассуждениями и содержанием собственного опыта. Поэтому де Боор приходит к выводу, что «в своей совокупности идеология Гитлера должна быть признана соответствующей всем критериям мании. Таким образом, имела место мания, но... мания клинически здорового человека, у которого отсутствуют какие-либо симптомы психоза. Поэтому мы предложили... собственный термин «моноперецптоз» с тем, чтобы дать возможность разграничения мании здорового человека, приведшей к тяжелым социальным последствиям, и маниакально-психических заболеваний».

Исходя из анализа особенностей личности Гитлера в различные периоды его жизни и основываясь на понятиях «социальный инфантилизм» и «моноперецптоз», де Боор попытался сделать криминалистический и социально-психологический вывод, подобный тем выводам, которые делают эксперты в уголовном процессе. Согласно де Боору, результаты такого прогноза являются поистине катастрофическими: «В случае окончательной победы немецкий народ и народы Европы ожидали жестокие испытания. Мы должны быть благодарны союзникам за то, что они избавили Германию и Европу от диктатуры личности с тяжелейшими преступными наклонностями».

Аргументация некоторых психиатров, утверждающих, что Гитлер был душевнобольным, не выдерживает объективной критики, однако серьезные специалисты единодушно считают, что Гитлер был «истерическим психопатом с потребностью самовыражения и шизоидно-аутистическим фанатиком», который был полностью вменяем и ответствен за все свои поступки. Профессор Освальд Бумке, заведовавший в свое время кафедрой психиатрии Мюнхенского университета, дал Гитлеру следующую судебно-психиатрическую характеристику: «Шизоид и истерик, грубально жесток, недоучка, невыдержан и лжив, лишен доброты, чувства ответственности и вообще всякой морали». Профессор Шальтенбранд, заведующий кафедрой психиатрии Вюрцбургского университета, считает, что такого рода люди, добившись политической власти, представляют невероятную опасность для общества, потому что «политик-психопат представляет собой особо опасное явление на грани здорового человека и душевнобольного. Это опасно именно потому, что в психопате в общем случае присутствует так много от здорового человека, что обычные люди не в состоянии распознать в нем какие-либо психические отклонения... Типично, что психопатам удается обзавестись учениками и сторонниками, которые сами по себе лишь чуть-чуть отличаются по своей психической конституции от нормальных людей. Эти люди принимают гротескные, «двинутые» программы, которые затем вызывают массовый психоз». Быстрому распространению этого массового психоза способствовал необычайный дар Гитлера подчинять людей своему влиянию, принимавший порой характер настоящего массового гипноза. Каким образом этот гипноз оказывал влияние на самого Гитлера, в результате чего фюрер и масса «накачивали» друг друга по спирали, объясняет нам криминологическая психология: «Если социально инфантильная личность, обуреваемая маниакальными идеями, встречает со стороны массы почти

собачью преданность, то негативные потенции объекта обожания неизбежно должны усилиться и в конечном итоге уничтожить остатки гуманности».

Принимая во внимание ужасные события, которые произошли за те немногие годы, когда Гитлер был абсолютным властелином Германии и почти всей Европы, мы, вне всякого сомнения, не можем не признать за ним высокий и, возможно, уникальный исторический ранг, пусть даже в отрицательном смысле. И если он, как личность, несомненно, историческая, имеет право навеки попасть в «пантеон всемирной истории», то, в то же время, по выражению де Боора, ему принадлежит не менее почетное место и в «пантеоне великих преступников».

По-видимому, такого же мнения придерживались национал-социалистические заправилы во главе со своим фюрером уже в 1943 году, ибо тогда, возможно, полностью осознавая чудовищность совершенного нацистским режимом и отдавая себе отчет в тяжести возмездия, Йозеф Геббельс написал в журнале «Дас Райх» за 14 ноября следующие строки: «Что касается нас, то мы сожгли за собой мосты. У нас нет пути назад, но мы и не хотим идти назад. Мы войдем в историю как величайшие государственные деятели всех времен — или как величайшие преступники в истории».

Литература

- Aich, Thomas: Massenmensch und Massenwahn. Zur Psychologie des Kollektivismus. München 1947
Bahnsen, Uwe: Vorwort zu John Toland: Adolf Hitler. Bergisch-Gladbach 1977
Bahnsen, Uwe: Die Katakomba. Das Ende in der Reichskanzlei. Bergisch-Gladbach 1981
Below, Nicolaus von: Als Hitlers Adjutant. Mainz 1980
Binion, Rudolph: Hitler's concept of Lebensraum. In: History of Childhood Quarterly, 1973

- Bloch, Eduard: My patient, Hitler. In: Colliers Magazine, 1941
Braunmühl, Anton von: War Hitler krank? In: Stimmen der Zeit Bd. 145 H/8 München 1954
Bromberg, Norbert: Hitler's character and its development. In: American Imago, 1971
Bullock, Alan: Hitler und Stalin. Parallele Leben. Berlin 1991
Bullock, Alan: Hitler. Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf 1957
Carr, William: Adolf Hitler. Stuttgart 1980
Dalma, G.: Un pazzo al timone del mondo. Referto psichiatrico su Hitler. In: Cosmopolita, 1944
De Boor, Wolfgang: Hitler: Mensch, Übermensch, Untermensch. Frankfurt am Main 1985
Dietrich, Otto: Zwölf Jahre mit Hitler. München 1955
Domarus, Max: Hitler. Reden und Proklamationen. 1932-1945, 2 Bde. München 1965
Eitner, Hans-Jürgen: Der Führer. München/Wien 1981
Erikson, Erik H.: Identity, Youth and Crisis. New York 1968
Fest, Joachim C.: Hitler. Eine Biographie. Frankfurt am Main/Berlin 1989
François-Poncet, André: Als Botschafter in Berlin 1931-1938. Berlin/Mainz 1962
Frank, Hans: Im Angesicht des Galgens. Deutung Hitlers und seiner Zeit aufgrund eigener Erlebnisse, Hrsg. v. Oswald Schloffer, München 1953
Fromm, Erich: Anatomie der menschlichen Destruktivität. Stuttgart 1977
Gibbels, Ellen: Hitlers Nervenleiden — Differentialdiagnose des Parkinson-Syndroms. In: Fortschritte der Neurologie u. Psychiatrie, 1989
Gibbels, Ellen: Hitlers Parkinson-Syndrom. In: Der Nervenarzt, 1988
Gisevius, Hans Bernd: Adolf Hitler. Versuch einer Deutung. München 1963
Goebbels, Joseph: Tagebücher. 5 Bde., 1993
Gru, Rudolf: Gehört er ins Pantheon der Weltgeschichte? Wiesbaden 1947

- Grimm, G.: *Kranke Männer am Steuerruder der Staaten*. In: Saeculum, 1969
- Guderian, Heinz: *Erinnerungen eines Soldaten*. Heidelberg 1951
- Haffner, Sebastian: *Anmerkungen zu Hitler*. München 1978
- Hanfstängl, Ernst: *Zwischen Weißem und Braunem Haus*. Memoiren eines politischen Außenseiters. München 1970
- Heston, L.L. u. A.R.: *The Medical Casebook of Adolf Hitler*. London 1979
- Hitler, Adolf: *Hitlers Zweites Buch*. Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Stuttgart 1961
- Hitler, Adolf: *Mein Kampf*. München 1938
- Irving, David: *Die geheimen Tagebücher des Dr. Morell*. München 1983
- Irving, David: *Hitler und seine Feldherren*. Berlin 1975
- Irving, David: *Wie krank war Hitler wirklich?* München 1980
- Jetzinger, Franz: *Hitlers Jugend*. Phantasien, Lügen – und die Wahrheit. Wien 1956
- Kardel, Hennecke: *Adolf Hitler – Begründer Israels*. Marva/Genf 1974
- Kempka, Erich: *Die letzten Tage mit Adolf Hitler*. Preußisch-Oldendorf 1975
- Kersten, Felix: *Totenkopf und Treue*. Heinrich Himmler ohne Uniform. Hamburg o.J.
- Kogon, Eugen: *Der SS-Staat*. Das System der deutschen Konzentrationslager. Frankfurt am Main 1965
- Krausnick, Helmut: *Anatomie des SS-Staates*. Freiburg im Breisgau 1965
- Kretschmer, Ernst: *Geniale Menschen*. Berlin 1942
- Kubizek, August: *Adolf Hitler*. Mein Jugendfreund. Graz/Göttingen 1953
- Langer, Walter Charles: *Das Adolf-Hitler-Psychogramm*. Wien/München/Zürich 1973
- Linge, Heinz: *Bis zum Untergang*. München 1983
- Maser, Werner: *Adolf Hitler*. Das Ende der Führerlegende. Düsseldorf/Wien 1980
- Maser, Werner: *Adolf Hitler*. Legende, Mythos, Wirklichkeit. München/Esslingen 1973
- Miller, Alice: *Am Anfang war Erziehung*. Frankfurt am Main 1980
- Olden, Rudolf: *Hitler the Pawn*, London 1936
- Picker, Henry: *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941 – 1942*. Hrsg. von Percy Ernst Schramm, Stuttgart 1965
- Rauschning, Hermann: *Gespräche mit Hitler*. Zürich/Wien/New York 1940
- Rektenwald, Johann: *Woran hat Adolf Hitler gelitten?* München/Basel 1963
- Roehrs, Hans-Dietrich: *Hitler – die Zerstörung einer Persönlichkeit*. Grundlegende Feststellungen zum Krankheitsbild. Neckargemündl 1965
- Roehrs, Hans-Dietrich: *Hitlers Krankheit*. Tatsachen und Legendes. Medizinische und psychische Grundlage seines Zusammenbruchs. Neckargemündl 1966
- Schaltenbrand, Georg: *War Hitler geisteskrank?* Festschrift. Göttingen 1961
- Schneck, Ernst Günter: *Patient Hitler*. Düsseldorf 1989
- Schuschnigg, Kurt von: *Ein Requiem in Rot-Weiß-Rot*. Zürich 1946
- Smith, Bradley F.: *Adolf Hitler: His Family, Childhood and Youth*. Stanford 1967
- Speer, Albert: *Erinnerungen*. Berlin, Wien 1969
- Steinert, Marlies: *Hitler*. München 1994
- Stern, Joseph Peter: *Hitler*. Der Führer und das Volk. München/Wien 1978
- Stierlin, Helm: *Adolf Hitler*. Familienperspektiven. Frankfurt am Main 1975
- Stolk, P.J.: *Adolf Hitler*. His life and his illness. In: *Psychiatr. Neurol. Neurochir.*, 1968
- Strasser, Otto: *Mein Kampf*. Frankfurt am Main 1969
- Szondi, Lipot: *Kain*. Gestalten des Bösen. Bern 1969
- Toland, John: *Adolf Hitler*. Bergisch Gladbach 1977
- Trevor-Roper, Hugh R.: *Einleitung zu Hitlers politischem Testament*. Hamburg 1981
- Trevor-Roper, Hugh R.: *Hitlers letzte Tage*. Frankfurt am Main 1963

ИОСИФ СТАЛИН

Trevor-Roper, Hugh R.: Lügen um Hitlers Leiche. In: Der Monat, 1956

Walters, J.: Hitler's encephalitis: a footnote to history. In: Journal Operat. Psychiat., 1975

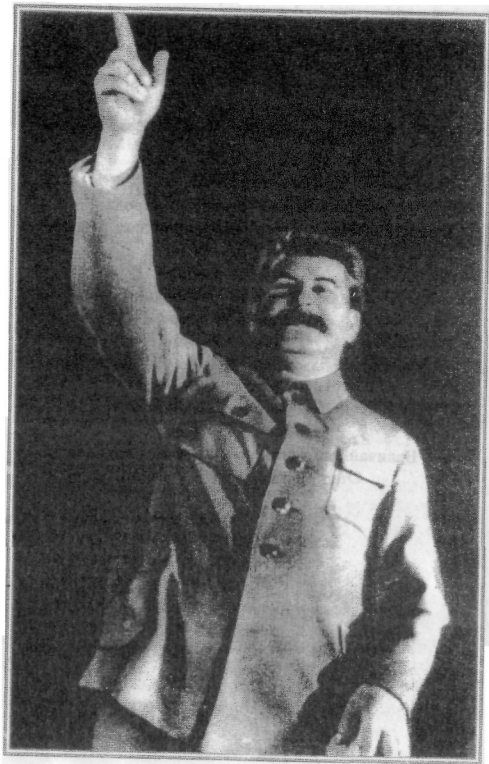
Weissbecker, Manfred u. Kurt Pätzold: Adolf Hitler. Leipzig 1995 (вышла из печати после завершения работы над рукописью)

Ziegler, Hans Severus: Hitler aus dem Erleben dargestellt. Göttingen 1964

Zoller, Albert: Hitler privat. Erlebnisbericht seiner Geheimssekretärin. Düsseldorf 1949

Великий вождь
Великий вождь советского народа
Великий мастер смелых революционных решений
и крутых поворотов
Великий кормчий
Великий стратег революции
Лучший друг детей
Лучший друг женщин
Лучший друг водолазов и бегунов на длинные дистанции
Лучший друг колхозников
Лучший друг художников
Великий полководец
Величайший гений всех времен и народов
Отец, вождь, друг и учитель

Подборка титулов Сталина

«**С**талин был, вне всякого сомнения, самым ненавидимым и самым обожаемым, самым почитаемым и самым презираемым государственным деятелем во всей истории» — этими словами завершает Абдурахман Авторханов монографию о смерти Сталина. И действительно, на подвластной ему земле у Сталина были только страстные приверженцы и только непримиримые враги. Для того, чтобы создать психологический портрет этого монстра в человеческом облике, необходимо располагать объективными рассказами и сообщениями современников, входивших в его непосредственное окружение. Однако именно это не представляется возможным ни теперь, ни, по-видимому, в ближайшем будущем, потому что в окружении Сталина объективных наблюдателей не было, и, кроме того, он систематически устранил всех, кто, по его мнению, «слишком много» о нем знал — своих дореволюционных соратников, фанатично преданных партийных функционеров, друзей и членов своей семьи. Следовательно, нам предстоит попытаться установить причинные факторы развития его личности в самого коварного и жестокого тирана, который когда-либо существовал в истории, лишь на основе немногочисленных сохранившихся документов о юности Сталина и его политической деятельности до Октябрьской революции, состоявшей в основном из семи арестов и пяти успешных побегов.

Нам придется также учитывать специфику исторической ситуации, сложившейся после Октябрьской революции, а также специфическую структуру находившейся на подъеме коммунистической партии и ее бюрократического аппарата власти, ибо здесь лежат причины постепенного исчезновения той инстанции, которая стояла на пути выхода его преступных импульсов. В связи с этим нам также предстоит рассмотреть уникальный пример взаимной зависимости между харизматическим «вождем», неважно, каким способом ставшим таковым, и «массой» — в данном случае многотрапальным русским народом.

Единственную, хотя и весьма условную, возможность напрямую заглянуть во внутренний мир Сталина дают нам записки его дочери Светланы, его литературные работы, письма, а также комментарии и заметки на полях, которыми он снабдил многие из своих преступных приказов и распоряжений. С медицинской точки зрения наибольшую ценность представляют мемуары Н. Романо-Петровой, поскольку в их основе лежат непосредственные наблюдения и впечатления профессора Дмитрия Плетнева, бывшего на протяжении многих лет личным врачом Сталина. Во время войны Петрова была старшей медсестрой в госпитале для высшего состава НКВД и Красной Армии, который в 1942 году попал в руки немцев. Так Петрова после войны оказалась на Западе, где смогла опубликовать свои мемуары, которые были изданы вначале на русском языке, а затем, в 1984 году, в Лондоне, в английском переводе, сделанном Мишелем Петровым.

Биографический анамнез Юность Сталина

Иосиф Виссарионович Джугашвили родился 21 декабря 1879 года в маленьком грузинском городке Гори. По

паспорту он значился «крестьянином Горийского уезда Тифлиской губернии», и, действительно, предки его были крестьянами, а его родители родились крепостными. Как и три четверти населения этих мест, родители Сталина были неграмотны. В 1864 году, после отмены крепостного права, отец Сталина Виссарион Джугашвили перебрался в Гори, где, будучи сапожником, латал сапоги местной бедноты. Здесь он познакомился с Екатериной Геладзе, которая зарабатывала на жизнь тем, что стирала, шила и стряпала по чужим домам. Вскоре они поженились. Жили они в страшной нищете, и из троих сыновей молодой четы двое — Михаил и Георгий — умерли, не дожив до года. Так из всех детей у них остался лишь Сосо, как они называли Иосифа. Однако в возрасте пяти лет и он заболел тяжелой формой оспы, что едва не стоило ему жизни и на всю жизнь оставило ему память о себе в виде множества шрамов на лице. В возрасте десяти лет он попал под автомобиль и 10 дней находился в состоянии комы. Из-за плохо обработанных ран у него произошло заражение крови и в результате всего этого левая рука перестала сгибаться в локте. Так, во всяком случае, выглядит данный эпизод в изложении самого Сталина. Выглядит это неправдоподобно уже хотя бы потому, что первый автомобиль был собран Даймлером только в 1885 году, и трудно себе представить, чтобы спустя всего четыре года подобная машина могла появиться на улицах заштатного грузинского городишки. Но как бы там ни было, левая рука Сталина в течение всей его жизни оставалась неполноценной и была на 4 сантиметра короче правой.

Грузинский меньшевик Иосиф Иремашвили, близкий знавший семью Джугашвили, пишет, что отец Сталина был неотесанным и жестоким человеком, часто напивался и в таком состоянии не скупился на затрецины ни для жены, ни для сына. У Виссариона Джугашвили вошло в привычку выбивать из маленького

Иосифа его якобы упрямство, причем отец предпочитал воспитывать сына побоями преимущественно перед тем, как отправиться спать. Поэтому сын вскоре научился ловко уклоняться от встреч с отцом. В своих мемуарах Иремашвили намекает на то, что постоянные беспричинные побои не могли не сказаться на развитии мальчика: «Тяжкие, незаслуженные избиения мальчишки сделали его таким же жестоким и бессердечным, как отец. Он был убежден, что человек, которому должны подчиняться другие люди, должен быть таким, как его отец, и поэтому в нем вскоре выработалась глубокая неприязнь ко всем, кто был выше его по положению. С детских лет целью его жизни стала месть, и этой цели он подчинил все». Отцовские избиения, вызывавшие у Иосифа ненависть и желание отомстить, подтверждаются и другими источниками, которые единодушно указывают на то, что отцовская «черная педагогика» не сломала, а, напротив, закалила его и повысила способность к сопротивлению невероятным физическим и психическим нагрузкам, ожидавшим его в будущем.

Поддержкой в этом ему служил пример матери, также часто становившейся жертвой жестоких эксцессов супруга, но, тем не менее, не позволившей запугать и тем более подавить себя. Она очень любила Иосифа, была готова для него на любые жертвы, и для мальчика это должно было явиться источником благотворной компенсации.

Когда отцу представилась возможность получить лучшую работу на обувной фабрике Адельханова, он переехал в Тифлис и вскоре вызвал к себе сына, которого хотел обучить сапожному ремеслу. Екатерина, напротив, страстно желала, чтобы ее Сосо получил школьное образование. В скором времени Джугашвили-старший был убит в поножовщине, возникшей после очередной пьянки, и мать немедленно забрала сына домой в Гори. С помощью православного священника, в доме которого она прислуживала, ей удалось поместить Иосифа в церковное

училище в твердой надежде, что он когда-нибудь также сможет стать священником. Огромные личные жертвы матери и государственные стипендии позволили Иосифу проучиться в духовной семинарии до 19 лет. Стипендией, давшую возможность продолжить образование в семинарии, он смог получить благодаря замечательным успехам в горьском церковном училище, при окончании которого он был отмечен похвальным листом.

В 1894 году Иосиф покинул Гори и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Большинство из почти шестисот студентов этого учебного заведения рассматривали учебу в нем не как подготовку к духовной карьере, а как ступень светского университетского образования. Дело было в том, что русский царь не позволил открыть в Тифлисе университет, опасаясь его превращения в очаг националистической крамолы. В это время проводились мероприятия по всеобщей русификации, и в качестве языка преподавания в семинарии был введен русский язык вместо ранее использовавшегося грузинского. Эта мера в сочетании с жесткой дисциплиной, царившей в семинарии и дававшей жизнь в ней похожей скорее на казарму, чем на духовное учебное заведение, стала причиной неоднократных конфликтов между студентами и начальством.

В момент поступления в семинарию Иосифу было всего 14 лет, по своему телосложению он был скорее слабым и тщедушным, но, тем не менее, очень скоро не только одноклассники, но и преподаватели обратили внимание на отличающее его высокое чувство собственного достоинства, необычное в столь юном возрасте. Возможно, дело было в матери, которая, будучи сама неграмотной, добилась того, что ее сын стал студентом семинарии, и тем самым обеспечила для него лучшее будущее. Ее несокрушимая вера в единственного и несомненно умного сына вселила в него убежденность, возможно, даже с оттенком веры в предопределенность, в том, что он, как «делегат» матери, должен совершить в своей жизни нечто значительное.

Обучение в горьском церковном училище и тифлиской

духовной семинарии не могло не сказаться на психическом развитии юноши. Чтение и систематическое заучивание назистов текстов Ветхого и Нового завета, к которым он питал неподдельный интерес, развило в нем феноменальную память, которая позднее сослужила ему хорошую службу. Изучая эти тексты, он составил себе представление о единственном божественном существе, являющемся носителем неделимой власти и абсолютного знания. Длительное богословское образование привело также к тому, что он усвоил определенные схемы мышления, которые позднее придали стилю и аргументации его литературных трудов столь характерный догматизм и идущее от катехизиса жесткое разделение всего на абсолютные черно-белые категории. Адам Улам называл литературный стиль Сталина «декламаторским, полным повторений и литургических созвучий», что выразилось также и в его манере речи с «типичной схемой противоречащих вопросов и ответов».

Однако опыт, приобретенный Сталиным за годы пребывания в семинарии, имел и обратное действие — он во все большей степени приводил его к отрицанию религии и связанных с нею обычаев. Этому способствовали не только многочасовые молитвы, казавшиеся ему бессмысленными, но и атмосфера шпионства, доносительства и наказаний за малейшую провинность, насаждаемая монахами, надзиравшими за ним. В то же время этот живой наглядный пример практики закрытого общества, в котором беспрекословное повиновение поддерживается такими методами, как тотальная слежка, стукачество и неумолимое наказание, подпитывало в нем глубокое неприятие любого авторитета, проявившееся у него еще в детстве, как реакция на жестокость отца. Вначале объектами его ненависти были только монахи, затем она распространилась на официальные учреждения сурового раскрепощенного режима, и, наконец, на трусливую и простодушную массу, готовую безвольно и покорно принимать издевательства авторитарной власти. Вот что написала Светлана Аллилуева об обучении отца в духовной семинарии: «Я убеждена в

том, что духовная семинария, где он провел в общей сложности более десяти (sic!) лет, оказала большое влияние на формирование его характера и на всю его дальнейшую жизнь. Она развила и усилила его врожденные свойства. Религиозного чувства у него никогда не было. У молодого человека, который ни минуты не верил в духовное, не верил в Бога, бесконечные молитвы и навязанная дисциплина могли привести только к противоположному результату... Семинарский опыт внушил ему, что люди нетерпимы и грубы, что духовные пастыри обманывают свою паству, для того чтобы крепче держать ее в руках, что они занимаются интригами, лгут и что у них очень много других пороков, но очень мало достоинств».

В годы обучения в горьковской школе он был жизнерадостным, открытым и компанейским мальчиком, но уже в первые семинарские годы заметно изменился. Он производил впечатление скорее замкнутого и погруженного в себя человека, быстро научился непроницаемой завесой скрывать свои мысли и чувства от окружающих — качество, позднее ставшее определяющим элементом его тактики и позволявшее скрывать от ничего не подозревавших собеседников свою коварную и лживую сущность, свою полную эмоциональную холодность и жестокую ненависть.

Чем-то вроде игры в тайное сопротивление и способа выразить свой протест стало для него увлечение книгами, чтение которых официально не одобрялось или вовсе было запрещено. В семинарии контрабандой проносили не только произведения русских классиков, но и политические издания, обладавшие определенной подрывной силой, например, книги об эволюционной теории Дарвина или «Капитал» Маркса. Овладев этими, казавшимися ему научными, основами, он взялся за организацию социалистического кружка, в который вошли несколько его одноклассников, в том числе и уже ранее цитированный нами Иремашвили. Основные идеи марксизма, в особенности неизбежность классовой борьбы, целью которой является уничтожение стяжательского, несправедливого и прогнившего буржуазного

общества, показали ему озарением и указали ему путь к реализации переполюнявших его чувства ненависти, тяги к разрушению и жажды мести. Сделав, по выражению Роберта Такера, «своих врагов врагами истории», он смог легитимировать свою ненависть ко всякой власти вообще.

Еще будучи семинаристом, Сталин сумел установить связь с первым марксистским социал-демократическим объединением Грузии, действовавшим под наименованием «Третья группа». В этом рабочем кружке он встретился с человеком, который стал объектом его восхищения на грани обожания и который на протяжении многих лет служил ему идеалом революционного борца. Человека этого звали Ладо Кецохели. Он также когда-то был питомцем тифлисской духовной семинарии. Ладо исключили из семинарии как «зачинщика беспорядков», после чего он целиком отдался подпольной политической работе — стал «профессиональным революционером».

Вообще-то это был уже не первый случай, когда юный Иосиф страстно ухватился за идеализированный образ. Еще в Гори, в школьные годы, его воодушевил кавказский герой Коба из прочитанного им рассказа «Отцеубийство». Героическая борьба против казаков за права угнетенных крестьян произвела на него столь сильное впечатление, что с тех пор он требовал, чтобы его тоже называли «Коба». Вымышленная связь с героическим образом соответствовала, по всей видимости, его желанию усилить еще не до конца сформировавшуюся идентичность. Это подтверждают и слова его товарища по семинарии Иремашвили: «Иосиф сделал Кобу своим богом, содержанием своей жизни. Он хотел стать вторым Кобой, стать таким же борцом и героем. Образ Кобы должен был пережить в нем свое второе рождение».

На пятом курсе нелегальная деятельность Иосифа, в которой немалую роль сыграл его идол Ладо, была расценена начальством как «подстрекательство к беспорядкам», и он был «по неизвестным причинам» исключен из семинарии. Каковы в действительности были эти причины,

узнать теперь уже, скорее всего, не удастся. Иремашвили пишет, что «Иосиф покинул семинарию, унося с собой горькую и жестокую ненависть к школьному начальству, буржуазии и вообще ко всему, что служило для него воплощением царского режима». В таком ожесточении он принимает решение сжечь за собой все мосты и посвятить свою жизнь работе профессионального революционера и политического агитатора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Представляется обоснованным вывод о том, что таким образом Сталин успешно преодолел «юношеский кризис идентификации», и его личность избежала серьезных негативных последствий, возможных в процессе идентификации своего Я. К Сталину с равной справедливостью относятся слова, сказанные Эриком Х. Эриксоном о Гитлере: «он... остался несломленным юношей, решившимся вступить на жизненный путь, пролегающий в стороне от буржуазного счастья, экономической надежды и внутреннего душевного мира». Роберт Такер указывает также, что Иосиф «с этого момента вкладывал всю свою энергию в постоянно усиливающееся стремление на практике оказаться достойным своего идеала и получить подтверждение этого от других». Эта его попытка ясно идентифицировать свое Я и построить собственный идеальный образ просто обязана была получить серьезный усиливающий импульс за счет нарциссической связи по типу слияния с его идолами Ладо и Кобой, к которым затем присоединился могучий пример Ленина.

Профессиональный революционер

В ожидавшей его опасной жизни революционного агитатора в царской России, находившейся под строгим надзором печально известный тайной полициейской «охранки», ему предстояло руководствоваться так никогда до конца и не принятой им философской концепцией марксистского учения, которое будто бы «в полной мере удовлетворяло его потребность в заместителе догматической

системы богословских идей». При пристальном рассмотрении оба «символа веры» имеют поразительно много общего: оба являются единственно верными ортодоксальными учениями, оба претендуют на абсолютную истину, оба проповедуют нетерпимость к инакомыслящим и беспощадное преследование еретиков и отступников. Необычная метаморфоза, которую претерпели в его сознании принятые, а затем отвергнутые религиозные догмы, в какой-то мере дает объяснение его стремлению впоследствии систематизировать, классифицировать любые знания и рассовать их по интеллектуальным ящикам. Всю свою жизнь он неотступно придерживался постулатов — сперва христианских, затем марксистских — и поэтому утратил способность к критическому взгляду на собственные идеи и считал еретическим и оппортунистическим все, что не укладывалось в конструкцию его личных идей.

Начиная с 1898 года, он состоял в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Следующие десять лет после исключения из семинарии в 1899 году он провел на Кавказе в качестве социал-демократического агитатора. Его «подрывная» деятельность проходила в основном в городах Тифлис, Баку и Батум. Он возглавлял рабочие демонстрации, принимал участие во многих столкновениях, порой оканчивавшихся кровопролитием, однако уже тогда проявилась его склонность к организации и планированию акций, сочинению листовок манифестов и руководству работой подпольных типографий. Эта тенденция позднее проявилась при преследовании прословутых «экспроприаций».

Исключение из семинарии оставило заметные следы в его характере. Он не только чувствовал себя жертвой социальной дискриминации, но у него также сложилось убеждение, что «правильное» общество его предало. Результатом явилось то, что уже в юности он стал проявлять ко всем и каждому глубокое недоверие и был убежден в том, что ему не на кого положиться, кроме самого себя. Из этой установки впоследствии сформировались некоторые

черты его характера, которые затем проявились еще более явно: холодный расчет, абсолютная эмоциональная черствость, презрение к людям и отсутствие каких-либо моральных соображений при достижении поставленных им целей. Человек с подобным характером, естественно, не мог испытывать к другому человеку честной и длительной привязанности, и поэтому на протяжении всей жизни у Сталина едва ли был хоть один настоящий друг.

Из описания одной из соратниц Сталина мы узнаем, каким представлял он на обычных политических сходках: «Он был маленького роста, худой и производил впечатление уголовника, чем и напоминал мне мелкого ворюшку в ожидании приговора. Он носил темно-синюю крестьянскую блузу, узкую куртку и черную турецкую шапку... В его отношении ко мне сквозило недоверие. После долгих распросов он передал мне пачку нелегальной литературы... С тем же неизменным подозрением и недоверием он проводил меня до дверей». Но, несмотря на внешнюю неприязнательность, он уже тогда, по всей видимости, пользовался определенным авторитетом, потому что дальше автор воспоминаний пишет так: «В назначенное время Кобы снова на месте не оказалось. Он всегда опаздывал, не намного, зато регулярно... Когда он пришел, атмосфера изменилась... и стала напряженной. Обычно он приходил с книгой, которую держал под мышкой левой, искривленной рукой, и усаживался где-нибудь в сторонке или в углу. Он молча ждал, пока все выскажутся. Он всегда говорил последним... и преподносил собственную точку зрения как окончательную, давая понять, что дискуссия закончена. Поэтому возникало впечатление, что все сказанное им имеет особый вес».

Впервые прочитав основанную Лениным газету «Искра», Коба сразу же почувствовал притягательность взглядов и тезисов Ленина. В этой же газете Владимир Ильич Ульянов в 1902 году под псевдонимом Ленин опубликовал «один из самых известных революционных манифестов всех времен под названием «Что делать?», где требовал создания жестко централизованной партии, кадры

которой составляли бы истинные профессиональные революционеры, выполняющие роль «авангарда пролетариата». С помощью этой партии рабочий класс должен был насильственным путем свергнуть царское самодержавие.

Однако на II съезде РСДРП разногласия быстро привели к расколу между умеренными меньшевиками, готовыми пойти на сотрудничество с буржуазными конституционалистами и предполагавшими устранить царское самодержавие путем либеральных реформ, и большевиками под руководством Ленина, бескомпромиссно отвергавшими подобный план и требовавшими радикальных действий. Естественно, Коба с самого начала был большевиком до мозга костей, которого взгляды Ленина устраивали не только по причине их радикального характера, но и прежде всего потому, что, согласно этим взглядам, роль основной движущей силы готовящейся революции принадлежала профессиональным революционерам.

Личное его знакомство с Лениным состоялось лишь в 1905 году на партийной конференции большевиков в финском городе Таммерфорсе. Однако задолго до этого признание Лениным его «профессионального статуса» окончательно закрепило идентификацию его Я на роли состоявшегося профессионального революционера. Это также компенсировало нередко унижительное, снисходительное отношение к нему со стороны руководящих товарищей, которые, подобно Троцкому или Плеханову, были сыновьями состоятельных граждан, принадлежали к интеллигенции и, обладая лучшим образованием и опытом пребывания за границей, ощущали по отношению к нему чувство превосходства.

По мнению Кобы, такие люди знали об ужасных условиях жизни русского народа, которые были следствием их же капиталистической эксплуатации, лишь понаслышке, в то время как он, чьи родители начинали свою жизнь крепостными, вырос в страшной бедности и собирал опыт революционной политики по крупицам в суровой школе жизни: «Меня сделало марксистом мое социальное положение... но

прежде всего жесткая нетерпимость и иезуитская дисциплина, так беспощадно давившая на меня в семинарии». По-видимому, прав Исаак Дойчер, говоря, что его ненависть к имущим и к господствующему классу была значительно сильнее. Классовая ненависть, которую испытывали и проповедовали революционеры, сами происходившие из высших классов, была своего рода вторичной эмоцией, пробудившейся в них и развитой при помощи теоретических убеждений. Его же классовая ненависть носила не вторичную природу, для него эта ненависть была всем... Его социализм был холодным, ясным и грубым».

Благодаря своему опыту хладнокровного революционера и талантливого организатора переднего края Коба стал для Ленина очень ценным практиком. Сбор этого практического опыта происходил принудительно во время его частых арестов и ссылок. Его арестовывали в общей сложности не менее, чем семь раз, и пять раз ему удавалось бежать. Лишения и унижения, перенесенные им за шестнадцать лет, проведенных в подполье, в тюрьмах и в ссылках, естественно, усилили черты характера, проявившиеся уже в юности: холодность, расчетливость, скрытность и недоверчивость. Еще в 1905 году Кобу считали очень трудным товарищем и яростным интриганом, вполне обладавшим подлым искусством натравливать конкурирующих товарищей друг на друга, и уже тогда считалось, что доверять ему нельзя ни в коем случае. Но и он не доверял полностью никому из соратников. На возражение или обиду, которые могли нанести ущерб его нарциссически выстроенному имиджу, он реагировал с чувствительностью мимозы, а благодаря феноменальной памяти уже никогда не забывал подобных «оскорблений»; даже спустя десятилетия его мести со всей яростью обрушивались на головы «виновных».

Уже в кавказский период своей жизни он прослыл одиночкой, избегавшим любых тесных контактов, и создавалось впечатление, что он вообще не способен к нормальному человеческому общению. Тем не менее в 1906 году он женился на Екатерине Сванидзе, дочери одного из своих

школьных товарищей. Возможно, что этот брак был заключен не столько по внутреннему влечению, сколько под давлением внешних обстоятельств — он соватрил девушку, которой едва исполнилось 16 лет и она была беременна от него. Все же, по словам Иремашвили, жалкий домишко, в котором он жил с женой и сыном Яковом, стал тем местом, где он единственный раз в своей жизни испытал истинную любовь. Судя по всему, это утверждение соответствует истине. Когда 22 октября 1907 года, примерно через полгода после рождения Якова, Екатерина умерла от тифа, Коба ни от кого не мог скрыть своего горя и даже устроил ей погребение по православному обряду.

Среди многочисленных его арестов один, в Батуме в 1902 году, заслуживает особого упоминания, потому что в полицейских архивах сохранилось описание его примет, среди которых имеется, в частности, такая: «Небольшое врожденное уродство: сращение второго и третьего пальца на правой ноге». В 1904 году он бежит из сибирского лагеря, несмотря на сильные метели и латентную форму туберкулеза, которым он болел согласно некоторым сообщениям. Ареной его революционных акций с 1905 по 1907 годы снова становится Кавказ, где он участвует в нескольких «экспроприациях». Суть этих операций состояла в ограблениях банков и почтовых вагонов с целью добывания денег, столь необходимых Ленину для финансирования его партии. В связи с предполагаемым его участием в нападении дерзком ограблении конторы государственного банка в Тифлисе в июне 1907 года меньшевики, которые составляли в Грузии большинство и категорически осуждали подобные методы, пригрозили ему исключением из партии. Из соображений безопасности он переносит свою деятельность в Баку. Уже осенью того же года он становится членом Бакинского городского комитета партии большевиков. В этом качестве на него наряду с прочим возлагалось сочинение статей и комментариев, которые публиковались в легально выходившей местной профсоюзной газете.

Новый арест обернулся для него полутора годами,

проведенными в тюрьме и ссылке. И вновь ему удается побег: 8 февраля 1909 года, находясь в ссылке, он заболел тифом, и его должны были перевести в другой лагерь. Но общее состояние было настолько тяжелым, что сопровождавшие сочли необходимым прервать этап не менее, чем на три недели. Его под конвоем препроводили в губернский город Вологду. По истечении назначенного срока пребывания ему, несмотря на сильно ослабленное физическое состояние, удалось бежать. В июле 1909 года он, никем не узнанный, вновь прибыл в Баку. На сей раз он недолго наслаждался свободой, ибо уже через несколько недель, во время подготовки к всеобщей забастовке рабочих нефтепромыслов, его вновь арестовали и выпустили на свободу только летом 1911 года.

Многолетнее участие в революционной работе, романтически окрашенная легенда о бескорыстном «экспроприаторе», годы, проведенные в тюрьме и сибирской ссылке, постепенно создали Кобе репутацию весьма опытного «бойца революции», человека дела и «практики», в связи с чем Ленин ввел Кобу и его земляка Орджоникидзе, также хорошо знакомого с особенностями русского подполья, в состав центрального комитета. Оба должны были участвовать в координации деятельности партии в России. Это событие существенно укрепило в нем чувство самооценки, и Коба решил, подобно Ленину, выбрать себе псевдоним, который подчеркивал бы его твердость и силу воли. С 1912 года Иосиф Джугашвили решил называться впредь не «Коба», а «Сталин».

В начале 1913 года Ленин направил его на четыре недели в Вену для того, чтобы он мог ближе ознакомиться с программой австромарксистов. Однако он сразу отверг позицию австрийских социал-демократов, которые видели задачу своей партии в том, чтобы «сохранить национальные признаки всех наций и народностей». Уже в это время он видел высшую цель в организации пролетариата для предстоящей классовой борьбы и в сплочении рабочих всех национальностей в единой партии, возвышающейся над нациями. В

этом Сталин, написавший после возвращения статью «Марксизм и национальный вопрос», смог убедить также и Ленина, который уже через несколько лет назначил его народным комиссаром по делам национальностей, сославшись на профессиональные знания Сталина в этом вопросе.

Через несколько дней после прибытия в Санкт-Петербург он по доносу шпика охраны вновь был арестован и отправлен в Костино, один из самых отдаленных лагерей под Туруханском на крайнем севере Сибири. И, наконец, в 1914 году его перевели в поселок Курейка, где температура во время долгой арктической зимы часто опускалась ниже минус сорока, а летом заключенных неописуемо дожимал гнус. О побеге из этого богом забытого места на краю света нечего было и думать, поскольку до ближайшей железнодорожной станции нужно было на санях добираться более шести недель. Унылое безлюдье, долгая сибирская зима и полная оторванность от остального мира требовали большой физической и душевной стойкости, и многие из ссыльных не выдерживали. У Сталина хватило твердости и воли к сопротивлению, и он вышел живым из этого ада. Но все же он за эти годы заметно сдал, перестал интересоваться рыбной ловлей и охотой и почти не участвовал в беседах и политических дискуссиях товарищей. Яков Свердлов, который вместе со своим товарищем Суреном Спандаряном играл руководящую роль среди трехсот товарищей по несчастью в Курейке, писал позднее жене о Сталине: «Товарищ, с которым я здесь жил, в личном отношении был просто невозможен. Мы вынуждены были воздерживаться от встреч и разговоров».

Трудности при социальной адаптации он испытал еще во время ссылки в Сольвычегодск в 1909–1910 годах. На сей раз к этому добавилась очевидная для всех потеря интереса к политике, что свидетельствовало об истинной реактивной депрессии, в которую он впал в Курейке. В благодарственном письме семье Аллилуевых, у которых он нашел убежище в Санкт-Петербурге и где его приняли как зятя, он подтвердил получение посылки и попросил

прислать ему открытки, иллюстрируя свое психическое состояние следующими словами: «Природа в этой проклятой местности пустынна и безобразна; летом река, зимой снег. Вот и весь пейзаж, окружающий нас. Поэтому у меня такая идиотская тоска по пейзажам, пусть даже на бумаге». В этих строчках отчетливо проступает депрессивное настроение, причиной которого является унылость места его ссылки. Особенно удручало его то, что газеты приходили с опозданием иногда на месяцы, и он был совершенно не в состоянии получать информацию о текущих политических событиях в России.

С началом войны в 1914 году улетучились последние признаки его внутренней заинтересованности в политической жизни и даже мысли о побеге. Это случилось отчасти потому, что в военное время побег ссыльного был затруднен и, кроме того, он вовсе не желал быть призванным на военную службу. В феврале 1917 года его, однако, вызвали на призывную комиссию в Красноярск, и лишь благодаря искренней руке и врожденному уродству ноги он был признан негодным к военной службе.

Ему повезло еще раз — после прохождения комиссии его не возвратили в арктическую глушь по прежнему месту отбывания, а назначили местом ссылки расположенный недалеко от Красноярска город Ачинск. По сообщению ссыльного большевика И.Д. Перфильева, который после Октябрьской революции еще некоторое время оставался в Ачинске, у Сталина был там роман с местной девушкой, и в результате этой связи на свет появился ребенок. Перфильеву не было известно о том, интересовался ли когда-нибудь Сталин судьбой этой женщины и этого ребенка.

Время вынужденного бездействия во время последней ссылки Сталина было для него одновременно и порой осмысления и размышления о выборе дальнейшего пути. Ему было уже почти сорок лет, и перспектива — как и для Гитлера в тридцать — была совершенно неясной. У него не было никакой профессии, даже отцовской профессией сапожника он овладеть не успел, не имел склонности к

регулярному труду и, в сущности, никогда по-настоящему не работал, если, конечно, не считать агитационной работы профессионального революционера. Результатом такой «внутренней ревизии» должен был стать и стал вывод о том, что с революционной тропы ему сворачивать уже поздно. Понимая это, нетрудно представить себе, сколько мужества и новой веры в свое политическое будущее должны были вселить в него проникающие в Сибирь известия о признаках грядущего переворота, которые, подобно тучам, ступали над Санкт-Петербургом (Петроградом).

Когда в феврале 1917 года царь вынужден был отречься от престола и в спешке было создано Временное правительство, Сталин немедленно отправился поездом в Петроград, не забыв перед этим направить своему блистательному идеалу Ленину «дружеский привет» телеграфом. В Петроград он прибыл 12 марта. Закаленный годами, проведенными в Арктике, вооруженный ледяной бесчувственностью, он посчитал, что настал час отомстить тому прогнившему, классово враждебному буржуазному обществу, которое всегда предавало, унижало и дискриминировало его. Совместно с так же вернувшимися из ссылки товарищем Львом Каменевым он, разумеется, временно, возглавил руководство большевистской партией до прибытия Ленина из Швейцарии. Один из его товарищей по ссылке в Курейке был неприятно удивлен тем, что «Джугашвили остался, как всегда, гордым, как всегда, погруженным в себя, в свои мысли и планы». И снова люди в окружении Сталина заметили его неконтактность, его необычайно выраженное недоверие к каждому, но также умение скрывать свои истинные цели и намерения при помощи хитрости и невероятное терпение, с которым он мог сколько угодно долго ждать наступления подходящего момента, после чего тем более решительно проводил их в жизнь.

Великая революция

В ночь на 28 февраля 1917 года победила буржуазно-демократическая февральская революция, ставшая прологом

грядущих октябрьских событий. В этот период, по меньшей мере до августа 1917 года, вопреки всем более поздним историографическим фальсификациям, ни Ленин, ни большевики, ни тем более Сталин особой роли не играли. Он, конечно, попал в команду, формируемую Лениным, — в июне 1917 года стал членом Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) — однако никак себя не проявил. В качестве «представителя отдаленных наций» он оставался незаметным функционером, не пользовался абсолютно никакой популярностью и, как писал один из меньшевистских лидеров того времени Николай Суханов, был «на политической арене не более, чем серым, бледным пятном». В изданной позднее и отредактированной им самим «Краткой биографии» Сталина, которая подавала народу как своего рода катехизис, исторические факты полностью фальсифицируются: «В этот ответственный период Сталин сплотил вокруг себя партию для того, чтобы осуществить переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической... Статьи Сталина давали большевикам принципиальное направление в их работе».

На самом же деле именно во время февральской революции и в дни октябрьской бури впервые проявились его слабости. Недостаток теоретических знаний и ограниченная способность к творческим действиям не позволили ему ни писать статьи, ни дергать за ниточки в главных комнатах «штаба». Он не умел эффектно выступать перед большой аудиторией, и его никогда не тянуло на публику, в отличие от Льва Троцкого, который, как никто другой, умел «раскошегарить» массы и тем самым вскоре вызвал непримиримую вражду и зависть Сталина, практически полностью лишенного ораторского дара.

Поэтому неудивительно, что в документах того времени имя Сталина встречается чрезвычайно редко и, вопреки написанному в «Краткой биографии», он не проявил себя в революции ни как выдающаяся личность, ни как вождь, ни как пламенный оратор, ни как организатор — а был всего лишь обычным функционером партийного аппарата,

выполнявшим данные ему поручения. Когда вечером 25 октября 1917 года после победы социалистической революции был избран президиум съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, среди избранных, наряду с Лениным, оказались Троцкий, Каменев и Зиновьев, в то время как имя Сталина затерялось среди событий тех дней. По-видимому, подобное существование в тени угнетало будущего единоличного властителя, и тот факт, что Сталин на данной решающей фазе не смог сыграть руководящей роли, о которой мечтал, нанес ему, как с полным правом считает Алан Буллоу, глубокую травму, самым решительным образом определившую дальнейшее развитие его психики.

Лишь в конце 1929 года он почувствовал в себе достаточно сил, чтобы приступить к преодолению этой травмы, для чего дал заказ на грандиозную фальсификацию истории. Путем уничтожения архивов и документов, путем внесения произвольных изменений в мемуарную литературу, путем сознательного задвигания в тень имен тех личностей, которые сыграли ведущую роль в Октябрьской революции, исторические события должны были быть таким образом переполаризованы и подвергнуты такому манипулированию, чтобы создалось впечатление, что дела и поступки этих личностей были совершены лишь исключительно самим великим Сталиным. Подобным же образом было нетрудно вычеркнуть из памяти народа фигуру Льва Троцкого, сыгравшего в конечном счете доминирующую роль в захвате власти коммунистами, и заменить ее личностью самого Сталина, который в осуществлении ведущей роли уступал теперь только Ленину.

Посредством подобного грубого фальсифицирования исторических событий был одновременно заложен краеугольный камень в развитие культа Сталина. В условиях, когда его сияющий лик, которому следовало оказывать почти божеские почести, был помещен на видный для всех пьедестал, он сумел спасти от себя самого свой нарциссически преувеличенный образ, который создавал-ся им в течение всех минувших лет со все более страстным

усердием и который был ему так необходим по причине отсутствия какой-либо нравственной опоры.

Воспринимаемая им как личный провал травма, вызванная пренебрежением к нему в год свершения революции, не могла, очевидно, быть преодолена лишь с помощью инсценированной фальсификации истории. Для окончательного преодоления ему, был необходим поступок, которым он смог бы по возможности отодвинуть в тень свершения даже самого Ленина. Как замечает Алан Буллоу, единственный путь достижения этой цели он видел в том, чтобы рядом с ленинской революцией поставить еще более значительную «Третью революцию». И действительно, проведенная жесточайшими методами коллективизация сельского хозяйства в период с 1929 по 1933 годы и насильственная индустриализация России явились еще более крутой перестройкой страны даже по сравнению с Октябрьской революцией 1917 года.

Вожди Октябрьской революции любили пользоваться в своих литературных произведениях метафорами из Великой французской революции. Ленин, например, сравнивал свои разногласия с меньшевиками с конфликтом между якобинцами и жирондистами. Когда весной 1918 года в разоренных войной российских землях вспыхнула гражданская война, которая едва не привела к крушению советской власти, вспомнили о восстании в Вандее в 1793 — 1796 годах, в котором роялистски настроенные крестьяне боролись против революции за восстановление во Франции монархии. В гражданской войне, начавшейся в России в 1918 году, проявилась вся жестокость и непримиримость классовой ненависти, население страны раскололось на два враждующих лагеря. В этой войне противостояли друг другу не только белогвардейцы и красноармейцы, но и вместе с ними большая часть гражданского населения.

В этих боях Сталин смог выделиться заметнее, чем в прошедшие годы. В качестве чрезвычайного уполномоченного ЦК он не только отвечал за продовольственное снабжение, но и впервые в жизни должен был принимать военные решения. Характерно при этом, что он избегал посещать

окопы или госпитали на передовой и предпочитал работать в безопасной штаб-квартире и оттуда посылать директивы. Он с шокирующим равнодушием отдавал приказы о проведении самых жестоких акций. По его приказу расстреливали людей, единственное преступление которых состояло в том, что они показались подозрительными и, по его мнению, вредили делу. Именно эта твердость и умение «делать дело» даже самыми жестокими методами значительно повысили его престиж в глазах Ленина, и его известность в глазах высших партийных функционеров резко пошла в гору. Уже в 1918 году партийное руководство точно знало: этот человек — не только надежный исполнитель поручений ЦК, но и прирожденный специалист по карательным акциям и «чрезвычайным мероприятиям», который, не моргнув глазом, выносит смертные приговоры без суда и следствия и свято верит в необходимость и эффективность таких методов. Впервые в жизни он мог безнаказанно отпустить вожжи своей ненависти и жадности мести и открыто проявить те качества своего характера, которые позже стали источником неисчислимых страданий целых народов и групп населения.

Наряду с жестокой твердостью, отсутствием каких-либо следов сочувствия и пренебрежением к человеческой жизни уже в это время проявилась садистская склонность Сталина публично унижать и оскорблять оппонентов. О чем в этот момент не могли знать товарищи, так это о его невероятной злопамятности. Позднее это привело к тому, что малейшее расхождение во мнениях, малейшая обида неотвратимо влекли за собой его месть. Почти все лица, с которыми у Сталина во время войны возникали конфликты, расплатились за это очень дорогой ценой.

Не только Сталин был убежден в том, что жестокость и давление, примененные в нужный момент, приносят желаемые результаты. 7 декабря 1917 года с явного согласия Ленина на сцену вышла Чрезвычайная комиссия, пресловутая ЧК, которая под руководством неподкупного поляка Феликса Дзержинского должна была с чрезвычайной твердостью пресекать любое контрреволюционное проявление.

Только за первые пять лет своего существования эта организация записала на свой счет как минимум двести тысяч убийств и казней. Однако «организатором победы» в гражданской войне был Троцкий, который выявил в себе выдающиеся военные способности, а после окончания военных действий внес существенный вклад в создание однопартийной диктатуры. Он, Сталин, а также Каменев, Зиновьев и Бухарин были теми людьми, с помощью которых Ленин в будущем собирался управлять молодым советским государством. После смерти Ленина именно эти люди стали самыми опасными конкурентами Сталина в борьбе за наследство, хотя на тот момент практически никто в высших партийных кругах не рассматривал Сталина как возможного наследника Ленина. Ведь и партия, и советское правительство неразрывно были связаны лишь с двумя именами — Ленина и Троцкого, в то время как Сталин весьма незаметно появился на заднем плане. Для честолюбивого претендента это было тем более невыносимо, что Троцкий вообще не считал его соперником и давал ему это понять снисходительным отношением. В автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий позднее напишет о Сталине: «Мне были отвратительны именно те его качества, которые позже на волне удачи составили его сильную сторону: узость интересов, эмпиризм, психологическое убожество и тот особый цинизм, свойственный мешанину, который благодаря марксизму избавился от многих предрассудков, но не заметил их полностью усвоенным и перешедшим в психологию мировоззрением». Позднее Троцкому пришлось дорого заплатить за свое высокомерие.

Пренебрежительное отношение со стороны интеллектуалов из партийной верхушки и порожденный этим комплекс неполноценности Сталина были с лихвой компенсированы отзывом Ленина. Ленин объяснял грубый характер и неотесанное поведение Сталина пролетарским происхождением, которое, естественно, должно было выделить его как «практика» из среды интеллектуально ориентированных функционеров буржуазного происхождения. Хотя уже

через очень короткое время Ленин изменил свое мнение, все же Сталин продолжал оставаться для него слишком ценным сотрудником, ибо, по мнению Ленина, без таких людей, как Сталин, любящих и умеющих проводить крутые меры, диктатура пролетариата долго не продержится. Это уже 2 марта 1921 года показал мятеж матросов Kronштадта, целью которого было насильственное свержение «комиссариократии». Мятеж был кроваво подавлен войсками Красной Армии под командованием Тухачевского. По данным Алана Буллока, несколько тысяч матросов были расстреляны на месте без суда и следствия.

В период преодоления трудностей в 1921/22 годах Сталин вновь полностью отодвигается на задний план, где он, будучи прилежным учеником своего идола Ленина, проявил завидную гибкость. Это качество он успешно продемонстрировал как во времена военного коммунизма, так и позднее, при введении «новой экономической политики» — НЭПа — когда Ленин, после жестоких принудительных реквизиций, вынужден был пойти на неизбежные уступки разъяренному крестьянству. Этот крутой политический поворот оказался совершенно непонятным для многих высших функционеров. Сталин все понял правильно. Он вообще показал, что является способным учеником, перенимая у Ленина многие практические методы, например, запрет на «образование фракций» в партии, легализацию террористических методов для сохранения абсолютной власти единой коммунистической партии, которые потом легли в основу его собственной террористической власти. Ленин знал, что он в любой ситуации может всецело положиться на крутого в деле Сталина, что Сталин наилучшим образом зарекомендовал себя на должности ответственного координатора и секретаря ЦК. Поэтому назначение Сталина на должность генерального секретаря 4 марта 1922 года ни для кого не стало неожиданностью. Ни один из членов партийной верхушки не мог даже в малейшей степени представить себе размеров мании величия этого ледяного, подозрительного и мстительного

человека, никому не приходило в голову, что он может представлять собой столь серьезную угрозу. И сам Ленин, хотя и отдавал себе отчет в недостатках Сталина, не представлял себе, по крайней мере до первого инсульта в мае 1922 года, что этот человек может представить серьезную угрозу для его руководящего положения.

Первые признаки угасания и надвигающейся серьезной болезни Ленина появились еще в 1921 году. Сталин был, по видимому, первым в ближайшем окружении Ленина, кто понял огромное значение анонимных структур партийного аппарата для завоевания единоличной власти в восточном стиле. Уже при появлении первых симптомов болезни Ленина он начал хитростью и холодным расчетом ставить свою большую пьесу, финалом которой должно было стать завоевание им единоличной власти в партийной иерархии. Все, что он делал, с самого начала и всегда было для него морально оправданным, для прочих это лицемерно делалось «во имя построения социализма». Поэтому ничего ему не мешало устранять на пути к такой власти своих истинных, потенциальных и мнимых соперников: преданнейших сподвижников Ленина, таких как Зиновьев, Каменев и Бухарин — как «врагов народа», ведущих капитанов индустрии и заслуженных дипломатов — как «вредителей». Многие ведущие функционеры по-прежнему недооценивали его и в окружении Ленина никому даже в голову не могла прийти мысль о том, что среди них произросло чудовище — чудовище масштаба Робеспьера, сказавшего 5 февраля 1794 года с трибуны Конвента: «Первый закон нашей политики состоит в том, чтобы управлять народом посредством разума и подавлять врагов посредством террора».

Оправившись после первого инсульта, Ленин узнал о самоуправных действиях Сталина при решении вопроса о Закавказской федерации, и понял, что Сталин уже начал выходить из-под его контроля. Однако Ленину уже не было дано что-либо изменить. Тем не менее после второго инсульта 16 декабря 1922 года еще недавно безграничное доверие Ленина к Сталину сменилось глубочайшим

недоверием, что неопровержимо следует из так называемого «завещания», продиктованного Лениным в период с 23 декабря 1922 года по 4 января 1923 года:

«Став генсеком, товарищ Сталин сосредоточил в своих руках громадную власть, и я не уверен, что он всегда сумеет пользоваться этой властью с необходимой осторожностью... Сталин слишком груб, и этот порок... на посту генсека не может быть терпимым». Ленин настоятельно советовал своим товарищам заменить Сталина на этом посту человеком «более терпимым, более лояльным и более внимательным к товарищам и менее капризным». Глубоко возмущенный угрозой Сталина выжечь националистические настроения в Грузии «каленным железом», Ленин открыто объявил предложенную Сталиным конституцию фантомом, совершенно не способным защитить нерусских от «вторжения того истинно русского, великорусского шовиниста, а на деле негодая и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Едва ли Ленин мог яснее выразить свое презрение к бывшему любимцу. Однако в марте 1923 года Ленина поразили новый тяжелый инсульт, ставший причиной полного правостороннего паралича и лишивший его речи, и вышший и непререкаемый до сих пор авторитет навсегда ушел из политической жизни.

Это событие было самым серьезным и опасным кризисом в политической карьере Сталина, поскольку речь шла о преемнике, и как раз в этот момент между ним и Лениным произошел окончательный разрыв. В своей биографии Троцкого Исаак Дойчер пишет: «Выполнение ленинского завещания, а именно удаление Сталина с его поста неизбежно привело бы Троцкого на пост вождя партии». Это было ясно и Сталину. У руководящей троицы, Зиновьева, Каменева и Сталина, общим было лишь одно: неприязнь к главному сопернику — Троцкому, которая заставила их забыть многочисленные личные разногласия и совместно выступить против последнего фаворита Ленина. Теперь Сталин, наконец, твердо сидел в седле, поскольку его влияние в политбюро и авторитет генерального

секретаря в партии выросли настолько, что ему не составило большого труда заручиться поддержкой большинства делегатов на XII съезде партии в апреле 1923 года, где Ленин не мог присутствовать по болезни. Уже на следующей партконференции в январе 1924 года он продемонстрировал свою власть тем, что и программа, и окончательные решения были определены заранее — практика, которая в будущем стала правилом.

Вечером 21 января 1924 года Ленин умер от последствий четвертого инсульта. С его смертью с политической сцены исчезла высшая сила, которая могла представлять угрозу для Сталина на пути к единоличной власти. Троцкий в своих мемуарах справедливо указывает на то, что лишь болезнь помешала Ленину политически «разгромить» Сталина. Троцкий был убежден в том, что самоуправные действия Сталина и его головотяпский стиль руководства не раз выводили Ленина из себя, что явно оказало неблагоприятное влияние на ход его болезни. Такое же мнение высказывает биограф Сталина Дмитрий Волкогонов: «Я не могу доказать, что «грузинское дело» или конфликт со Сталиным ускорили ход болезни Ленина, но это, по меньшей мере, весьма вероятно».

Вместе с другими высшими функционерами Сталин нескромно похоронил Ленина. Бывшему питомцу духовной семинарии, скорее всего, не стоило большого труда произнести прочувствованную траурную речь, которая, по выражению Алана Буллока, состояла из последовательности торжественных заверений, напоминавшей литургию: Сталин принес шестикратную торжественную клятву сохранить и выполнить заветы великого ушедшего. Хорошо информированный современник, многолетний секретарь Сталина Борис Бажанов воспринял это как безмерное лицемерие, ибо он своими глазами видел реакцию Сталина на смерть Ленина: «Никогда я не видел его более счастливым, чем в дни после смерти Ленина. Он носился по кабинету с лицом, излучавшим удовлетворение». На его пути препятствий больше не было. Вера в то, что судьба предназначила его

к великим свершениям, усилила его мечту об идентификации с великим Лениным, «Вождем», чью роль он хотел взять на себя, став преемником.

Обустройство власти

Сталину потребовалось еще пять лет для того, чтобы почувствовать себя, наконец, в полной безопасности. В эти годы, с 1924 по 1929 год, он одного за другим устранил своих соперников, пользуясь при этом грубыми методами, прикрытыми снаружи, однако, весьма утонченно. Будучи истинным мастером интриги и лицемерия, он пользовался очень хитрой тактикой: Сталин умел ловко сглатывать своих конкурентов друг с другом, и за счет этого противники ни разу не выступили против него единым фронтом. При подобной манере «ведения войны» ему оченьгодились качества, проявившиеся уже в юности, о чем свидетельствует Борис Бажанов в своих воспоминаниях: «Свои самые сокровенные мысли Сталин не доверял никому. Он крайне редко делился идеями и впечатлениями со своим ближайшим окружением. Он в высокой степени обладал талантом молчания... Он был достаточно хитер, чтобы никогда ничего не говорить, пока все остальные полностью не выскажут своих аргументов. После того, как все высказывались, он брал слово... и повторял то мнение, к которому склонялось большинство». Безусловно, он хотел выставить себя своего рода интегрирующей фигурой и создать впечатление сторонника умеренной середины.

Так как его противники, и, в особенности, истинный интеллектual Троцкий, постоянно недооценивали его, они не заметили, что на самом деле его мысли занимал всегда лишь один вопрос — «как удержать власть в партии и как наилучшим образом строить организации с точки зрения такой власти», как пронизательно заметила немецкая коммунистка Рут Фишер во время встречи в Москве, состоявшейся в январе 1924 года. Свообразное

понимание Сталиным взаимосвязи между теорией и практикой становится особенно ясным после прочтения книги «История ВКП(б). Краткий курс», в создании которой он принял непосредственное и определяющее участие. Создается впечатление, что он вообще не понимал фундаментальных законов развития общества и в своем мировоззрении был в некотором роде фаталистом. В основном он придерживался грубого вульгарного материализма, а при выборе методов отдавал предпочтение насилию. В принципе он подвергал осмеянию всех, кто придерживался «общей морали» или следовал «требованиям разума». Однако самым главным было то, что все несогласующееся с его заранее сложившимся мнением казалось ему подозрительным и, следовательно, опасным. Таким образом его определения становились «священными формулами». В примитивном мышлении Сталина проявился его догматический ортодоксальный характер и склонность к упрощенному изложению взглядов по строгой схеме типа катехизиса, возможно, привитая ему еще в семинарии. Из разнообразных возможностей, существовавших в тот момент для развития социализма, он создал собственный сталинский социализм, который, по выражению Волкогонова, отказавшись от гуманистических основ этого учения, превратился в бюрократический «жесточенный социализм» — смесь из казарменного коммунизма и догматизма.

Развитие в направлении «сталинизма» не могло укрыться от «ленинского ядра» партийных функционеров, и в середине двадцатых годов они еще могли открыто высказывать свою озабоченность. Примером этого может служить вошедшая в историю речь Льва Каменева на XIV съезде партии 21 декабря 1925 года, где он говорил: «Мы против того, чтобы создавать теорию господства одного человека, мы против того, чтобы создавать «вождя»... Я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не в состоянии выполнять задачу объединения большевистского штаба и сохранения его единства». Злопамятный Сталин,

конечно же, не мог простить эти мужественные слова, хотя должно было пройти еще много лет, прежде чем он смог отплатить за это неслыханное «оскорбление величества», физически ликвидировав Каменева.

В двадцатые годы укрепилось не только чувство собственного достоинства Сталина, существенно вырос также и его авторитет. Тот Сталин начала десятилетия, которого описал Борис Бажанов, был совсем не похож на того, который в октябре 1927 года окончательно победил в ЦК своего непримиримого соперника Троцкого. Тонкие шахматные ходы, которыми он нейтрализовал три другие фракции в политбюро, можно назвать «классическим примером макинавеллиевской политики». При этом не так уж важно, действовал он по заранее намеченному плану или его успех объясняется в основном гибким и неразборчивым применением беспощадных средств борьбы. Как бы то ни было, в декабре 1929 года, к своему пятидесятилетию, ему удалось окончательно вытеснить из политбюро всех, с кем он начинал там свою деятельность: Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина и Томского. Единственным исключением был Алексей Рыков, но и тот уже в 1930 году лишился всех постов.

Сталин в личной жизни

За немногими исключениями, «личную жизнь» Сталина составляла его работа. Распорядок его дня всегда был одинаков и в будни, и по воскресеньям. По сообщению профессора Плетнева, бывшего с 1927 года личным врачом Сталина, ежедневно между шестью и семью утра его посещал врач. Врач решал, сколько часов Сталину следует в этот день работать, а затем наблюдал за гимнастическими упражнениями и за массажем лица и тела. Обе процедуры проводились, как правило, и утром, и вечером. Вместо ванны он ежедневно принимал душ. Обычно перед обедом он два часа отдыхал. В это время его тело протирали холодной водой и одеколоном. За час до приема пищи врач был

обязан провести химический анализ блюд, для того чтобы выявить наличие вредных примесей или яда. Приготовление пищи происходило в кухне, больше напоминавшей исследовательский институт, где лучшие повара старались превзойти друг друга. Для Сталина готовили очень аппетитные французские, грузинские и русские блюда. Позднее дочь Сталина Светлана рассказывала: «К его столу доставляли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из собственных хозяйств, грузинские вина урожая лучших лет. С юга самолетом доставлялись свежие фрукты. Он не имел понятия, сколько стоит доставка всех этих вещей... Мне неизвестно, знал ли отец... что все съестное, поставлявшееся на кухню, специальные врачи подвергали химическому анализу на наличие яда. Каждый образец хлеба, мяса или фруктов снабжался аттестатом «Ядовитые вещества не обнаружены», на котором ставилась печать и подпись ответственного. Иногда в нашу кремлевскую квартиру приходил доктор Дьяков со своим баллончиком и брал пробы воздуха во всех комнатах». Часто Сталин приказывал ставить на стол серебряную посуду, полученную царем Иваном Грозным в подарок от английской королевы Елизаветы I. Иван Грозный очень любил этот сервиз и регулярно им пользовался. Сталин повесил портрет этого царя в своем кабинете и, по-видимому, очень комфортно чувствовал себя в его присутствии.

Сталин говорил по-русски плохо, с сильным акцентом. Однако, как сообщает Милован Джилас, у него был богатый запас слов, его манера выражаться была живой и пластичной, он оснащал свою речь большим количеством русских пословиц и поговорок и, как ни странно, не был лишен чувства юмора, «юмор его был грубоватым, самонадеянным, но не лишенным некоторой тонкости». Единственным развлечением в монотонной жизни Сталина были застолья с ближайшими соратниками и с зарубежными гостями. Милован Джилас рассказывал, что во время посещения Москвы в 1944 году его удивило, как много ест Сталин: «Такое количество еды было бы удивительным и

для значительно более крупного человека». Если верить молве, он мог выпить до двадцати рюмок водки, и у него даже не начинал заплетаться язык. Американские дипломаты подтверждают, что никогда не видели Сталина пьяным даже после весьма многочисленных тостов. Во время пьянок с товарищами по партии на своей даче он с удовольствием употреблял грубые и вульгарные выражения. Во время таких мероприятий наибольшее удовольствие доставляли ему топорные шутки. Например, один из собутыльников мог положить на сиденье соседа помидор в тот момент, когда тот садился.

Сталин очень опасался за свою безопасность, поэтому всегда носил пистолет в кармане брюк или френча. Ночью он клал пистолет под подушку и вообще никогда с ним не расставался. Он боялся оставаться один, поэтому на ночь запирался в спальне. По его заказу были сконструированы специальные бронированные двери, которые с помощью сложного электрического механизма открывались только изнутри. И это при том, что все его комнаты круглые сутки охраняли многочисленные чекисты. Но и этим охранникам он не доверял, и случалось так, что он внезапно среди дня или среди ночи заменял всю охрану. Его охрана стоила бешеных денег, поскольку не только охранялись его жилые и рабочие помещения, но и принимались сложные меры обеспечения безопасности на всем пути от его дачи в Кремль. На улицах, по которым проходил маршрут, сновали сотни охранников и чекистов. Кроме того, выезд всегда совершался на пяти машинах, причем даже охрана никогда не знала, в какой из них находится Сталин. Сами лимузины были снабжены серыми наружными шторками на окнах, которые герметично защищали лицо верховного вождя рабочего класса от назойливых взглядов трудящихся.

По заказу советского руководства изображения Сталина сознательно ретушировались таким образом, чтобы никто в Советском Союзе, не говоря уже о Западе, и на малую толику не усомнился в цветущем здоровье железного человека, бессонными ночами бдящего свой народ.

Объективно же рост его составлял 1 м 67 см, как и у Наполеона. Он казался еще ниже, потому что с годами полнел и всегда носил широкие брюки, гармошкой спадавшие на башмаки. Он всегда заказывал обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше. Лицо его было покрыто оспинами и красными пятнами, кожа была вялой. На затылке бросались в глаза морщины. Волосы, как обычно у грузин, были иссиня-черного цвета. Глаза его были серо-коричневыми. Вот как описал эти глаза Луис Фишер, которому довелось брать у Сталина интервью в Кремле: «Густые брови, мясистые веки и влажное мерцание над зрачками, казалось, специально созданы для того, чтобы прикрывать его взгляд от изучающих взглядов других. За время трехчасовой беседы Сталин всего два раза, и то очень коротко, открыто посмотрел мне в лицо».

Лишь очень немногим людям удалось близко узнать этого ужасного деспота. Одним из таких людей был личный врач Сталина профессор Дмитрий Плетнев. Сын деревенского сапожника, родившийся в 1872 году, сумел с помощью деревенского священника получить государственную стипендию, позволившую ему получить медицинское образование. Последующая его деятельность как клинициста и ученого была столь успешна, что уже к моменту Октябрьской революции он стал, пожалуй, наиболее известным кардиологом России. Естественно, что, когда в 1927 году возник вопрос о кандидате на должность главного врача кремлевской поликлиники, создаваемой для обслуживания высших партийных функционеров, сразу же всплыло имя Плетнева. Поскольку о нем не было известно ничего компрометирующего с политической точки зрения, он был незамедлительно назначен главным врачом этой поликлиники, среди сотрудников которой числились Казаков, Левин, Вайсброд и Мошенберг. Пролетарское происхождение профессора — как и Сталин, он был сыном простого сапожника, — исполненные достоинства манеры, прямой и открытый характер и чувство юмора вскоре привели к тому, что Сталин, до сих пор по-настоящему не доверявший

никому, стал испытывать к нему растущую симпатию, и, к досадному удивлению ближайших товарищей, все больше приближал профессора к себе. В записках Плетнева мы находим следующее описание диктатора: «Сталин обладал неустрашимостью и мужеством льва, умом змеи, слабостью и трусостью зайца, и все это одновременно! Он плохо переносил физическую боль, и боли в суставах иногда доводили его до иступления. Он не терпел возражений, был склонен к хвастовству и любил лесть. Он обладал широким кругозором, пронизательностью, изворотливостью, гибкостью и сильной склонностью к авантюризму. Однако одних лишь духовных его способностей было бы недостаточно для успешного восхождения, если бы не дьявольские хитрость и коварство и поразительное знание человеческой души со всеми ее слабостями. Он был упрямым, последовательным и обладал невиданной силой воли и железными нервами. Обмануть его, стоя перед ним, было очень трудно, потому что возникало впечатление, что его глаза видят тебя насквозь... По выражению лица невозможно было угадать его истинных мыслей. Иногда он казался обманчиво добродушным и дружелюбным, в то время как испытывал к этому человеку только вражду и ненависть. Он страдал только двумя расстройствами: мегаломанией и манией преследования».

Как отец Сталин оказался полностью несостоятельным. Злоупотребление отцовской властью сделало обоих его сыновей духовными калеками. Якова, сына от первого брака, холодное, отталкивающее отношение со стороны отца привело в такое отчаяние, что однажды он даже предпринял попытку самоубийства — он попытался застрелиться, но, к счастью, рана оказалась не смертельной. Говорят, что у отца, пришедшего в больницу сразу же после попытки сына лишить себя жизни, не нашлось для него ничего, кроме язвительного вопроса: «Ну что, промахнулся?». Лишь с большим трудом Якову удалось реализовать свое давнее желание, стать военным. Он поступил в артиллерийское училище Красной Армии и встретил войну в звании старшего лейтенанта.

Судьба Василия, сына Сталина от второго брака также была более, чем печальной. Отцу не удалось сделать из него мужчину с твердым характером, и поэтому после смерти матери, Надежды Аллилуевой, Сталин поручил его воспитание многолетнему начальнику своей личной охраны генерал-майору Власику. Это решение, однако, принесло результаты, прямо противоположные ожидаемым. Благодаря подбострастному отношению со стороны Власика, надеявшегося таким путем снискать милость хозяина, Василий вырос безвольным, капризным и слабохарактерным человеком. И хотя во время войны он проявил себя храбрым летчиком, необозримые привилегии, которыми он пользовался в армии, вскоре привели к трениям и скандальным инцидентам — неудивительно, если вспомнить, что в 20 лет он был уже полковником. Вот что было написано в служебной характеристике 25-летнего генерал-лейтенанта ВВС: «У него горячий и вспыльчивый характер, сдерживает себя с трудом. Имели место случаи рукоприкладства в отношении подчиненных... личной грубости в отношении офицеров... драки с патрулями НКВД. Состояние здоровья плохое, в особенности, нервной системы... Очень возбудим... Указанные недостатки очень снижают его командный авторитет и несовместимы с должностью командира дивизии». Маршалы, поставленные начальниками над «разбушевавшимся принцем», пытались как-то спасти части, вверенные его командованию, не придумали ничего лучше, чем отправить его в Военную академию. Однако и здесь на него продолжали дождем сыпаться награды и всевозможные привилегии, и избалованный молодой человек с деформированной психикой постепенно начал скатываться в алкоголизм. В конце концов, по приказу отца он был отстранен от должности командующего ПВО Москвы. После смерти Сталина его даже заключили в Лефортовскую тюрьму, но при Хрущеве снова выпустили на свободу. За последующие правонарушения, совершенные в состоянии опьянения, он был отправлен в ссылку, где и умер 19 марта 1962 года полным физическим и психическим калекой, в возрасте чуть больше сорока лет.

Больше других детей Сталин любил дочь Светлану, очень похожую на него. И она, обладая, по ее собственным словам, очень похожим характером, с самых юных лет испытывала сильную привязанность к отцу. Тем не менее, Сталину не удалось сделать из Светланы истинную патриотку. Существуют письменные свидетельства искренней любви его к дочери. В письмах он называл ее «моя хозяйюшка» и подписывался «твой секретарь». Но лишь стоило его патологическому недоверию уловить признак опасности, как он тут же скрутил «хозяйюшку» в бараний рог. Первого возлюбленного дочери, журналиста и режиссера А. Каплера, Сталин на десять лет посадил в лагерь; Каплер был «подозрителен» тем, что у него была сестра во Франции, и он, кроме того, будучи журналистом, встречался с двумя американскими корреспондентами. В шестидесятые годы Светлана опубликовала в США книгу — критический ретроспективный взгляд на жизнь и деятельность ее отца. Эта не всегда и не во всем объективная книга послужила для нас источником ценных биографических подробностей.

Борис Бажанов рисует Сталина как политика по страсти, человека, которого интересовала только власть, что и было, по Бажанову, его единственным пороком. Деньги Сталина не интересовали (при желании он мог их иметь, сколько пожелает), он был равнодушен к развлечениям и спорту, «женщины — кроме собственной жены — для него не существовали». Последнее утверждение не подтверждают рассказы профессора Плетнева, дошедшие до нас из мемуаров Романо-Петровой (по крайней мере в том, что касается периода после смерти его второй жены — на этом мы еще остановимся ниже).

Надежда Аллилуева была дочерью железнодорожника, с которым Сталин был знаком еще по Тифлису. Вернувшись в 1917 году в Петроград из ссылки, он жил в доме Аллилуева, а в марте 1919 года, во время гражданской войны, женился на Надежде, которая была моложе его на 22 года. Несмотря на молодость она была очень серьезным

человеком, убежденной коммунисткой, работала в Народном комиссариате по делам национальностей и училась в Академии народного хозяйства. В 1921 году у них родился сын Василий, а четыре года спустя — дочь Светлана. Вскоре к семье Сталиных в Москву перебрался и Яков — сын Сталина от первого брака. Он был всего на семь лет моложе Надежды, которая относилась к юноше, не слишком избалованному отцовской лаской, как любящая мать. Надежда любила Сталина не только как мужа и отца ее детей, но и как вождя партии, к которой она принадлежала всей силой своих убеждений и идеалов. Быстро узнав его тяжелый характер, она, вначале даже не без успеха, пыталась держать под контролем его настроения и капризы. Надежда строго избегала любых привилегий и настояла на том, чтобы ее дети посещали обычную школу — воспитатели отвозили их туда в автомобиле, а после окончания занятий так же снова отвозили обратно в Кремль. За кремлевскими стенами Надежда была строго изолирована от всего, происходившего вне этих стен, и лишь из контактов с другими слушателями академии до нее доходила кое-какая информация. Это, по-видимому, сыграло свою роль в ее преждевременной смерти.

Тихий геноцид

Мысль о том, что он избран судьбой для свершения особых политических и исторических деяний, впервые, наверное, появилась у Сталина в начале первой пятилетки 1928—1933 годов. Миссия, к которой он чувствовал себя призванным, состояла в том, чтобы довести промышленный потенциал Советского Союза до уровня западного, а это возможно было сделать только путем коллективизации сельского хозяйства и ударной модернизации промышленности. Он считал, что достаточно укрепил свои позиции для того, чтобы окончательно порвать с ленинским компромиссом — НЭПом, к которому всегда относился прохладно, и приступить к новому гигантскому

преобразованию страны. Делалось это теми же методами грубого принуждения и жестокого террора, эффективность которых была проверена еще во времена военного коммунизма. Подобное предприятие в данный момент, по мнению Сталина, уже не таило в себе особого риска, поскольку с исключением из партии Григория Зиновьева и ссылкой Льва Троцкого в Алма-Ату в январе 1928 года путь к единоличной власти был открыт.

Цель этой извращенной «революции» Сталин видел в том, чтобы в кратчайшие сроки вывести Советский Союз в число ведущих промышленных держав мира. Превосходство развитых промышленных стран Запада, складывавшееся веками, должно было быть ликвидировано за несколько лет. В конце 1929 года, года «великого перелома», Сталин говорил: «Мы на всех парах идем по пути индустриализации к социализму, оставляя позади нашу вековую российскую отсталость... пусть потом уважаемые господа капиталисты, которые кичатся своей «цивилизацией», попытаются догнать нас». Одержимый манией величия, он хотел на голом месте «за одну ночь» создать сильнейшую индустриальную державу мира.

Для того чтобы провести в жизнь подобное гигантское мероприятие, он должен был загнать в схему социалистического общества сельское хозяйство, находившееся в руках крестьян. Дело было в том, что эта отрасль народного хозяйства со способом производства, складывавшимся столетиями, представлялась, по словам Козна, «гигантской инертной, и тем не менее угрожающей массой людей, преграждавшей России путь к индустриализации, к новому времени и к социализму, царством тьмы, которое следовало завоевать, для того чтобы превратить Советский Союз в землю обетованную». Чтобы натравить партийцев на этих воображаемых «классовых врагов в деревне», Сталин сконструировал образ эксплуататорского капиталистического класса удачливых и трудолюбивых крестьян в облики «кулаков» — понятие было введено в начале двадцатых годов Лениным, но так

до конца и не получило точного и однозначного определения. Теперь была поставлена задача ликвидировать кулаков, у которых конфисковали все имущество, которых изгоняли из домов и высылали вместе с семьями в пустынные районы Сибири. Только на Украине «раскулачивание» коснулось более чем двухсот тысяч человек. Многие из них замерзли или погибли от голода во время бесконечно долгих этапов в телячьих вагонах.

Раскулачивание само по себе еще не решило вопроса. Следующая цель Сталина состояла в том, чтобы насильственно объединить все крестьянские дворы и мелкие земельные наделы в коллективные организации — колхозы. После этого мероприятия крестьянам были оставлены только их дома, но весь скот, сельскохозяйственный инвентарь и вся земля отныне принадлежали колхозу, а крестьянин становился батраком на собственной земле. В конце 1929 года в «Правде» появилась статья Сталина «Год великого перелома», где он писал: «Речь идет о радикальном повороте в развитии нашего сельского хозяйства, о переходе от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к прогрессивному коллективному крупному сельскохозяйственному производству». Через несколько недель, в день своего пятидесятилетия, он потребовал в рамках «октябрьской революции в деревне» завершить объявленную им коллективизацию на Украине, на Кавказе и в Среднем Поволжье не позднее, чем за два года. Примерно тридцать процентов беднейшего сельского населения почти без сопротивления вступили в колхозы, но остальные, в основном середняки, сначала некоторое время противились этим принудительным мероприятиям. Если же богатый крестьянин, называемый кулаком, а позднее любой самостоятельный крестьянин не желал превращаться в бесправного батрака и тем самым противопоставлял себя решению Сталина, то он объявлялся «врагом советской власти» и подлежал обезвреживанию. Бесчисленные крестьяне попали в жернова программы «ликвидации кулачества» без

учета реального социального положения, причем мотивом для указаний партийных функционеров о переводе середняка в кулаки был нередко обычный грабеж.

Для того чтобы середняку стало ясно, что его ожидает в случае, если он и дальше будет противиться коллективизации, Сталин 27 декабря 1929 года хладнокровно и решительно заявил: «Это значит, что мы перешли от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». В ходе этой уникальной в истории насильственной акции, самым жестоким образом проведенной партийными и энкаведистскими бандитами, в период с 1930 по 1933 годы были ликвидированы миллионы более или менее зажиточных крестьян!

Одновременно с принудительной коллективизацией, жертвой которой стали сто двадцать миллионов сельских жителей, Сталин начал ожесточенную кампанию против православной церкви, которая на протяжении столетий занимала центральное место в жизни крестьян и была им прибежищем и утешением. Чтобы лишить крестьян этой духовной основы, тысячи монахов и монахинь были брошены в сибирские лагеря, а огромное число церквей — разрушены или переоборудованы.

Дополнением к сталинской политике «октябрьской революции в деревне» стали законы, установившие принудительную сдачу зерна и другой сельскохозяйственной продукции по твердым государственным ценам. Это сразу же привело к обнищанию, степень которого трудно себе представить, что вызвало со стороны крестьян акции отчаяния, в которых участвовали даже женщины. С большим трудом, пустив в ходы соединения Красной Армии и НКВД, массовыми казнями и депортациями удалось подавить эти крестьянские восстания, и в стране установился кладбищенский покой. Многие крестьяне ушли в города, чтобы стать рабочими промышленных предприятий. Поскольку с 1929 по 1935 годы в результате этого сельского хозяйство потеряло почти восемнадцать миллионов человек, были введены внутренние паспорта, ненавистные еще во времена

царской России. Паспорта выдавались только рабочим и служащим, крестьянам паспортов не полагалось, в результате чего последние, подобно своим предкам-крепостным, а скорее рабам, оказались привязанными к местам своего проживания и более не имели права их покидать.

Раскулачивание и коллективизация сельского хозяйства послужили началом одной из самых страшных глав советской истории, получившей название «украинский голодомор». Принудительные меры вызвали на Украине более тяжелые последствия, чем на остальной территории Советского Союза. Но еще больше усугубило ситуацию то обстоятельство, что Сталин считал этот момент удачным для достойной мести за те трудности, с которыми он в двадцатые годы столкнулся на Украине, будучи наркомом по делам национальности — он принял решение любыми средствами раз и навсегда ликвидировать украинский национализм. Сталин объединил кампанию мести за «националистический уклон на Украине» с коллективизацией, обвинив кулаков в распространении националистических идей. Он рассчитывал на то, что с разрушением частного землевладения окончательно исчезнет социальная база для националистических тенденций на Украине. Для примененных им методов эпитет «дьявольские» был бы слишком мягким: он приказал украинским крестьянам сдать то зерно, которое они якобы утаили от государственных органов. Были произвольно установлены явно завышенные нормы сдачи, выполнение которых требовалось беспощадно. В результате этой «битвы за хлеб» на Украине начался страшный голод, и люди, у которых все до чиста было конфисковано, начали воровать колхозный хлеб. Сатанинская мстительность Сталина нашла способ и здесь усилить страдания голодающих детей и взрослых, для чего он собственноручно издал указ; согласно которому хищение коллективной собственности каралось немедленным расстрелом или, при наличии «смягчающих обстоятельств», десятью годами лагеря или тюрьмы. Амнистия была категорически запрещена. По данным Буллока, в одном только Харькове по этому указу были

осуждены пятьдесят пять тысяч человек, из которых тысяча пятьсот были казнены.

Дмитро Зленко, публиковавший документы Министерства иностранных дел Германии за 1930—1934 годы, показывает, как вся Украина превратилась в необъятный лагерь смерти: «Обезумевшие от голода люди перед лицом неминуемой смерти поедали детей и трупы». Лев Кошелев, бывший в то время коммунистическим активистом, в изданной позднее в эмиграции книге «И сотворил себе кумира» описывает эту катастрофу с ужасающими подробностями: «Вместе с другими я выгребал амбары стариков и затыкал уши, чтобы не слышать крика детей... Я видел посиневших и почти уже бездыханных женщин и детей со вздутыми животами и пустыми безжизненными глазами. И я видел трупы в драных кожухах и нищенских лаптях, трупы в крестьянских халупах, в талом снегу в центре Вологды и под харьковскими мостами».

Жертвами только этого украинского геноцида, по исторически подтвержденным данным, пали семь миллионов человек, из них три с половиной миллиона детей. Согласно Роберту Конквесту, жертвами раскулачивания стали примерно три миллиона человек и еще один миллион в Казахстане. Таким образом, общее количество людей, погибших в этот период, составляет примерно одиннадцать миллионов, к которым нужно добавить три с половиной миллиона заключенных, погибших на убийственных работах при прокладке Беломорско-Балтийского канала, на золотых приисках Магадана и других арктических лагерях. Конквест пишет: «Хотя война Сталина против крестьян была ограничена одной страной, в этой войне погибло больше людей, чем в первой мировой войне во всех странах».

Еще ни один тиран в истории не строил крепость своей неограниченной власти над жизнью и смертью на подобных горах трупов и ни один из них не взирал на страдания ни в чем не повинных людей столь безмятежно, безучастно и цинично, как это чудовище в обличье человека. Вот его комментарий к страшным последствиям

затеянной им принудительной коллективизации и сознательно организованного голода на Украине: «Между крестьянством и нашим строем идет борьба не на жизнь, а на смерть. Этот год стал испытанием нашей борьбы и его прочности. Должен был случиться голод, чтобы они, наконец, поняли, кто в доме хозяин. Он обошелся в миллионы жизней, но колхозная система будет жить».

Пресса о голоде не обмолвилась ни единым словом, а тому, кто хотел бы нарушить этот запрет, грозили пять лет лагерей за антисоветскую пропаганду. Коварство и аморализм Сталина проявились также и в том, что 2 марта 1930 года в статье «Головокружение от успехов» он возложил ответственность за чересчур «ретивые действия», вызвавшие волнения, на своих партийных функционеров. Он вновь выступил в качестве умиротворяющей и интегрирующей фигуры и успешно отвел всякие подозрения от себя, хотя и был истинным инициатором насильственных мер.

Лишь один человек не дал обмануть себя этими лицемерными маневрами и осмелился открыто обвинить Сталина в невиданном преступлении против украинского народа. Этим человеком была его жена Надежда Аллилуева. Однажды от своей подруги и однокурсницы по Академии народного хозяйства Нины Каровой, мать которой стала жертвой украинского голодомора, она узнала, что там огромное число людей было обречено на голодную смерть вследствие принудительных реквизиций продовольствия. В очень возбужденном состоянии она вернулась в Кремль и потребовала ответа от своего мужа. Ответ состоял в том, что он отверг все ее обвинения как сказки и запретил впредь посещать Академию. От членов политбюро она также не смогла получить никакой информации, лишь общие намеки на то, что акция, проводимая на Украине, связана с «временным экспериментальным периодом молодого советского государства». Молотов в этой связи даже назвал ее «трусливой и малодушной коммунисткой». Лишь Надежда Крупская, вдова Ленина, спокойно ее выслушала и предложила ей поехать на Украину

и самой оценить ситуацию. Сталин, узнав об этом, впал в ярость, грозил жене разводом и ссылкой. Надежда не отступила от своего плана и поехала на Украину. Через две недели, увидев этот кошмар собственными глазами, она вернулась в Москву совершенно другим человеком, сразу же написала подробный доклад в политбюро и ЦК и пригрозила мужу публикацией доклада, если не будут немедленно приняты меры для прекращения провокационных и бесчеловечных актов насилия.

Надежду ждал еще один удар, теперь уже личного характера. Когда она после возвращения вновь пришла в Академию народного хозяйства, то узнала, что Нина Каровья и еще восемь однокурсниц арестованы ГПУ. Ошеломленная подобным актом произвола, она сразу же позвонила Генриху Ягоде, тогдашнему начальнику ГПУ, и потребовала немедленно освободить этих девушек. В ответ ей пришлось выслушать сообщение Ягоды о том, что он, к сожалению, не может пойти навстречу ее желанию, поскольку все арестованные девушки уже «скончались в тюрьме от инфекционного заболевания».

После этого отношения Надежды со Сталиным стали натянутыми, и в конечном итоге она тоже стала косвенной жертвой этого геноцида. Глубокое разочарование при виде нараставшего разложения коммунистической партии и ее заправил, а также ужас, вызванный сознанием преступной роли ее мужа как главаря этого бандитского партаппарата, стали причиной ее преждевременной смерти. Официальной причиной смерти была названа «остановка сердца», но вскоре поползли слухи о том, что она застрелилась. Позднее ее дочь Светлана косвенно подтвердила эту версию, согласно которой мать оставила письмо, свидетельствовавшее о суицидальных намерениях. В биографии Сталина, опубликованной в 1989 году, Дмитрий Волкогонов ставит законный вопрос: действительно ли это было самоубийство. В пользу этих сомнений говорит также рассказанное профессором Плетневым, который был свидетелем событий, происходивших в эти критические дни.

Личный врач Сталина рассказывал, что в этой кризисной семейной ситуации его попросили использовать все его влияние для того, чтобы «вразумить» Надежду. Для этого специально устроили встречу между ними на квартире врача. Вначале она поделилась с профессором своими жуткими впечатлениями о катастрофическом голоде на Украине и сказала напрямую, что ее муж обманывает советских граждан, а затем пожаловалась: «Меня обманули моя партия и ее вожди, которому я хотела самоотверженно служить. Теперь я вижу, как все последователи Ленина один за другим уходят в никуда. Сталин — диктатор, им руководит бредовая мечта о мировой революции. Сталинский террор гуляет по стране, как дикий зверь, — мне ужасно стыдно».

Через несколько недель после этого признания, 22 ноября 1932 года, Плетнева около полуночи вызвали к постели Надежды, где уже находились его коллеги по кремлевской поликлинике, Казаков, Левин и Вайсброд, которые пытались ей помочь. Она металась по постели, и, приглядевшись, он понял, что Надежда смертельно ранена. Она с трудом произнесла: «Этот палач убил меня. Он не смог вынести моей правды. Он убил мать своих детей; заберите у него моих детей». Она звала еще мать и сестру, которых там не было. Внезапно в комнате появилась ее одиннадцатилетний сын Василий, которого разбудил выстрел. Увидев умирающую мать, он окаменел. Сталин якобы просидел всю ночь, рыдая, в углу комнаты.

В мемуарах Романо-Петровой события этого дня описаны так: «В этот день Сталин пошел в кремлевскую квартиру Ворошилова, чтобы обсудить с ним какие-то вопросы. Вдруг в комнату ворвалась его жена, прервала разговор и обвинила обоих в организации голода. При этом она открытым текстом назвала методы Сталина террористическими. Сталин потерял самообладание, начал бросать на пол предметы и обозвал свою жену сукой и блядью. Надежда выбежала из комнаты, преследуемая взбешенным супругом, следом бежал Ворошилов. Оказавшись в своей

квартире, Сталин набросился на жену с кулаками, чему Ворошилов пытался помешать. Надежда, с горящими от ненависти глазами, кричала Сталину, что он убийца и предатель. Тут Сталин выхватил пистолет и выстрелил в нее прежде, чем Ворошилов успел что-либо предпринять. Надежда выбросила руки вперед, ловила ртом воздух и, словно окаменев на мгновение, прошептала: «Ты погубишь партию». Потом она упала на пол, обливаясь кровью».

На следующий день Сталин на политбюро открыто признался в содеянном, объяснив это тем, что не мог допустить вмешательства своей жены в руководство партией, и даже предложил свою отставку, которая, однако, не была принята товарищами. Из всех присутствовавших только его земляк Орджоникидзе осмелился обвинить Сталина в убийстве верной коммунистки и подруги, дочери старого революционера и матери собственных детей. Однако все считали, что следует позаботиться о том, чтобы эта семейная трагедия не бросила ни малейшей тени подозрения на «вождя». В соответствии с этим Сталин приказал сообщить по радио и в утренних газетах, что внезапная смерть его жены вызвана «остановкой сердца» — совершенно ни к чему не обязывающая формулировка, подпisanная врачами Плетневым, Казаковым и Левиным.

Для того чтобы скрыть все следы от возможного расследования в будущем, Сталин не остановился даже перед осквернением могилы. Через четыре недели после похорон жены, на которых он, кстати, не присутствовал, он приказал снять почетный караул с могилы и под покровом ночи вскрыть гроб, извлечь из него тело Надежды и заменить его останками женщины примерно того же возраста. Почетный караул был возвращен лишь тогда, когда все следы осквернения могилы были устранены. Тело Надежды был кремировано, а после ликвидации трех чекистов, ставших невольными свидетелями убийства в квартире Сталина, с лица земли исчезли не только жертва, но и свидетели, которые могли когда-нибудь дать показания против Сталина. Лишь Василий

однажды в присутствии профессора Плетнева назвал своего отца убийцей. Врачи, нарушившие свой долг и покрывшие это преступление, получили от Сталина щедрые подарки, а Плетневу, именем которого в будущем была названа кремлевская поликлиника, он пообещал, что превратит ее в самую лучшую и современную клинику не только в Советском Союзе, но и во всей Европе.

Обустройство власти продолжается

Наряду с принудительной коллективизацией сельского хозяйства и сверхбыстрой индустриализацией сталинская «революция» имела еще и третью цель: построение мощного государства во главе с ничем не ограниченным единоличным властителем, который правил бы беспомощным, слабым обществом, воспитанным в трусливом повиновении. Доминирующую роль в этой системе власти играла политическая полиция — непосредственно подчиненное Сталину ПТУ, которое в 1934 году вошло в состав наркомата внутренних дел (НКВД). Эта организация наилучшим образом зарекомендовала себя при подавлении крестьян и теперь должна была усиленно использоваться для наведения страха и ужаса на технические и организаторские кадры в различных отраслях путем тотальной слежки и, при необходимости, строгого наказания. По сталинскому плану вначале следовало взять на мушку беспартийных спецов буржуазного происхождения и лишь затем приступить к прореживанию рядов партийной элиты.

Началом этих акций послужило так называемое «пахтинское дело», первый большой показательный процесс в Москве в марте 1928 года, на котором двадцать пять человек обвинялись якобы в саботаже и организации заговора. Показательный процесс, на котором впервые в роли обвинителя выступил особо циничный и садистски жестокий прокурор Андрей Вышинский, должен был послужить прецедентом будущих процессов, где с помощью стереотипов «заговор, измена и саботаж» и послушной прессы в

короткое время во всем Советском Союзе была создана атмосфера страха и ужаса, столь остро необходимая Сталину для «обострения классовой борьбы» при активном участии или по меньшей мере молчаливом одобрении запуганного населения. В апреле 1929 года Сталин грозно возвестил: «Шахтинцы сидят сейчас во всех отраслях нашей промышленности. Многих из них удалось выловить, но еще далеко не всех. Вредительская работа буржуазных интеллигентов является одной из опаснейших форм сопротивления развивающемуся социализму».

«Шахтинское дело» одновременно стало сигналом для своего рода «культурной революции», первой жертвой которого стал Владимир Маяковский, виднейший представитель русского литературного футуризма. Маяковский, только что вернувшийся из Соединенных Штатов, успел своими произведениями неоднократно вызвать недовольство Сталина, чем косвенно подписал себе смертный приговор. Профессор Плетнев впервые стал свидетелем хладнокровных и лицемерных действий своего знаменитого пациента в ходе максимально незаметного устранения нежелательных лиц. В 1929 году Сталин недвусмысленно дал понять Маяковскому, что ему лучше совершить самоубийство, нежели дожидаться «резких» действий со стороны властей. Маяковский в конечном итоге вял совету вождя. После этого великий мастер притворства выразил глубокое сожаление по поводу столь «неожиданной утраты» выдающегося поэта. Затем, во избежание всяких подозрений, Сталин поручил Плетневу, только что избавившему его от гнойного тонзиллита, обследовать тело покойного и объявить, что тот добровольно ушел из жизни, «временно находясь в состоянии умопомрачения».

В ходе создания советской промышленности Сталин проявил себя более способным учеником, чем при коллективизации сельского хозяйства. За «шахтинским делом» последовали новые процессы против ведущих капитанов индустрии и крупных хозяйственников, где их обвиняли в саботаже или в участии в заговорах и приговаривали

либо к смерти, либо к длительным срокам заключения. Но он быстро понял, что по крайней мере в течение еще какого-то времени не сможет обойтись без осмеянных поначалу ненавистных буржуазных слепцов. Поэтому уже три года спустя отменил ту политику, которую провозгласил в марте 1928 года. Дабы не возникло впечатления, что он сам организовал «охоту на слепцов» и связанные с ней процессы, Сталин с циничной наглостью свалил вину на своих подчиненных, действовавших якобы слишком ретиво, подобно тому, как он сделал это после насильственной коллективизации. В речи перед капитанами индустрии в 1931 году он сказал: «Было бы глупо и неразумно видеть в каждом специалисте и инженере старой школы еще не разоблаченного преступника и вредителя. «Спецество» у нас всегда считалось вредным и позорным явлением и будет считаться таковым и впредь». Едва ли можно представить себе более явную попытку отмыться от ответственности за кровавые процессы против невиновных. Поскольку с конца 1929 года никакой оппозиции уже практически не существовало, Сталин мог манипулировать общественным мнением совершенно произвольно и со всеми удобствами отводить от себя всякую ответственность за террористические методы. Тонкими маневрами он смог убедить не только советский народ, но и заграницу в том, что сообщения о терроре в Советском Союзе в те годы слишком часто представляли собой не более, чем антисоветскую пропаганду.

Свою роль в формировании такого отношения сыграли и сами показательные процессы. Они также представляли собой эффективное средство политической пропаганды, поскольку позволяли при помощи физических и психических истязаний выбивать у обвиняемых именно такие признания, какие в данный момент требовались Сталину, после чего эти признания тиражировались в средствах массовой информации. Наиболее важные статьи о ходе этих процессов перед публикацией предъявлялись Сталину, и он собственноручно снабжал их примечаниями

на полях, которые, естественно, подлежали включению в текст и подчеркивали «выдающиеся качества», «решимость» и «мудрую прозорливость» товарища Сталина. Это характеризует его как личность, отягощенную нарциссизмом, смехотворным тщеславием и самовлюбленностью.

При насильственном проведении индустриализации Сталин добился большого успеха, чем при коллективизации сельского хозяйства, однако и здесь проявился его старый порок: недостаточная компетентность иногда не позволяла ему правильно оценить ситуацию, что в сочетании со свойственной ему гигантоманией снова и снова приводила прямо-таки к хаосу. То, что требуемые им завышенные показатели все-таки бывали достигнуты, объясняется беспощадным подавлением любого сопротивления, вплоть до расстрела нерадивых на месте. С этой целью он направлял самых надежных своих приближенных с неограниченными полномочиями в различные советские республики, чтобы те на месте контролировали работу важных предприятий и быстрыми расправами над ответственными «саботажниками» оказывали необходимое давление на работников этих предприятий. Особо отличились в роли контролеров Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович. Нереальные требования Сталина в ходе сверхбыстрой индустриализации страны были выполнены в значительной степени еще и потому, что в его распоряжении всегда находилась гигантская армия рабов в лице приговоренных к принудительному труду узников лагерей. Эти люди работали в шахтах, на строительстве железных и автомобильных дорог и на сооружении Беломорско-Балтийского канала — проект, на котором, безусловно, лежит печать мании величия. Условия жизни и работы в лагерях были таковы, что люди вынуждены были работать в буквальном смысле слова на износ, до смерти. Согласно последним русским публикациям, в этой гигантской сети лагерей, описанной Солженицыным в книге «Архипелаг ГУЛАГ», постоянно находилось от двух до четырех миллионов человек, и этот архипелаг являлся для Сталина самым дешевым, а с начала

сороковых годов самым крупным строительным предприятием Советского Союза.

Зимой 1932/33 года положение населения, несущего на своих плечах все тяготы подобной жизни, стало почти невыносимым, и даже у ведущих партийных функционеров появлялся скепсис по отношению к методам Сталина. Наиболее мужественные члены партии отказывались открыто не соглашаться с его курсом. Первым был Мартемьян Рютин, бывший работник секретариата ЦК, который во время голода 1932 года выступил за смягчение сталинской политики. Он написал манифест «Ко всем членам ВКП(б)», составленный в очень открытых и острых выражениях, где называл Сталина буквально «злым гением русской революции, который под влиянием жажды личной власти и личной мести привел революцию на грань пропасти». Рютин требовал отставки Сталина с поста генерального секретаря. Арест Рютина не заставил себя долго ждать. На процессе по делу так называемой «рютинской платформы» было сфабриковано существование крупномасштабного заговора, угрожающего существованию государства, который должен был послужить солидной основой для последующих сталинских показательных процессов. Правда, ЦК заменил смертную казнь десятилетним тюремным заключением, что Сталин воспринял как обидное поражение и, естественно, не мог забыть. Только спустя пять лет его власть усилилась настолько, что он смог утолить жажду мести и приказать без суда и следствия казнить Рютина, двоих его сыновей и большую группу сторонников.

Не один только Рютин, но и другие высшие деятели политбюро придерживались мнения, что после успешного прорыва сталинской коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны настало время отказаться, наконец, от непрерывного террора, применения грубой силы и после долгого трудного периода хоть немного повысить уровень жизни населения. Среди этих «оппозиционеров» были даже такие люди, как Серго (в действительности Григорий) Орджоникидзе, который отвечал за всю тяжелую

промышленность, и Сергей Киров, член политбюро и руководитель ленинградской парторганизации. Эти люди пользовались любовью и высоким авторитетом в народе, и просто так Сталин их устранить не мог. Сталину не удалось также помешать тому, что на XVII съезде партии в феврале 1934 года, так называемом «съезде победителей», сформировался неофициальный блок делегатов, в котором обсуждалась возможность перевести Сталина на другую руководящую должность, а генеральным секретарем избрать Кирова. Сложившуюся в тот момент взрывоопасную ситуацию Хрущев характеризовал так: «Аномальная ситуация, сложившаяся в партии вследствие культа личности, обеспокоила часть членов партии, в особенности старые ленинские кадры. Многие делегаты съезда, прежде всего те, кто был знаком с ленинским завещанием, придерживались мнения, что пришло время перевести Сталина с должности генерального секретаря на другой пост».

Когда при тайном голосовании почти четверть делегатов проголосовала против Сталина, в то время как Киров из почти двух тысяч голосов делегатов получил только три против, Сталин был вне себя от ярости и оскорбленного тщеславия, так что «к этому съезду и, естественно, лично к Кирову он не мог испытывать ничего, кроме враждебности и желания отомстить», как записал Анастас Микоян, в то время нарком торговли, в своем дневнике, отрывки из которого были опубликованы в 1987 году.

Как показало позднейшее исследование архивов, Сталин тут же совершил массовый подлог результатов выборов, поручив специальной комиссии ЦК уничтожить 267 из 270 поданных против него избирательных бюллетеней, так что в конце этой мошеннической акции было создано впечатление, будто против него проголосовало только три делегата. Этот обман был, однако, лишь началом акции мести против строптивых делегатов съезда. Согласно докладу Хрущева на XX съезде партии в 1956 году, сталинская расправа коснулась не только 1966 делегатов съезда, из которых не менее чем 1108 были арестованы

за контрреволюционные преступления, но и 139 членов и кандидатов в члены избранного съездом ЦК, из которых 98 разделили ту же судьбу или были расстреляны.

Так, по словам Роберта Такера, съезд примирения в действительности превратился в «съезд окончательного отчуждения Сталина от партии большевиков». Это проявилось, в частности, в требовании Сталина улучшить систему политического контроля внутри партии. С этой целью он начал ставить на ключевые посты в партии и в НКВД людей, пользовавшихся его особым доверием: Генриха Ягоду в качестве шефа НКВД, рядом с которым были поставлены его будущие преемники Николай Ежов и Лаврентий Берия, а также надежных товарищей: Лазаря Кагановича, Георгия Маленкова и Никиту Хрущева. При поддержке этих людей Сталину было несложно с помощью столь же подлых, сколь и мастерских интриг представить любое подозрительное действие соперника, которого он собирался уничтожить, как часть мнимого заговора или шпионской сети. Особенность его тактики заключалась в том, что он направлял намеченные жертвы друг на друга и очень хорошо умел выводить их из равновесия, благодаря чему ему никогда не приходилось бороться против единого фронта. Подобный метод всегда сохранял за ним то преимущество, что в запутанной цепи собственных интриг все нити всегда оставались в его руках.

После партийного съезда 1934 года в центральный комитет были введены два новых секретаря: Андрей Жданов, который еще сыграет важную роль после второй мировой войны, и контркандидат Сталина на XVII «съезде победителей» Сергей Киров. Сегодня историки предполагают, что последнее из названных кадровых решений явилось звеном логичного и тонкого плана, первая трагическая кульминация которого наступила 1 декабря 1934 года в Ленинграде, когда от руки многолетнего члена партии пал Сергей Киров. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, почти не оставляют сомнений в том, что убийца руководствовался не политическими, а

личными мотивами, но, с другой стороны, совершенно очевидно, что Николаев никогда не прошел бы в здание Ленинградского обкома партии и не добрался бы до Кирова, если бы перед его приходом оттуда не была снята охрана НКВД. И это при том, что Николаева однажды уже задерживали за попытку приблизиться к Кирову с сумкой, в которой находился пистолет. Далее, именно в момент убийства Кирова его телохранителю помешали сопровождать его на пути к кабинету. И, наконец, теперь уже известно, что за роковую «автокатастрофу», при которой телохранитель Кирова Борисов погиб по пути в здание обкома, где он должен был предстать перед Сталиным и комиссией по расследованию убийства Кирова, ответственность также лежит на НКВД.

И теперь еще не до конца ясно, какую роль в убийстве Кирова сыграл сам Сталин. В докладе Хрущева на XXII съезде партии в 1961 году были обнародованы результаты проверки дела Кирова специальной комиссией. В этом докладе, в частности, было сказано: «Следует констатировать, что некоторые обстоятельства убийства Кирова до настоящего времени остаются неясными и таинственными... Однако необычайно подозрительным кажется то обстоятельство, что в день, когда осуществлявший охрану Кирова чекист должен был быть доставлен на допрос, он погиб в «автокатастрофе», при которой никто из лиц, находившихся в автомобиле, не получил даже легких повреждений. После убийства Кирова высшие руководители ленинградского НКВД получили лишь очень легкие наказания; однако в 1937 году они были расстреляны. Мы можем предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы уничтожить следы тех, кто организовал убийство Кирова». Резюмируя, Хрущев многозначительно заметил: «Чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова, тем больше возникает вопросов». И если Генрих Ягода, тогдашний шеф НКВД, на своем собственном процессе 1938 года признался, что он «по указанию Авеля Енукидзе позаботился о том, чтобы устранить все препятствия на пути теракта против Кирова»,

то это доказывает лишь то, что НКВД организовал убийство Кирова по высочайшему поручению. Сегодня знаем, какими методами добивались подобных признаний, и мы знаем также, какова цена этих «добровольных признаний» для поисков истины. Хрущев сам много лет активно участвовал в построении террористического сталинского режима и поэтому написанное в его мемуарах, отрывки из которых были опубликованы в 1989 году, может считаться взглядом изнутри: «Я считаю, что это убийство было организовано Ягодой, который мог действовать только по тайному заданию Сталина, полученному им в разговоре с глазу на глаз. Именно об этом Ягода должен был молчать на своем процессе 1938 года и в качестве заказчика и козла отпущения назвать другого, что было обычным делом для сталинских преступлений. С казнью Ягоды исчез последний потенциальный свидетель по делу Кирова. Во всем этом ясно виден почерк Сталина».

И вновь Сталин тщательно позаботился о том, чтобы отвести от себя малейшие подозрения. Этой цели служило уже шоу, устроенное им на вокзале в Ленинграде, куда он немедленно прибыл, получив известие о гибели Кирова, — Сталин на глазах у всех отвесил звонкую пощечину начальнику Ленинградского НКВД Филиппу Медведю, которого за допущенный провал сразу же сместил с должности и отправил на Дальний Восток. В качестве следующего знака участия он устроил «другу и соратнику» пышные официальные похороны. Подняв мертвого Кирова как героя революции на щит и обвинив в его убийстве контрреволюционную группу, Сталин получил не вызывающий подозрений предлог для ужесточения внутриаполитического курса. Убийство Кирова не только избавило Сталина от опасного соперника, но позволило развернуть кампанию против якобы существующих «заговоров».

Террор на пути к тирании

Особенность очередной сталинской «революции» состояла в том, что она была направлена не против крестьянства

или буржуазных спецов, а против товарищей по его собственной партии. На пути к неограниченной тирании «террор был возведен в постоянный принцип правления», поскольку вождю предстояло уничтожить последние слабые остатки демократии в партии. Этот метод представлялся ему единственно возможным для достижения полной и ничем не ограниченной власти Советском Союзе, что должно было сделать его самым могущественным и страшным тираном в истории. Проводя такую революцию, Сталин заменял партию большевиков, созданную Лениным, партией, созданной по его замыслу, и осуществлял переход от государства одной партии к государству одного человека.

Одним из важнейших элементов, лежавших в основе тирании Сталина, являлся феноменальный инстинкт самосохранения, которым он руководствовался при формировании своего личного штаба. Авторханов правильно указывает, что восхождение Сталина к несокрушимой диктатуре стало возможно лишь благодаря созданию «внутреннего круга», состоявшего из «секретариата товарища Сталина» и «спецотдела». Уникальность этих изобретений Сталина состояла в том, что, благодаря им, истинный создатель диктатуры оставался далеко на заднем плане, и на поверхности не существовало ничего, что указывало бы на него советским гражданам или зарубежной общественности. Незаметный «секретариат» в действительности принимал решения за все официальные органы, начиная от политбюро и кончая Верховным советом, но зато «спецотдел», возглавляемый по-собачьи преданным Сталину «оруженосцем» Александром Поскребышевым представлял собой «учреждение, уникальное в истории диктатур и деспотий». Это учреждение было собственной политической полицией Сталина, не подчинялось официальной тайной полиции и было сконструировано столь мастерски, что позволяло держать под тотальным контролем всех товарищей, включая партийную элиту. Без сомнения, столь тонкий замысел возник

у него на основе многолетнего личного опыта общения с царской тайной полицией, которую он еще в бытность «профессиональным революционером» успешно водил за нос благодаря блестящей технике конспирации.

Сталин был убежден в том, что существование советского режима зависит исключительно от прочности и неукосновенности его личной власти, поэтому считал законными любые, даже самые отвратительные, методы временного и окончательного устранения любых препятствий на пути к обретению и сохранению этой власти. При этом не следует упускать из виду, что его патологическое властолюбие и жестокость, достойные восточного сатрапа, носили явно садистский характер, однако эта жестокость по большей части служила не только и не столько удовлетворению садистских желаний, сколько соответствовала в большинстве случаев строгим логичным планам. Так, в ходе предстоящих вскоре «больших чисток» по плану «великого вождя» были хладнокровно расстреляны или брошены в ГУЛАГ миллионы людей, что имело своей целью оставить в партии лишь тех ее членов, которые могли быть безвольными инструментами в его руках. Но даже столь послушные его креатуры, как шефы НКВД, ответственные за совершенные по приказу Сталина миллионные казни, немедленно и без всяких раздумий отправлялись к праотцам, как только хозяин приходил к выводу, что пришло время убить нежелательного свидетеля собственных преступлений.

После убийства Кирова прессе был спущен заказ приступить к непрерывному разоблачению «заговоров» и «террористических групп», призывать к «повышению бдительности». Для того чтобы подчеркнуть необходимость в повышенной бдительности, уже 1 декабря 1934 года, сразу же по прибытии Сталина в Ленинград, была арестована и после короткого суда расстреляна группа из 102 «белогвардейцев». Сталина же в основном интересовал «широко разветвленный заговор», якобы имевший своей целью убийство Кирова и ликвидацию советской власти. Согласно

«признанию» Леонида Николаева, руководителей этого заговора следовало искать в так называемом «ленинградском центре». Как и на последующих показательных процессах, такие «признания» добывались от обвиняемых в НКВД при помощи небывалых по утонченности психических и физических пыток, которые чудовища от медицины вроде профессора Краснушкина обкатывали на политических заключенных и оптимизировали с применением «научных методик испытаний». Этот врач-преступник работал в Ростовском университете и за свои труды был даже награжден орденом Ленина. Начиная с 1925/26 года, он использовал для своих бесчеловечных экспериментов уголовников, а с 1930 года предпочитал уже политических «подопытных кроликов», на которых испытывал наиболее эффективные методы допроса с пристрастием, разрабатывал приборы и инструменты для оптимальных пыток. «Результаты» этого «ученого», ставшего директором зловещего института «Канатчикова дача», позднее институт имени Сербского, использовались НКВД для получения требуемых признаний на допросах. Правительство отпускало на эти исследования значительные средства. Практически дело обстояло так: обвиняемым предъявлялись сфабрикованные обвинения, после чего они на следствии подвергались широкому спектру самых страшных пыток. Это могло продолжаться неделями или даже месяцами, и заключенный, превращенный в развалину, соглашался сказать все, что приказывало НКВД, в том числе признаться в самых невероятных преступлениях. Жертву доводили до этой стадии, затем ей приказывали выучить сфабрикованное признание наизусть, и лишь после того, как палачи были полностью удовлетворены результатами репетиции, жертву выбрасывали на спектакль открытого процесса — на заседание председателю суда Василию Ульриху и генеральному прокурору Вышинскому — циничным ублюдкам и трусливым гиенам в человеческом облике.

В таких условиях в конце декабря 1934 года под председательством Ульриха начался процесс над «ленинградским

центром», который в ту же ночь закончился смертным приговором для всех обвиняемых. Приговор был немедленно приведен в исполнение в подвале тюрьмы на Литейном. Список членов «ленинградского террористического центра» был написан собственноручно Сталиным и доставлен в Ленинград Николаем Ежовым, будущим генеральным комиссаром НКВД. Как и следовало ожидать, в списке значились бывшие сторонники Зиновьева, ранее возглавлявшего ленинградскую парторганизацию, и члены аналогичного «московского центра». Неудивительно, что уже в середине января 1935 года начался второй процесс, обвиняемыми на котором были шестнадцать членов так называемого «нелегального контрреволюционного московского центра», к участникам которого причислялись также Зиновьев и Каменев. Но так как прямой связи с убийством Кирова установить не удалось, то Ульрих приговорил обвиняемых пока лишь к многолетним срокам тюремного заключения. С целью запугивания советских граждан в Ленинграде была проведена чистка среди друзей Кирова и Зиновьева и сочувствующих им, в ходе которой были арестованы и высланы почти сто тысяч человек, принадлежавших к самым различным социальным и профессиональным группам.

25 ноября 1936 года Сталин объявил о введении новой конституции, в разработке которой значительное участие принял придерживавшийся умеренных взглядов Бухарин. Это породило у советского народа надежду на улучшение условий жизни, однако вскоре стало ясно, что и эта надежда оказалась обманутой. Говоря о «единственной истинно демократической конституции в мире», Сталин в действительности укреплял основы своего террористического правления. Первым шагом на пути к окончательной легализации террора явился новый удар по бывшей оппозиции, который показал всем, что теперь никто не может считать себя застрахованным от смертного приговора, включая членов ЦК и политбюро, а введение института заложников делало возможными жертвами

произвола целые семьи. Для реализации плана ликвидации всех оппозиционных сил и для устранения неудобных лиц, будь это люди, казавшиеся ему опасными соперниками, или свидетели, участвовавшие в осуществлении его собственных преступлений, нужно было с помощью средств массовой информации убедить советских граждан в том, что теперь предстоит борьба не на жизнь, а на смерть, и необходимы крутые меры, чтобы наконец сорвать маску с лица «шпионов и убийц», «предателей и вредителей» и «террористической банды реставраторов капитализма». Параноидальная бредовая идея, заставлявшая его всюду видеть предателей и убийц, требовала их уничтожения еще до того, как они смогли бы претворить в жизнь замыслы убийств и переворотов. При этом не щадили даже тех людей, которые почитали «великого вождя» почти как бога и сами, не колеблясь, выполняли бы самый чудовищный его приказ.

О том, какие коварные методы при этом применялись, личный врач Сталина профессор Плетнев рассказал на примере Вячеслава Менжинского, тогдашнего шефа НКВД и преемника Феликса Дзержинского. Согласно Плетневу, примерно за год до смерти Менжинского доктор Мошенберг, работавший в кремлевской больнице, в присутствии коллеги доктора Вайсброда, работавшего там же, рассказал Плетневу следующее: «С Менжинским происходят странные вещи. Каждый раз, когда он меняет местопребывание или меняется его прислуга, его состояние заметно меняется: оно либо улучшается, либо резко ухудшается. Проведенные мной анализы крови привели меня к убеждению, что Менжинский время от времени получает дозу медленно действующего яда». Доктор Вайсброд также склонялся к этому выводу и решился доложить об этом Сталину. В ответ Сталин якобы рассмеялся и назвал все это чистой ерундой. Менжинский умер в 1934 году — его преемник Генрих Ягода отравил его мышьяком, полученным от токсиколога Васильева, который сам был казнен в 1937 году. Здесь все также говорит о почерке Сталина.

Наступление Сталина на якобы оппозиционные силы в стране, по времени совпавшее со вступлением в силу новой конституции, приняло форму печально известных чисток, волнами прокатившихся по стране. Гвоздем этого тщательно отрежиссированного Сталиным спектакля стали три больших московских показательных процесса 1936 — 1938 годов, которые призваны были посеять страх и трепет среди его подчиненных. На первом из этих процессов группа комсомольцев из московского пединститута обвинялась в том, что якобы планировала убийство Сталина по наущению Троцкого. По образцу «шахтинского дела» основой для сфабрикованных обвинений стали признания, выбитые у обвиняемых в НКВД. По словам Хрущева, для Сталина «в нарушение всех правовых норм для доказательства вины подсудимого достаточно было одного лишь признания самого обвиняемого».

Подобный самоговор не только поставлял материал для обвинения на суде, но и удовлетворял болезненную потребность Сталина в мести за личную обиду или критику его адрес, а также являлся знаком полного и безоговорочного подчинения соперников его всемогуществу. Александр Орлов, бывший офицер НКВД, позднее бежавший на Запад, написал в своей книге, что в подозрительную группу комсомольцев был внедрен агент НКВД, «признания» которого позволило раскрыть соответствовавший желаниям Сталина «троцкистско-зиновьевский центр», являвшийся частью обширного заговора с целью устранения Сталина и его руководящего штаба. Основными виновниками должны были выступить Зиновьев и Каменев, арестованные еще в декабре 1934 года и в 1935 году осужденные на длительное тюремное заключение за якобы имевшее место участие в заговоре. При помощи проверенных методов НКВД — пыток, голода, лишения сна, непрерывных допросов — было не так уж сложно заставить обоих старых большевиков к лету 1936 года поверить в то, что в случае «признания» им сохранят жизнь. На самом же деле Сталин, проведший это лето в Крыму, скрепил своей подписью смертные

приговоры еще до начала процесса, так что обвинительная речь Вышинского, в которой он после вознесения обязательной хвалы мудрости и прозорливости вождя, потребовал «расстрелять всех, как бешеных собак», выглядела лишь безвкусным и лицемерным фарсом. Вопреки ранее данному обещанию все осужденные были в ту же ночь казнены в подвале зловещей Лубянки. Члены их семей — те, кого удалось схватить, — также очутились в лагерях или были расстреляны. По сообщению Александра Орлова, через несколько дней после казни Зиновьева и Каменева Ягода по приказу Сталина приказал расстрелять пять тысяч бывших оппозиционеров, сидевших в лагерях. Цель этой акции, по-видимому, состояла в еще большем запугивании населения.

Подлю инсценированный первый московский показательный процесс вызвал шок среди высших партийных функционеров. Теперь они воочию убедились в том, что любое противоречие, любая, даже самая безобидная, критика неминуемо будут наказаны смертью, и что это ожидает и функционеров, сидящих на самых высоких партийных эстажах. При этом большинство граждан, для которого были доступны только средства массовой информации, полностью контролируемые режимом, полагало, что репрессии направлены против настоящих врагов народа и предателей, а в случае перегиба вмешается гарант закона и порядка — добрый, мудрый и справедливый Сталин, который сразу же придет на помощь несправедливо обиженному, стоит лишь ему об этом узнать. Культ вокруг личности Сталина и прекрасно поставленная пропаганда позаботились о том, что, несмотря на широкомасштабный террор, доверие к этому кровожадному тирану ни разу не было поколеблено. Кроме того, Сталин строго следил за тем, чтобы его имидж в народных массах всегда оставался неприкосновенным, своевременно перекладывая вину за совершенные им преступления на других козлов отпущения.

Настало время сыграть роль козла отпущения и для Генриха Ягоды. За якобы недостаточное рвение при разгроме

«троцкистско-зиновьевского заговора» он был снят с поста шефа НКВД и заменен «коварным карликом» Николаем Ежовым. Последний при участии своего будущего премьера Лаврентия Берии сделал все от него зависящее для развязывания той волны террора 1937–1938 годов, которая вошла в историю под названием «ежовщины». Но сначала Ежов бросил все силы на подготовку второго московского показательного процесса. На сей раз в роли обвиняемых выступили 17 партийных функционеров, которые, хотя и никогда не входили в состав политбюро, но в свое время были близки к Ленину и, подобно многим ленинским кадрам, в двадцатые годы вместе с Троцким оказались в оппозиции Сталину. Центральной фигурой на процессе был Григорий Пятаков, который после исключения из партии в 1927 порвал все связи с Троцким. В дальнейшем он был восстановлен в партии и вновь поднялся на значительную высоту — занял пост заместителя наркома тяжелой промышленности. Пятаков давно оставил всякие мысли об оппозиционной деятельности и был искренне преданным партии коммунистом, но его трагическая ошибка состояла в том, что он был предан партии, а не Сталину лично. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы возложить на него и 16 других подсудимых — инженеров и высших чиновников аппарата управления — вину за провалы индустриализации и предательства их как группу «вредителей». Кроме того, несколько групп специалистов промышленности были обвинены в сколачивании заговоров с целью убийства Сталина и других членов политбюро. Обвинения были столь явно дутыми, что Орджоникидзе, в то время нарком тяжелой промышленности, лично попытался облегчить участь Пятакова и заявил Сталину протест. Единственное, чего он смог добиться, — обещание сохранить жизнь Пятакову, его жене и десятилетнему ребенку в случае признания их вины. Открытый процесс начался 23 января 1937 года и завершился уже привычной лицемерной речью Вышинского: «Какое безмерное падение! Это вершина, это последний

предел морального и политического разложения!» И снова, как и на всех остальных процессах, данное обещание было нарушено — все обвиняемые были приговорены к смерти и немедленно казнены.

Под аккомпанемент расстрелов по процессу Пятакова в феврале 1937 года прошел пленум ЦК, на котором Николай Бухарин и Алексей Рыков были обвинены в соучастии в заговоре Пятакова. Вообще-то Бухарин не собирался поддаваться шантажу и признаваться в несовершенных им преступлениях. Более того, он проявил завидное мужество и выступил с заявлением, в котором сказал, что разговор действительно существует и руководители этого заговора, Сталин и Ежов, стремятся превратить советское государство в государство НКВД, в котором Сталину будет принадлежать неограниченная власть. И Бухарин, и Рыков были приговорены к расстрелу, хотя приговор был приведен в исполнение только спустя 13 месяцев после завершения третьего московского показательного процесса. Перед арестом Бухарину удалось передать своей жене, Анне Лариной, письмо, которое та, выйдя из тюрьмы, передала в печать. В этом письме, наряду с прочим, сказано: «К будущим поколениям руководителей партии! Я испытываю беспомощность перед лицом дьявольской машины, которая приобрела гигантскую власть... и использует давно несуществующий авторитет ЦК для потворствования болезненному недоверию Сталина... Каждый член ЦК, каждый член партии может быть уничтожен, превращен в изменника, диверсанта, шпиона».

И действительно, арест, осуждение и казнь Бухарина и Рыкова позволили Сталину полностью лишить ЦК остатков власти, и теперь он мог, не опасаясь протестов из рядов этого органа, приказывать арестовать и ликвидировать любого члена партии. Сталин был оьянен своим всемогуществом и неограниченными возможностями беспощадной тиранической власти, находившейся в его руках, но в то же время его постоянно преследовал страх быть свергнутым или даже убитым. В результате потребность уничтожать

все, что представлялось ему угрожающим, выросла до невероятных пределов. После того, как в первом акте кампании чисток, инсценированной в соответствии с его подлой логикой, ему удалось полностью разгромить все оппозиционные силы в партии или дестабилизировать их постоянным страхом арестов и ликвидации, Сталин приступил ко второму акту, направленному против куда более опасных (в его параноидальном воображении) «наемных убийц» — командной элиты Красной Армии, со стороны которой он также постоянно ощущал угрозу.

Первый шаг был сделан в апреле 1937 года, когда он приказал Ежову арестовать Ягоду. За этим последовал арест 3000 руководящих работников НКВД, которые были казнены в течение года как нежелательные свидетели. Лишь затем Сталин приступил к широкомасштабной чистке Красной Армии, жертвой которой сначала стали девять высших командиров, обвиненных в государственной измене, шпионаже и организации заговора, среди которых оказались столь заслуженный герой гражданской войны, как маршал Михаил Тухачевский. После того, как у них в НКВД пытками вырвали «признания», Ульрих на закрытом процессе приговорил их к смертной казни, после чего они были немедленно расстреляны. Садизм сталинского характера проявился в том, что он приказал казнить жену маршала и его сестру, а также двух ее братьев. Три сестры Тухачевского и его семнадцатилетняя дочь Светлана ввиду их «общественной опасности» были заключены в лагерь. За этой первой чисткой последовал приказ НКВД приступить к массовым арестам и казням комсостава всех родов войск.

Весной 1938 года началась вторая волна чисток, жертвами которой стали многочисленные члены ЦК и политбюро, а также многие командиры Красной Армии. Заслуженного маршала Василия Блюхера, командующего Дальневосточной Армией, который не пожелал признать ложные обвинения, пытали до тех пор, пока он не умер от полученных повреждений. Под влиянием патологического страха перед покушением на свою жизнь со стороны

Красной Армии Сталин устроил такое кровопускание, размеры которого непростое себе представить. Роберт Конквест приводит такие данные, опубликованные в журнале «Огонек» в 1987–1989 годах: из 272 маршалов, командармов, комкоров, комдивов и адмиралов флота 228 пали жертвами кровожадности Сталина. Средний и младший комсостав также пощажен не был — к осени 1938 года сорок тысяч командиров армии и флота были уволены со службы. К 1941 году общее число арестованных, расстрелянных, заключенных в лагеря и уволенных со службы офицеров ротного и батальонного звена достигло 43 тысяч. Эти «сверхпотери», которыми Сталин ослабил вооруженные силы, в надежде лишить их возможности совершить военный переворот, дали повод бывшему советскому диссиденту историку Рою Медведеву написать: «Ни одна армия не потеряла на войне столько высших офицеров, сколько потеряла Красная Армия в это мирное время».

Для «ежовщины» не в последнюю очередь были характерны крупные и целенаправленные акции против руководящих кадров партийного аппарата. В результате, согласно Рою Медведеву, в 1937–1938 годах 90 процентов членов обкомов и ЦК компартий союзных республик лишились своих постов. Психологический террор, сопровождавший эти чистки, характеризует распоряжение Сталина, согласно которому в каждую область спускался план, устанавливавший количество врагов народа, шпионов и вредителей, подлежащих разоблачению, заключению в лагеря или расстрелу. Вначале для каждой области был установлен плановый показатель в 1500 расстрелов, но затем он был увеличен. С явно садистским злорадством Сталин разослал распоряжение секретарям партийных комитетов, непосредственно отвечающим за выполнение этих его указаний, подготовить кандидатуры двух преемников для самих себя, на тот случай, если их придется ликвидировать за невыполнение плана по расстрелам. Нетрудно представить себе, с какой зверской жестокостью должны

были проходить чистки под таким давлением — только на Украине из 102 членов ЦК погибли 99!

По замыслу Сталина главный удар компании чисток должен был быть нанесен по Москве, он лично высочайше возглавил ликвидации, проводимые Ежовым по его приказу. Списки кандидатов на расстрел, подписанные лично Сталиным, содержат примерно сорок тысяч фамилий, среди которых есть имена товарищей, бежавших из Испании, Германии и Австрии и надеявшихся найти убежище в Советском Союзе. Кульминацией ежовщины стал третий и последний показательный процесс, состоявшийся в Москве в марте 1938 года — 21 обвиняемый, среди них два члена ленинского политбюро — арестованные более года назад Николай Бухарин и Алексей Рыков, также арестованный почти год назад бывший шеф НКВД Генрих Ягода и три ведущих кремлевских врача, во главе с бывшим личным врачом Сталина профессором Дмитрием Плетневым. При конструировании этого «заговора врачей» Сталин руководствовался несколькими мотивами, важнейшим из которых скорее всего было устранение нежелательных свидетелей. И доктор Казаков, работавший в кремлевской больнице, и профессор Плетнев были непосредственными свидетелями насильственной смерти второй жены Сталина Надежды Аллилуевой. Доктор Казаков, кроме того, обвинялся в том, что по заданию бывшего шефа НКВД Ягоды участвовал в устранении высших политических функционеров и убийстве писателя Максима Горького. То, что Ягода во всех этих случаях действовал не по собственной инициативе, а подчиняясь недвусмысленному приказу Сталина, на процессе, естественно, не было и не могло быть сказано. На предшествовавших допросах в НКВД ему достаточно ясно вдобавили, что всю вину он обязан взять на себя и, тем самым, превратиться в единственного козла отпущения. В том же духе было выдержано и признание профессора Плетнева, выученное им наизусть: «Действительно, Ягода совершенно открыто предложил мне воспользоваться моим положением

лечащего врача Горького, который на протяжении многих лет болел туберкулезом, для того, чтобы путем противопоставленного лечения ускорить его смерть». Это заявление согласовывалось с показаниями другого кремлевского врача, доктора Левина, согласно которым смерть Горького была вызвана «не применением яда, а сознательными неверными лечебными мероприятиями».

Кроме того, профессор Плетнев был свидетелем ряда событий личного плана, которые могли в какой-то мере скомпрометировать вождя, и его следовало убрать также и по этой причине. Плетнев был допущен к некоторым особо строго охраняемым секретам, в частности, это касалось темы «Сталин и женщины», где его аморализм проявил себя особенно отвратительно. В секретариате Сталина работала Роза Каганович, дочь члена политбюро Лазаря Кагановича. После смерти Надежды Аллилуевой Молотов считал Розу Каганович «достойной» кандидатурой для возможного следующего брака Сталина. Согласно свидетельствам Натальи Трушиной, некоторое время работавшей в штате прислуги Сталина, приводимым в книге Элизабет Лермо-ло «*Face of a victim*» («Лицо жертвы»), еще при жизни Надежды Аллилуевой Роза неоднократно становилась причиной сцен ревности. Согласно Плетневу, у Сталина при попытке сближения с Розой Каганович возникли сложности с потенцией, и «Михаил Калинин, также член политбюро, порекомендовал ему сделать операцию омоложения, которая принесла ему самому блестящие результаты». Сталин поручил Плетневу найти самого опытного в данной области хирурга. В конце концов остановились на кандидатуре профессора Розанова из больницы имени Боткина, который и выполнил «имплантацию желез». Во время этой операции ему ассистировали профессор Плетнев и доктор Вайсброт. Результат превзошел ожидания самого Сталина, и на радостях он передал Плетневу оригинал картины Рафаэлю Санги «Христос в терновом венце» из московского Музея изобразительного искусства. Оба других врача получили каждый по автомобиль и по 50 тысяч рублей.

Когда Сталин позднее якобы узнал, что у Розы до него уже были любовники, он отдалился от нее. Якобы имевшее место бракосочетание Сталина с Розой Каганович, о котором говорится в мемуарах Романо-Петровой, скорее всего не более, чем легенда, поскольку Сястлана Аллилуева не упоминает о таком событии ни единым словом. Другие интимные подробности известны нам из письма Авеля Енукидзе, друга и соратника Сталина по годам подполья, а также крестного отца Надежды Аллилуевой. По приказу Сталина Енукидзе был арестован НКВД по обвинению в якобы имевших место контактах с заграницей и «аморалке». Арест оказался для Енукидзе совершенно неожиданным и, после того как ему не разрешили позвонить давнему другу по телефону, он правильно оценил свое положение как безнадёжное и написал «вождю» письмо, полное разочарования и гнева. Он писал, что, безусловно не будучи врагом народа, он, тем не менее, является убежденным антисталинистом. Подчеркивая свое презрение к Сталину, Енукидзе напомнил ему о некоторых его преступных делах, связанных с женщинами. По рассказу Плетнева, Енукидзе писал, что Сталин похитил невесту своего друга Кецховели, совратил шестнадцатилетнюю племянницу Свердлова Наталью Елагину, которую затем отправил в ссылку. Он также напомнил Сталину о преступлении, жертвой которого стала Кира Андронникова, не пожелавшая ему отдаться, за что ее муж был расстрелян, а сама она разлучена со своим маленьким ребенком и сослана. И, наконец, в этом письме было сказано о страшной подлости, совершенной Сталиным с Лизой Казановой. Молодая красивая женщина работала в секретариате Сталина. Для того чтобы расчистить путь к ней, Сталин выдумал для ее жениха служебное задание в Китае. По пути туда он был схвачен НКВД прямо в поезде и за «контрреволюционную деятельность» приговорен к 25-летнему сроку в лагере усиленного режима.

Лиза же не проявила достаточной готовности пойти навстречу желаниям вождя, за что он ей отомстил достойным себя образом — ее доставили на дачу, где она была

изнасилована несколькими специально вызванными туда мужчинами. Лишь один из этих людей — адъютант маршала Буденного М. Ахвилянов отказался участвовать в этом преступлении и, как нежелательный свидетель, был казнен в 1937 году. Позднее Лиза была арестована Ягодой, который позаботился о том, что никто и никогда о ней больше не услышал. Тем не менее эта садистская акция все же не осталась неизвестной, поскольку один из сильников, принадлежавший к кругу приближенных маршала Ворошилова, проболтался в кругу офицеров о том, как здорово устроил Сталин «эту маленькую развлекушку».

Согласно сообщению профессора Плетнева, это письмо Енукидзе заканчивалось такими словами: «А теперь твои похотливые желания перешли уже и на мальчиков, которыми тебя снабжает Тимошенко (будущий нарком обороны и Маршал Советского Союза. — *Прим. автора*)... Будь проклят, палач, садист, льявол!». Ежов, движимый служебным рвением, хотел немедленно передать это письмо своему господину и повелителю; от чего его настоятельно отговаривал Плетнев, знакомый с содержанием письма, страшно компрометирующим Сталина. Сталин сжег письмо, не дочитав его до конца, и приказал Ежову немедленно доставить Енукидзе в Кремль. Здесь в присутствии коменданта Кремля Петерса он якобы собственноручно расстрелял бывшего друга.

То, что Ежов и Плетнев узнали содержание письма Енукидзе, столь серьезно компрометирующее Сталина, означало, что жить им осталось недолго. Ежов стал козлом отпущения за «эксцессы» во время чисток, проводившихся по приказу Сталина: в декабре 1938 года на посту шефа НКВД его сменил Лаврентий Берия, а после XVIII съезда партии, состоявшегося весной 1939 года, Ежов был ликвидирован.

План Сталина так или иначе предусматривал устранение его личного врача Плетнева, и эпизод с письмом Енукидзе сыграл здесь лишь роль пускового механизма. Главным мотивом Сталина при этом явился тот факт, что профессор Плетнев и доктор Левин, главный консультант

кремлевской больницы, при терапевтическом обследовании Сталина в конце 1937 года открытым текстом поставили ему диагноз «параноидальный психоз». Третий московский показательный процесс давал удобную возможность обвинить врачей в заговоре с целью устранения Сталина и других ведущих деятелей государства. Для этого достаточно было уже выбитого из Ягоды «признания» в том, что он при участии Плетнева и Левина, домашнего врача Горького, умертвил писателя путем передозировки стронфантина. Оба врача также обвинялись в причастности к смерти председателя Госплана Валериана Куйбышева (который к тому моменту уже давно страдал болезнью сердца). Дабы заговор врачей выглядел правдоподобнее, на скамью подсудимых был посажен кремлевский терапевт Казаков, вызванный в ту трагическую ночь к постели умирающей Надежды Аллилуевой и знавший обстоятельства, сопутствующие ее смерти, а также еще два медика: доктор В. Хольцман, директор Центрального института туберкулеза, и известный хирург доктор К. Кох. По данным Роя Медведева, доктор Хольцман погиб в ГУЛАГе, а доктор Кох был расстрелян.

Для ареста Плетнева и предъявления ему обвинения требовался повод, который удовлетворил бы общественное мнение. Было предпринято следующее: во время одного из обычных плановых визитов к Сталину, во время которых профессор, как обычно, осведомлялся о самочувствии своего пациента, Сталин вел разговор по телефону с Ворошиловым. Он сообщил Ворошилову о том, что на руках у Ежова имеется компромат на жену Молотова, достаточный для ее ареста, но пока он, Сталин, этому аресту препятствовал.

Для того чтобы понять то впечатление, которое этот разговор произвел на Плетнева, необходимо иметь в виду, что жена Молотова не только занимала должность наркома пищевой промышленности, но и была директором косметического института, созданного по инициативе профессора Плетнева. При этом Плетнев исходил из пожелания

Сталина о проведении научных исследований, результаты которых позволили бы более эффективно противодействовать процессам старения в организме человека. Сталин уже в течение некоторого времени испытывал панический страх перед надвигающейся старостью и уделял повышенное внимание своей внешности — регулярно принимал массаж, маски на лицо, протирания и контрастные ванны. Создание этого НИИ потребовало многомиллионных затрат, по высочайшему повелению исследовательская работа велась в небывалой спешке. Одновременно Плетнев дал задание врачам найти вещества, способствующие омоложению клеток, в особенности клеток кожи. В связи с этим заданием жена Молотова инкогнито ездил в Париж с целью выведать различные косметические секреты. После такой командировки органам не составило труда состряпать дело о недозволённых связях с западными агентами и даже о шпионаже, к которому совсем несложно было пришить и Плетнева. Цель телефонного разговора, по-видимому, состояла в том, что бы привести профессора в состояние страха и неизвестности. Сталинские методы были слишком хорошо известны Плетневу, и он должен был сразу понять: нежелательного свидетеля разговора необходимо устранить. И действительно, спустя совсем немного времени в московских газетах появились статьи под названиями типа «Профессор-садист» и «Профессор-совратитель», в которых подробно рассказывалось, как профессор Плетнев якобы завлек в свою квартиру советскую гражданку Б. (как позднее выяснилось, профессиональную проститутку) и там садистски надругался над ней. И, хотя в Москве почти никто не воспринял всерьёз эту совершенно смехотворную историю, началась повсеместная травля Плетнева, в результате которой он был лишён академического звания. До ареста он из соображений осторожности успел сжечь все, кроме записок под названием «История кровавого Иосифа Сталина I», которые передал свой многолетней сотруднице Романо-Петровой.

Мы столь подробно останавливаемся на трагической судьбе профессора Плетнева, потому что она даёт полное

представление о том, какими подлыми методами пользовался Сталин, когда ему требовалось избавиться от казавшихся ему опасными или просто нежелательных людей. Уже цитированный нами бывший сотрудник НКВД Александр Орлов на основании собственного опыта писал, что для Сталина «общим правилом было избавляться от лиц, которые слишком много знали о его прошлом или, став свидетелями страшных преступлений последних лет, могли вспомнить что-либо о его прошлом и рассказать об этом кому-то ещё». О том, как далеко это заходило, свидетельствует Светлана Аллилуева: «В 1937 году отец не остановился перед истреблением членов собственной семьи: троих Сванидзе, Реденса, Енукидзе, крестного отца моей матери... В 1948 году та же судьба постигла моих тетюшек. Он считал их опасными, так как они «слишком много знали» и, по его мнению, были «слишком болтливы». Возможно, он не мог им простить того, что они были свидетелями происшествий в нашей семье, в особенности, самоубийства матери (теперь это считается сомнительным. — *Прим. автора*) и знали об оставленном ею письме».

Сталин лично не присутствовал на третьем московском показательном процессе в марте 1938 года. Возможно, он был слишком труслив для того, чтобы взглянуть в глаза несправедливо обвинённому, среди которых были его близкие друзья и врач, преданно служивший ему на протяжении многих лет, тем более услышать из уст этих людей позорные факты, невыносимые для его нарциссической психики. Он предпочёл следить за ходом процесса по громкоговорителю, установленному в его кабинете. На фоне блестящей аргументации Бухарина Вышинский выглядел поистине жалкой фигурой. В заключительной речи он, как обычно, потребовал для всей банды «убийц, шпионов, диверсантов и вредителей без каких-либо принципов и идеалов» смертной казни. Как обычно, суд присоединился к погромным тирадам прокурора — Дмитрий Плетнев получил 25, Христиан Раковский 20, Сергей Бессонов 15 лет лишения свободы, остальные обвиняемые были

приговорены к смерти. Казнь состоялась сразу же. Плетневу не дано было пережить Сталина — 11 сентября 1941 года он был расстрелян по приговору повторного суда.

После того, как своими террористическими чистками Сталин настолько обескровил партийное руководство, НКВД и армию, что на всех уровнях стала ощущаться нехватка опытных и квалифицированных работников, волна террора с осени 1938 года начала постепенно спадать. Опасаясь вызвать у общественности подозрения в истинном авторстве волны насилия и массовых убийств и под влиянием постоянного страха перед покушениями на свою жизнь, Сталин длительное время избегает показываться на публике. От Плетнева мы знаем, что эти страхи у Сталина усиливались после принятия очередного преступного решения, в такие периоды у Сталина часто возникали «нарушения деятельности сердца». Иногда случалось так, что в наиболее напряженные моменты до завершения какого-либо особо коварного замысла — например, при аресте бывшего шефа НКВД Ягоды его преемником Ежовым — Сталин сутками нервничал, лишился сна и аппетита, и Плетнев уже с самого раннего утра заставлял его за письменным столом. Только узнав, что дело сделано, Сталин переводил дух, и, не раздеваясь, засыпал глубоким сном. Если в такие периоды Плетнев пытался давать ему медицинские советы, то получал лишь злобный ответ типа: «Оставьте меня в покое с вашей ерундой, профессор! Мы сейчас находимся на критическом этапе и должны вырвать черта с корнем и удущить в зародыше».

В марте 1939 года, на XVIII съезде партии, который Буллок назвал «съездом уцелевших», стали воочию видны ужасающие бреши, пробитые кровожадностью Сталина — из делегатов предыдущего съезда 1934 года уцелели лишь немногие. Руководство НКВД было теперь в руках Лаврентия Берия, который согласно полученному заданию поставил к стенке своего предшественника Ежова и всю его руководящую команду. При Берии террор, столь хорошо зарекомендовавший себя во время ежовщины, по

словам Буллока, окончательно «институционализировался и превратился в постоянный и неотъемлемый инструмент правления». Общее число арестованных, заключенных в лагерях и расстрелянных во время ежовщины людей, скорее всего, никогда уже не будет точно установлено. По оценке Конквеста, сделанной им в 1990 году на основании новейших данных, высчитывается следующий сценарий сталинского террора в 1937—1938 годах. В январе 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось примерно пять миллионов человек. За два года, с 1 января 1937 года по 31 декабря 1938 года, было арестовано чудовищное количество — восемь миллионов человек, из которых миллион были казнены и примерно два миллиона погибли по другим причинам. К концу 1938 года примерно один миллион советских граждан находился в тюрьмах и семь миллионов несчастных владели свое существование в различных лагерях архипелага ГУЛАГ.

Ответственность за невероятные страдания миллионов невинных людей несет лично и единственно Сталин, о чем уже в горбачевские времена в апреле 1988 года написала «Правда», открыто заявив о чистках следующее: «Сталин не только знал о них, он организовал их и даже руководил ими. Сегодня это — доказанный факт». Ужас заключается в том, что эти преступления нельзя считать действиями безумного, он совершал их, исходя из «макиавеллиевой» логики, последовательно преследуя свою цель, что предполагает наличие недюжинного интеллекта. Волкогонов справедливо полагает, что всемирно-историческая трагедия состояла в том, что у Сталина несомненный интеллект был неразрывно связан с коварством, так что он «работал, подобно мощной механической счетной машине» и, при отсутствии всяких моральных барьеров, работал беспощадно. Алан Будлок так резюмирует значение сталинских чисток: «С психологической точки зрения сталинские чистки снижали постоянно преследовавший его страх перед заговором, переворотом и убийством. Они утоляли жажду мести;

которая у этого человека сочеталась с полным отсутствием великодушия или сочувствия. С политической точки зрения... они открывали путь к авторитарной форме правления. Это было достигнуто за счет уничтожения последних остатков первоначальной партии большевиков, которые еще помнили революцию 1917 года и гражданскую войну, со времени которых не прошло еще и двадцати лет, помнили ленинский стиль руководства, внутрипартийную демократию и идеологию марксизма-ленинизма, которые в те времена были живы в партии... Преемственность сохранилась за счет того, что как будто была сохранена революционная традиция, и эта традиция делала Сталина наследником авторитета Ленина... Однако за этим фасадом Сталин создал совсем другую партию, чем та, в которой он пришел к власти».

«Вождь» в «Великой Отечественной войне»

23 августа 1939 года мир был потрясен пактом о ненападении между Германской империей и Советским Союзом, который предопределил ужасную судьбу республики Польша. В дополнительном протоколе было сказано, что после завоевания Польши германским вермахтом часть этой территории будет вновь отдана русским. Таким образом, после разгрома Польши вермахтом и советского вторжения в Восточную Польшу в сентябре 1939 года в советских руках оказались не только значительные территории, но и почти четверть миллиона польских военнопленных. Однако в Восточную Польшу хлынула не только Красная Армия, но и украинцы и белорусы, которые, подогреваемые боевым кличем «Всем полякам, панам и собакам — собачья смерть», прошли по стране, убивая и грабя польских крестьян и землевладельцев. Еще страшнее были зверства НКВД, который, почти закончив чистки в Советском Союзе, продолжил их в Польше по знакомому сценарию: арест, пытки, тюрьма и казнь. Кто попал в лапы НКВД, назад уже не возвращался. Даже

летом 1941 года, в виду наступления немецких войск, НКВД тщательно следил за тем, чтобы польские узники тюрьм были либо расстреляны, либо вывезены в Сибирь. По данным польского генерала Андерса, почти половина из полутора миллионов депортированных погибла на этапах. Но самым вопиющим фактом является убийство пятнадцати тысяч польских солдат и офицеров в Катыни. В апреле 1943 года массовые захоронения были обнаружены немцами, которые использовали это преступление в своих пропагандистских целях. Лишь в 1989 году советское правительство признало, что это было делом рук НКВД.

По другому секретному соглашению, подписанному одновременно с советско-германским договором о дружбе 28 сентября 1939 года и разграничившим сферы влияния, Сталин незамедлительно начал прибирать к рукам эти сферы, приступив к реализации плана оккупации балтийских государств и Финляндии. Если в отношении балтийских государств советские средства давления сработали успешно, то с Финляндией вышла непредвиденная осечка, после чего 29 ноября 1939 года Красная Армия получила приказ атаковать. Ворошилов заверил Сталина в том, что через неделю его tanks будут на улицах Хельсинки, но сопротивление финнов оказалось столь упорным, что Сталину пришлось пустить в ход всю мощь Красной Армии под командованием Тимошенко для того, чтобы решить исход борьбы в свою пользу. Однако потребовалось еще много недель кровопролитных боев, прежде чем 12 марта 1940 года эта зимняя война была окончена в основном по соображениям внешнеполитического характера без решительной победы Красной Армии. Финляндия уступила Советскому Союзу Карельский перешеек. Двести тысяч убитых мало волновали Сталина. Куда важнее для него была потеря престижа его хваленной Красной Армии, командные структуры которой были катастрофически ослаблены убийственными чистками офицерского корпуса.

Неудачные действия Красной Армии против Финляндии давали повод для серьезных опасений. И действительно,

удручающее положение в Красной Армии, созданное самим же Сталиным, обернулось полной катастрофой 22 июня 1941 года, когда границу Советского Союза пересекла немецкая армия вторжения. Советскому военному командованию с самого начала было ясно, что при острой нехватке командных кадров страшный по силе удар немцев будет трудно сдержать, и по праву в то время Сталину бросали жестокие упреки в том, что, устроив ежовщину, он оказал очень ценную услугу Гитлеру.

Сталин, которому советские средства массовой информации приписывали качества прямо-таки ясновидца, потерпел полный провал в результате чисток 1937 — 1938 годов и катастрофических ошибок при оценке своего «союзника» Гитлера как политика и государственного деятеля. Теперь, при первом известии о вторжении немецких войск, он проявил себя самым жалким полководцем всех времен. Этого человека, которого советская пресса прославляла как крупнейшего и талантливейшего полководца в истории, в ночь с 21 на 22 июня 1941 года охватила форменная паника. Он полностью утратил волю к действию, и, обругав в элании наркомата обороны всю Красную Армию сборищем предателей и трусов, «высочайший десертир» (выражение Ахторханова) бежал и заперся на своей даче, укрепленной не хуже настоящей крепости. Он категорически отказался прибыть на чрезвычайное совместное заседание Политбюро, Совнаркома и Верховного Совета, так что участникам совещания совместно с руководством генерального штаба пришлось всем вместе ехать к нему на дачу в Кунцево. Здесь им пришлось убедиться в том, что их великий вождь оказался совершенно не в состоянии принять какое-либо решение как военного, так и политического характера. Прежде всего он решительно отказался принять на себя верховное командование Красной Армии, и это в ситуации, когда речь шла о жизни и смерти. Военное командование, таким образом, было возложено на Тимошенко. Сталин не решился даже сам выступить с обращением к собственному народу — эта неблагодарная миссия была поручена

Молотову. Когда же ему все-таки осмелились напомнить о его личной ответственности в случае катастрофического исхода, он в ответ обругал своих собеседников нецензурными словами и удалился во внутренние покои своего лабиринта. Даже Берин, как он рассказывал позднее, не удалось вывести Сталина из маниакального страха, уговорить его покинуть укрепленную дачу и принять бразды правления на главном командном пункте армии. Берия рассказывал, что «великий полководец» полностью потерял голову и присутствие духа и лишь повторял, что «все потеряно и он сдастся».

И в зарубежных советских представительствах проведение высшего военачальника Советского Союза вызвало немалое замешательство. Иван Майский, советский полпред в Лондоне, позднее так описывал эти дни в своих мемуарах: «Наступил второй день войны — из Москвы ни слова, потом пришел третий, четвертый день — снова ни слова. Ни Молотов, ни Сталин не подают признаков жизни. Тогда мне еще не было известно, что в момент нападения немцев Сталин заперся, никого не принимал и никак не участвовал в решении государственных дел». Любой другой за подобное уже давно был бы поставлен НКВД к стенке.

Здесь представляется уместным вопрос о том, был ли Сталин трусом. Борис Бажанов в своей книге *«Ich war Stalins Sekretär»* («Я был секретарем Сталина») подходит к этой теме так: «На этот вопрос нелегко дать простой ответ. В его жизни нет, пожалуй, ни одного примера личной храбрости. В том числе это относится и ко временам революции и гражданской войны, когда он всегда предпочитал командовать на безопасном расстоянии, не говоря уже о мирном времени». Действительно, в пресловутых «экспроприациях», в том числе и в знаменитом ограблении тифлиского банка, Сталин никогда лично и непосредственно не участвовал — он занимался исключительно организацией и планированием, и, скорее всего, именно поэтому не попал тогда в поле зрения тифлисской охраны.

Сегодня нам известно, что тот самый Сталин, который, не моргнув глазом и не испытав даже тени сочувствия, санкционировал миллионы смертных приговоров, отчаянно боялся смерти, боялся настолько, что в его присутствии было строго-настрого запрещено даже заводить разговоры на эту тему. Он был буквально одержим мыслью любой ценой отодвинуть момент своей смерти как можно дальше. Именно поэтому он необычайно щедро финансировал столь же таинственные, сколь и несерьезные эксперименты известного в то время профессора Богомольца, веря в то, что волшебная сыворотка поможет ему дожить до библейского возраста.

Своим поведением в начальный период войны Сталин создал о себе столь невыгодное впечатление, что некоторые генералы и маршалы начали критически задумываться об истинных военных талантах своего Верховного главнокомандующего, хотя открыто признаться в этом они решились только после его смерти, назвав его «дутым военным гением». При этом они указывали на тщеславие, хвастливость и бесхребетность Сталина, проявившиеся в последующие годы войны.

Как только события указали на близкий поворот военной удачи, Сталин сразу же начал разыгрывать перед своим народом героя. Хрущев, которому довелось быть непосредственным свидетелем жалкого поведения верховного главнокомандующего, позднее написал: «Я знал, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован страхом перед Гитлером, как кролик перед удавом... В первой половине войны, когда наши дела обстояли очень плохо, от меня не укрылось, что он не поставил свою подпись ни под одним документом, ни под одним приказом». Действительно, по свидетельству маршала Василевского, только в 1943 году, в период сражения на Курской дуге, он начал постепенно брать руководство военными действиями в свои руки. Приписываемый Сталину блестящий полководческий успех в Сталинградской битве, таким образом, не более, чем легенда. Как было сказано в

одной из статей, опубликованных в советской прессе, Сталин «лишь в ходе сражения на Курской дуге начал овладевать методами и формами вооруженной борьбы».

В 1949 году по случаю семидесятилетия Сталина Микоян писал: «Руководство товарища Сталина обеспечило нашему народу достижение величайших побед с наименьшими потерями», но такое восхваление «вождя» было двойной ложью. На самом же деле потери советского народа — двадцать миллионов убитых и такое же количество раненых — просто трудно себе представить. Размер этой чудовищной дани человеческими жизнями пришлось скрыть опять же во имя сохранения сталинского культа. Вторая ложь — выдающиеся достижения Сталина-полководца, роль которого в победе Красной Армии на деле была минимальной. В начале войны, когда положение на всех фронтах было катастрофическим, он проявил себя как паникер и в отчаянии и беспомощности морально уже капитулировал. В этот момент другим пришлось взять в свои руки дело удержания на плаву и стабилизации государственного корабля. Этими людьми были: маршал Жуков, принявший на себя верховное командование армией, Берия, командовавший войсками НКВД, и Маленков, возглавивший политический штаб. Сам Сталин лишь формально играл роль Верховного главнокомандующего.

Дочь Сталина Светлана позднее попыталась объяснить, что в это время творилось в душе ее отца: «Он не рассчитал или не предвидел, что пакт 1939 года, который он считал плодом своего коварства, будет нарушен еще более коварным противником. В этом заключалась истинная причина его подавленности в начальный период войны: в масштабе политического просчета».

Однако лишь одного этого недостаточно для того, чтобы объяснить страх, паническое настроение и гипертрофированные реакции Сталина на руководителей армии, НКВД и партии, ибо ни один психически нормальный человек на его месте так бы реагировать не стал. Для объяснения этого необходимо вновь обратиться к социальному

инфантилизму и крайнему нарциссизму Сталина, оказавших очень серьезное влияние на многие его поступки. Столь социально незрелые люди не в состоянии смириться даже с малейшей фрустрацией без явно неадекватных, гипертрофированных агрессивных реакций. Поэтому никто из окружения никогда не отважился отпустить в его адрес даже самую безобидную шутку. Анекдот про Сталина приравнивался к оскорблению величества. Его порог фрустрации уже в двадцатые годы был столь низок, что даже известнейший советский карикатурист Борис Ефимов, работавший в «Правде» и не пощадивший никого из членов политбюро, не исключая даже Ленина и Троцкого, ни разу не решился опубликовать карикатуру на Сталина. Наряду с низким порогом фрустрации для Сталина была характерна «мания нарциссической непогрешимости», не позволявшая ему примириться с собственным просчетом такого масштаба — подобные люди вообще неспособны признавать свои ошибки.

В душе Сталин безусловно должен был стыдиться трусливого и недостойного поведения в первые дни войны, благодаря которому он оказался в роли «высочайшего дезертира» и сильно уронил свой престиж в армии. Для того чтобы избежать необходимости признавать собственные провалы, он прибег к давно испытанному средству — спихнул вину за катастрофические поражения Красной Армии на других. Для этого произвольно были выбраны козлы отпущения из числа высших командиров Красной Армии, которые в НКВД под пытками «признали», что готовили заговор, направленный против Сталина, и совершили вредительские акты, повлекшие за собой поражения Красной Армии. Другой способ вытеснения собственной трусости из своего сознания заключался для него в гиперкомпенсации собственной слабости: любой отход советских войск, даже вызванный тактической необходимостью, тем более вынужденный плен, объявлялись проявлением трусости перед лицом врага. Подобная гиперкомпенсация привела к тому, что, получив известия о какой-либо военной неудаче

или о необходимом по тактическим соображениям отступлении, Сталин рассылал не стратегические и оперативные указания, а приказы о расправах. В таких случаях командующий, ответственный за это, подлежал на месте «как трус и предатель» передаче в руки НКВД для расправы. Как пишет генерал Волкогонов, перед лицом выбора между немецким пленом и сталинским судом многие генералы предпочли сами покончить с жизнью.

Столь же садистским был приказ Сталина расстреливать как дезертиров солдат и офицеров, попавших в плен к врагу, но затем сумевших снова пробиться к своим. Он не проявил сострадания даже к судьбе собственного сына Якова. В самом начале войны часть, в которой служил старший лейтенант Яков Джугашвили, вместе с целой армией попала в окружение. Яков попал в плен и очутился в концлагере Заксенхаузен. Яков не отличался устойчивой психикой и, как нам уже известно, на почве тяжело складывавшихся отношений с отцом в юности предпринял попытку самоубийства. Ясно, что плен стал для него невероятно трудным испытанием. Последний, уничтожающий удар он получил от собственного отца: этим ударом стал отказ Сталина принять предложение немцев об обмене Якова на генерал-фельдмаршала Паулюса. Сталин обосновал свой отказ тем, что для него пленение солдата равносильно проявлению трусости перед лицом врага. В отчаянии Яков бросился на колющую проволоку, через которую был пропущен сильный электрический ток. Смерть наступила не сразу, но очередь эсэсовского охранника Конрада Хафлиша положила конец его страданиям.

По столь же бесчеловечному приказу Сталина сотни тысяч советских военнопленных, чудом выживших в немецких концлагерях, были после окончания войны и возвращения на родину отправлены в лагеря НКВД с клеймом предателей и дезертиров. Судьба этих солдат, дважды пострадавших от войны, была столь же безразлична Сталину, сколь и колоссальные потери, ставшие ценой, уплаченной за выполнение приказов, многие из

которых были продиктованы только его упрямством. Стоя у карты в ставке, Сталин, как и Гитлер, не имел и не желал иметь никакого понятия о том, в каких условиях приходится сражаться солдатам, выполнявшим его нередко бессмысленные приказы.

После того, как в мае 1943 года агентство Рейтер разнесло по миру ошеломляющую весть о «ропуске Коммунистического Интернационала», Сталин, руководствуясь соображениями политического прагматизма, решил пересмотреть свои отношения с православной церковью, которая с 1925 года по его личной инициативе была лишена верховного главы. Этот шаг был продиктован вовсе не желанием отблагодарить церковь за занятую ею патристическую позицию во время Великой Отечественной войны», как это было истолковано народом, внешнеполитическими мотивами. Дело было в том, что на 28 ноября в Тегеране было назначено начало конференции, где Рузвельт и Черчилль впервые должны были встретиться со Сталиным, который полагал, что роспуск Коминтерна и реабилитация церкви создадут более благоприятные предпосылки для реализации его планов. Он также лично приложил все усилия к тому, чтобы в ходе конференции произвести на союзников благоприятное впечатление: он тщательно избегал всякой фамильярности, говорил только в обызвещающем тоне, пользовался тщательно продуманными реалистическими аргументами. В конечном итоге, даже начальник британского генштаба генерал Брук, поначалу весьма критически настроенный по отношению к Сталину, с удивлением вынужден был признать, что Сталин «всегда быстро и безошибочно улавливал все аспекты любой ситуации».

В результате Сталину удалось добиться не только масированной материальной помощи и твердого обещания союзников открыть в Европе второй фронт, столь необходимый Советам, но также договориться с ними о сотрудничестве во время и после завершения войны. В этом смысле важное значение имело создание «Европейской консультативной комиссии», которая 12 сентября

1944 года приняла так называемый «протокол о зонах», установивший границу между Восточной и Западной Германией, просуществовавшую до 1989 года. В этом протоколе было также предложено провести восточную границу Польши по линии Керзона.

Своим дипломатическим успехом в Тегеране Сталин был обязан умению использовать слабости партнеров и искусству скрывать от других собственные слабости и свои истинные планы. Благодаря этому искусству партнеры не смогли распознать его беспощадный и аморальный характер, его параноидальную личность, отягощенную манией величия и власти. Все же Черчилль не поддерживал некоторые советско-американские договоренности. Например, во время обеда в советском посольстве Сталин заявил, что «единственное средство окончательно разрушить военную мощь Германии он видит в ликвидации пятидесяти тысяч офицеров, составляющих ядро немецкой армии». Сын Рузвельта восторженно поддержал эту идею, но Черчилль в знак протеста покинул помещение. Когда же Сталин поспешил вслед за ним, стал его успокаивать и просить вернуться к столу, Черчилль тут же вновь уверился в доброту и любезности своего советского партнера, о котором, вспоминая позднее этот случай, написал: «Когда Сталин хотел, он мог казаться очень обаятельным, и я никогда не видел его столь симпатичным, как в этот момент».

Судя по всему, Черчилль все же не поверил, что предложение Сталина о ликвидации немецких офицеров было сделано «на полном серьезе» — до такой степени даже правительственные круги Запада пребывали в неведении об истинных масштабах сталинского террора, которым он, кстати, довел собственную армию почти до полной неспособности. Для поддержания полной секретности террора Сталин возвел на границах своего государства непроницаемый железный занавес, через который никакая информация и ни один документ не могли проникнуть на Запад. Ловкая пропаганда и идеологические штампы камуфлировали террористический режим и создавали

образ советского государства всеобщего благосостояния, оплота мира и социальной справедливости, в котором не было места террору и насилию.

Мы располагаем реалистическим описанием личности Сталина того времени, которое принадлежит перу Милована Джиласа, посетившего в 1944 году Москву в составе югославской делегации, членов которой Сталин принимал у себя на даче:

«Хозяин был воплощением скромности. На нем была маршальская форма... и никаких наград за исключением Золотой звезды Героя Советского Союза на левой стороне груди... Это был не тот величественный Сталин, знакомый нам по фотографиям и выпускам кинохроники, с медленными, деревянными жестами и походкой. Он ни секунды не сидел спокойно. Он играл своей трубкой, обводил синим карандашом слова, которыми были обозначены главные темы обсуждения, зачеркивал их косыми штрихами, когда обсуждение того или иного пункта было завершено, вертел головой и ерзал на стуле. Меня поразило еще одно обстоятельство: его маленький рост и незначительная внешность. Туловище было коротким и узким, руки и ноги казались чересчур длинными, левая рука и левое плечо были несколько скованы в движениях. У него был толстый живот. Волосы были редкими, но настоящей лысины не было. Лицо было белым, щеки имели красноватый оттенок. Позже я узнал, что такой цвет лица, типичный для людей, долго просиживающих в кабинетах, получил даже название «кремлевского». У него были черные, неровные зубы, обращенные несколько внутрь. Даже усы были редкими и не торчали. В нем была какая-то простонародная неотесанность, что-то от старого крестьянина и отца семейства, в его желтых глазах сквозила какая-то смесь строгости и лукавства... Реакция его была быстрой, остроумной и конструктивной. Он давал до конца высказаться всем выступающим, но было заметно, что долгие словоизлияния ему не нравятся».

Почитав эту выглядящую весьма объективной зарисовку, мы едва ли будем удивлены тем, что на следующей

конференции союзников, состоявшейся с 4 по 11 февраля 1945 году в Ялте, благодаря дипломатической ловкости, холодному расчету и феноменальной памяти Сталину вновь удалось добиться от своих западных партнеров по коалиции того, что ему было нужно. На эту конференцию, определившую будущее послевоенной Европы, собрались наиболее могущественные политики того времени: президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт в сопровождении личного врача, адмирала Мак-Интайра, премьер-министр сэр Уинстон Черчилль, в сопровождении личного врача, лорда Морана, и Сталин в сопровождении целой медицинской бригады во главе с его личным врачом доктором Владимиром Виноградовым. Эту картину концентрации высшей власти следует воспринимать, однако, с поправкой на то обстоятельство, что, по образному выражению Филиппа Ванденберга, «три человека, сидевшие под надзором и опекой своих личных врачей, торговались о дележе добычи, подобно трем одряхлевшим беззубым львам». В действительности состояние здоровья всех троих участников конференции было столь плачевным, что каждый из них имел серьезные основания сомневаться в способности его партнеров вообще вести переговоры. Черчилль позднее утверждал, что Рузвельт в отношении Сталина играл всего лишь роль статиста. Это не выглядит преувеличением, поскольку, согласно комментарию президента Американской врачебной палаты, говорилось: «За восемь месяцев до конференции Рузвельт перенес инфаркт... страдал от отека печени и одышки... Он стал вспыльчивым и очень нервничал, если ему приходилось долго концентрировать внимание на чем-то. Когда обсуждение касалось вопроса, требовавшего длительного размышления, он предпочитал сменить тему». Это подтверждает и запись из дневника доктора Морана, сделанная им 4 февраля 1945 года: «Раньше, если Рузвельт оказывался недостаточно знаком с какими-либо обсуждавшимися фактами, ему приходил на помощь его интеллект... То, что я здесь наблюдаю, заставляет меня усомниться в том, что он в состоянии справиться со своей миссией».

И Уинстон Черчилль был в Ялте лишь тенью прежнего Черчилля. Начиная с юных лет, с ним неоднократно случались периоды депрессивного состояния, которые он сам называл *Black Dog* («черный пес»). Во время войны этот его недуг обострился, и летом 1944 года он откровенно сказал своему личному врачу доктору Морану, что серьезно опасается совершить самоубийство. Сам доктор Моран, начиная с 1944 года, наблюдал у своего пациента явления выпадения сознания, что подтверждает запись в дневнике начальника британского генерального штаба генерала Алана Брука за 28 марта 1944 года: «Похоже, что он не в состоянии сосредоточиться даже на пару минут и все время уклоняется от темы». После трех воспалений легких, перенесенных в 1944 году, Черчилль был уже не тем, что прежде.

Столь подробный экскурс в состояние здоровья Рузвельта и Черчилля представляется необходимым для того, чтобы стали ясны причины, по которым оба западных партнера в феврале 1945 года оказались, по выражению доктора Морана, «в тени Сталина». Состояние здоровья Сталина также произвело на западных врачей неблагоприятное впечатление. Он выглядел утомленным, бледным и болезненным, хотя при всех официальных выходах не забывал надевать на лицо отеческую улыбку. Сталин был заядлым курильщиком и страдал гипертонией, с которой его врачи тщательно пытались бороться. Как и Ленин, он не очень высоко ценил отечественных врачей и относился к ним в основном с недоверием. Он несколько раз в год проходил терапевтическое обследование, но те лекарства, которые ему прописывали от высокого давления, складывал в ящик, предпочитая пользоваться йодными каплями — распространенным в России народным средством — и посещать сибирскую парную баню, которой он приписывал чудодейственные свойства.

Если же оценивать сравнительное состояние здоровья членов «Большой тройки», то Сталин по этому показателю значительно превосходил своих партнеров, и успехом на конференции обязан не только своему дипломатическому

Мать Сталина,
Екатерина Джугашвили,
девушка из простой семьи,
дочь крепостного.
Иосиф, родившийся
21 декабря 1879 года,
был ее четвертым
ребенком

Иосиф Джугашвили —
студент Тифлисской
духовной семинарии,
1894 год

Розыскная ориентировка на революционера
Иосифа Джугашвили, март 1908 года

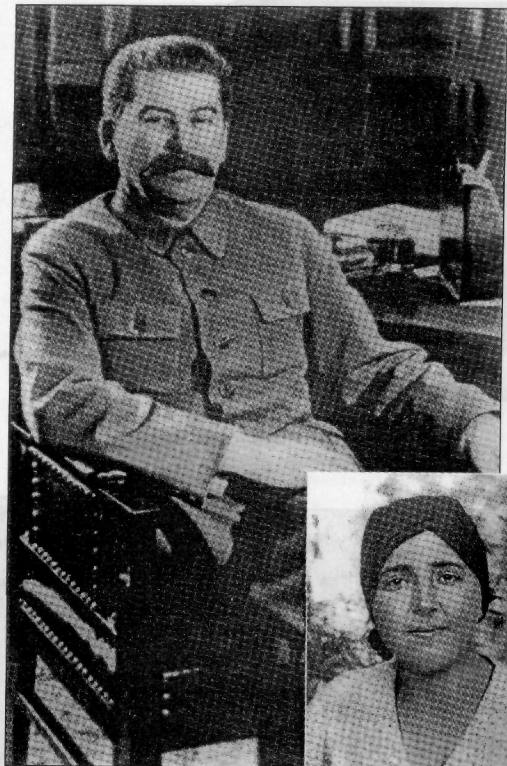
Екатерина Сванидзе,
первая жена Сталина.
Ее смерть в 1907 году
явилась тяжелым ударом
для молодого
революционера

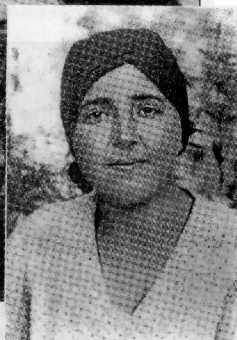
Сталин в сибирской ссылке

Иосиф Сталин — нарком
по делам
национальностей
и член политбюро, 1919 год

Преемник Ленина твердо сидит в седле:
Сталин в своем кабинете (конец двадцатых годов)
Надежда Аллилуева, вторая жена Сталина,
в 1932 году также стала жертвой его преступления

Сталин с дочерью Светланой, 1937 год.
В 1967 году Светлана Аллилуева бежала на Запад.

Сталин и член политбюро Ворошилов с женами,
1931 год.

Вверху слева:
Александр
Поскребышев
(1891—1965),
первый секретарь
Сталина

Вверху в центре:
Николай Ежов,
шеф НКВД
в 1936—1938
годах,
расстрелян
в 1940 году.

Вверху слева:
Лаврентий Берия
(1899—1953),
шеф НКВД
в 1938—1945
годах,
расстрелян
в 1953 году

Внизу слева: член политбюро Лазарь Каганович
с семьей. Прославился жестокостью и абсолютной
лояльностью Сталину

Внизу справа: Андрей Вышинский (1883—1954),
генеральный прокурор СССР в 1935—1939 годах,
был обвинителем на московских
показательных процессах

Яков Джугашвили, старший сын Сталина.
Расстрелян в концлагере Заксенхаузен
весной 1943 года.

На фотографии в момент взятия в плен на фронте

Василий Сталин,
сын от второго брака,
в форме офицера ВВС.
Умер в 1962 году
от алкоголизма.

Ленинградский
невропатолог
М. Бехтерев.
Заплатил жизнью
за постановку Сталину
диагноза «паранойя»

Тело Сталина, выставленное в гробу на Трубой площади в Москве

Профессор В. Н. Виноградов (справа) в кругу коллег, 1960 год. Находился под арестом в 1952-53 годах по «делу врачей». Ему посчастливилось остаться в живых.

искусству, но и в значительной степени плачевному состоянию партнеров по конференции. Даже американская пресса подвергла необъяснимую уступчивость и недостаточную настойчивость Рузвельта острой критике. Американский президент не смог даже осознать, что он натворил на переговорах. Это следует из заявления по поводу результатов Ялтинской конференции, сделанного им доктору Мак-Интайру: «Я достиг всего, чего хотел и совсем не дорогой ценой». Черчилль высказал куда более осторожную оценку, ибо, будучи опытным реальным политиком, понимал, что этот союз едва ли переживет войну, что подтвердило уже самое ближайшее будущее, когда стал вопрос о судьбе Польши. Для Сталина, одержавшего на этой конференции бесспорную победу и являвшего собой воплощение советской империи, Ялта стала высшей точкой триумфа — теперь он, наконец, взгромоздился на то место в книге Истории, которое долгие годы было предметом его маниакальных мечтаний.

В феврале 1945 года, сразу же по возвращении из Ялты в Москву, Сталин начал жаловаться на головную боль, тошноту, позывы к рвоте и легкое головокружение. Через несколько дней он ощутил сильную боль в области сердца и жаловался, что ощущает, будто его грудная клетка стягивается железной лентой. Немедленно вызванный крупный кардиолог профессор Мясников при осмотре вначале не обнаружил ясных клинических признаков какого-либо заболевания. Однако явные симптомы стенокардии и внезапное падение кровяного давления у пациента, хронически страдавшего гипертонией, заставляли заподозрить инфаркт, что в конце концов и было подтверждено электрокардиограммой. Анализ электрокардиограммы показывает наличие локального инфаркта верхушки сердца. Естественно, что кремлевским врачам было приказано держать эту информацию в строжайшем секрете и не давать просочиться ни малейшей подробности за стены Кремля, а тем более, на Запад. Аналогичные меры секретности сопровождали и повторный

локальный инфаркт, случившийся спустя несколько недель в конце апреля 1945 года.

В таком состоянии Сталин 9 мая 1945 года с нескрываемым удовлетворением принял протокол церемонии капитуляции гитлеровской Германии, порядок проведения которой был установлен на Ялтинской конференции. Присвоение звания генералиссимуса, победоносно завершившего Великую Отечественную войну, символизировало кульминацию культа Сталина в Советском Союзе. Теперь он был законным наследником не только Ленина, но и русских царей — Ивана Грозного и Петра Великого в одном лице, как выразился генерал де Голль. Чтобы стать достойным этой символической роли, Сталин совершил торжественный акт примирения с православной церковью, официально объявив ее государственной.

Встреча «Большой тройки» 17 июля — 2 августа 1945 года на Потсдамской конференции, которой суждено было стать последней встречей союзников на высшем уровне, должна была установиться порядок демонтажа и выплаты репараций побежденной Германией, а также порядок работы «Контрольного совета» союзников в Берлине. Вместо недавно умершего Рузвельта в конференции участвовал президент Гарри Трумэн, не имевший практически никакого опыта во внешней политике, который появился на конференции одетым в элегантный полосатый двубортный костюм. Черчилль, прибывший в светлом парадном мундире с тремя рядами орденских планок над левым карманом, по сравнению с Ялтой, настолько сдал, что, по выражению доктора Морана, «уже не располагал энергией, достаточной для того, чтобы использовать свои шансы». И действительно, только подключение к переговорам преемника Черчилля, лейбориста Эттли, прибывшего в Потсдам 29 июля, позволило ему отстоять интересы Великобритании. Третий в этой компании, Сталин, появлялся на переговорах в белом парадном кителе с золотыми погонами и в темно-синих брюках с двойными лампами. Он единственный из всех участников опоздал на

один день. Сегодня известно, что за несколько дней до этого он перенес третий инфаркт. Он, естественно, стремился скрыть это от партнеров. Однако от присутствовавших на конференции не укрылась его неуверенная походка и бледность. Трумэну при встрече Сталин сказал: «Прошу простить за то, что опоздал на день, меня задержали переговоры с китайцами. Я хотел лететь самолетом, но врачи категорически запретили» — и выразительно указал на сердце. Несмотря на недавно перенесенный инфаркт, Сталин проявил завидную боеспособность, о чем свидетельствует унылая запись в дневнике доктора Морана: «Нам нечего было противопоставить настойчивости и упорству Сталина». Все это нашло свое отражение в устройстве послевоенной Европы, которое соответствовало «Потсдамской декларации» от 2 августа 1945 года.

Плоды этой победы укрепили веру Сталина в собственную непогрешимость, интеллектуальное превосходство, непобедимость и мессианское предназначение, цель которого — построение социализма как будущего советского народа. Но и для большинства советского народа Сталин был мессией и земным божеством, спасшим их от гитлеровского рабства и дававшим надежду на более счастливую, свободную жизнь без террора и лишений.

Послевоенный сталинский порядок

Эта надежда оказалась миражом, что стало ясно уже в самое ближайшее время. В речи, произнесенной в феврале 1946 года, Сталин недвусмысленно дал своему народу понять, что в обозримом будущем ни в политической жизни, ни в экономической структуре страны ничего не изменится. Сталин утверждал, что, несмотря на победоносно завершённую войну, стране по-прежнему угрожают капитализм и империализм, а существование коллективного сельского хозяйства и развитие тяжелой, в первую очередь оборонной, промышленности является залогом преращения Советского Союза в державу, доминирующую

в мире, способную не только успешно противостоять США, но и в перспективе превзойти их.

При таких перспективах каждому советскому гражданину должно было быть ясно, что будущее не сулит никакой надежды на послабления, и от него в этом будущем потребуются еще более тяжкий труд. К этому добавилось и то, что в первые послевоенные годы и без того почти катастрофические условия жизни стремительно ухудшались, впереди вновь маячил призрак нового массового голода. Волкогонов опубликовал страшные документы того времени, рисующие убийственную картину невыносимых условий существования, в которых тогда жили многие люди. Эти документы по приказу Сталина подлежали уничтожению, но случайно уцелели. Вот одно из сообщений: «В Читинской области поедались трупы животных и древесная кора. Отчаявшаяся мать семерых детей, тело которой опухло от голода, убила младшую дочь полутора лет и использовала ее в пищу, чтобы спасти остальных детей. Ее имя — А. Демиденко». Сталина не волновали эти сообщения о голоде в различных районах Советского Союза, и по его приказу было запрещено публиковать их в печати и тем более передавать по радио, даже в самой мягкой форме. Согласно приказу, эти сообщения были в основном уничтожены. Сталин же именно в первые послевоенные годы прилагал большие усилия для того, чтобы создать перед заграницей видимость безмятежного внутреннего мира и социального счастья в Советском Союзе.

Как ни странно, некоторые иностранные делегации, которым предлагалось даже посетить «якобы существующие» исправительно-трудовые лагеря, оказались достаточно глупыми и наивными для того, чтобы попасть на эту удочку. Об этом свидетельствует посещение одного из женских лагерей британской делегацией. О визите было, естественно, известно заранее, и из лагеря первым делом убрали 70 процентов заключенных, находившихся в плохом физическом состоянии. Лагерь был вычищен и обогорожен в соответствии с западными представлениями. С

оставшимися заключенными провели инструктаж, на котором доходчиво объяснили, что они должны вести себя как «политически сознательные» граждане, которые лишь временно и добровольно поселились в этом лагере-коммуне. Насколько успешным был этот обман, показывает наивная запись, сделанная делегацией английских женщин в книгу посетителей лагеря: «На нас большое впечатление произвела та прямота, с которой к нам подходили люди. Везде чистота. Мы верим, что этот ценный эксперимент окажется успешным».

Сталин умел прятать от заграницы и другие жестокие репрессии и кампании насилия, которые приносили несчастье и страдание миллионам людей и вызваны были только его патологическим страхом за собственную власть и собственную жизнь. Руководимый идеями, главными из которых были преследование и убийство, он увидел в полутора миллионах людей, возвращенных им после войны из Германии и из европейских стран, оккупированных западными державами, полчища врагов, которые могли быть виновны в сотрудничестве с немцами. Даже сам факт соприкосновения этих людей с западным образом мыслей был достаточен для того, чтобы заподозрить в них «врагов народа», которые думали только лишь о том, как бы начать на родине подрывную деятельность с целью разрушения основ созданных им структур власти. Так многострадальный русский народ постигла еще одна трагедия: лишь одной пятой людей, возвращенных с запада, разрешили вернуться в свои семьи, пятая часть была приговорена к смерти или двадцати пяти годам лагерей, остальные получили до десяти лет ссылки в Сибирь, где должны были влачить остаток жизни в качестве рабов. Значительная часть их погибла.

После войны для Сталина особенно важно было не допустить, чтобы заслуги других советских военачальников затмили незаслуженную «воинскую славу» генералиссимуса. Еще достаточно свежи были у него воспоминания о провале и трусости в первый период войны.

Его нечистую совесть больше всего беспокоил ставший очень популярным в народе маршал Георгий Жуков, бывший во время войны заместителем Верховного главнокомандующего, а в то время, о котором мы сейчас рассказываем, — командующим советскими войсками в Германии. Ревность и недоверие Сталина к Жукову постоянно усиливались. Чтобы убрать Жукова подальше от восхищенных взглядов советского народа и мировой общественности, Сталин переместил его на второстепенную должность в Одессу. Здесь он находился далеко от Москвы и не затенял блеска генералиссимуса. На этой должности Жуков оставался до самой смерти Сталина. Так же он обошелся и с другими крупными военачальниками, которые могли умалить его славу полководца.

Он вообще придерживался того мнения, что в специфических условиях, сложившихся в первые послевоенные годы, когда идеологический авторитет несколько ослаб, требуется повышенная дисциплина и жесткость руководства до тех пор, пока партия, обескровленная чистками, не восстановит свои силы и не займет подобающее ей руководящее положение в обществе. Наиболее подходящим человеком, способным безупречно осуществить такую смену курса, Сталин считал Андрея Жданова. Началась ненавистная эра «ждановщины», продолжавшаяся с 1946 по 1948 год. Как и раньше, все рычаги управления держал в своих руках Сталин, новый же исполнитель, Жданов, подобно Ягоде или Ежову, принимал на себя лишь ответственность за содеянное.

Поскольку от Сталина не укрылось, что со времени окончания войны в среде интеллигенции зрело стремление к изменениям в советском обществе, стремление, нашедшее свое выражение прежде всего в литературе в виде «отхода от классических принципов», вспыхнувшая в Советском Союзе «охота на ведьм» была направлена теперь преимущественно против этого «опасного» слоя общества. В соответствии с зарекомендовавшим себя рецептом быстро удавалось путем «допросов» разоблачить неугодных или про-

являющих недостаточную собачью преданность высших функционеров из политбюро или Центрального Комитета как «перерожденцев» или «сторонников враждебных антипартийных группировок» и «угговорить их сделать чисто-сердечные покаянные признания». В ходе этой новой сталинской кампании насилия, жертвами которой пали многие родственники обвиняемых, для вынесения приговора достаточно было самых смехотворных обвинений. Так, например, для расправы с такими высокопоставленными функционерами, как Николай Вознесенский, достаточно оказалось того, что он осмелился «независимо» мыслить и недостаточно прославлял Сталина по различным поводам. Книжки Вознесенского были уничтожены, а сам он впоследствии казнен. Сталин, как и прежде, руководствовался им же самым сформулированным призывом: «Мы будем уничтожать любого врага, даже если это будет старый большевик. Мы уничтожим весь его род, его семью. Всякого, кто своими действиями и мыслями, да, даже мыслями посягнет на единство социалистического государства, мы безжалостно уничтожим».

И эта волна преследований была порождена навязчивой бредовой идеей Сталина о том, что его повсюду окружают потенциальные враги. Эта идея проявлялась у него во все более патологических формах. Хотя в действительности на него не было совершено ни одного покушения, он жил в постоянном страхе, полагая, что большинство советских граждан только и думают о том, как бы его свергнуть или убить. Может быть, несмотря на полный аморализм, беспримерное отсутствие совести и мессианскую убежденность в том, что он стоит над законами и может делать с людьми все, что ему заблагорассудится, его все же начинали тяготить воспоминания о собственных злодеяниях, и он ощущал страх, что его в конце концов достигнет проклятие двадцати миллионов сограждан — в такое число жертв обошелся массовый террор, не считая потерь военных лет. Невольно вспоминаются эсхиловы «Эвмениды», где изображены богини мести эринии,

погружающие злодея в безумие и путающие его чувства, взирающие на него налитыми кровью глазами, день и ночь преследующие его, подобно гонимому зверю. Даже постоянная бдительнейшая охрана его персоны чекистами — специально обученными телохранителями — не давала ему ощущения истинной безопасности, из-за чего он пришел к абсурдной мысли найти себе «двойника», который, заменяя его в определенных случаях, самым надежным образом защитил бы его от возможного покушения.

Кажущаяся на первый взгляд дикой история «бутафорского Сталина» уже давно была известна западным спецслужбам, но в России ее подтвердили только в 1990 году. Журнал «Советская молодежь» тщательно собрал все доступные данные и факты на эту тему, и в его январском номере перед читателями предстал собственной персоной двойник Сталина в лице бухгалтера, еврея по фамилии Любичский. Внешне Любичский практически не отличался от Сталина, а после обучения присущим ему особенностям, движениям и формам общения стал настолько не отличим от него, что даже членам правительства на почетной трибуне на Красной площади было чрезвычайно сложно заметить различие. По неизвестным причинам, которые, по всей видимости, опять же коренились в параноидальных идеях Сталина, Любичский был в 1952 году арестован и заключен в один из сибирских лагерей, откуда вышел только после смерти диктатора. Согласно Ванденбергу, у Любичского взяли подписку о том, что он будет хранить свою деликатную роль двойника Сталина в строгом секрете. Поэтому он решился рассказать всю правду лишь незадолго до смерти.

Начиная с 1947 года, Сталин начал заметно стареть. Милован Джилас, встречавшийся с ним во время своего визита в Москву, также обратил на это внимание, однако заметил при этом: «Но в одном это был прежний Сталин: он был упрям, резок и недоверчив к тем, чье мнение отличалось от его собственного». И другие люди, встречавшиеся с ним в эти годы, указывали на то, что он

казался одряхлевшим, и походка его стала неуверенной. Общее состояние его здоровья ухудшилось, но его дочь Светлана особо выделяла то обстоятельство, что и состояние психики отца вызывало беспокойство. Врачи, приближавшиеся к нему не без страха, полагали, что причиной упадка его интеллектуальных сил является прогрессирующий склероз сосудов мозга.

Явным указанием на то, что с его мыслительным механизмом происходят тревожные изменения, явилось, наряду с прочим, его странное отношение к науке. Он всегда питал пристрастие к народной медицине и знахарству, теперь же он чувствовал себя заложником медицины научной и выказывал ее представителям все большее недоверие и растущую враждебность. С присущей ему садистской склонностью унижать других людей или ставить их в неловкое положение он с удовольствием вжился в роль, которая позволяла ему обливать грязью настоящих ученых и публично осыпать милостями сомнительных шарлатанов.

Одним из гротескных примеров этого является большее доверие, оказанное агроному Трофиму Лысенко. Этот фантазер считал, что изобрел революционную теорию, согласно которой приобретенные свойства человеческого характера передаются по наследству, что диаметрально противоречит классической теории наследственности. В начале тридцатых годов Лысенко сумел увлечь совершенно некомпетентного в этой области Сталина своей идеей, ссылаясь на то, что его теория представляет собой материалистическую, «пролетарскую агробологию», направленную против теории наследственности Менделя, проникнутой отсталыми буржуазными представлениями. На Сталина это произвело такое впечатление, что он сделал Лысенко депутатом Верховного Совета, присудил ему Сталинскую премию и назначил его президентом Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Известный генетик Н. И. Вавилов, исполнявший до 1935 года обязанности президента Академии, был, несмотря на свой высокий авторитет в научных кругах, исключен из Академии и в

конце концов в 1940 году оказался вместе с группой своих сотрудников в тюрьме за саботаж нового учения о «наследственной передаче приобретенных признаков». В июле 1941 года по сфабрикованному обвинению в «правом заговоре и шпионаже» Вавилов был приговорен к смерти и умер в январе 1943 года от последствий дистрофии.

Еще одну провокационную пощечину науке Сталин нанес, поддержав сомнительного профессора Александра Богомольца. Богомолец утверждал, что изобрел средство, способное победить старость, которое позволит всем людям жить в будущем до ста сорока лет. Богомольцу выделялись фантастические деньги на эксперименты с таинственным эликсиром, который он якобы добывал из костного мозга животных. Сталин лично пользовался сывороткой Богомольца, надеясь дожить до библейского возраста, и считал его величайшим русским ученым после Ивана Павлова, получившего в 1904 году Нобелевскую премию и с тех пор почитавшегося в России божеством. Однако после того, как этот «славянский Фауст» умер в возрасте всего лишь шестидесяти пяти лет, сага о Богомольце лопнула. Лишь в душе Сталина она продолжала жить.

Хрущев так писал о стареющем «вожде»: «Наряду с растущим недоверием у него стали проявляться другие старческие симптомы, например, провалы памяти или растущая склонность связывать последние события с воспоминаниями детства». Булганин вспоминал: «Все чаще мешали ему провалы памяти и забывчивость, которые обычно приводили его в ярость».

После юбилейных торжеств по случаю его 70-летия в декабре 1949 года общее состояние здоровья Сталина заметно ухудшилось. При этом основные неприятности ему доставляло постоянно высокое давление крови. Однажды, в середине этого месяца, вечером, собираясь уехать на дачу, Сталин почувствовал сильное головокружение, после чего на короткое время потерял сознание. «Оруженосец» Покребышев помог ему встать и, поддерживая его на ногах, предложил немедленно вызвать медицинскую

помощь из кремлевской больницы, от чего Сталин резко и решительно отказался. Он спокойно посылал некоторое время, вышел чаю и сказал, что головокружение постепенно проходит и остается лишь тупая боль в затылке. Отказ от медицинской помощи вполне согласуется со всевозраставшим в последнее время недоверием Сталина к врачам. Из-за этого недоверия он следовал медицинским рекомендациям только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо. На медицинские обследования он соглашался только в крайних случаях, как, например, после перенесенного инфаркта перед поездкой на Потсдамскую конференцию. Но и в этих случаях Сталин избегал кремлевской больницы, оснащенной самым современным оборудованием, и предпочитал собственный госпиталь на Минском шоссе в Филиях.

Навязчивый страх, постепенно выросший до масштабов клинической картины мании преследования, самым страшным образом проявил себя в последующий период. Никто, даже самые близкие люди не были теперь застрахованы от подозрений Сталина, повсюду ему мерещились подстерегающие его террористы. Страх смерти принял у него неопишуемые формы. Дочь Светлана так описывает состояние Сталина в то время: «Он забыл все человеческие связи. Его страх в последние годы превратился в настоящую манию преследования. Крепкие нервы в конце концов начали отказывать. Но его мания не была плодом больной фантазии: он знал, что его ненавидят, и знал за что». Будто под влиянием одержимости он устремлял свою ярость практически против всего — цензура постоянно ужесточалась, все научные и технические контакты с Западом были под строгим наказанием запрещены под смехотворным предлогом, что передовому Советскому Союзу нечему учиться у загнивающего Запада. Академик Быков неожиданно оказался в роли прокурора, призванного «разобраться» с и без того запуганными учеными. Исполненный служебного рвения, Быков конвейерным методом регистрировал оплошности, единолично судил и выносил приговоры. Даже

самые прославленные головы советской науки не были застрахованы от извергаемых им молний.

На это же время (1948–1950 годы) приходится начало антисемитской кампании Сталина, вскоре вылившейся в систематические преследования евреев. Цель этой кампании состояла в «устранении» казавшихся ему опасными «сионистских агентов американского империализма». После процесса над Соломоном Лозовским, председателем «Еврейского антифашистского комитета», после которого были казнены сам Лозовский и бывшие заместители министра иностранных дел, а жена Молотова Полина заключена в среднеазиатский лагерь, из которого вышла только после смерти Сталина, ему стали повсюду мерещиться сионистские заговорщики. Это распространялось на любого еврея, даже если этот еврей был членом партии, это распространялось на партийных функционеров, женатых на еврейках или имевших еврейских предков в третьем колене.

Генеалогические изыскания на верхнем этаже политического истребления показали, что из одиннадцати членов политбюро Каганович был евреем, Берия — полуевреем, а у пятерых товарищей — Молотова, Ворошилова, Маленкова, Андреева и Хрущева были евреи в родне! Судьбе было угодно, чтобы при предъявлении родословных сотрудников Сталина выявились «подрывные еврейские элементы», с которыми они состояли в родстве. Однако даже это не помешало Сталину связать со сфабрикованным «еврейским делом» жен Молотова и Андреева, а также вдову Калинина, и добиться от них под пытками «чистосердечных признаний» в том, что Еврейский антифашистский комитет на самом деле намеревался устранить сталинскую систему по заданию американских спецслужб.

В арсенале этого садиста, умевшего столь мастерски исполнять свои роли под лицемерными масками, существовал один особо жестокий метод проверки своих ближайших сотрудников на непоколебимую и безоговорочную верность. Этот метод состоял в том, что жен

или ближайших родственников этих людей арестовывали, ссылали или расстреливали, а затем Сталин бдительным взглядом оценивал реакции своих приближенных. Трудно себе представить, что Молотов, жена которого надолго оказалась в ГУЛАГе, или Поскребышев, десятилетиями возглавлявший личную службу безопасности Сталина, жена которого после трехлетнего заключения была расстреляна, сохранили рабскую преданность Сталину и ничем не дали понять своему окружению о трагедиях, постигших их семьи.

Конец всевластия Сталина

Трусливый, как и все тираны, Сталин, опасаясь подосланных убийц, в конце концов потерял доверие и к самым верным своим стражам Власику и Поскребышеву. Когда и эти люди были арестованы, он сам лишил себя последнего и важнейшего колыба обороны — генерал Власик со своими чекистами отвечал за охрану Сталина, а генерал Поскребышев, его личный секретарь и ближайший поверенный, столь же жестокий, как и хозяин, был посвящен во все тайные интриги. Отстранив этих людей, без разрешения которых к нему не мог попасть никто, даже члены политбюро, Сталин разрушил свою самую надежную и совершенную систему безопасности. Дело в том, что генералу Поскребышеву подчинялся так называемый «спецотдел», в функции которого входила не столько охрана руководящих деятелей партии и государства, сколько защита Сталина от возможных заговоров. Начальник «спецотдела» был одновременно и начальником над целым воинством тайных шпионов, «партийных информаторов», что позволяло Сталину всегда знать каждый шаг каждого партийного функционера в любом уголке страны. Эта политическая полиция была главным гарантом его личной безопасности. Сталин, безусловно, прекрасно это понимал, и не исключено, что прав Авторханов, предполагая, что, убивая Власика и Поскребышева, Сталин исполнял чужую волю, возможно волю Берии.

Что же касается многоопытных членов политбюро, то они достаточно хорошо знали своего «вождя», чтобы усмотреть в удалении верных стражей звено некоего обширного стратегического плана. В «секретном докладе» на XX съезде партии Хрущев заявил открытым текстом: «Судя по всему, Сталин решил отделаться от старых членов политбюро. Он часто заявлял, что членов политбюро следует заменить... и следует предполагать, что он планировал уничтожение старых членов политбюро». Это подозрение подтвердило массированное вмешательство Сталина в ход двух политических процессов за рубежом — в Польше и Чехословакии, в ходе которых выяснилось, насколько сильно влияние Берии на умы зарубежных партийных руководителей. Это сразу же возбудило у Сталина подозрения в существовании очередного заговора. Сталин дал указание включить в тексты «чистосердечных признаний» обвиняемых фрагменты, дискредитирующие Берию. Однако через пражскую и варшавскую агентуру НКВД Берия своевременно во всех подробностях узнал о том, что против него замышляется. Теперь и Берии, и очень тесно связанному с ним Маленкову стало ясно, что выжить им позволят только самые решительные действия на пленуме ЦК, который должен был состояться сразу же после окончания XIX съезда партии, назначенного на октябрь 1952 года.

И действительно, на этом пленуме они не дали пройти предложению Сталина об отзыве шести членов старого политбюро — это явилось «первым в истории поражением Сталина в партии». Совершенно ошеломленный Сталин поставил теперь все на одну карту: будучи уверенным, что его верные соратники никогда не согласятся с тем, чтобы он оставил пост всемогущего генсека, Сталин предложил пленуму освободить себя от этой должности. И тут произошло то, чего он не опасался даже в самом страшном своем сне: пленум без прений проголосовал за его отставку. Так свершилось второе и куда более унижающее историческое поражение Сталина.

Дочь Сталина Светлана так писала об этих знаменательных событиях октября 1952 года: «То, что он после XIX съезда партии дважды подавал в отставку, связано, скорее всего, с его болезнью». Действительно, к этому времени атеросклероз сосудов мозга зашел довольно далеко, проявлениями чего были галлюцинации и расстройство речи. По-видимому, именно по этой причине он лишь дважды очень коротко выступил на съезде — при открытии съезда и на заключительном его заседании. Но даже после десятиминутного выступления всем делегатам стало ясно, что его речь затруднена и бессильна. Дочь Сталина, которая была непосредственным свидетелем распада его личности в это время, естественно, посчитала просьбы Сталина об отставке последствием болезни. Однако принятие пленумом отставки Сталина даже она восприняла как унижение и не решилась смириться с этим фактом, написав в своих воспоминаниях, что это предложение ее отца было «единогласно отвергнуто, как немислимое». Правда, затем она добавила: «А хотел ли он действительно уйти в отставку?»

Сегодня нам достоверно известно, что на этом съезде Сталин оставил пост генерального секретаря по собственной просьбе. В этом можно убедиться, обратившись к *Советскому энциклопедическому словарю*, издание 1955 года, или к справочному указателю к Полному собранию сочинений Ленина, где в статье «Сталин» написано следующее: «С 1922 по 1952 год Генеральный секретарь Центрального Комитета партии, далее до конца жизни секретарь ЦК». Таким образом, в октябре 1952 года Сталин стал одним из десяти секретарей ЦК, а прежние его функции принял на себя Маленков, но теперь уже эта должность назвалась не Генеральный, а Первый секретарь Центрального Комитета.

В этом году Сталин впервые не уехал в отпуск на юг, как это всегда бывало раньше, — для этого он был слишком занят своим поражением и мыслями о заговоре, который мог за этим стоять. Недоверие, в прямом смысле слова

разъедавшее его, все более явно обращалось против врачей, в которых ему мерещились заговорщики и нанятые иностранными агентами убийцы. Одной из первых жертв этого бреда стала Лина Штерн, известный психолог, чьи исследования гематоэнцефалического барьера в человеческом мозге послужили началом нового научного направления. За якобы имевшее место цитирование иностранных авторов в своих работах и (о ужас!) переписку с иностранными коллегами она в 1949 года была приговорена к пяти годам одиночного заключения на хлебе и воде. Кульминацией этой кампании стало сфабрикованное осенью 1952 года «раскрытие» так называемого заговора врачей. Толчком к нему послужил донос сексота Берин, радиолога кремлевской больницы Лидии Тимашук, «за помощь правительству в разоблачении врачей-вредителей награжденной орденом Ленина». Появившиеся 18 января 1953 года публикации об этом «подвиге» послужили для коллег по кремлевской больнице стимулом к новым доносам. Прославленная «героиня» Тимашук, правда, наступала только на академика Владимира Виноградова, но Сталину, имевшему за плечами опыт успешной фабрикации «заговора врачей» эпохи третьего московского показательного процесса, было несложно тут же состряпать дело о группе «врачей-вредителей». Убеденный в том, что разоблаченная «вредительская деятельность» врачей соответствует общей тенденции, он писал: «Истории уже известны случаи, когда подлые убийцы орудовали под личиной врачей — подобно врачам Левину и Плетневу, которые по заданию врагов СССР умертвили великого русского писателя Максима Горького и выдающихся политических деятелей Советского государства Куйбышева и Менжинского».

Основываясь на «добровольных признаниях» арестованных врачей, которые якобы сознались в содеянных злодеяниях и в связях с зарубежными работодателями, «Хроника ТАСС» 13 января 1953 года писала о новом успехе советской госбезопасности, которой удалось «обезвредить террористическую группу, ставившую своей целью

сокращение жизни активных политических деятелей Советского Союза путем их неправильного лечения». Далее из этой статьи становится ясно, что под группой «подлых шпионов и убийц в лице профессоров медицины» следует понимать евреев М.С. Вовси, Б.Б. Когана, А.И. Фельдмана, А.М. Гринштейна, Г. Е. Етингера и Г. И. Майорова, завербованных американской разведкой и принадлежавших к «международной еврейской буржуазно-националистической организации Джойнт». Академик В.И. Винogradов и профессор П.И. Егоров, которые не были евреями, сознались, согласно ТАСС, в том, что действовали по заданию английской разведки. Все обвиняемые работали в кремлевской больнице и были личными врачами членов политбюро, министров и высших офицеров госбезопасности. Кроме планируемых убийств нескольких генералов, обвиняемые «сознались» в том, что умертвили секретарей ЦК Жданова и Щербакова, которые, как нам теперь достоверно известно, страдали хроническими заболеваниями сердца — Щербаков, во всяком случае, умер совершенно точно от инфаркта.

Хотя планируемый процесс над врачами должен был проходить по правилам, установленным Сталиным, он лицемерно выразил сомнения в неблаговидной деятельности своих придворных врачей, чем, по-видимому, стремился отвести от себя всякие подозрения в причастности к этой гнусной акции. В этом смысле следует понимать переданный в воспоминаниях Светланы Аллилуевой рассказ экономки Сталина Валентины Васильевой, которая много лет проработала у Сталина и была очень ему предана: «Процесс врачей проходил в последнюю зиму его жизни. Валентина позднее рассказала мне, что тот поворот, который приняло дело, очень огорчил отца. Прислуживая за столом, она услышала об этом. Отец сказал, что не верит в «нечестность» этих врачей, что такого не может быть... Как всегда в таких случаях, все присутствующие молчали в тряпочку». Сама Светлана не поверила в правдивость этой трогательной сцены, ибо знала, что Валентина всегда была

готова защищать ее отца. И, ставя под сомнение правдивость услышанного, она пишет: «Тем не менее к тому, что она говорила, следовало прислушаться, ведь последние 18 лет она провела в доме отца, а же была далеко».

«Заговор» был с самого начала изобретением Сталина, и только его одного. Об этом рассказал Хрущев на XX съезде партии в 1956 году: «Позвольте мне остановиться на деле о заговоре врачей... В принципе такого дела вовсе не существовало, если не считать заявления врача Тимашук, которой кто-то подсказал или приказал написать письмо Сталину — в конце концов, она была секретным сотрудником органов госбезопасности. Вскоре после ареста врачей мы, члены политбюро, получили протоколы с признаниями ими своей вины... Дело при этом было представлено так, что факты, на которых основывалось следствие, проверить не мог никто... Когда же после смерти Сталина мы расследовали это «дело», то установили, что оно от начала и до конца было высосано из пальца. Это позорное дело было сконструировано Сталиным, но у него уже не оставалось времени довести его до конца — до того конца, который имел в виду он».

Сегодня известно, что Сталин требовал быстро провести процесс и уже заранее определил способ казни, а именно: не расстрел, а повешение. Хрущев сообщил, что Сталин приказал надеть на своего личного врача Виноградова наручники и добиться «добровольных признаний у врачей-вредителей» при помощи пыток и избиений. Тогдашнему министру госбезопасности товарищу Игнатьеву Сталин сказал дословно следующее: «Если Вы не добьетесь у врачей признаний, то мы Вас укоротим на голову». Также и Лаврентий Берия, будучи уже сам обвиняемым, показал на допросе, что врачи были арестованы по незаконным мотивам и по ложным обвинениям, а их признания были добыты незаконными методами. Жертвы были обречены на неминуемую смерть, от которой их, к счастью, в последний момент спасла своевременно последовавшая смерть самого Сталина. Однако когда эти «убийцы в

белых халатах», эти «палачи человеческого общества» были освобождены из Лефортовской тюрьмы, двое из них уже погибли от последствий инквизиторских пыток.

После публикации 13 января 1953 года статьи Сталина «Об аресте «кремлевских врачей-террористов» все ждали начала всеобщей «бурной, всеохватной и беспощадной» чистки. Против каких «врагов народа» будет направлен план его мести, недумсленно наметнул сам Сталин: «Некоторые наши советские органы и их руководители утратили бдительность и заражены невнимательностью. Органы госбезопасности не сумели вовремя вскрыть вредительскую, террористическую организацию среди врачей». Кого он имел в виду, ясно из угрожающей концовки этой статьи: «Советский народ с гневом и возмущением клеймит позором преступную банду убийц и их заграничных хозяев. Он раздвигает презренных наймитов, продавшихся за доллары и фунты стерлингов, как отвратительную гадину. Что же касается вдохновителей этих подлых убийц, то они могут быть уверены, и мы заверяем их в этом со всей серьезностью, что их также постигнет возмездие».

В ЦК «группе четырех», к которой принадлежали Берия, Маленков, Булганин и Хрущев, в действительности державшей в своих руках власть после XIX съезда, слыхом хорошо был известен этот сталинский язык, чтобы не понять, против кого лично направлены эти стрелы. Они точно знали, что, если власть Сталина не будет своевременно сломлена, то дни их сочтены. Подробности этого переворота до сих пор еще известны не полностью. Известно лишь, что Берия и его коллеги предъявляли Сталину ультиматум, в котором потребовали не только освобождения ни в чем не повинных врачей, но и отставки Сталина со всех постов. Пойти на столь рискованный шаг они решились только потому, что к этому моменту им, скорее всего, при содействии главаря заговора Берия удалось побудить Сталина арестовать генерал-майора Власика и генерал-лейтенанта Поскребышева и таким образом разрушить «непреодолимое ранее внутреннее кольцо» вождя. Не исключено,

что в этот план входил и арест кремлевских врачей, ибо таким образом Сталин сам перекрыл для себя возможность быстрой врачебной помощи. Если верить сотруднику Коминтерна Францу Боркенау, то арест и профессора Виноградова, и начальника лечсанупра Кремля профессора Егорова произошел по инициативе Берии и с ведома и согласия Маленкова, Булганина и Хрущева. В этом случае утверждение Хрущева о том, что «дело врачей» организовано Сталиным единолично, было, скорее всего, направлено на то, чтобы обелить себя и своих сообщников.

Идеальным привидением в организации подобного заговора оказался министр госбезопасности С.Д. Игнатьев. Он прекрасно понимал, что находится в том же положении, что и его предшественники, и что рано или поздно Сталин его ликвидировал. Он был более чем заинтересован в устранении Сталина. Четко выполняя все распоряжения Сталина, он, тем не менее, те из них, которые касались «группы четырех», немедленно доводил до сведения членов этой группы. Илья Эренбург, выполнявший роль рупора тогдашней кремлевской команды, поделился со своим другом, французским писателем Сартром собственной версией этих событий. Эту версию немедленно распространили по всему миру французские средства массовой информации. По словам Эренбурга, «после XIX съезда партии всем стало ясно, что у Сталина мания преследования... Он готовил крупнейшую кровавую чистку и хотел физически уничтожить ЦК, избранный на XIX съезде». По Эренбургу, главным на тот момент было то, что Сталин тогда был уже твердо убежден, что в кругу политбюро существует заговор с целью лишить его жизни. Однако планируемый Сталиным уничтожающий удар против Центрального Комитета провалился благодаря решительным действиям политбюро. Произошло своего рода дворцовая революция, о которой рассказали Эренбург и Пономаренко. Последний был советским послом в Нидерландах, и в 1957 году сообщил свою версию Западу. Согласно этим описаниям, дело происходило так.

1 марта 1953 года на заседании президиума ЦК Лазарь Каганович категорически потребовал от Сталина немедленно назначить специальную комиссию для тщательного расследования «дела врачей» и отменить приказ о депортации всех евреев в отдаленные районы Советского Союза. Это требование было поддержано всеми, за исключением перетрусившего Берии. Оказавшись перед лицом сговора, Сталин потерял самообладание и, изрыгая страшные ругательства, угрожал самым жестоким образом покарать этот мятеж. Еще совсем недавно подобная реакция Сталина означала бы для них верную смерть, но теперь за спиной членов политбюро стояла и тайная полиция Игнатьева, и армия маршала Жукова — они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не испугаться подобной угрозы. Кончились те времена, когда, по выражению Хрущева, «войдя в комнату Сталина, мы в последнее время никогда не знали, выйдем ли назад живыми», и Микоян бесстрашно ответил беснующемуся Сталину: «Если через полчаса мы не выйдем свободными из этой комнаты, армия займет Кремль». Теперь уже Берия почувствовал себя достаточно уверенно и присоединился к мятежникам, что окончательно добило Сталина. Ну, а когда Каганович на его глазах в бешенстве разорвал удостоверение члена президиума ЦК и швырнул обрывки ему в лицо, возбуждение Сталина сменилось обмороком.

Эта дворцовая революция, описанная Эренбургом и Пономаренко, нашла свое косвенное отражение и в советской прессе. Начиная с 8 февраля, «Правда» ежедневно раздувала кампанию против «врачей-убийц» и «шпионов», доводя атмосферу в стране до настоящей шпиономании. Однако 1 марта читатели были удивлены тем, что не смогли найти ни одного слова о заговоре врачей и «евреях — врагах народа». Зная факты, трудно найти объяснение: вся власть перешла в руки президиума ЦК. В правительственном сообщении, которое, правда, появилось только 4 марта, говорилось, что внезапная болезнь «временно» препятствует Сталину

исполнять свои обязанности. В качестве болезни был назван инсульт на почве кровоизлияния в мозг, случившийся у Сталина 2 марта в его квартире. Это сообщение, в котором ни место, ни время не соответствовали действительным событиям, заканчивалось словами: «Центральный Комитет и Совет Министров СССР полностью осознают все значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой его более или менее продолжительное неучастие в руководстве. Центральный Комитет и Совет Министров со всей серьезностью учитывают при руководстве партией и страной все обстоятельства, вытекающие из временного отхода товарища Сталина от руководящей работы в государстве и партии».

Смерть Сталина

Точные обстоятельства смерти Сталина на настоящий момент известны ещё не полностью, поэтому нам придется в основном с определенной осторожностью опираться на рассказанное Хрущевым.

Судя по всему, первым, кому Хрущев рассказал о подробностях, касающихся смерти Сталина, был Аверелл Гарриман, который во время войны был американским послом в Москве. В книге «*Frieden mit Rußland?*» («Мир с Россией?») Гарриман пишет: «Так называемое „дело врачей“, в котором группа медиков обвинялась в заговоре с целью убийства руководящих коммунистов, было, судя по всему, придумано Сталиным для того, чтобы устроить новую чистку. Многие наблюдатели полагали, что люди, окружавшие Сталина, из страха погибнуть в новой массовой чистке, сами прикончили старика. Мне это всегда казалось сомнительным. В одной из бесед Хрущев изложил мне свою версию смерти Сталина. Позже по моей просьбе он разрешил мне опубликовать ее. Как рассказывал Хрущев, в последние годы жизни Сталин стал еще более недоверчивым, деспотичным и жестоким, чем во время войны, когда я с ним познакомился: «Он не доверял никому,

и никто из нас не доверял ему. Он даже не поручал нам работы, с которой не мог справиться сам. Нам было очень трудно с ним. Однажды вечером в субботу он пригласил нас на ужин на загородную дачу, — продолжал Хрущев. — Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и все мы были довольны. Затем мы поехали домой. По воскресеньям Сталин имел обыкновенные звонить каждому из нас, чтобы поговорить о работе, но в это воскресенье он не позвонил, что показалось нам странным. В понедельник он не вернулся в город, а вечером в понедельник нам позвонил начальник его охраны и сказал, что Сталин болен. Мы все — Берия, Маленков, Булганин и я — поспешили к нему за город. Он был уже без сознания. В результате кровоизлияния были парализованы рука, нога и язык. Мы три дня оставались возле него, но он не приходил в сознание. Потом он на какое-то время пришел в себя, и мы пошли в его комнату. Сестра поила его чаем с ложечки. Он пожал нам руки, слабо улыбнулся и показал здоровой рукой на картинку над кроватью, где маленькая девочка с ложечки поила барашка. Этим жестом он показал нам, что так же беспомощен, как этот барашек. Чуть позже он умер. Я плакал. Мы в конце концов все были его учениками и обязаны ему всем».

Я спросил, назначил ли Сталин перед смертью премьера. Хрущев ответил почти с горечью: «Он не назначил никого. Он думал, что будет жить вечно».

Бросается в глаза, что ни слова не сказано о какой-либо медицинской помощи больному. В более поздней версии Хрущев обращает внимание и на это обстоятельство. Ядро повествования в основном не изменилось, но вот как описывает автор воспоминаний воскресенье после веселого вечера, 1 марта 1953 года: «Вдруг зазвонил телефон. Звонил Маленков. Он сказал: «Послушайте, ребята из ЦК только что звонили с дачи Сталина. Им кажется, что что-то случилось. Думаю, что нам следует поехать туда. Я уже сообщил Берии и Булганину. Пожалуйста, поезжайте скорее». Я быстро оделся и поехал к Сталину. Когда мы собрались,

то, перед тем, как пойти в комнаты Сталина, зашли к дежурным офицерам. Они объяснили, что их беспокоило: «Товарищ Сталин почти всегда звонит около одиннадцати и просит принести ему чаю или что-нибудь поесть. Сегодня он не позвонил». Чекисты сказали, что послали Матрену Петровну посмотреть, что с ним. Матрена Петровна была старой домработницей и много лет ухаживала за Сталиным. Она не отличалась большим умом, но была честной и преданной Сталину. Матрена Петровна осмотрелась, вернулась и сказала чекистам, что товарищ Сталин заснул на полу в большой комнате, где он обычно спал. По-видимому, Сталин встал с постели и при этом упал. Чекисты подняли его с пола и уложили на диван в соседней маленькой столовой. Выслушав все это, мы решили, что было бы неудобным обнаруживать свое присутствие, когда Сталин находится в столь непрезентабельном состоянии. Мы разошлись и поехали по домам».

Однако и в этом описании сразу бросается в глаза, что «группа четырех» отказалась видеть явно больного и лишившегося речи Сталина и разъехалась по домам, не вызвав предварительно врачей. Это произошло лишь несколько позднее. Хрущев пишет в своих воспоминаниях: «Чуть позже снова позвонил Маленков: «Снова звонили ребята с дачи товарища Сталина. Они говорят, что с ним явно что-то не в порядке. Когда они снова послали к нему Матрену Петровну, она сказала, что он крепко спит, но сон какой-то необычный. Нам лучше снова поехать». Мы решили, что Маленков позвонит также другим членам бюро, Ворошилову и Кагановичу, которые вчера вечером не были на обеде... Мы решили также пригласить врачей... Те уверили нас, что такие болезни обычно продолжаются недолго и заканчиваются смертью».

Итак, наконец врачи все же появились на месте событий, но никто не знал их имен — кампания Сталина против врачей обернулась против него самого. Академик Виноградов, долго и преданно выполнявший свой долг в качестве его личного врача, уже долгое время невинно

томился в тюрьме, так же, как и начальник лечсанупра Кремля профессор Егоров. Только в результате этого могло случиться, что Сталин в течение двадцати четырех часов или дольше, в состоянии одностороннего паралича и потери речи, без медицинской помощи лежал на полу своей комнаты. Виною тому, бесспорно, было то обстоятельство, что никому не было разрешено входить в комнаты Сталина без его прямого вызова. Это подтвердил в 1963 году Хрущев в беседе с представителями польской компартии. Эта версия, естественно, также попала на Запад и была напечатана французским журналом «Пари Матч» и немецким журналом «Дер Шпигель».

В этой версии Хрущев вновь говорил о звонке чекистов из охраны Сталина в ночь на 2 марта, которым они известили «группу четырех» о том, что уже в течение нескольких часов Сталин не подает признаков жизни. Дословно это звучало так: «Они не знали, что произошло, поскольку система сообщений между тремя помещениями, в которых находился Сталин, была слишком сложной. Только он сам мог открыть дверь с помощью специального электрического механизма. Ни один из охранников не знал, в какой комнате находится Сталин, поэтому пришлось взламывать двери одну за другой. Открыли первую, вторую и увидели Сталина. Он безжизненно лежал на полу, одетый в форму генералиссимуса».

Если это правда, то непонятна предыдущая версия Хрущева. В той версии он утверждал, что чекисты сообщили «группе четырех» о том, что посылали экономку Матрену Петровну к Сталину с поручением осведомиться о его состоянии и что Матрена Петровна вскоре вернулась и сообщила, что обнаружила хозяина спящим на полу в своей комнате. Но как же Матрене Петровне удалось попасть в комнату, запертую изнутри столь сложным механизмом?

Наконец, 2 марта, то есть спустя более чем 24 часа, к пациенту, находившемуся в бессознательном состоянии, прибыла, а вернее, была допущена медицинская бригада во главе с кардиологом П.Е. Лукомским, действительным

членом Академии медицинских наук. Светлана, которую, как и брата Василия, только в этот день позвали к постели отца, пишет: «Незнакомые врачи, которые впервые увидели больного, развернули кипучую деятельность. Ему ставили пиявки на затылок и на шею, делали кардиограммы, рентгеновские снимки легких; сестра постоянно делала ему уколы, а один из врачей непрерывно записывал течение болезни... Все старались спасти жизнь, которую уже нельзя было спасти». Брат Василий, по свидетельству Светланы, был постоянно пьян и продолжал пить в служебной квартире, «шумел, оскорблял врачей и орал, что они отравили, убили отца... Он был в отчаянии и твердо убежден в том, что его отец был отравлен».

Это подозрение объясняется, скорее всего, тем, что его отец в последние годы действительно все больше и больше опасался быть отравленным изменниками из своего ближайшего окружения и неоднократно делился подобными подозрениями с сыном. Обвинения, выдвинутые Василием, способствовали тому, что в последнее время версия возможного отравления подверглась серьезному обсуждению. Авторханов намекает на существование тщательно разработанного заговора под кодовым названием «Мощарт» по ассоциации с пьесой Пушкина «Мощарт и Сальери». Даже если этот план существовал, то в исполнение он приведен все равно не был, поскольку это никак не согласуется с картиной инсульта у Сталина.

Узкий круг руководителей сделал все от него зависящее, чтобы убедить советский народ в том, что для спасения жизни Сталина делается все возможное и что нет оснований опасаться разоблаченных незадолго до этого врачей-вредителей. В правительственном сообщении от 4 марта было сказано, что «лечение товарища Сталина находится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР», то есть «неправильное лечение» полностью исключается.

В медицинском бюллетене от 5 марта делается попытка завуалировать серьезность положения, о чем свидетельствует

текст: «В 11.30 произошел повторный тяжелый коллапс, который с трудом удалось удержать под контролем с помощью соответствующих медицинских мероприятий... В дальнейшем нарушения деятельности сосудов сердца несколько сгладились, хотя общее состояние продолжает оставаться очень серьезным». Насколько серьезным оно было в тот момент, мы узнаем от Светланы, которая собственными глазами могла наблюдать близящийся конец своего отца: «Агония была ужасна, она душила его у всех на глазах. В один из таких моментов он неожиданно открыл глаза и обвел взглядом всех присутствующих. Это был страшный взгляд, наполовину безумный, наполовину гневный. В течение доли секунды этот взгляд охватил всех, и тут, невообразимо и ужасно, я до сих пор не могу этого понять, но и забыть не могу, он вдруг поднял левую руку, ту руку, что еще могла двигаться, показал вверх и погрозил всем нам. Этот жест был непонятен, но угрожающ, и осталось неизvestным, кому или чему он предназначался». Но остается бесспорным, по остроумному замечанию Авторханова, что этот жест относился не к невинному барахлу, который, по версии Хрущева, висел у изголовья сталинской кровати. 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут агония Сталина закончилась.

Примечательно, что весть о его смерти, мгновенно облетевшая всю страну, нигде не вызвала настоящей радости. Культ личности этого человека достиг столь невероятных высот, что и товарищи по партии, и люди из простого народа взирали на это земное божество в трепетном благоговении: первые — повинаясь искреннему убеждению, вторые — повинаясь страху. Для народа он был с меньшей мерой «символом порядка», «жестокоего, неумолимого, но все же порядка». Но, тем не менее, чувства народа были разнообразны и противоречивы. Многие казались подавленными, а многие плакали на улицах, хотя в это трудно поверить после бесчисленных немыслимых преступлений. Сын Сталина Василий, по словам Светланы, «в день похорон был в ужасном состоянии и вел себя отвратительно. Не стеснялся

никого, он выкрикивал упреки и подозрения, обвинял правительство, врачей и всех, кто ему приходил на ум, в том, что они недостойно вели себя по отношению к отцу, зато теперь хоронят его по достоинству... Он чувствовал себя принцем крови и наследником престола!»

После траурной церемонии тело перенесли на Красную площадь в Мавзолей, где забальзамированный Сталин должен был столетия лежать рядом с Лениным. Тогда никто не мог подумать, что уже очень скоро будут вскрыты непостижимые уму преступления этого человека, его изваяния будут сброшены с пьедесталов и уже вечером 31 октября 1961 года его мумию уберут из Мавзолея. Ревностные приспешники, еще недавно славившие своего «гениального и несравненного вождя», очень скоро заговорят на совсем другом, неслыханном доселе языке. Историческим примером этого служит известная речь Никиты Хрущева, произнесенная им перед венгерской правительственной делегацией 19 июня 1964 года:

«Сталин стрелял по своим, по ветеранам революции. За этот произвол мы его осуждаем... Напрасны старания тех, кто предаст руководство нашей страны и пытается взять под защиту злодеяния Сталина. Обелить его не сможет никто... В истории человечества было немало жестоких тиранов, но все они погибли на гильотине, ибо удерживали свою власть при помощи гильотины». Последней фразой Хрущев, видимо, хотел намекнуть на то, что бывшие главные сталинисты сами приняли участие в устранении Сталина, выразившемся хотя бы в том, что Берия запретил охранникам и обслуживающему персоналу в ночь на 2 марта вызывать врачей к больному, находившемуся в бессознательном состоянии, под тем жалким предлогом, что «нельзя нарушать сон вождя». Итак, говоря словами Авторханова, если диагноз «инсульт» верен, то сегодня загадка смерти Сталина заключается не в том, была ли она насильственной и был ли ее причиной яд или иные средства, а в том, каким из многих возможных способов удалось поспособствовать его естественной смерти.

О судьбе сына Сталина Василия мы уже говорили выше. Светлана после поездки в Индию в 1961 году переехала на Запад. В США она установила связь с Лазарем Карпом, еврейским эмигрантом из России, братом жены Молотова, сосланной Сталиным, который познакомил ее с адвокатом Гринбаумом. Последний организовал поездку Светланы в Цюрих, куда Сталин через Поскребышева еще в 1948 году переправил огромные суммы денег. Свою жизнь она закончила в психиатрической больнице.

Пациент Сталин

На протяжении двадцати семи лет я была свидетелем духовного разрушения моего собственного отца и день за днем наблюдала, как его покидает все человеческое и он все более и более превращается в мрачный монумент самому себе.

Светлана Аллилуева

В отличие от Гитлера, кровавое давление, лабораторные анализы, рентгеновские снимки и электрокардиограммы которого тщательнейшим образом хранились и фиксировались, Сталин категорически запрещал документировать любые результаты медицинских обследований, что весьма затрудняет медицинскую интерпретацию его биографического анамнеза. Такое отношение Сталина объясняется не только патологической подозрительностью, но и общей антипатией на грани презрения, которую он испытывал к врачам и медицинским обследованиям. Вообще-то он позволял два раза в год углубленно обследовать себя сначала своему многолетнему личному врачу, профессору Плетневу, который был предан суду и в 1941 году расстрелян, а затем профессору Виноградову, которого также ожидала смертная казнь после процесса по «делу врачей». Лекарства, прописанные врачами, Сталин

предпочитал регулярно забрасывать в ящик стола. Когда ему почему-либо приходила в голову такая мысль, он извлекал лекарства из ящика и принимал их. Как и Ленин, он был весьма невысокого мнения о русских врачах и предпочитал научным медицинским рекомендациям народные методы самолечения. В связи с недостатком информации и скупой документальной базой относительно возможных патологических изменений все попытки медицинского анализа психических и физических особенностей Сталина наталкиваются на серьезные трудности. Биографическая информация о жизни этого в высшей степени аномального человека в основном позволяет построить его психограмму, но интерпретация физических особенностей может быть основана лишь на немногих свидетельствах его врачей и разрозненных биографических фактах.

Трудности в интерпретации явных соматических особенностей начинаются уже с его левой руки, которая была на четыре сантиметра короче правой и, по всей видимости, имела ограниченную подвижность в области плеча. Сам Сталин официально объяснял «левосторонний паралич» руки несчастным случаем, который произошел с ним в детстве. Профессор Плетнев, неоднократно имевший возможность лично наблюдать эту руку, считал это укорочение и функциональное ограничение последствием перенесенного в детстве инфекционного заболевания, возможно, полиомиелита, то есть детского паралича. Лишь после смерти Сталина его дочь Светлана сообщила, что причиной укорочения и нарушения функций левой руки ее отца была ошибка акушера при его рождении. Ванденберг указывает на наличие связи между этим недостатком и якобы обнаруженной при клинических исследованиях ранней сифилитической инфекции, однако такое предположение представляется крайне маловероятным.

В возрасте пяти лет он перенес тяжелую оспу, едва не стоившую ему жизни и оставившую многочисленные шрамы на его лице. Упоминания о дальнейших заболеваниях относятся уже к годам ссылки. По смутным сообщениям,

он будто бы болел туберкулезом легких, который, однако, не помешал ему совершить авантюрный побег из ссылки и преодолеть невероятные трудности пешего перехода через бесконечные ледяные пространства Сибири. В феврале 1909 года, опять же в ссылке, он заболел тяжелой формой брюшного тифа, в связи с чем подлежал перемещению, но, несмотря на очень ослабленное общее состояние организма, вновь сумел бежать с этапа под Вологдой.

При первом тщательном осмотре в 1927 году профессор Плетнев обнаружил у него заболевание желчного пузыря, вызывавшее жалобы при диетологических нагрузках. Однако из записок Плетнева неясно, идет ли здесь речь о желчнокаменной болезни или всего лишь о нарушении в области желчных путей. Во время этого же исследования было обнаружено «повреждение сердечной мышцы», однако отсутствие клинических или электрокардиографических данных не позволяет нам поставить точный диагноз. Вероятно, у пациента, которому к тому времени было 48 лет, появились признаки начинающегося заболевания коронарных сосудов сердца по той причине, что отложения на внутренних стенках сосудов привели к их сужению, которое в той или иной степени нарушает снабжение сердечной мышцы кислородом. В таких случаях принято говорить о коронаросклеротической миокардиопатии, при возникновении которой особыми факторами риска являются гипертония, злоупотребление никотином и недостаточная физическая подвижность.

Все эти факторы риска самым непосредственным образом относились к Сталину. Он еще за год до смерти был заядлым курильщиком, привык поглощать невероятные количества пищи и практически не разнообразил свой постоянно сидячий образ жизни какими-либо физическими движениями. Есть основания полагать, что уже в те времена Сталин страдал от гипертонии, хотя в записках профессора Плетнева количественные данные отсутствуют. Косвенными подтверждениями наличия гипертонии являются красноватый цвет щек на в целом

бледном лице Сталина, что замечалось самыми различными людьми в его окружении, а также тот факт, что он уже в те времена регулярно принимал йодные капли, разведенные в воде, — излюбленное народное средство для снижения повышенного кровяного давления.

Первое официальное упоминание о гипертонии у Сталина относится к февралю 1945 года, времени проведения Ялтинской конференции. К этому времени относятся первые субъективные жалобы на головную боль, шум в ушах, состояние головокружения, сопровождающиеся легкой тошнотой. Как это часто бывает у лиц, страдающих гипертонической болезнью, поводом для подобных явлений, послужили, скорее всего, психические перегрузки, вызванные сложными переговорами с партнерами по конференции. Насколько силен был перенесенный Сталиным стресс, показывает серьезное состояние его здоровья по возвращении в Москву: к описанным выше симптомам прибавилась сильная устойчивая боль в области сердца и под грудной. У него возникало ощущение, что его грудь затянута — типичные симптомы приступа стенокардии. Приглашенный для консультации кардиолог профессор Мясников на основании этих симптомов и резкого снижения кровяного давления (угрожающий симптом у больных гипертонией) высказал предположение о том, что у больного имел место инфаркт. Кардиограмма, снятая немедленно, подтвердила это предположение, показав, что произошел ограниченный инфаркт верхушки сердца. Уже через несколько недель, в мае 1945 года, имел место повторный ограниченный инфаркт, который Сталин также перенес без осложнений. Рецидивы инфаркта значительно чаще происходят у курильщиков, которые не могут расстаться со своей привычкой, и поскольку Сталин проигнорировал запрет на курение, наложенный врачами, не удивительно, что за несколько дней до начала Потсдамской конференции в июле 1945 года у него произошел третий инфаркт, который, как и предыдущие два, держался, естественно, в строгом секрете. Вне всяких сомнений, поездка в Потсдам

в такой момент была сопряжена с определенным риском. Многолетняя гипертония, которую лечили совершенно непригодными средствами, в сочетании с хроническим злоупотреблением никотином не могла не привести к необратимому поражению всей сосудистой системы. В клиническом отношении в последние годы жизни Сталина наиболее значимое значение приобрел атеросклероз сосудов головного мозга. Хрущев писал, что в последние годы жизни Сталин все чаще обращался к воспоминаниям детства и пытался связать их с событиями последнего времени, что является характерным симптомом цереброваскулярного заболевания. Типичными для подобных сосудистых изменений мозга являются также нарушения способности к запоминанию и провалы памяти, на которые Сталин жаловался в пожилом возрасте. Сюда же следует отнести нескладную речь с тяжеловесной моторикой, на что обратили внимание все присутствовавшие на XIX съезде партии.

Термин «цереброваскулярное заболевание» распространяется на все заболевания, при которых патологический процесс захватывает один или несколько сосудов мозга. Как правило, причиной таких заболеваний являются атеросклеротические изменения стенок сосудов, которые, опять же, обычно связаны с повышенным кровяным давлением и влекут за собой ухудшение снабжения различных отделов мозга кровью и кислородом. Как правило, из неврологической картины выпадения отдельных функций при временном остром сокращении кровоснабжения, так называемом преходящем приступе, можно установить, какая артерия или какой отдел мозга затронуты. Такой преходящий приступ с потерей сознания после сильного головокружения, сопровождающийся тупой болью в области затылка, случился у Сталина в декабре 1949 года, согласно описанию Поскребышева. Клиническое значение таких приступов очень велико, поскольку они нередко являются предвестниками инфаркта сосудов мозга, то есть инсульта. Подобный инсульт произошел у Сталина 1 марта 1953 года, что было спровоцировано резким скачком давления после

необычайно острого спора с членами президиума ЦК. Вначале Сталин отреагировал на провоцирующее требование припадком ярости, а затем потерял сознание. Прибывшая по не вполне выясненным причинам лишь 2 марта медицинская бригада во главе с кардиологом профессором Лукомским обследовала пациента, который к этому моменту уже длительное время находился в бессознательном состоянии, и установила правостороннюю гемиплегию с параличом ноги и руки. На основании опроса экономки было установлено также наличие паралича речи, типичное для кровоизлияний в левое полушарие мозга в окрестности так называемой «внутренней капсулы». Описанные явления выпадения функций в зависимости от степени и скорости распространения кровоизлияния могут развиваться на протяжении нескольких минут, нескольких часов или нескольких дней. При массивном кровоизлиянии пациент практически сразу теряет сознание, у него наступает паралич половины тела, и в подобных случаях происходит очень быстрое ухудшение состояния.

Описанное Светланой удущие, наступившее у ее отца незадолго до смерти, которое сопровождалось иссиня-черной окраской шеи и лица, указывает на острое нарушение функции левого желудочка сердца с образованием массивного отека легкого, причиной чего явился только что произошедший обширный инфаркт, что и было подтверждено электрокардиограммой. В качестве лечебного мероприятия был применен обычный в подобных ситуациях отсос крови пиявками. Кроме того, для усиления функции левого желудочка пациент получил инъекции строфантина, а также камфару и кофеин для поддержки кровообращения. Для снятия симптомов сильного удушья была обеспечена искусственная подача кислорода. Ввиду повышения температуры и увеличения числа белых кровяных телец был назначен пенициллин в качестве своевременного противодействия пневмонии, которая может быстро развиться на фоне отека легкого.

Как и следовало ожидать, все усилия остались безуспешными. 5 марта 1953 года в половине десятого вечера

агония Сталина прекратилась. Для подтверждения диагноза «кровоизлияние в мозг, поразившее функции жизненно важных зон мозга», поставленного кардиологом, профессором Мясниковым, и невропатологом, профессором Коноваловым, а также для проверки правильности действий врачей при лечении Сталина была создана комиссия из семи членов АМН. Результаты работы комиссии были опубликованы в печати 7 марта 1953 года: «Результаты патологоанатомического исследования полностью подтверждают диагноз, поставленный врачами-профессорами, лечившими И.В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И.В. Сталина, начиная с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительного результата и предотвратить роковой исход». Протокол вскрытия, подписанный девятью врачами и заверенный патологоанатомом профессором Мигуновым, завершается точным заключением: «...очаг кровоизлияния в области подкорковых узлов левого полушария головного мозга, ответственным за перекрестный паралич половины тела. Кроме того выявлены значительные атеросклеротические изменения всех сосудов головного мозга... установлена значительная гипертрофия левого желудочка сердца и свежее кровоотечение стенки миокарда».

Результаты вскрытия не только подтвердили диагноз кровоизлияния в мозг, повлекшее за собой паралич правой половины тела и поражение моторного центра речи, расположенного в левом полушарии головного мозга, но и выявили свежий инфаркт миокарда, причиной которого явилась выраженная гипертрофия стенки левого желудочка сердца на почве многолетней гипертонической болезни. Это патологическое изменение повлекло за собой острый отек левого легкого. Кроме того, вскрытие выявило сильно выраженные склеротические изменения всех артерий головного мозга. В этом, по-видимому, кроется одна из причин ошибочных действий и неправильных оценок ситуаций Сталиным в последние годы его жизни.

Приведенные выше клинические и патологоанатомические данные позволяют полностью исключить возможность отравления в результате преднамеренного покушения на убийство. Намеки на такую возможность, делавшиеся преемником Сталина Никитой Хрущевым после XXII съезда партии в 1961 году, по всей видимости, имели определенную цель. После обнародования правды о чудовищных преступлениях Сталина новые правители пытались как-то реабилитировать собственное поведение и убедить разъяренных товарищей в том, что уже при жизни Сталина они были антисталинистами и, будучи «ленинским ядром», пытались активно противодействовать Сталину. С точки зрения завоевания и укрепления доверия советского народа к новому руководству намеки на существование заговора и плана отравления Сталина мог иметь определенный смысл.

Психограмма «великого вождя» *Нарциссическая мания величия*

Достижения современной психологической науки сегодня позволяют нам объяснить противоречия личности одного и того же индивидуума. Особое значение при этом имеет учение Зигмунда Фрейда и его школы, согласно которому наш внутренний мир существует как бы в двух уровнях — на уровне сознания и на уровне подсознания. Сегодня мы также знаем, что базовые черты характера человека формируются не только за счет наследственно предопределенных факторов, но также и под влиянием воспитания, впечатлений раннего детства и юности. Эти исходные впечатления никогда полностью не стираются — они могут лишь быть вытесненными в подсознание и, позднее, сменяя друг друга, в различной степени воздействуют на поведение и эмоциональный мир взрослого индивидуума. Поэтому не представляется возможным понять характер человека в целом, если не уделять подсознательному в нем такое же внимание, как и сознательному, если не обращаться к

юношеским переживаниям этого человека. Поэтому при исследовании личности Сталина нам придется попытаться полностью синтезировать все ступени ее развития подобно тому, как мы поступили в случае Наполеона и Гитлера.

Если объективно с медицинской точки зрения проанализировать юношеский анамнез Сталина, то мы обнаружим несколько фаз, оказавших решающее влияние на его последующее развитие.

Первой из таких определяющих фаз, безусловно, является его раннее детство. Как показывают воспоминания друга его юности Иремашвили, грубые методы воспитания жестокого и часто пьяного Виссариона Джугашвили оставили неизгладимые следы в душе сына. Причем следует говорить не только и не столько о физической боли от ежедневных побоев, которыми отец якобы хотел сломить упрямство сына, сколько о чувстве несправедливости от незаслуженных наказаний, которые вошли у отца в привычку, и о чувстве бессилия, с которым он был вынужден сносить жестокость грубого, примитивного и непредсказуемого родителя. Подобное физическое насилие и психическое подавление вынуждены были претерпеть миллионы взрослых людей, переживших фашистскую и коммунистическую диктатуру. Элис Миллер настойчиво доказывает, что между насилием над ребенком и насилием над взрослым существует большая разница: ребенок не имеет право открыто выразить ненависть к своему мучителю. Ведь не положено ненавидеть отца — так гласит четвертая заповедь — и, в принципе, ребенок и не хочет ненавидеть своего отца, потому что он его любит. Этот парадокс, состоящий в том, что страдания принимаются от руки «любимого учителя», может оказать необратимое влияние на последующее психическое развитие человека.

Ребенок запечатлевает в себе именно событие перенесенных в детстве побоев, а не эмоциональное содержание, вкладываемое в это воспитательное мероприятие его родителями, согласно которому ребенок был бит для его же блага. Поэтому взрослый человек, полностью вытеснивший

это детское переживание в подсознание, воспринимает подобные события совершенно без эмоций и какого-либо участия. Страдания, вызванные жестоким обращением, побоями и отсутствием сочувствия к своим детским невзгодам, запечатленные в подсознании ребенка, в будущем порождают у взрослого человека внутреннее желание повторить эти страдания детства. При этом характерно, что такие люди полностью идентифицируют себя с агрессором и не испытывают ни малейшего сочувствия к жертве. Не удивительно, что самые надежные лагерные надзиратели и заплечные дел мастера поставляются именно этим контингентом людей. Некогда порабощенный и преследуемый ребенок сам становится порабощителем и преследователем, ибо даже десятилетия спустя в нем продолжает жить трагическая потребность, заставляющая его мстить за обиды, перенесенные в раннем детстве, и проецировать накопленную ненависть на другие личности и общественные институты.

Друг детства Сталина Иосиф Иремашвили сто лет назад предвосхитил эти выводы современной психологии, написав: «Тяжкие, незаслуженные избиения мальчишки сделали его таким же жестоким и бессердечным, как его отец. Он был убежден в том, что человек, которому должны подчиняться другие люди, должен быть таким, как его отец, и поэтому в нем вскоре выработалась глубокая неприязнь ко всем, кто был выше его по положению. С детских лет целью его жизни стала месть, и этой цели он подчинил все». Отец всегда играл в семье лишь роль властелина и почти никогда не проявлял дружеских, тем более нежных чувств. Поэтому в сыне «непрерывно и однозначно накапливалась ненависть».

О влиянии матери мы можем строить один лишь предположения. Безусловно, у Сталина не было такой связи с матерью, как у Наполеона или, тем более, у Гитлера. Нам известно лишь, что она была вынуждена столь же безропотно сносить унижения и несправедливости, а нередко и побои главы семейства и безмолвно взирать на издевательства мужа

над своим Сосо. В глазах ребенка мать как бы давала молчаливое согласие на грубые «воспитательные мероприятия» отца и, таким образом, утратила роль союзницы его самоутверждения по отношению к отцу, что, естественно, не способствовало укреплению связи между ребенком и матерью.

С другой стороны, имеются основания предполагать, что мать Сталина, лишённая других радостей в своей беспросветной жизни, была очень привязана к своему единственному ребенку, причем ее любовь к сыну должна была усиливаться его увечем — укороченной левой рукой, из-за чего он нуждался в защите более, чем другие дети. Великая ее любовь к Сосо нашла свое выражение в готовности пойти на любые жертвы во имя того, чтобы излечить его в жизни от нужды. В этом она, в конце концов, достигла успеха, добившись поступления сына в высшее учебное заведение, что позволяло рассчитывать на удачную его карьеру в будущем. Учителя очень рано обратили внимание на уверенность Сосо в своих силах и его способность добиваться своей цели. Это доказывает, что мать, свято верившая в будущие успехи сына, была для него, по выражению Хельма Штирлина, «сильнейшей родительской реальностью», то есть именно в матери Сосо видел центральную, делегирующую его родительскую фигуру.

Второй важнейшей фазой развития личности Иосифа Сталина является период учебы в горьском церковном училище и в тифлиской духовной семинарии. Первым делом ему предстояло убедиться в том, что учителя столь же малоразборчивы в выборе воспитательных средств, сколь и отцы, поскольку также нуждаются в подобных переживаниях для укрепления своего слабого нарциссического Я. В еще большей степени ему это стало ясно в семинарии, жизнь в которой напоминала больше казарму, нежели студенческое общежитие. Тотальная слезка и стукачество монахов, раболепствовавших перед начальством и пыгавшихся различными наказаниями достичь безоговорочного повиновения, породили в его душе еще один очаг ненависти. За счет этого в период полового созревания

произошло возрождение той ненависти, которая была им преодолена в раннем детстве. Однако эта ненависть претерпела изменения в том смысле, что появился однозначный образ врага, ибо теперь подросток Джугашвили «имел право на свободную и дозволенную ненависть». Сначала аккумуляруемая в нем ненависть была направлена только против монахов, непосредственно надзиравших за ним, но затем она распространилась и на других носителей авторитарной власти, таких, как офицеры и чиновники царского правительства. В то же самое время в нем усиливалось презрение к глупой и трусливой массе, безвольно терпевшей насилие авторитарной власти, что должно было пробуждать в нем бессознательные ассоциации с ролью матери в его собственной семье.

Семинарская жизнь, казавшаяся ему все более невыносимой, давала ему, тем не менее, практические наглядные примеры тех средств и методов, с помощью которых можно бороться с такими порядками. Средствами этими были хитрость, ложь и подозрительная сдержанность по отношению ко всем и каждому. Дочь Сталина Светлана полагала, что уже в те времена он «на основе своего семинарского опыта убедился, что люди грубы и нетерпимы, что духовные пастыри обманывают свою паству, для того чтобы крепче держать ее в руках, что они занимаются интригами, лгут и что у них очень много других пороков, но очень мало достоинств». По-видимому, еще будучи семинаристом, Сталин полностью принял идеи Маркса — основополагающая идея марксизма о том, что классовая борьба неизбежно должна привести к устранению продажного и прогнившего буржуазного общества, предоставляла ему возможность получить выход для накопленной им чудовищной ненависти против всех форм власти и утолить жажду мести.

В 1899 году, после исключения из семинарии по неизвестным причинам, начинается третья фаза формирования личности Сталина. Вот как комментирует это событие одноклассник молодого Сталина по семинарии Иосиф Иремашвили: «Он... покинул семинарию, исполненный

горькой и злобной ненависти к школьному начальству, буржуазии и всему тому, что было в стране воплощением паризма». Это свидетельствует о решительном намерении Сталина идентифицировать собственное Я. Он сжег за собой все мосты и выбрал для себя жизненный путь профессионального революционера со всеми вытекающими из этого опасными последствиями. Таким образом у него завершились и компенсировались «юношеский кризис идентификации». На этапе поиска своего Я он должен был выстроить для себя идеализированный образ собственной личности и в дальнейшем стремиться максимально приблизиться к этому образу на практике. Образцом послужил ему Коба, кавказский аналог Робин Гуда, с которым в значительной степени идентифицировал себя молодой Сталин. Подобное воображаемое слияние, выразившееся в том, что он выбрал для себя кличку Коба, должно было, скорее всего, послужить нарциссическому усилению его, к тому времени еще не вполне сложившейся, идентификации. В современной теории нарциссизма в подобных случаях принято говорить о формировании связи типа *alter ego*, подразумевающей при этом размытие физических границ между собственно личностью и вторым партнером, в данном случае — кавказским героем Кобой, когда второй партнер воспринимается почти как близнец.

Современное учение о «нарциссизме» позволяет лучше разобраться в тех расстройствах, которые находят свое видимое проявление в неудачных попытках личности установить нормальные контакты с конкретным и абстрактным внешним миром. Нарциссическая личность принимает только ту данность, которая соответствует ее желаниям, мыслям и чувствам. Поэтому вещи и лица вне этого эгоцентрического круга не заслуживают внимания, а все, что делают другие люди, оценивается и интерпретируется только и исключительно относительно собственной личности. При высокой степени выраженности нарциссических механизмов, которые, как известно, могут достигать мессианских масштабов, постулат собственной непогрешимости

и неконтролируемой абсолютной власти может завести столь далеко, что в тот момент, когда малейшая критика или действие ставит под угрозу идеал, созданный собственным воображением, источник такой критики подвергается беспощадным преследованиям вплоть до физического уничтожения.

В случае Сталина значение этих особенностей состоит в том, что они, вследствие реализации двойного стандарта, отрицательно сказались на его способности правильно и объективно оценивать действительность. Причина возникновения культа Сталина кроется, в первую очередь, в его нарциссической мании величия, а не в заслугах «великого вождя» как реальной человеческой личности.

Сталин воспринял исключение из семинарии как акт социальной дискриминации и произвола чужаного привилегированного общества, однако, произведя себя в профессиональные революционеры, он нашел признание и удовлетворение, столь остро необходимые после унижений, пережитых в отцовском доме и семинарии, для окончательной идентификации и окончательного самоопределения. Теперь он стал полноценным членом того боевого кадрового состава, который Ленин, его великий кумир, столь лестно называл «авангардом рабочего класса» и считал основной движущей силой планируемой революции. Подобные политические группировки естественным образом апеллируют к нарциссическим предрассудкам, которые укрепляют в них солидарность и внутреннюю замкнутость. Групповой нарциссизм, в свою очередь, сообщает чувство удовлетворенности и достаточности каждому отдельному члену группы, но, в первую очередь, тем из них, кто ранее, вне группы, страдал от фрустраций и ощущения собственной неполноценности. Принадлежность к столь важной и столь ценимой Лениным группе более чем достаточно компенсирует даже самого незначительного из ее членов за перенесенные ранее разочарования и репрессии. Следовательно, степень группового нарциссизма всегда соответствует дефициту реальной удовлетворенности своим существовани-

ем отдельного принадлежащего к ней индивидуума. Принадлежность к этой группе профессиональных революционеров также компенсировала снисходительное отношение к Сталину со стороны руководящих товарищей, принадлежавших преимущественно к интеллигенции.

Четвертой фазой формирования личности Сталина были те 16 лет, которые он, будучи профессиональным революционером, провел в подполье, тюрьмах и ссылках. Трудности, пережитые им в этот период, еще более усилили такие черты характера, как эмоциональная холодность, расчетливость и хитрое коварство, но в первую очередь подозрительность к людям вообще. От людей, побывавших вместе с ним в заключении и ссылке, известно, что, он все больше и больше превращался в одинокого волка, сторонившегося близких контактов даже с товарищами по несчастью и вообще с трудом способного к поддержанию нормальных человеческих отношений. Лучше всего он чувствовал себя в компании уголовников или иных темных личностей, что опять же вело к новым необратимым деформациям психики. Все это постепенно превращало его в неотесанного, грубого и хамовитого человека, движимого ненавистью и жаждой мести, что сочеталось в нем с мимозной чувствительностью к малейшей обиде или малейшему пренебрежению — типичным признаком его экстремально нарциссической личности.

Случай несексуального садизма?

С большой степенью вероятности можно утверждать, что годы лишения свободы, на протяжении которых он был предоставлен произволу тюремщиков, усилили в характере Сталина черту, которая была заложена в него еще в детстве — явно выраженный садизм. В своей работе *«Anatomie der menschlichen Destruktivität»* («Анатомия человеческой деструктивности») Эрих Фромм убедительно показал, что среди причин, способствующих возникновению садизма, особое значение имеют те,

которые порождают у ребенка или у взрослого человека чувство бессилия. К таким причинам принадлежат, в частности, «диктаторские» наказания, вызывающие очень сильный страх. Под диктаторским наказанием Фромм понимает такие меры наказания: «строгость способна внушать страх, жестко не ограничена и не находится в разумном соотношении с конкретным поступком, а зависит лишь исключительно от садизма наказующего». Подобные условия существовали и в родительском доме Сталина, и в семинарии, где он учился, и, в особенности, в тюрьмах и ссылках, где ему приходилось находиться годами.

При попытке установить корни сталинского садизма, столь страшно проявившегося в последующие годы, необходимо учитывать факторы не только конституциональной предрасположенности и семейный фон, но и психическую атмосферу, способствующую возникновению социального и индивидуального садизма. Известно ведь, что власть, с помощью которой господствующая группа поработает и эксплуатирует другую общественную группу, уже сама по себе способна порождать садизм. Если рассмотреть место Сталина в системе советского общества и сам недобрый дух этой системы, то станет понятно, почему садистские черты сталинского характера проявились в столь прочной и устойчивой форме и пустили столь глубокие корни.

Фромм считает Сталина ярчайшим клиническим примером негетеросексуального садизма. Сталин мог бы гордиться тем, что был первым, кто после русской революции приказал пытать политических заключенных. Он мог бы также гордиться тем, что в период его правления методы пыток, применяемые НКВД, превосходили все известные до того средства. Сталин порой не отказывал себе в пикантном удовольствии лично выбрать метод пытки для той или иной жертвы. Наибольшее наслаждение доставляла ему душевная пытка, при которой он держал жертву как бы подвешенной в отчаянии и страхе между выражениями искренней симпатии и последующим оглашением смертного приговора, а в конце все же уничтожал ее. С чувством

глубокого удовлетворения он устраивал высшим функционерам своей партии и правительства испытания на верность и преданность, по приговору арестовывая их жен и даже детей, в то время как мужья и отцы продолжали как ни в чем не бывало исполнять свои обязанности, даже не мысля о том, чтобы попросить об освобождении близких. Более того, они были обязаны подтверждать ему, что их близкие были арестованы обоснованно, хотя отлично знали, что Сталин поступил так исключительно ради собственного удовольствия. Рой Медведев пишет, что Сталин посадил в лагеря не только жену столь высокопоставленного функционера, как Молотов, но даже жену президента Советской республики Михаила Калинина, причем заставил ее под пытками подписать показания, компрометирующие ее мужа, на тот случай, когда и его понадобится убрать.

Здесь в поведении Сталина проявился тот элемент его характера, который лежит в основе всякого садизма, а именно, страстное желание «обладать абсолютной и ничем не ограниченной властью над живым существом», будь то мужчина, женщина, ребенок или целая социальная группа. Власть, позволяющая доставлять другим людям физическую боль и душевные страдания, приносила Сталину не только величайшее чувственное наслаждение, но и подтверждение абсолютного господства. Ощущение абсолютной власти над живыми существами создавало у него иллюзию того, что он может решить проблему существования человека. Такая иллюзия является объектом страстного вожделения для людей подобно Сталину — людей, лишенных творческой силы и малейшей искры радости. С этой стороны садизм, по выражению Фромма, является «превращением бессилия во всеислие. Это религия духовных калеков». Не исключено, что искалеченная левая рука, психически угнетавшая Сталина до конца его дней, способствовала авантюризму и злокачественному развитию его характера.

В спектре садизма Сталина имеется еще один момент, также типичный для этого характера, — трусость. По

свидетельству Бориса Бажанова, бывшего на протяжении многих лет его личным секретарем, в жизни Сталина не было ни одного примера личной храбрости. И во время революции, и во время гражданской войны «он всегда предпочитал командовать на самом безопасном расстоянии».

Во время революции Сталин действительно, по выражению Николая Суханова, был «на политической арене не более, чем серым пятном». В это время впервые явно проявились его слабые стороны. Недостаток образования, отсутствие творческих способностей и ораторского мастерства оставили его вне «пштаба» и лишили возможностей играть руководящую роль. Тот факт, что в это решающее время он оказался вне «пштаба» и без руководящей роли, о которой так мечтал его нарциссический автопортрет, вне всякого сомнения явился для Сталина страшной душевной травмой, которую он не смог преодолеть. Ему пришлось долго и терпеливо ждать, пока придет подходящий момент и он сможет отомстить за обиду, тлевшую в его душе. Годы сибирских ссылкок стали для него вынужденной школой искусства ожидания, при необходимости он мог ждать годами. Умение выжидать наиболее подходящего момента для достижения своей цели стало его фирменным знаком. Лишь в конце 1929 года Сталин решил, что наступил подходящий момент для того, чтобы путем насильственной ревизии историографии, подделки и уничтожения документов отомстить за эту давнюю обиду и приступить к закладке фундамента монументального культа собственной личности.

Начиная с этого момента комплекс неполноценности, испытываемый Сталиным перед товарищами, превосходящими его по интеллекту, постепенно отступает на задний план, и он начинает разрабатывать план устранения возможных соперников, способных посягнуть на его власть генсека. В первую очередь он позаботился об удалении в мир теней ключевой фигуры коммунистического переворота 1917 года, выслав из страны Льва Троцкого. Теперь он без труда мог приписать себе ведущую роль главного помощника Ленина в установлении коммунистического правления.

Нарциссическая обида, нанесенная Сталину во время революции и сразу после нее, оставила незаживающую рану, и он искал способ превзойти своего бывшего кумира Ленина. Это ему удалось — он организовал «третью революцию», заключавшуюся в принудительной коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны. Эти кампании, проходившие в 1929—1933 годах, отодвинули в тень все, что было до тех пор, не только невиданной жестокостью применявшихся средств принуждения, но и радикальностью «революционной» перестройки всего советского общества в первую очередь.

Великий украинский голодомор, организованный в 1932—1933 годах по приказу Сталина, чудовищные масштабы которого стали известны лишь совсем недавно после открытия секретных архивов министерства иностранных дел Германии, совершенно шокирующим образом раскрывает деструктивные черты преступного характера этого монстра. Этот безумный акт геноцида обошелся в семь миллионов жизней украинских крестьян. Невероятно, но факт: строжайшими запретительными мерами Сталину удалось скрыть это массовое истребление собственных сограждан не только от заграничной, но и от советской народ. Лев Копелев, человек, которого можно причислить к интеллигенции, наблюдавший весь этот ужас собственными глазами, писал: «Я боялся показаться слабым и проявить сочувствие. Ведь мы делали исторически необходимое дело. Мы выполняли наш революционный долг. Мы обеспечивали социалистическую Родину хлебом».

Это оправдание показывает, насколько уже тогда советский народ увяз в сетях сталинской лжи, до какой степени он уже лал жертвой пропагандистских трюков и утонченных отвлекающих маневров. Недаром Пастернак назвал в числе важнейших элементов политики Сталина «нечеловеческую власть лжи». Действительно, обман и предательство уже давно были его второй натурой, и поскольку он всегда правил с заднего плана, избегая открытой конфронтации, то и в кровавом эксперименте своей жестокой аграрной

революции он смог подать себя как умеренную интегрирующую фигуру, которая всегда действует лишь из лучших побуждений, руководствуясь интересами партии, благом народа и ленинскими социалистическими принципами. Лишь на таких принципах можно было инсценировать «невидимый геноцид», не уронив при этом своего имиджа «великого вождя».

Для того чтобы санировать и воплотить подобное дьявольское предприятие, требовался человек, подобный Сталину, человек, в характере которого были бы сфокусированы все необходимые для этого преступные качества: глубочайшее презрение к людям, беспримерная беспощадность, полное отсутствие сочувствия и хладнокровная жестокость, питательной средой для которых была глубоко укоренившаяся ненависть ко всем потенциальным врагам. Эти черты характера предопределили абсолютную неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей. К этому следует добавить нарциссическую убежденность Сталина в своей исторической миссии, которая постоянно усиливалась в нем сознание избранности, что проявилось не только в «культе личности», ставшем основным инструментом его власти, но также и в уверенности Сталина в том, что он имеет право действовать за пределами обычных моральных законов. Это привело к вырождению внутренней системы ценностей и сделало его иммунным по отношению к любой форме чувства вины или сострадания, и, таким образом, ничто не мешало ему следовать стремлению ко всевластию и удовлетворению возникавших у него садистских желаний.

Параноидальная структура личности

В отличие от Гитлера, Сталин не обладал харизматическими талантами, необходимыми для завоевания лояльных сторонников. Поэтому, опираясь на исторические примеры типа Ивана Грозного, он предпочитал держать советских граждан, и в особенности аппарат политической власти, в постоянном страхе и трепете. В совершенстве обладая

искусством постоянно поддерживать накал психологического террора, он держал свое близкое окружение под таким давлением, что практически никто не мог считать себя застрахованным от его непредсказуемых капризов, каждый из которых мог означать моментальное физическое уничтожение. В соответствии с лозунгом Сталина о том, что в политике нет места доверию, его собственная подозрительность постоянно росла и в конечном итоге приняла форму настоящей мании преследования.

Первым врачом, который поставил Сталину диагноз «паранойя», был ленинградский невропатолог профессор Владимир Бехтерев. Во время международного конгресса, состоявшегося в конце декабря 1927 года, он побывал у Сталина. Своими взрывоопасными наблюдениями профессор Бехтерев поделился со своим ассистентом доктором Мнухиным и при этом сказал, что в лице Сталина, однозначно страдающего паранойей, «во главе Советского Союза оказался опасный человек». То обстоятельство, что сразу же после этого профессор Бехтерев скончался в номере московской гостиницы от внезапной болезни, очень напоминает почерк Сталина, пусть даже мы и не располагаем никакими доказательствами такого предположения. Диагноз Бехтерева в сентябре 1988 года был целиком и полностью подтвержден советским психиатром Е.А. Личко в «Литературной газете». Автор публикации дополнил сказанное указанием на то, что, как правило, приступы параноидального психоза провоцируются различными перегрузками и необычными психическими ситуациями, и в типичном случае течение заболевания носит периодический характер. Проанализировав биографический анамнез Сталина, Личко высказал предположение, что первый такой приступ произошел у Сталина в связи с раскулачиванием в начале тридцатых годов, а второй приступ имел место перед началом большой «чистки» аппарата и руководства армии в 1936 – 1937 годах. По мнению Личко, вероятно, «имел место еще один приступ в начале войны, когда Сталин де-факто прекратил управлять государством». Однако почти наверняка можно утверждать, что

такого рода параноидальный приступ произошел незадолго до его смерти в связи с «делом врачей».

Алан Буллок справедливо указывает на то, что у Сталина, так же, как и у Гитлера, не было органического психического заболевания по типу истинной шизофрении, а имела место параноидальная структура личности, чем и объясняются абсолютно все его действия. С точки зрения современной психиатрии, у подобной параноидальной личности имеет место «сформировавшаяся и непоколебимая система бредовых идей», которая, как правило, проявляется только в среднем возрасте. Эта система строго ограничена от всех прочих когнитивных функций, и личность остается неограниченно жизнеспособной и продолжает соответствовать всем требованиям, предъявляемым жизнью. Уже известный психиатр Краффт-Эббинг указывал на то, что при параноидальных психозах наряду с бредовой стадией наблюдается стадия «просветления», во время которой такой субъект способен к ничем не примечательному нормальному поведению, за счет чего у окружающих не возникает никаких подозрений.

Наиважнейшим признаком параноидального психоза является мания преследования, проявляющаяся в болезненной подозрительности и в конечном итоге принимающая форму навязчивой идеи о том, что субъект со всех сторон окружен врагами и предателями. У Сталина параноидальный бред дошел до того, что он в конце концов ликвидировал почти всех бывших соратников вплоть до занимавших самые высокие посты, обвинив их в подрывной деятельности и террористических заговорах и не попав в ходе чисток ни своих друзей, ни членов собственной семьи. Во многих случаях достаточно было того, что человек «слишком много знал» о прошлом Сталина. Растущий страх перед покушением принес гротескные плоды: он спал на даче, превращенной в настоящую крепость, за бронированной дверью, открыть которую можно было только изнутри, приведя в действие сложный механизм, в окружении несметного количества бдительных чекистов, которых он,

движимый подозрительностью, мог внезапно заменить в самый неподходящий момент. Он всегда носил при себе пистолет, который ночью клал под подушку. Весь короткий путь в Кремль кишел сотнями агентов тайной полиции, и каждый раз он садился в другой из пяти лимузинов, так что даже собственные его телохранители не знали, в какой из машин он сидит за зашторенными серыми окнами. Как уже говорилось выше, пищу ему готовили в специальных кухнях, а перед подачей на стол специально обученные токсикологи проверяли блюда на наличие вредных веществ или ядов. И, наконец, был найден двойник Сталина, позволявший самому Сталину в определенных случаях не подвергать себя опасности.

Едва ли Сталина когда-либо мучили сильные угрызения совести за совершенные им преступления, однако столь крайняя форма мании преследования могла быть связана также и со страхом, что в один прекрасный день его настигнет рука мстителя.

Еще одним существенным обстоятельством является здесь многовековая традиция политических заговоров в истории России, побуждавшая Сталина при малейшем намеке на возможность заговора на всякий случай ликвидировать возможных его участников. Прочно закрепившаяся система его бредовых идей требовала «подтверждения» правильности параноидальных домыслов, для чего у обвиняемых, в большинстве случаев полностью невиновных, добывались «чистосердечные признания». Организованные Выпшинским показательные процессы, на которых Сталин по собственной прихоти мог посадить на скамью подсудимых кого вздумается, доставляли ему садистское наслаждение, состоявшее в том, что он мог наглядно показать своим согражданам, кто в действительности является господином над их жизнью и смертью. Подобное опьянение властью прекрасно вписывается в картину предельно параноидальной личности.

Третьим характерным признаком параноидальной личности, наряду с манией власти и манией преследования,

является мания величия (мegalomania). Сталин, как и Гитлер, жил в бредовом убеждении о том, что он «как индивидуум превосходит по силе духа окружающий мир». На пике культа партия превратила Сталина в «сверхчеловека, обладающего божественными, сверхъестественными качествами, человека, который якобы все знает, все видит, за всех думает и ни в чем и никогда не ошибается». Это прославление не было продуктом почитания фанатичных приверженцев — в подобных выражениях о себе писал сам Сталин в «Краткой биографии». В этой автобиографии он называет себя величайшим теоретиком, руководящей силой партии и государства, гением, определившим пути развития передовой советской военной науки, полководцем с гениальной интуицией и мастером оперативного искусства. Этот труд Сталина гораздо лучше, чем та книга, которую Вы, читатель, сейчас держите в руках, иллюстрирует то, что в медицине принято называть «маниакальным величием духа». В последние годы жизни Сталин в своей мании величия дошел до того, что в 1949 году приказал советским историкам приписывать все выдающиеся научные и технические открытия русскому и советскому государству, с которым давно уже сам себя отождествил — вспомним хотя бы «изобретение радио». До него уже просто не доходило, что этим он заставил смеяться над собой весь мир — вот куда завели его мания величия и инфантильное представление о собственном всемогуществе.

В сталинском бреде величия ведущую роль играли не метафизические идеи, а единственно и исключительно мания власти. Будучи убежденным в своих сверхъестественных способностях и в том, что он избран судьбой для выполнения некоей всемирно-исторической миссии, Сталин считал, что для выполнения этой миссии он должен обеспечить себе абсолютную власть над Советским Союзом. Основой для этого должно было послужить превращение ленинского большевизма в сталинизм, рожденный его бредовыми идеями. Такой план вполне соответствовал его мышлению, основными характерными чертами которого были аутизм, мегаломания и мания власти, равно как и крайнему

нарциссизму его личности, сконцентрированной исключительно на себе и давно утратившей связи с действительностью и потерявшей способность реально видеть других людей. Для того чтобы подвести под роль «вождя» солидный идеологический фундамент, и была издана не раз цитируемая нами выше «Краткая биография», отредактированная самим «вождем», которую в обязательном порядке должен был прорабатывать не только каждый член партии, но и каждый студент каждого вуза страны. С построением столь совершенного культа личности восточного образца вступил в силу радикальный запрет на любой свободный обмен мнениями в партии, что допускалось при Ленине. Сталин понимал единство партии, как беспрекословное выполнение директив и бездумное повиновение произволу «вождя». Опасное уже само по себе сочетание мании величия и мании власти дополнялось у Сталина крайним несексуальным садизмом, что позволило ему безнаказанно получать пьянящее наслаждение от коварной игры с жизнью и смертью людей.

Можно усмотреть противоречие в том, что в самый критический момент истории Советского Союза — в дни немецкого вторжения в июне 1941 года — «сверхчеловек» столь высокого стиля проявил полнейшую беспомощность и полную психическую капитуляцию. Охваченный паникой Сталин забился в бронированный лабиринт своей крепости-дачи, не забыв перед этим огульно обвинить командование Красной Армии в измене и трусости. Здесь мы также имеем дело с типичным проявлением параноидальной личности, которая стремится перенести на других те качества, с существованием которых у себя она не желает смириться. Сталин перенес собственную трусость и измену народу на руководство армии.

Сталин был не только трусом — как известно, в его присутствии нельзя было заводить разговоры о смерти — он был еще и рабелепным. Это свойство также типично сопутствует синдрому садизма. Наиболее выпукло это свойство проявилось в гибком приспособленчестве к Ленину во время революции и непосредственно в послереволюционные годы.

Между садизмом и мазохизмом существует тесная взаимосвязь, почему правоммернее было бы говорить о садомазохистском характере, помня о том, что у конкретного индивидуума может преобладать та или иная сторона этого явления. Согласно Эрику Фромму, садомазохиста можно также назвать «авторитарным характером», если соотнести черты такого характера с его отношением к политике. Действительно, у людей, проявляющих в политической деятельности «авторитарный характер», часто имеют место садомазохистские элементы характера, а именно, желание повелевать подчиненными, с одной стороны, и раболепствование перед начальством, с другой.

Как и положено личности параноидального типа, Сталин реагировал на собственное позорное трусливое поведение и собственную практически полную неспособность к действию в первые дни войны весьма болезненно, ибо это подрывало в нем самоуважение и оказывало разрушительное действие на его выдуманный нарциссически завышенный образ. Для того чтобы дать понять народу, что победа стала возможной только благодаря Сталину и его «выдающимся талантам полководца», он снова пошел по пути неадекватных реакций, удалив из высшего руководства тех людей, которые в самые трудные моменты удержали на плаву государственный корабль и не дали ему опрокинуться, и отправив этих людей в места, отдаленные от столицы. Когда же речь шла о якобы трусости других людей перед лицом врага, то здесь он, в который уже раз подчиняясь проективному механизму, проявлял твердость, достойную лучшего применения: сотни тысяч бывших советских военнопленных, выживших в немецких концлагерях, были брошены в сибирские лагеря только за то, что предпочли плен смерти.

Подобные неадекватные гипертрофированные реакции явились следствием чрезвычайно низкого барьера фрустрации. В практике судебной психиатрии это часто дает ключ к пониманию аномального поведения преступников. Под низким барьером фрустрации принято понимать неспособность личности воспринимать разочарования, неудачи,

обиды и унижения без гипертрофированных реакций на них. Поэтому люди с низким барьером фрустрации всегда склонны к агрессивным действиям. Неспособность переносить фрустрации типична для социально незрелых личностей, к которым следует отнести и Сталина. При этом данное свойство его характера — постоянную готовность к агрессивным реакциям — еще более усиливала неспособность вступать в нормальные человеческие контакты.

Как уже говорилось выше, в 1949 году у Сталина произошел очередной приступ паранойи, ставший поводом для второй волны «чисток», в которой его страсть к уничтожению приняла характер одержимости и обратилась вообще против всего на свете. Под влиянием мании преследования Сталину повсюду вдруг начали мерещиться «агенты сионизма» и, начав систематическое преследование евреев, он потребовал от своих высших функционеров предъявить «родословные». Ближайшие родственники членов политбюро становились жертвами террористического буйства Сталина, и высшим сановникам партии и государства стало ясно, что он намеревается в очередной раз избавиться от опасных соперников — в данном случае речь шла о старых членах политбюро. Однако до этого, как и до ликвидации участников «заговора врачей», находившихся в заключении с осени 1952 года, дело не дошло, потому что сам Сталин успел умереть раньше.

«У постели умирающего, — пишет Дмитрий Волкогонov, — завершилась трагедия народа, хотя факт этот суждено было осознать лишь позднее. Завершилась трагедия, неразрывно связанная с жизнью этого человека. Тогда казалось, что трагедией для народа является его смерть, но позднее народу дано было понять, что истинной трагедией являются преступления его жизни». Уже распалась империя, созданная Сталиным, свобода и демократия получили свой шанс в российском обществе, но жива память миллионов невинных жертв сталинизма и живо отвращение к человеку, чья жизнь была исполнена презрения к людям и посвящена истреблению людей.

Литература

- Accoce, Pierre u. Rentchnik Pierre: Kranke machen Weltgeschichte. Düsseldorf 1978
- Аллилуева С.И.: Двадцать писем к другу. М., 1989
- Аллилуева С.И.: Первый год. М., 1991
- Антонов-Овсеенко А.: Сталин. Портрет тирана. М., 1988
- Авторханов А.: Загадка смерти Сталина. М., 1992
- Baschanow, Boris: Ich war Stalin's Sekretär. Frankfurt 1989
- Bleuler, Eugen: Lehrbuch der Psychiatrie. Heidelberg 1969
- Boor, Wolfgang de: Terrorismus. Der «Wahn» des Gesunden. Berlin 1978
- Bortoli, George: Als Stalin starb. Kult und Wirklichkeit. Stuttgart 1974
- Bullock, Alan: Hitler and Stalin. London 1991
- Bullock, Alan: Hitler and Stalin. Berlin 1991
- Chruschtschow, Nikita S.: Chruschtschow erinnert sich. Hg. Strobe Talbott. Hamburg 1971
- Conquest, Robert: Die Ernte des Todes. München 1988
- Conquest, Robert: Der große Terror. Sowjetunion 1934 — 1938. München 1992
- Deutscher, Isaac: Stalin. Eine politische Biographie. Stuttgart 1971
- Djilas, Milovan: Gespräche mit Stalin. Frankfurt 1962
- Dollard, J. et al.: Frustration und Aggression. Weinheim 1972
- Erikson, Erik H.: Kindheit und Gesellschaft. Stuttgart 1967
- Erikson, Erik H.: Identität und Lebenszyklus. Frankfurt 1966
- Fischer, Ruth: Stalin und der deutsche Kommunismus. Frankfurt/M 1948
- Fromm, Erich: Anatomie der menschlichen Destruktivität. Stuttgart 1962
- Hingley, R.: Joseph Stalin. Man and Legend (зитуируется по книге Стерпеллоне)
- Iremaschwili, Jossif: Stalin und die Trgödie Georgiens. Berlin 1932 (зитуируется по книге Булока)
- Kolendic, A.: Machtkampf im Kreml. Bergisch Gladbach 1983
- Kopelew, Lew: Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. Hamburg 1981

- Lermolo, Elizabeth: Face of a victim. New York 1955
- Lewytzkyi, Boris: Die rote Inquisition. Frankfurt/M 1967
- Medwedew Roy A.: Die Wahrheit ist unsere Stärke. Frankfurt 1973
- Medwedew Roy A.: All Stalin's Men. Garden City, New York 1984
- Miller, Alice: Am Anfang war Erziehung. Frankfurt 1983
- Orlow, Alexander: Kreml-Geheimnisse. Würzburg 1956
- Paloczi-Horvath, George: Stalin. Gütersloh 1966
- Payne, Robert: Stalin. Aufstieg und Fall. Stuttgart 1967
- Pirker, Theo: Die Moskauer Schauprozesse 1936 — 1938. München 1963
- Portisch, Hugo: Hört die Signale. Wege und Irrwege des Sowjet-Kommunismus Wien 1991
- Romano-Petrova, N.: Stalin's Doctor — Stalin's Nurse. Princeton 1984
- Rubel, Maximilien: Stalin in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg 1975
- Smith, Edward Ellis: Der junge Stalin. München — Zürich 1969
- Солженицын А.И.: Архипелаг ГУЛАГ. М., 1988
- Sterpellone, L.: Pazienti illustrissimi. Roma 1985
- Szondi, Lipot: Kain. Gestalten des Bösen. Bern 1969
- Tolstoi, Nikolaj: Die Verratenen von Jalta. München-Wien 1977
- Trotzki, Leo: Stalin. Eine Biographie. Hamburg 1971 (зитуируется по книге Булока)
- Tucker, Robert: Stalin in Power. The Revolution from Above 1929 — 1941. New York 1990
- Ulam, Adam B.: Stalin. Koloß der Macht. Esslingen 1977
- Vandenberg, Philipp: Die heimlichen Herrscher. München 1971
- Waksberg, Arkadi: Wyschinski — Mörder im Dienste Stalins. Bergisch Gladbach 1991
- Волкогонов Д.И.: Сталин. Триумф и трагедия. М., 1991
- Zlepko, Dmytro: Der ukrainische Hunger-Holocaust. Sonnenbühl 1988

Верховный правитель должен быть справедливым к себе и при этом оставаться человеком. Это труднейшая из всех задач, более того, эта задача неразрешима: человек выструган из столь кривого полена, что никакому плотнику не дано его выпрямить. Природа возложила на нас лишь задачу приближения к этому идеалу.

Иммануил Кант.

*Идея всеобщей истории
во всемирно-гражданском плане, 1784*

В этих прозорливых, немного скептических словах великого философа, написанных за шесть лет до начала Великой французской революции, все же присутствует надежда и уверенность в том, что в будущем, несмотря на все человеческие слабости, станет возможным находить для управления государствами людей, которые не будут злоупотреблять своей свободой. Знай Кант, что произойдет в последующие 200 лет, он, пожалуй бы, напрочь лишился своих иллюзий: желанное «приближение» к постулированному им идеалу превратилось едва ли не в свою противоположность — призрак национализма и новые тоталитарные идеологии привели к невиданной доселе радикализации широких слоев населения, пропагандистская машина, используя все средства и трюки, усиленно сколачивала мифы о самозванных спасителях, принесших своим народам лишь страдания и смерть. Для этой эволюции символичны имена Наполеона, Гитлера и Сталина. Эти фигуры являются вехами, отмечаящими на этом пути кульминационные моменты исторических извращений, когда громкая фраза была всем, а человеческая жизнь ничем.

Было бы неверно механически сравнивать жестокости и злодеяния этих людей между собой, ибо каждый из них неотделим от своего общества и своего времени. Полная и подробная

оценка их политической и экономической деятельности здесь также не представляется возможной, во-первых, по названной выше причине, и, во-вторых, потому что это выходит далеко за рамки данного медицинского исследования. Тем не менее я считаю возможным заявить следующее: приход к власти террористического диктатора никогда не являлся «несчастливым случаем на производстве истории». В таких случаях имеют место индивидуальные и социальные предпосылки, которые динамически взаимно оплодотворяют друг друга, и эта динамика поддается анализу. Что касается Гитлера и Сталина, то в их диктаторской деятельности появилось новое неслыханное ранее качество: они превратили убийство в сухой бюрократический акт, посылая на смерть неисчислимыя множества людей исключительно по формальному внешнему признаку, будь то национальность или социальное положение. Если главным в этом деле становится циничный технократический расчет, то на сцене сразу же появляется «плановый показатель» — количество жертв, подлежащих умерщвлению. В условиях такого «разделения труда» убийство может превратиться в рутинную операцию даже для относительно «безобидных натур».

Невероятные преступления, совершенные этими диктаторами (здесь мы пока не имеем в виду Наполеона), делают правомерными следующие принципиальные вопросы:

- был ли присущ Гитлеру и Сталину «врожденный этический дефект» в смысле гипотезы «морального безумия» (*Moral Insanity*) или — как того опасался Кант — их аморальное поведение стало возможным лишь потому, что над ними не оказалось высшей инстанции, способной им в этом воспрепятствовать?
- почему во все времена всем тиранам удавалось для своих грязных и кровавых дел находить добровольных рабски услужливых и бесконечно жестоких подручных в любом необходимом для них (тиранов) количестве?

В своем неоднократно цитированном нами аналитическом исследовании Вольфганг де Боор ссылается на интереснейшую монографию Липота Сонди «*Kain. Gestalten des Bösen*» («Каин. Образы зла»), где автор в рамках разработанной

им «психологии судьбы» пытается получить ответы на эти глупие вопросы, имеющие ключевое значение для всякой практической политики. Сонди выдвигает тезис о том, что в основе «установки на убийство», так называемой «каиновой печати», лежит врожденная предрасположенность характера, которой он дал название радикал «е». По оценке Сонди, примерно 6% членов любой средней человеческой популяции отмечены «каиновой печатью», а еще 14% являются скрытыми, замаскированными ее носителями, которых он называет «авелизиррованными повседневыми кайнитами». На основе результатов собственных обширных психологических исследований Сонди пришел к выводу о том, что массовые убийства во все времена и, в частности, во времена нацизма и сталинизма, стали возможны лишь благодаря увеличению относительной частоты появления радикала «е». Сонди разработал собственный оригинальный метод экспериментального распознавания радикала «е».

Согласно Сонди, в обычных условиях носители каиновой печати не в состоянии реализовать свою установку на убийство путем соответствующих извращенных действий или экстаических проявлений, однако в чрезвычайных обстоятельствах, отсутствующих революциям или военным действиям, подогреты политическими или идеологическими мотивами, они вполне способны совершить убийства тысяч людей. В такой обстановке незначительные, безобидные «повседневные кайниты» превращаются в массовых убийц и военных преступников. Результаты своих масштабных исследований Сонди резюмирует так: «Королям и императорам, политикам и фюрерам, страдающим манией величия, в любую эпоху удавалось вовлечь, мобилизовать для своих постыдных предприятий миллионные массы людей и заставить этих людей совершать чудовищные преступления только потому, что так называемый народ в какой-то своей части состоит из скрытых кайнитов. Эти ультрашовинисты и расисты только и ждут того момента, когда им под личиной «патриотов» будет позволено вольно и безнаказанно дать выход своим кайнитским притязаниям. Масса же является идеальным камуфляжем, под

которым может укрываться кайнит, ибо масса полностью освобождает от персональной ответственности».

Можно как угодно относиться к тезисам и терминологии Сонди, однако необходимо признать, что эта модель дает ответ на вопрос, где нарциссически деформированные, садомазохистские психопаты находят себе приспешников: в тот момент, когда подобный субъект, став неограниченным властелином над жизнью и смертью своих подданных или соотечественников гарантирует безнаказанность, в том числе, и за самые бесчеловечные преступления, из гущи того же самого общества как по мановению волшебной палочки тут же всплывают потрошители и заплечных дел мастера, тысячи из которых нашли себе применение в национал-социалистических концентрационных лагерях и гестаповских застенках, в лагерях ГУЛАГа и на расстрельно-пыточных комбинатах НКВД.

Автор этой книги, будучи молодым ассистентом, имел счастье лично быть знакомым с венским профессором психиатрии Эрвином Странским, принадлежавшим к всемирно известной школе Вагнера-Яурегта. Профессор Странский, предпочитавший читать свои лекции и доклады в весьма эмоциональной манере, как-то высказал разумное, хотя, пожалуй, и не вполне реалистичное требование о том, что любой государственный деятель, обладающий чувством ответственности, обязан не реже одного раза в год проходить контрольное психиатрическое обследование. Я вовсе не хотел бы, чтобы читатель принял данное требование в качестве вывода из только что прочитанной книги, я лишь призываю читателя разумно и критически относиться к заманчивым лозунгам, сулящим свободу и величие, но в реальности ведущим только к угнетению, палочной дисциплине и смерти.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ	9
АДОЛЬФ ГИТЛЕР	159
ИОСИФ СТАЛИН	329

Антон Ноймайр

Дикторы в зеркале медицины Наполеон, Гитлер, Сталин

Художник С. Царёв

Корректоры: Н. Пустовойтова, Н. Никонорова

Лицензия ЛР № 062308 от 24.02.93.

Сдано в набор 13.01.97. Подписано в печать 04.02.97

Формат 84х108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».

Усл. печ. л. 25,2. Тираж 4000 экз. Заказ № 2830

Издательство «Феникс».

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУИПП «Курск».

305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

еникс

Торгово-издательская
фирма

- Ф** *Оптовая и розничная торговля книжной продукцией*
- Ф** *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- Ф** *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент (всегда в наличии более 3000 наименований популярных книг)*
- Ф** *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- Ф** *Умеренные цены*

Надежность, качество, оперативность

Наш адрес:

344007, г. Ростов-на-Дону,

пер. Соборный, 17

Тел. (863-2) 62-44-72, 62-38-11

Факс. 62-55-27

**Полный комплекс услуг
для оптовых покупателей**